

L3

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

—
СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

—
ТОМЪ Ш.

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF TORONTO

1851

1851

1851

1851

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ Ш.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
90-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7z
Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Гостыный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,

Петровка, домъ Михалкова, № 5

1884

<http://rcin.org.pl>

24.186/3

КОМИКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Собраніе любителей.

Нижеслѣдующая сцена происходила въ небольшомъ уздномъ городкѣ Ж. Аполлосъ Михайлычъ Дилетаевъ, сидя въ своей прекрасной и даже богато мебелированной гостиной, говорилъ долго, и говорилъ съ увлеченіемъ. Убѣдительныя слова его были, по преимуществу, направлены на сидѣвшаго противъ — высокаго, худаго и косаго господина, который ему возражалъ. Прочіе слушатели были: молодая дѣвица, чрезвычайно мило причесанная, — она слушала очень внимательно; помѣщавшійся невдалекѣ отъ нея толстый и плѣшивый мужчина, который тоже старался слушать, хоть и зѣвалъ повременамъ; наконецъ четвертый, — это былъ очень пріятный и очень искренній слушатель съ самою одобриительною улыбкою онъ внималъ то Аполлосу Михайлычу, то косому господину, смотря по тому, кто изъ нихъ говорилъ. Были, впрочемъ, еще двое собесѣдниковъ, но они

совершенно не прислушивались къ общему разговору, сидѣли вдали отъ прочихъ и, должно быть, пересмѣивали тѣхъ. — Это были: молодая дама, стройная и нарядная, и молодой человѣкъ, тоже стройный и одѣтый съ большими претензіями на франтовство.

Толстый мужчина былъ мѣстный судья—Осипъ Касьянычъ Ковычевскій, человѣкъ, говорятъ, необыкновенно практически-умный и великій мастеръ играть въ коммерческія игры, пріятный слушатель—Юлій Карлычъ Вейсборъ. Онъ былъ очень любимъ всѣмъ обществомъ, но, къ несчастію, имѣлъ огромное семейство и притомъ больную жену, которая собственно родинами и истощена была: у нихъ живыхъ было семь сыновей и семь дочерей; но что болѣе всего жалко, такъ это то, что Юлій Карлычъ, по добротѣ своего характера, никогда и ничего не успѣлъ пріобрѣсть для своего семейства и потому очень нуждался въ средствахъ. Нарядная дама пріѣхала въ городъ лечиться. Это была прелестная женщина, — немного, конечно, важничала и все бредила столицей, въ которой была всего одинъ разъ, и то семи лѣтъ, но, вѣроятно, это происходило оттого, что она имѣла значительное состояніе. Сидѣвшій рядомъ съ нею молодой человѣкъ приходился хозяину племянникомъ и служилъ въ Петербургѣ въ какомъ-то департаментѣ писцомъ, а теперь пріѣхалъ на три мѣсяца въ отпускъ. Онъ тоже очень восхищался столичною жизнію. Молодая дѣвица была его родная сестра, она воспитывалась постоянно жила у Аполлоса Михайлыча. Что касается до сего послѣдняго, то всѣ его знакомые о немъ говорили, что онъ былъ человѣкъ большаго ума, чрезвычайной начитанности, высшаго образованія и

весьма пріятнаго обращенія. Имѣя значительное состояніе, онъ жилъ всегда въ обществѣ, но не сходился съ нимъ въ главныхъ интересахъ; то есть, рѣшительно не игралъ въ карты, смѣялся надъ танцевальными вечерами, а занимался болѣе искусствами и сочинялъ комедіи. Ко всему этому я долженъ прибавить, что, несмотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ, Дидетаевъ былъ еще очень любезенъ съ дамами и имѣлъ кой-какіе виды на одну вдову, Матрону Матвѣевну Рыжову. Косой господинъ былъ тоже любитель театра, но только собственно трагедіи и драмы. Онъ слылъ въ обществѣ за чудака, но, впрочемъ, имѣлъ порядочное состояніе, держалъ музыку и былъ холостякъ, — имя его Никонъ Семенычъ Рагузовъ.

Споръ между хозяиномъ и косымъ господиномъ зашелъ очень далеко: оба они начали даже кричать.

— Дикая и варварская мысль! — произнесъ косой гость.

— Я съ вами уже болѣе не спору: вы неизлечимы, — отвѣчалъ хозяинъ, а спрошу вашего мнѣнія, господа.

— Я совершенно съ вами согласенъ, — отвѣчалъ пріятный слушатель.

— А вы? — спросилъ Аполлосъ Михайлычъ, обращаясь къ плѣшивому мужчинѣ.

— Вы говорите на счетъ комедіи? спросилъ тотъ.

— Да, на счетъ комедіи. Я говорю, что это тоже высшій сортъ искусства.

— Ваша правда, дѣйствительно высшій сортъ. Косой господинъ вскочилъ.

— Драму-то вы, милостивые государи, — восклик-

нулъ онъ:—куда дѣваете? Какъ вы драму-то уничтожаете съ вашей комедіей?

— Опять вы не понимаете того, что вамъ говорить, —возразилъ хозяинъ. —Никто и не думаетъ уничтожать вашей драмы. Мы сами очень любимъ и уважаемъ драматическіе таланты; но въ то же время понимаемъ и комедію, говоримъ, что и комедія есть тоже высокое искусство.

— Да, искусство, но только балаганное, —замѣтилъ насмѣшливо косой господинъ.

Хозяинъ покотился со смѣху.

— Ну, Никонъ Семенычъ, —сказалъ онъ, махнувъ рукою:—вы говорите такія уморительныя вещи, что вамъ даже и возражать нечего, а надобно только смѣяться.

Никонъ Семенычъ поблѣднѣлъ.

— Смѣяться я самъ умѣю громче вашего, но не смѣюсь, хотя ваши мнѣнія и дерутъ мнѣ уши, —возразилъ онъ.

— Мои мнѣнія не могутъ драть ни чьихъ ушей, перебилъ хозяинъ: я ихъ высказывалъ въ столицахъ, и высказывалъ людямъ, понимающимъ театръ. И наконецъ: я мои мнѣнія, Никонъ Семенычъ, печаталъ и даже совѣтовалъ бы вамъ ихъ прочесть — они во многомъ могутъ исправить ваши понятія.

— Я ужь старъ учиться, особенно по вашимъ печатнымъ мнѣніямъ.

— Учиться никогда не поздно... Вотъ это мнѣ въ васъ и непріятно: вмѣсто того, чтобы хладнокровно разсуждать о нашемъ дѣлѣ, вы припутываете вашу личность и говорите потомъ дерзости! Я, конечно, вамъ извиняю, потому что вы человекъ энергическій,

съ пылкими страстями и воображеніемъ. однимъ словомъ—Богъ вамъ судья—вы трагикъ, но, во всякомъ случаѣ, не мѣшайте дѣла съ бездѣльемъ.

— Кто-жь вамъ мѣшаетъ? что вы хотите этимъ сказать?— перебилъ косой господинъ. Вамъ самимъ было угодно пригласить меня сегодня на вечеръ, и я, кажется, сейчасъ-же могу освободить васъ отъ моего присутствія.

— То-то вотъ и есть, что вы все сердитесь, а хорошенько не хотите выслушать, —возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. Дѣло наше очень просто и не головомно; мы затѣваемъ благородный спектакль— во-первыхъ, для собственнаго удовольствія, во-вторыхъ, для удовольствія нашихъ знакомыхъ и наконецъ, чтобы благороднымъ образомъ сблизить общество и дать возможность нѣкоторымъ талантамъ показать себя; но мы прежде всего должны вспомнить, что у насъ очень бѣдны матеріальныя средства: у насъ нѣтъ залы, мало денегъ, очень неполонъ оркестръ. Принявъ все это рассчетъ, мы и говоримъ чтодолжны играть какую-нибудь хорошую, но не многосложную комедію. — Справедливо ли я, господа, говорю? — заключилъ хозяинъ, обращаясь къ слушателямъ.

Господа, за исключеніемъ косаго, кивнули, въ знакъ согласія, головою.

— Играйте бессмысленные водевили, кто вамъ мѣшаетъ! — произнесъ Никонъ Семенычъ.

— Нѣтъ-съ, мы не водевили будемъ играть, но, какъ люди образованные, можемъ сыграть пьесы изъ хорошаго круга. Я предлагаю мою комедію, которую всѣ вы знаете и которая нѣкоторымъ образомъ одоб-

рена вами, а въ заключеніе спектакля мы дадимъ нѣсколько явленій изъ *Женитъбы* Гоголя — пресмѣшной фарсъ, — я видѣлъ его въ Москвѣ и хохоталъ до упаду.

— Я не могу участвовать, сказалъ трагикъ.

— Отчего же не можете? Для васъ именно въ этомъ-то фарсѣ и есть прекрасная роль, которую вы отлично сыграете. Это роль Кочкарева — этакое живаго, смѣшнаго чудака. Въ васъ самихъ много живости и развязности: говорите вы вообще громко и рѣзко.

— Благодарю васъ за опредѣленіе моего амплуа, — перебилъ обиженно-насмѣшливымъ голосомъ трагикъ, но только я не принимаю на себя этой чести. Дураковъ я никогда не игралъ и не понимаю ихъ, да и не знаю, стоитъ ли труда заниматься этими ролями.

— Я одного только не понимаю, началъ хозяинъ, — о чемъ вы беспокоитесь. Я прежде вамъ говорилъ и теперь еще повторяю, что собственно для васъ мы согласны поставить сцену или двѣ изъ «Гамлета», напримеръ — сцену его съ матерью: комната простая, небольшая; стоитъ только къ нашей голубой декорациі придѣлать занавѣсъ, за которымъ долженъ будетъ кто-нибудь лежать Полоніемъ. Дарья Ивановна сыграетъ мать; вы — Гамлета — и прекрасно!

— Что вы такое говорите, Аполлосъ Михайлычъ, я сыграю? — спросила сидѣвшая вдали дама.

— Я говорю, что вы сыграете, въ сценѣ съ Ниномъ Семенычемъ, Гертруду, мать Гамлета.

— Помилуйте, я ничего не умѣю играть! Клянусь вамъ честію, я съ перваго же слова расхожусь до истерики.

— Вы будете смѣяться, а этотъ господинъ плакать,—это будетъ удивительно эффектно, — замѣтилъ шепотомъ, сидѣвшій около нея, молодой человекъ.

— Нѣтъ, вы ужь не извольте отказываться. Вы сыграете, и сыграете отлично,—возразилъ хозяинъ. —Ваша наружность, ваши манеры — все это какъ нельзя лучше идетъ къ этой роли.

Трагикъ, слушавшій эти переговоры съ нахмуреннымъ лицомъ, всталъ и взялся за шляпу.

— Куда же вы? — спросилъ хозяинъ.

— Нужно-съ домой, — отвѣчалъ гость.

— Вы все сердитесь, но за что же? Для васъ ужь есть пьеса, гдѣ вы можете себя показать.

— Я не хочу себя показывать въ какой-нибудь выдернутой сценѣ, въ которой я долженъ буду плакать, а на мои слезы стануть отвѣчать смѣхомъ.

— Но согласитесь, любезный Никонъ Семенычъ, по-крайней-мѣрѣ съ тѣмъ, что не можемъ-же мы поставить цѣлую драму.

— Я противъ этого и не спорю. Нельзя поставить драму, а я не могу играть; потому что все мое амплуа чисто драматическое, и потому что я съ вами никогда не соглашусь, чтобы ваша комедія была высшій сортъ искусства.

— Объ этомъ я уже съ вами говорить не хочу. Въ этомъ отношеніи, какъ я и прежде сказалъ, вы неизлечимы; но будемте разсуждать собственно о нашемъ предметѣ. Цѣлой драмы мы не можемъ поставить, потому что очень бѣдны наши матеріальныя средства, — сцены одной вы не хотите. Въ такомъ случаѣ составимте дивертисментъ, и вы прочтете что-

нибудь въ дивертисментѣ драматическое, напримѣръ: *Братья разбойники*, или что-нибудь подобное.

— Кто же будетъ играть другихъ разбойниковъ?— просилъ трагикъ, которому, видно, понравилась эта мысль.

— Въ разбойникахъ мы не затруднимся. Разбойниками могутъ быть и Юлій Карлычъ, — произнесъ хозяинъ, указывая на пріятнаго слушателя, и Осипъ Касьянычъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ толстому господину: наконецъ вашъ покорный слуга и Мишель, заключилъ Аполлосъ Михайлычъ, кивнувъ головой на племянника.

— Эта роль безъ словъ, *non parole*? спросилъ тотъ.

— Конечно, безъ словъ, — отвѣчалъ хозяинъ.

— Всякую безсловесную роль я принимаю на себя съ величайшимъ удовольствіемъ, и даже отлично сыграю, отнесся молодой человѣкъ къ молодой дамѣ и захохоталъ.

— Вотъ вамъ и цѣлая коллекція разбойниковъ, — продолжалъ съ удовольствіемъ хозяинъ. Въ задніе ряды мы даже можетъ поставить людей, чтобы толпа была помногочуднѣе.

— Дѣло не въ томъ, — возразилъ Никонъ Семенычъ. — Мнѣ кажется, что эффекту мало будетъ; не отчего ожидать этихъ прекрасныхъ драматическихъ вспышекъ.

— Что это вы говорите, — воскликнулъ Аполлосъ Михайлычъ: — какъ нѣтъ драматическихъ вспышекъ, когда вся пѣса есть превосходная драматическая вспышка! Сумѣйте только, почтеннѣйшій, какъ говоритъ Фамусовъ, прочесть ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

— За этимъ дѣло не станетъ. Прочитать мы прочитаемъ,—отвѣчалъ Рагузовъ:—но я боюсь еще, какъ публика пойметъ? Кто у насъ будетъ публика?

— Публика пойметъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—потому что публика въ этомъ дѣлѣ всегда и вездѣ самый справедливый судья. Эту мысль я высказалъ даже въ моей статьѣ о В.....мъ театрѣ. Сверхъ того, у насъ будутъ люди и понимающіе нѣчто, напримѣръ: Александръ Александрычъ съ семействомъ, Веснушкинъ, чудакъ Котаевъ. Эти люди, Никонъ Семенычъ, видятъ далеко! Въ дивертисментѣ вашемъ Дарья Ивановна пропоетъ своимъ небеснымъ голоскомъ свой *chef d' oeuvre*—*Оседлаю коня*; Фани протанцуетъ качучу.

— Я ее, *mon oncle*, совсѣмъ забыла,—проговорила молодая дѣвушка.

— Ты не могла ее, моя милая, забыть,—возразилъ Аполлосъ Михайлычъ:—потому что ты только прошлаго года изучила ее въ Москвѣ. Впрочемъ застѣнчивость, въ этомъ отношеніи, *mon ange*, даже смѣшна...

— Но, *mon oncle*, я не балетчица, а актриса.

— Все это я хорошо знаю, *chère Fany*; но все-таки тебѣ стоитъ только вспомнить то соло, которое ты танцевала въ Москвѣ въ благородномъ балетѣ, то и этого уже будетъ весьма достаточно, а кромѣ того ты не должна уже отказываться и потому, что это необходимо для полноты спектакля.

Трагикъ, все еще остававшійся въ дурномъ расположеніи духа, всталъ.

— Доброй ночи, — сказалъ онъ.

Хозяинъ началъ-было его упрашивать досидѣть артистическій вечеръ, но гость уѣхалъ.

— Удивительно, какого несноснаго характера!— сказалъ Аполлосъ Михайлычъ, пожавъ плечами по уходѣ трагика.— Не глупый бы человекъ, но съ самыми непріятными странностями — всегда и вездѣ хочетъ, чтобы дѣлалось по его. По способностямъ своимъ—комическій актеръ, и даже актеръ недурной, а воображаетъ себя трагикомъ, и трагикомъ въ родѣ Мочалова. Когда ему начнешь что-нибудь говорить или читать, онъ никогда и ничего не слушаетъ, а требуетъ только, чтобъ его чтеніемъ восхищались. Недѣли двѣ тому, кажется, назадъ явился ко мнѣ съ своимъ Шекспиромъ — этакія маленькія синенькія книжки,—и началъ читать — просто, сдѣлалъ пытку! Вообразите себѣ — слушать двѣнадцать часовъ прозу, произносимую самымъ непріятнымъ прононсомъ и сопровождаемую самыми рѣзкими движеніями!

— Я говорила вамъ, mon oncle, чтобы вы его не приглашали, — замѣтила племянница.

— Нельзя, мой другъ! во-первыхъ, — его музыканты: не пригласи — осердится и не дастъ оркестра, а безъ музыки — ты сама знаешь, спектакля не бываетъ; а во-вторыхъ, онъ и актеръ порядочный. Впрочемъ, господа, лучше потолкуемте о дѣлѣ; позвольте мнѣ представить вамъ маленькій ярлычекъ. — Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ вынулъ изъ кармана небольшую бумагу и продолжалъ:—Въ пьесѣ моей роль виконга играю я; гризетку—Фани, — она эту роль прекрасно изучила; нечего конфузиться!... я въ этомъ дѣлѣ строгъ: дурно, такъ дурно, а хорошо, такъ хорошо; на роль маркизы я приглашу

Матрену Матвѣевну — немного черезчуръ полна, но это ничего: она довольно ловка! Потомъ-съ, — нѣкоторыя сцены *Женитьбы*. Вотъ тутъ маленькая заковычка: дѣйствующихъ лицъ много — нынѣшніе писатели вообще любятъ толпу, которая только въ большихъ труппахъ возможна. Между нами сказать, я бы этой пьесы никогда не поставилъ: какой-то тривіальный фарсъ... смѣшна и больше ничего; но мнѣ хочется это сдѣлать для столицы; — въ Москвѣ она очень всѣхъ смѣшила; придется, можетъ быть, своимъ знакомымъ написать, что у насъ былъ спектакль, давали «Женитьбу», тамъ этого и довольно: всё восхитятся! Въ этой шуткѣ я думаю раздать роли такимъ образомъ: невѣсту будетъ играть Фани, сваху — Матрена Матвѣевна, она будетъ чуднѣйшая сваха!

— Экзекутора сыграете вы, Осипъ Касьянычъ.

— Нѣтъ ужъ, Аполлосъ Михайлычъ, меня, сдѣлайте милость, освободите: я право никогда не игрывалъ на театрахъ и вовсе никакого желанія не имѣю-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Полноте пустяки говорить, мой почтеннѣйшій, — возразилъ хозяинъ. — Роль маленькая: на какихъ-нибудь трехъ страницахъ. Моряка сыграетъ Юлій Карлычъ. — Эта роль очень добрая: лицо надобно имѣть веселое, съ пріятной этакой улыбкой. Она очень будетъ вамъ по характеру. Кочкарева сыграетъ нашъ великій трагикъ, а Мишель — Анучкина.

— А тутъ, mon oncle, надо будетъ говорить? — спросилъ племянникъ.

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ слуга покорный, я рѣши-

тельно отказываюсь отъ всѣхъ словесныхъ ролей, — от-
вѣчалъ Мишель.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться, если я этого
хочу.

— Помилуйте, mon oncle! Вы захотите, чтобы
я на канатѣ плясалъ, — возразилъ племянникъ: — такъ
и долженъ я лѣзть на канатъ и сломать себѣ голову?

— И очень бы хорошо сдѣлалъ, если бы въ са-
момъ дѣлѣ сломалъ и досталъ бы гдѣ-нибудь поис-
правникъ!... Какъ ты можешь не хотѣть участвовать
въ томъ дѣлѣ, въ которомъ участвуетъ все общество,
въ которомъ, наконецъ, участвуютъ твоя сестра и
дядя?

— Что-жь такое сестра и дядя? — возразилъ Ми-
шель.

— Какъ что такое сестра и дядя?... Ахъ ты, без-
смысленный повѣса! Для него ничего не значать сес-
тра и дядя; да самъ ты что за великій человекъ? Не
потому ли развѣ, что въ департаментѣ бумаги под-
шивать выучился, невѣжа глупый.

— Вы можете сердиться сколько вамъ угодно, а
я не буду играть, — сказалъ молодой человекъ и ушелъ
въ залу.

— Дѣло въ томъ, господа, — началъ поуспокоив-
шись хозяинъ: — намъ недостаетъ актера на главную
роль — на Подколесина. Я вотъ третью ночь не сплю
и все думаю объ этомъ; намекнулъ было сначала на
Харитонову, по наружности бы очень шелъ: толстъ,
неуклюжь, лицо такое дряблое — очень былъ бы хо-
рошъ; нарочно даже въ деревню къ нему ѣздилъ,
но неудача: третью недѣлю въ водяной умираетъ.
Хотѣлъ было напасть на учителя ариеметики, — тоже

былъ приличенъ, — смиренный, тихій, но отказывается, — говоритъ, что ничего не можетъ сыграть, особенно въ дамскомъ обществѣ. Хотѣлъ завербовать аптекаря, наружностію тоже подходитъ къ роли и играть бы согласился съ удовольствіемъ, но, къ несчастію, по-русски ужасно дурно говоритъ, да и отъ природы картавь.

— Я знаю одного актера, — заговорилъ Юлій Карлычъ: — только угодно ли будетъ вамъ его принять?

— Сдѣлайте милость!... почему же не принять? — возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Слабость имѣеть большую: пьяница, говорятъ, и пьяница-то запойная.

— Что же онъ, покрайнеймѣрѣ, за человѣкъ? — спросилъ хозяинъ.

— Человѣкъ онъ неважный, въ питейной конторѣ служитъ.

— Какимъ же образомъ вы узнали, что онъ хорошій актеръ?

— Нынче лѣтомъ у меня Саша изъ гимназіи прїѣзжалъ, такъ сказывалъ, что онъ гдѣ-то на вечерѣ, подгулявъ, что-ли, читалъ имъ какое-то сочиненіе: такъ, говорятъ, уморилъ всѣхъ со смѣху. Саша даже мнѣ все его передразнивалъ.

— Нельзя ли мнѣ какъ-нибудь показать его? Я бы испыталъ его на Подколесинѣ.

— Въ этомъ-то и трудность, Аполлосъ Михайлычъ: онъ ведетъ очень странную жизнь: или сидитъ дома около жены, второй, говорятъ, ужасно боится, или безобразно пьянъ.

— Господи Боже мой, какое несчастіе! Покрайней мѣрѣ можно ли его какимъ-нибудь образомъ вы-

звать изъ дому трезваго? Не цѣлый же день онъ пьянъ?

— Вы напрасно, Юлій Карлычъ,—вмѣшался въ разговоръ Осипъ Касьянычъ:—даете Аполлосу Михайлычу такой совѣтъ. Вы, вѣроятно, говорите о Рымовѣ? Помилуйте, я его знаю: онъ человѣкъ совершенно потерянный; я полагаю, что это даже будетъ неприлично и, вѣроятно, дамамъ непріятно.

— Какъ это сказать, Осипъ Касьянычъ,—возразилъ хозяинъ:—что будетъ неприлично и непріятно дамамъ? Въ искусствѣ не должно существовать личностей.

— Какъ вамъ угодно, Аполлосъ Михайлычъ, я сказалъ только мое мнѣніе.

— Очень вамъ благодаренъ; но мы теперь разсуждаемъ не о томъ, что это за человѣкъ, а какой онъ актеръ.

— Актеръ превосходный, мнѣ Сашенька сказывалъ,—подхватилъ Юлій Карлычъ.

— Много вашъ Сашенька понимаетъ,—перебилъ Осипъ Касьянычъ.

— Да я ничего и не говорю и сказалъ только свое мнѣніе. Моего Сашеньку тутъ вамъ трогать нечего.

— Васъ никто съ вашимъ Сашенькой и не трогаетъ, а говорятъ о Рымовѣ да о дамахъ, которыя не захотятъ съ нимъ играть.

— Нѣтъ, Осипъ Касьянычъ! при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я долженъ сказать, что вы говорите не дѣло: наши дамы выше этихъ мелочей, — перебилъ хозяинъ.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ судья:—ваше дѣло.

Въ залу, куда ушелъ молодой человекъ, вскорѣ за нимъ вышла и молодая дама.

— О чемъ вы мечтаете? — спросила она, подходя къ нему.

— Я не мечтаю, но взбѣшенъ на этого стараго хрыча.

— Не сердитесь на него, онъ васъ любитъ.

— *Sacre Dieu!* что мнѣ въ его любви!... помѣшался самъ на театрѣ и хочетъ всѣхъ сдѣлать актерами. Очень весело учить какую-нибудь дрянъ наизусть, пачкать лицо и тому подобныя дѣлать глупости.

— Чтожъ такое? ничего, за то все общество будетъ вмѣстѣ. На репетиціяхъ будетъ очень пріятно: мы съ вами будемъ сидѣть, разговаривать, смѣяться.

— Да, конечно, въ такомъ случаѣ это будетъ очень пріятно, но я думалъ, что вы не захотите играть.

— Нѣтъ, отчего же не играть? Свѣзжемся же на вечера. Роли, конечно, я не стану учить, а выйду да постою.

— Вамъ можно это дѣлать, Дарья Ивановна; но меня онъ будетъ заставлятъ учить и ломаться.

— А вы не учите; выйдите, постоитъ, да и уйдите.

— Я съ нимъ сдѣлаю штуку. На репетиціяхъ буду, а какъ надобно будетъ играть, и притворюсь больнымъ. Ахъ, только какъ я посмотрю, какая у васъ здѣсь, противъ Петербурга, ужасная жизнь: ни воксаловъ, ни собраній, ни гуляньевъ, а только затѣваютъ какіе-то дурачкіе театры.

— Что дѣлать! — провинція. Что нынче больше танцуютъ въ Петербургѣ?

— Передъ моимъ отъѣздомъ вошла въ моду полька tremblante.

Послѣ этого разговора, дама скоро уѣхала, а молодой человѣкъ ушелъ къ себѣ въ комнату.

Два собесѣдника Аполлоса Михайлыча, судья и Юлій Карлычъ, не смотря на происшедшую между ними маленькую размолвку, вмѣстѣ простились съ хозяиномъ, вмѣстѣ вышли и даже сѣли въ одинъ экипажъ.

— Ну, оттерпѣлся! — произнесъ Осипъ Касьянычъ: — даетъ же Богъ этакимъ скотамъ состояніе, — продолжалъ онъ: — вмѣсто того, чтобы тѣшить общество приличнымъ образомъ, давать бы, при этакихъ средствахъ, обѣды, вечера картежные, такъ нѣтъ, точно бѣлены обѣлся: театръ играть вздумалъ; экихъ актеровъ нашелъ; а поди, откажитесь, такъ еще неприятность какую-нибудь сдѣлаетъ. Вотъ сегодня надо было у Алмазова партію составить, — вотъ тебѣ и партія, просидѣлъ на дурацкомъ вечерѣ, да и толчко... Обоихъ бы ихъ съ Рагузовымъ на одну осину, проклятыхъ, повѣсить; тотъ хоть, по крайней мѣрѣ, самъ благуеть, а этотъ еще другихъ ломаться заставляетъ на его потѣху. Удивительно, какое скотство!

— Ужъ не говорите лучше, Осипъ Касьянычъ, — произнесъ Юлій Карлычъ: — вонъ у меня жена больна, письмо надобно было писать; а что дѣлать — просидѣлъ вечеръ.

— Ну, ужъ и вы-то хороши съ вашимъ смѣшнымъ характеромъ: актера тамъ ему приискали — како-го-то пьяницу. Я молил Бога, чтобы и тѣ-то разбѣжались, а вы еще новыхъ отыскиваете.

— Нельзя, почтеннѣйшій, ей-богу, нельзя! Войдите вы въ мое положеніе! на прошлой недѣлѣ занялъ у него трпста рублей: вы сами вотъ говорите, что нельзя отказать, потому что неприятности станутъ дѣлать.

Фани болѣе всѣхъ сочувствовала дядѣ: она, еще при гостяхъ, ушла въ наугольную комнату и, при лунномъ свѣтѣ, начала повторять качучу, которую должна была танцовать въ дивертисментѣ.

Никонъ Семенычъ, пріѣхавъ домой, тотчасъ же взялся за поэму Пушкина: *Братья разбойники*. Сначала онъ читалъ ее про себя; потомъ, одушевившись, принялся произносить вслухъ, и затѣмъ, вскочивъ, воскликнулъ:

„О юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, опасность презирал,
Мы все дѣлили пополамъ.“

Единственный зритель декламациі, огромная лягавая собака, смотрѣвшая сначала на господина своего какими-то ласковыми глазами, на этомъ мѣстѣ, будто бы вмѣсто аплодисмента, начала на него лаять; но трагикъ не обратилъ вниманія, продолжалъ и докончилъ всю поэму вслухъ.

II.

Комикъ и антрепренеръ.

Рымовъ, о комическомъ талантѣ котораго такъ выгодно отзывался Юлій Карлычъ, былъ такое не-

значительное въ городѣ лицо, что о немъ никто и нигдѣ почти не говорилъ; а если кто и зналъ его, то съ весьма невыгодной стороны: его разумѣли запойнымъ пьяницей. Въ контору и обратно онъ ходилъ почти всегда въ сопровожденіи жены, которая, будто-бы, дома держала его на привязи, но если ужъ онъ являлся на улицѣ одинъ, то это прямо значило, что загулялъ, и въ это время былъ совершенно съумасшедшій: онъ всходилъ на городской валъ, говорилъ что-то къ озеру, обращался къ заходящему солнцу и къ виднѣющимся вдали лугамъ, потомъ садился и плакалъ, заходилъ въ трактиръ и снова пилъ неимоверное количество всякой хмѣльной дряни, врывался иногда насильно въ домъ къ Нестору Егорычу, одному именитому и почтенному купцу, торгующему кожами, и начиналъ говорить ему, что онъ мошенникъ, подлецъ и тому подобное. Его, разумѣется, выталкивали, и такимъ образомъ онъ шлялся весь день, жалкій и безобразный, до тѣхъ поръ, покуда не ловила его Анна Сидоровна (его жена) и не уводила съ помощію добрыхъ людей домой. Что она потомъ предпринимала, неизвѣстно, но только Рымовъ исправлялся и начиналъ ходить опять въ контору. Въ трезвомъ состояніи онъ былъ очень молчаливъ и отчасти суровъ; съ товарищами и подчиненными почти не говорилъ ни слова, и даже главному управляющему и самому откупщику отвѣчалъ только на вопросы.

На другой день послѣ собранія любителей, въ самомъ отдаленномъ концѣ города, въ маленькомъ флигелькѣ во второй его комнатѣ, на двухспальной кровати, лежалъ внизъ лицомъ мужчина, и тутъ же сидѣла

очень толстая женщина и гладила мужчину по спинѣ. Это была чета Рымовыхъ.

— Витя, а Витя! опять съ тобою, мамочка, тоска; развѣ не проходитъ отъ глаженья? у тебя прежде отъ этого проходило, — говорила Анна Сидоровна.

— Прошло... лучше... поди, Анюта, — проговорилъ Витя.

— А ты пойдешь со мной? — спросила та.

— Нѣтъ, я полежу, усталъ что-то.

— Ну такъ и я здѣсь посижу.

— Нѣтъ, ступай! мнѣ жарко отъ тебя.

— Завтра я, мамочка, непременно схожу къ лекарю и попрошу у него чего-нибудь для тебя. Какъ тебѣ не стыдно такъ запускать болѣзнь?

— Ну, ладно, ступай!... поди, пожалуйста, сдѣлай мнѣ къ обѣду окрошки.

— Да какъ же ты, мамочка, останешься одинъ? тебѣ будетъ скучно!

— Ничего... я полежу... поди, Анюта!

— Да, Витя, мнѣ самой-то не хочется отъ тебя отойти.

— Послѣ насидишься — ступай, пожалуйста.

Анюта нехотя встала, чмокнула Витю въ затылокъ и вышла. Тотчасъ же по уходѣ ея Рымовъ всталъ, потянулся и сѣлъ. Наружность его въ самомъ дѣлѣ была комическая: на широкомъ, довольно, впрочемъ, выразительномъ и подвижномъ лицѣ сидѣлъ какой-то кривой носъ; глаза слабые, улыбка только на одной половинѣ, устройство головы угловатое и развитое на верхней части затылка.

«Еще годъ такой жизни, и я совсѣмъ сблагую: чортъ знаетъ, что такое эти женщины! Для мужчинъ

хоть время, хоть возрастъ существуетъ, а для нихъ и того нѣтъ! Бабъ давно за сорокъ, а она все нѣжначается — да еще и ревнуетъ! Не глядѣль бы ни на что, право. Что я теперь за человекъ? — Пьяница и больше ничего: трезвый тоскую, а пьяный глупости творю... Опять развѣ на театръ махнуть? Нѣтъ, чортъ возьми!... нѣтъ!...—воскликнулъ уже вслухъ Рымовъ, махнувъ рукой, какъ бы желая отогнать отъ себя дьявольское навожденіе. — Каково было у Григорьева-то въ труппѣ? — продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собой, — да и публика-то хороша, нечего сказать; мерзавкѣ Завьяловой хлопаютъ да цвѣты кидаютъ, а надъ тобой только смѣются, да еще говорятъ, что мало играешь! играй вотъ имъ въ каждомъ дурацкомъ водевилѣ, паясничай—и хорошо. Что тамъ ни говори, а старуха моя право лучше всѣхъ для меня: влюблена даже въ мою физиономію—вотъ этого, признаюсь, я никакъ ни понимаю. Ну, да вправду и она не красива лицомъ, а привыкъ, удивительно привыкъ!»

Анюта возвратилась и съ самою пріятною улыбкою разостлала салфетку и поставила окрошку. Все это она исполняла проворно, потому что, не смотря на полноту, была очень поворотлива и имѣла известную частоступчатую походку, съ небольшимъ развальцемъ, какъ обыкновенно ходятъ ожирѣвшіе сангвиники.

— Кушай, мамочка, я послѣ пообѣдаю, — проговорила она.

Витя нехотя началъ болтать въ тарелкѣ ложкою. Анна Сидоровна стала около него; одною рукою она подперлась въ бокъ, а другою обняла шею мужа, — такимъ образомъ импровизированная живая картина

была очень интересна. Представьте себѣ сидящаго Рымова, съ описанною мною физиономіею, имѣющею самое мрачное выраженіе, въ засаленномъ и полупзорванномъ кашемировомъ халатѣ, и обнимающую его — полную даму, съ засученными рукавами. Въ положеніи Анюты было даже нѣсколько кокетства; по-крайней-мѣрѣ она какъ-то чрезвычайно странно свернула голову на-бокъ и очень нѣжно смотрѣла своими маленькими, заплаканными глазами на мужа. Рымовъ съѣлъ нѣсколько дожекъ, потомъ взглянулъ въ висящее противъ него зеркало, улыбнулся, махнулъ рукой и всталъ.

— Что-же ты, Витя, всталъ?

— Не хочу больше ничего.

— А чему ты, мамочка, смѣешься?

— Такъ, ничему... Славныя мы съ тобой фигуры, — отвѣчала тотъ.

— Что-же такое, мамочка! Ты хорошъ... право хорошъ! Вонъ у тебя, душка, какой носикъ! Дай я тебѣ его поцѣлую...—И Анюта поцѣловала носикъ. Рымовъ сдѣлалъ гримасу.

— Странная ты баба, — проговорилъ онъ, качая головой и ложась опять на постель.

— Вотъ ужъ у тебя сейчасъ и странная: самъ странный!

— Страненъ я, только не въ томъ.

— А зачѣмъ же, когда я ѣздила въ Кузмищево, такъ ты по мнѣ тосковалъ?

— Ты почему знаешь?

— Мнѣ одинъ человѣчекъ сказывалъ.

— Совралъ тебѣ человѣчекъ!

Анюта съѣла опять на кровать, схватила Рымова за подбородокъ и вдругъ поцѣловала его.

— Пересгань, сумасшедшая, выдумала съ поцѣлуями...—проговорилъ тотъ съ досадою, вставая съ постели.

— Куда же ты, мамочка?

— Да такъ... все лижешься... молоденькая какая! пусти... я ходить хочу.

Рымовъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Анна Сидоровна, сложивъ руки, слѣдила за нимъ глазами.

— Одного у насъ, Витя, съ тобою нѣтъ — право! кабы это было, ты бы меньше скучалъ.

— Что такое?

— Дѣтей, мамочка! Хоть бы одного въ цѣлую жизнь Богъ далъ на радость!

Рымовъ усмѣхнулся.

— Ты бы, мамочка, очень его любилъ.

Рымовъ не отвѣчалъ.

— Вдругъ, Витя, у насъ родится что-нибудь?

— Перестань, пожалуйста, болтать — мелешь Богъ знаетъ что. Бабѣ за сорокъ, а думаетъ еще родить.

— Гдѣ же, Витичка, за сорокъ?

— Сколько же?

— Тридцать два года всего,— отвѣчала потупившися Анна Сидоровна.

— Ахъ, ты, сумасшедшая! сто лѣтъ замужемъ, и все ей тридцать два.

— Какъ же сто? Всего пятнадцать.

— Ну, пятнадцать! да замужъ вышла двадцати пяти.

— Это кто вамъ сказалъ, что двадцати пяти! Всего семнадцать лѣтъ.

— Ну, ладно: отвяжись!

— Ты все, мамочка, меня обижаетъ; какъ надъ какой-нибудь душой все смѣешься. Измѣнялъ нѣсколько разъ, такъ ужъ конечно жена не можетъ нравиться. Нескучайте, Викторъ Павлычъ! можетъ быть, нынѣшнюю зиму Богъ и приберетъ меня; будете свободны — женитесь, пожалуй! Возьмите молоденькую, а я буду лежать въ сырой землѣ.

При послѣднихъ словахъ, Анна Сидоровна заплакала.

— Тфу ты, дурацкая баба! — проговорилъ Рымовъ и плюнулъ.

— Плюйте, Викторъ Павлычъ! Богъ съ вами, плюйте! Я давно вами оплеванная живу.

— Да ты хоть кого выведешь изъ терѣбья: или цѣлуется, какъ дѣвчонка какая, или капризится. Ревность съѣла!... къ кому, матушка? и людей-то никого не вижу, — весь всегда передъ тобой.

— А прежде-то что ты дѣлалъ на этомъ мерзкомъ театрѣ? Прежде-то какъ измѣнялъ, — это забылъ?

— Ну, да, какъ-же! Очень всѣмъ нужно было меня. Тебѣ еще мало, что меня душитъ цѣлые дни тоска, — мало этого, что бываютъ минуты хотъ рѣзаться, — произнесъ Рымовъ и бросился на кровать.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Мамочка, это что ты говоришь, — начала Анна Сидоровна, вставая и подходя къ мужу. — Зачѣмъ ты это говоришь? я думаю, страшно.

— Страшно? Нѣтъ, моя милая, не умереть, а жить, какъ я живу, страшно.

Анна Сидоровна опять сѣла на постель.

— Витичка! что это такое? и лучше сама за тебя умру!

Комикъ отворотился къ стѣнѣ и началъ чрезвычайно впечатлительнымъ голосомъ: «Умереть!... уснуть!... но, можетъ, станешь грезить въ томъ чудномъ снѣ, откуда нѣтъ возврата, нѣтъ пришельцевъ!...»

Анна Сидоровна сидѣла подгорюнившись.

Послышался въ снѣгахъ сильный стукъ.

— Кто-то, должно быть, прѣхалъ,—воскликнула Анна Сидоровна вскочивъ.

— О, чортъ бы дралъ!—проговорилъ Рымовъ и захлопнулъ дверь.

Въ первой комнатѣ кто-то кашлялъ.

— Поди, мамочка, какой-то мужчина,—сказала Анна Сидоровна, заглянувъ въ щелку.

Рымовъ съ досадою надѣлъ пальто и вышелъ. Передъ нимъ стоялъ Аполлосъ Михайлычъ.

Разговоръ нѣсколько минутъ не начинался.

Дилетаевъ былъ пораженъ наружнымъ видомъ комка, который дѣйствительно былъ очень растрепанъ; стоявшіе торчками во все стороны волосы были покрыты пухомъ; изъ-подъ изношеннаго пальто, застегнутаго на все пуговицы, выбивалась грязная рубашка; галстука совсѣмъ не было; брюки вздернулись и тоже все были перепачканы въ пуху.

— Честь имѣю кланяться,—заговорилъ, наконецъ, Аполлосъ Михайлычъ:—не обезпокоилъ ли я васъ; вѣроятно, вы отдыхали послѣ обѣда?

— Да-съ, отвѣчалъ Рымовъ.

— Не знаю, нужно ли мнѣ рекомендоваться вамъ, но впрочемъ... Аполлосъ Михайлычъ Дилетаевъ.

Хозяинъ поклонился, гость сѣлъ и, опершись на свою палку, началъ слѣдующимъ образомъ:

— Первоначально, позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Викторъ Павлычъ.

— Вчерашній день, Викторъ Павлычъ, я имѣлъ удовольствіе слышать о васъ чрезвычайно лестные отзывы; но, предварительно, считаю нужнымъ сообщить вамъ нѣчто о самомъ себѣ. Я немного поэтъ, поэтъ въ душѣ. Поэтъ, такъ сказать, по призванію. Не служа уже лѣтъ пять и живя въ деревенской свободѣ, — я бесѣдую съ музами. Все это вамъ потому сообщаю, что и вы, какъ я слышалъ, тоже поэтъ и поэтъ въ душѣ.

— Я ничего не пишу.

— Да... но это все равно — вы актеръ.

Рымовъ покраснѣлъ.

— Я это хорошо знаю, и рѣшился обратиться къ вамъ съ предложеніемъ: не угодно ли вамъ принять участіе въ благородномъ спектаклѣ, который будетъ у меня въ домѣ?

Рымова подернуло.

— Я давно ужь отсталъ и отвыкъ, — произнесъ онъ.

— Не беспокойтесь — я эти вещи очень хорошо понимаю: — художникъ до самой смерти остается художникомъ.

— Я не знаю-съ, могу ли теперь за себя ручаться...

— Опять повторяю: не беспокойтесь! мы имѣемъ для васъ превосходную роль. Это, знаете, этакого, дикаго застѣнчиваго мужчину въ піесѣ «Женитьба» изъ которой дано будетъ нѣсколько явленій. Сколько

могу васъ понимать, то эта роль будетъ вамъ очень по характеру, и вы отлично ее выполните.

Рымовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, какъ будто-бы въ эту минуту рѣшалась участь его жизни. Онъ ничего не находилъ говорить и только перебиралъ дрожащими руками петли своего пальто.

— Я очень люблю театръ, — сказалъ, наконецъ, онъ.

— Это я вижу по вашему лицу, — замѣтилъ Аполлосъ Михайлычъ: — вы даже теперь взволнованы.

— Большой будетъ спектакль? спросилъ хозяинъ, утирая катившійся съ лица потъ.

— Спектакль будетъ довольно большой и прекрасно составленный: въ первую голову моя комедія: *Виконтъ и гризетка или исправленный повѣса*, необыкновенно живая пьеска, изъ французскихъ нравовъ. Въ ней всего три дѣйствующія лица: — молодой виконтъ, котораго я самъ буду играть и который есть чистый типъ шалуна-парижанина, и еще двѣ женщины — одна изъ нихъ гризетка, а другая маркиза. Въ первомъ дѣйствіи онъ влюбленъ въ гризетку и ненавидитъ маркизу, а во второмъ влюбляется уже въ нее. Гризетка это узнаетъ, застаетъ его у маркизы, укоряетъ его; сама маркиза надъ нимъ смѣется. Онъ сначала теряется, потомъ раскаивается и предлагаетъ гризеткѣ руку, а маркизѣ объявляетъ, что это ея побочная дочь. Пьеса эта, я не хвастаясь могу сказать, неопѣненная вещь для благородныхъ спектаклей, потому что актеры не могутъ имѣть тѣхъ манеръ, которыя нужны для Сень-Жерменскихъ барпчей. Потомъ, «Женитьба», — объ этой комедіи, если хотите, я ничего не скажу особеннаго, написана она въ очень тривіальномъ духѣ; я видѣлъ

ее въ Москвѣ и, конечно, какъ знатокъ и судья строгій въ этомъ дѣлѣ, нашелъ въ ней много недостатковъ, но при всемъ томъ хохоталъ до невѣроятности. Мы ее дадимъ для райка; у меня хогъ и домашній спектакль, но публика будетъ всѣхъ сортовъ, потому что я это пріятное удовольствіе хочу раздѣлить со всѣмъ городомъ, для котораго оно можетъ служить эрою воспоминаній.

— Я знаю-съ эту піесу.

— Знаете? и прекрасно!

— Это геніальная комедія.

— Ну, ужъ и геніальная, — высоко взялъ, Викторъ Павлычъ! Впрочемъ, сейчасъ видно артиста въ душѣ. Мнѣ очень пріятно это отъ васъ слышать, хотя я и не согласенъ съ вами: я классикъ, и геніальными твореніями называю только классическія піесы.

— Она классическая.

— Ну что-жь въ ней классическаго? Классическаго-то въ ней ничего нѣтъ. Во-первыхъ, главнаго правпа классицизма — единства содержанія, въ ней не существуетъ; а безъ этого, батюшка, всякая комедія, какъ тѣло безъ души. Сведено нѣсколько смѣшныхъ, уродливыхъ лицъ, которыя говорятъ между собою и, конечно, заставляютъ смѣяться, но и только: эта піеса рѣшигельно не для знатоковъ. Вы, впрочемъ, пожалуйста, не принимайте этого никакъ на свой счетъ, потому что, хоть и будете играть въ этой комедіи, но и въ ней можете показать свой талантъ — золото видно и въ грязи.

— Я очень радъ играть въ этой піесѣ.

— А я болѣе вашего.

На этомъ мѣстѣ вышла Анна Сидоровна. Она все подслушивала. Лицо ея покрылось багровыми пятнами; кашемировый платокъ былъ надѣтъ какъ-то совсѣмъ ужь на-косъ. Гостью она присѣла, а на мужа взглянула: тотъ потупился.

— Итакъ, — проговорилъ Дилетаевъ вставая: — когда же мы увидимся? Не могу ли я васъ просить пожаловать ко мнѣ сегодня вечеромъ. У меня будетъ маленькое испытательное чтеніе: мы потолкуемъ, продекламируемъ наши піесы и прочее. Вы не повѣрите, какъ хлопотливы эти театры! Его даже по одному этому можно назвать великимъ дѣломъ. Я про себя, напримѣръ, могу сказать, что съ молодыхъ лѣтъ былъ поклонникомъ Мельпомены — знатокъ и опытенъ въ этомъ; но признаюсь, иногда голова идетъ кругомъ, особенно трудно ладить съ участвующими; всѣмъ хочется сдѣлать по-своему, а сдѣлать-то никто ничего не умѣетъ. Есть у меня сосѣдъ и пріятель, Никонъ Семенычъ Рагузовъ, страстный театраль; но, къ несчастію, помѣшанъ на трагедіяхъ. Вчера даже сдѣлалъ мнѣ сцену: требуетъ все драмы; успокоилъ только тѣмъ, что ставимъ на сцену: *Братья разбойники*. Однако до свиданья, — проговорилъ гость, раскланиваясь и пожимая у комика руку.

— Надѣюсь, сударыня, — прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ: — что и вы пожалуете посмотреть на нашъ спектакль и полюбоваться вашимъ супругомъ.

Анна Сидоровна ничего не отвѣчала; полная грудь ея колыхалась, или лучше сказать — она вся была въ сильномъ волненіи.

Дилетаевъ захватилъ отъ Рымовыхъ къ Юлію Кар-

лычу. Хозяинъ выбѣжалъ его встрѣчать на крыльцо и, поддерживая гостя подъ руку, ввелъ на лѣстницу и провелъ въ гостиню.

— Я отыскалъ вашего комика, — началъ Дилетаевъ.

— Изволили отыскать? — восликнулъ хозяинъ. — Простите меня великодушно, — продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ: — я сейчасъ было хотѣлъ, по вашему приказанію, ѣхать къ нему, да лекаря прождалъ. Клеопатра Григорьевна у меня очень нехороша.

— Ничего, я ужъ съѣздилъ. Какая однако странная семья: въ домѣ грязь... сырость... бѣдность... жена какой-то совершенный уродъ, да и самъ-то настоящий ужъ компкъ... этакой уморительной физиономіи я и не видывалъ: оборванный, нечесанный, а неглупый человѣкъ и буфъ долженъ быть отличнѣйшій.

— Я докладывалъ вѣдь вамъ: необыкновенный, говорятъ, актеръ.

— Это видно даже по любви его къ искусству. Представьте себѣ, только-что я намекнулъ о театрѣ, поблѣднѣлъ даже весь, какъ полотно; глаза разгорѣлись и говорить ужъ ничего не можетъ.

— Скажите, пожалуйста! Ну, да впрочемъ и честь для него велика — изъ какихъ-нибудь писарей быть приглашену въ благородное общество — и это не бездѣлица.

— Конечно. Пріѣзжайте обѣдать.

— Клеопатра Григорьевна очень больна.

— Ну, что же такое? Вы не поможете

— Конечно, Аполлосъ Михайлычъ: — пріѣду-съ. — Отъ Вейсбора Дилетаевъ проѣхалъ къ Матренѣ

Матвѣевнѣ, о которой я уже упоминалъ, и съ которой у него, говорятъ, что-то начиналось. По его назначенію, она должна была играть въ его комедіи маркизу, а въ «Женитьбѣ» сваху.

При всѣхъ своихъ свиданіяхъ, Аполлосъ Михайлычъ съ Матреной Матвѣевной имѣли всегда очень одушевленную бесѣду, потому что оба они любили поговорить, и даже часто, не слушая другъ друга, торопились только высказать свои собственные мысли.

Едва-только гость появился въ залѣ, гдѣ сидѣла Матрена Матвѣевна, сейчасъ же оба вмѣстѣ заговорили.

— Вхожу въ храмъ волшебницы, съ преклоненными колѣнами, съ мольбою и просьбою, — произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Это я знаю... все знаю... согласна и рада!... извиняюсь только, что вчера не могла пріѣхать, потому что была въ домашнемъ маскарадѣ.

— Вы еще похорошѣли, Матрена Матвѣевна.

— А вы еще болѣе стали льстецъ...

— Нѣтъ, какой я льстецъ — старикъ . хилый... слабый... я могу только бѣдушѣ восхищаться юными розами и впивать ихъ дыханіе.

— Не старикъ, а волокита, льстецъ и повѣса.

— Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ коварнымъ, а буду умолять васъ принять на себя роли, которыя вы конечно превосходно сыграете, потому что отлично играете стариками. Я ихъ самъ для васъ перепису.

— Давайте, я все выучу и сыграю. Когда вы состарѣетесь?

— Я ужъ и теперь старикъ!

Матрена Матвѣевна покатила со смѣху.

— Ха, ха, ха... онъ старикъ! Актеръ... поэтъ... онъ старикъ! Совсѣмъ все устроили?

— Почти совсѣмъ.

— Дарья Ивановна была?

— Да — вчера была.

— Она играетъ?

— Должна.

— Она влюблена въ вашего Мишеля.

— Она замужемъ.

— Что-жь такое! Ахъ, какимъ постникомъ притворяется, а сами что дѣлаете?

— Я вдѣвый.

— Ну, да, конечно, это оправданіе. Отчего Фаничку не выдаете замужъ?

— Жениховъ нѣтъ!

— Ну, что это вы говорите, — выдавайте!.. Право, грѣшно такъ дѣвушку держать.

— Я, съ своей стороны, согласенъ хоть сейчасъ; но никого въ виду нѣтъ.

— А Рагузовъ! Онъ вамъ, право, связываетъ руки.

— Конечно, но онъ не сватается, да и чужды они какъ-то очень другъ друга; можетъ быть, теперь сблизятся. Онъ будетъ читать «Братья-разбойники» — пресмѣшной человѣкъ... О чемъ задумались?

— Такъ, что-то грустно... Что моя жизнь? хожу, ѣмъ, сплю и больше ничего.

— Отъ васъ зависитъ...

Матрена Матвѣевна усмѣхнулась.

— Отчего-жь отъ меня?...

— Вы не любите стариковъ.

— Напротивъ, я только и люблю мужчинъ пожилыхъ лѣтъ.

— Пріѣзжайте-ка къ намъ обѣдать.

— Обѣдать?... Хорошо.

Дилетаевъ началъ прощаться. Хозяйка подала ему свою бѣлую и полную ручку, которую тотъ поцѣловалъ, и, расшаркавшись, вышелъ молодцомъ. Отсюда онъ завернулъ къ Никону Семенычу, котораго засталъ въ довольно странномъ костюмѣ, а именно: въ пундовыхъ шелковыхъ шальварахъ, въ полуразстегнутой сорочкѣ и въ какой-то греческой шапочкѣ. На талии былъ обернуть, нѣсколько разъ, яхонтоваго цвѣта широкій кушакъ, за которымъ былъ заткнутъ кинжалъ. При входѣ Аполлоса Михайлыча, онъ что-то декламировалъ.

— Разбойникъ! совершенный разбойникъ! проговорилъ тотъ.

— Я всю ночь все обдумывалъ: надобно большое искусство, чтобы вышло что-нибудь эффектное, — говорилъ хозяинъ, протягивая руку.

— А костюмъ-то развѣ не эффектенъ? Да вы, мой милый, поразите всѣхъ одною наружностію.

— Мнѣ хочется кое-что къ поэмѣ прибавить.

— Прибавляйте, пожалуй.

— Именно, прибавить въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится:

„Бывало, въ ночь глухую
 „Заложимъ тройку удалую,
 „Поемъ и свещемъ, и стрѣлой
 „Летимъ надъ снѣжной глубиной.

Я передѣлалъ такъ:

„Бывало, въ ночь глухую,
 Тая въ груди отвалу злую.

„Летимъ на трѣйкъ воронихъ,
 „Потѣшно сердцу удалыхъ!
 „Мы, мразный вѣтръ въ себя вдыхая,
 „О прошломъ вовсе забывая,
 „Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
 „Летимъ надъ снѣжной глубиной.

Это будетъ сильнѣе.

— Чудесно, право чудесно!... Какого, батюшка, сейчасъ актера досталъ я, — чудо! привзжайте объ-
 дать.

— Не знаю, поутру можно ли. Я думаю много
 перемѣнить въ пѣсѣ.

— Ну, хоть вечеромъ.

— Вечеромъ буду.

Аполдосъ Михайлычъ завернулъ также и къ судья, и здѣсь было получилъ неприятное извѣстіе: Осипъ Касьянычъ рѣшительно отказывался играть, говоря, что онъ совершенно неспособенъ и даже въ театрѣ во всю свою жизнь только два раза былъ; но Дилетаевъ и слышать не хотѣлъ.

— Что вы тамъ, почтеннѣйшій Осипъ Касьянычъ, ни говорите, какъ вы ни отказывайтесь, мы вамъ не повѣримъ: вы будете играть и прекрасно сыграете, потому что вы человекъ умный, — это знаютъ всѣ, и сегодняшній вечеръ пожалуйте ко мнѣ.

У судьи вытянулось лицо.

— Хотя на сегодняшній вечеръ увольте меня, Аполдосъ Михайлычъ, — проговорилъ онъ: — право, я даже всѣ мои обязанности нарушаю съ этимъ театромъ.

— Вы вашихъ обязанностей никогда не нару-

шали, — этого никто о васъ не смѣетъ и подумать, — рѣшилъ Дилетаевъ, и снова попросивъ хозяина не разстраивать отказомъ общее дѣло, — уѣхалъ.

— Провалился бы ты съ своими вечерами! Совсѣмъ сблаговалъ, дуракъ этакой, — проговорилъ ему вслѣдъ судья.

Дома Аполлосъ Михайлычъ имѣлъ еще неприятную сцену съ племянникомъ, который тоже отказывался играть, и на котораго онъ такъ разсердился, что назвалъ его безмозглымъ дуракомъ и почти выгналъ изъ кабинета.

По отъѣздѣ Дилетаева, Рымовы нѣсколько времени не говорили между собою ни слова. Комикъ сѣлъ и, схвативъ себя за голову обѣими руками, задумался. Приглашеніе Аполлоса Михайлыча его очень взволновало; но еще болѣе оно, кажется, встревожило Анну Сидоровну. Она первоначально начала утирать глаза, на которыхъ уже показались слезы, и потомъ принялась потихоньку всхлипывать.

— Это что еще такое?—сказалъ Рымовъ съ досадою.

— Такъ... ничего...—отвѣчала Анна Сидоровна: — опять!.. — произнесла она и начала всхлипывать громко.

— Что опять?

— Опять!... — отвѣчала она и заревѣла.

— Ахъ, ты дура... дура!—произнесъ, качая головой, Рымовъ, который, видно, догадывался, на что мѣтитъ жена.

Анна Сидоровна продолжала плакать.

— Разбойникъ... душегубъ!—говорила она рыдая: —точно бѣсъ собла-знитель пріѣхалъ подмывать. Что

бы ни дна, ни покрышки ему, окаянному — только бы имъ, проклятымъ, человѣка погубить.

Рымовъ усмѣхнулся.

— Чѣмъ же онъ погубить?

— Всѣмъ онъ васъ, Викторъ Павлычъ, погубить, рѣшительно всѣмъ; на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ, какимъ ужъ вы и были: припомните хорошенько, такъ, можетъ быть, и самимъ совѣстно будетъ! Что смѣтеться-то, какъ надъ душой! Вамъ весело, я это знаю, — цѣловаться, я думаю, будете по вашимъ закоулкамъ съ этими погаными актрисами. По три дня безъ куска хлѣба сидѣла отъ вашего поведенія. Никогда прежде не думала получить этого. — Бабы деревенскія, и тѣ этакихъ непріятностей не имѣютъ!

— Все промолоча? — спросилъ Рымовъ

— Нечего мнѣ молоть! Давно я такая... давно ужъ вы въ эти дѣла-то вдалились, такъ ужъ мнѣ и Богъ велѣлъ разумъ-то растерять.

— Именно, давно ужъ ты изъ ума выжила; прежде — проста была, а теперь ужъ ничего не понимаешь. Вразумишь ли тебя, что театръ мое призваніе... моя душа... моя жизнь! чувствуешь ли ты? понимаешь ли ты это, безумная женщина?

— У васъ все душа! Кто васъ ни позови — вамъ всенкій будетъ душа, только жена не нравится.

Рымовъ махнулъ рукой.

— Въ пять лѣтъ Богъ даетъ удовольствіе, такъ и то хочетъ отнять, — началъ онъ.

Анна Сидоровна горько улыбнулась.

— Великое удовольствіе: какъ надъ дуракомъ будутъ смѣяться! Видѣла я васъ, Викторъ Павлычъ, своими глазами видѣла — и на человѣка-то не были

похожи. Обманывать меня нечего, другого вамъ хочется.

— Чего-же другого-то?

— Извѣстно, чего всѣ мужчины хотятъ.

— Ну да, конечно: красавецъ какой, — такъ и кинутся всѣ!

— Кидались же, вѣдь, прежде.

— Ахъ, ты жалкое созданіе, въ тебѣ цѣлый дьяволъ ревности сидитъ; ты ничего не видишь, ничего не понимаешь. Это благородный спектакль, — вбей хоть это-то въ свою голову: тутъ благородныя дамы и дѣвицы. Неужели же онѣ и повѣсятся мнѣ на шею? Онѣ, я думаю, и говорить-то не станутъ со мной.

— Не хитрите, сдѣлайте милость, не хитрите, Викторъ Павлычъ! Все я очень хорошо понимаю, и понимаю, почему это вамъ такъ хочется.

— Почему мнѣ хочется? Вотъ этого-то ты, я думаю, ужъ совсѣмъ не понимаешь. Мнѣ хочется потому, что хотѣлось этого Шекспиру и Шиллеру, — потому, что одинъ убѣждалъ изъ отцовскаго дома, а другой не умѣлъ лечить — вотъ почему мнѣ хочется!

— Что вы мнѣ пріятелей-то приводите въ примѣръ. Въ Москвѣ еще я это отъ васъ слыхала. — Такіе же пьяницы, какъ вы.

— Молчи, дура! не говори, по-крайней-мѣрѣ, объ этихъ людяхъ своимъ мерзкимъ языкомъ.

— Ругайтесь, ругайтесь! Прибейте еще: — убить, я думаю, рады меня... Пьяница... бездомовщикъ, — уморилъ бы съ голоду, кабы не мои же родные дали мѣсто.

Анна Сидоровна начала опять ревѣть.

— Ну-да,— проговорилъ Рымовъ:—я хочу играть, буду играть, хоть бы тебя на семь частей разорвало.

Послѣднія слова онъ произнесъ въ сильномъ ожесточеніи. Анна Сидоровна хотѣла было что-то возражать.

— Молчи!—вскрикнулъ Рымовъ, ударивъ кулакомъ по столу.

III.

Вечеръ испытательнаго чтенія.

Художественный вечеръ Аполлоса Михайлыча, назначенный собственно для испытанія талантовъ, начался часовъ въ семь. Всѣ уже были почти налицо. Хозяинъ приготовлялся начать чтеніе.

— Рымовъ! — доложилъ слуга.

— А!... — произнесъ хозяинъ, — проси.

— Я чрезвычайно боюсь, не пьянъ ли онъ?—замѣтилъ Юлій Карлычъ судья.

— Не безъ того, я думаю; заварите ужъ вы кашу съ вашими актерами,—проговорилъ тотъ и взглянулъ въ уголь.

Къ удивленію многихъ, комикъ явился во фракъ, въ бѣлой манишкѣ, съ причесанными волосами и совершенно ужъ не пьяный.

— Милости прошу!—проговорилъ хозяинъ вставая. — Здѣсь вы видите все поклонниковъ Мельпомены, и потому знакомиться нечего; достаточно сказать это слово— и стало быть, всѣ мы братья. Господинъ Рымовъ!—прибавилъ Аполлосъ Михайлычъ прочимъ го-

стямъ, изъ коихъ нѣкоторые вивнули гостю головой, а Юлій Карлычъ подаль ему руку.

— Прошу присѣсть,—продолжалъ Дилетаевъ, указывая на ближайшій стулъ.—Между нами нѣтъ только нашего великаго трагика Никона Семеныча. Онъ, вѣроятно, передѣлываетъ свою поэму; но мы все-таки начнемъ маленькую репетицію по ролямъ, въ томъ порядкѣ, какъ будетъ у насъ спектакль. Сначала, моя комедія — «Исправленный повѣса», потомъ вы прочтете намъ нѣсколько сценъ изъ «Женитьбы» и наконецъ Никонъ Семенычъ продекламируетъ своимъ громовымъ голосомъ «Братья разбойники»; Фани протанцуетъ качучу, а Дарья Ивановна пропоетъ.

На такое распоряженіе хозяина никто не отвѣчалъ. Дарья Ивановна пересмѣхнулась съ Мишелемъ, судья сдѣлалъ гримасу, Юлій Карлычъ потупился, комикъ отошелъ и сѣлъ на дальній стулъ. Аполосъ Михайлычъ роздалъ по экземпляру своей комедіи Матренѣ Матвѣевнѣ и Фани.

— Пожалуйста, Матрена Матвѣевна, не сбивайтесь въ репликахъ, то есть: это послѣднія слова каждаго лица, къ которымъ надобно очень прислушиваться. «Театръ представляетъ богатый павильонъ на одной изъ парижскихъ дачъ.» Вамъ начинать, Матрена Матвѣевна!

Вдова начала: «Дѣйствіе первое. Явленіе первое.»

— Позвольте, почтеннѣйшая! зачѣмъ ужъ это читать?—перебилъ хозяинъ. Это все знаютъ. Начинайте съ слова: *ахъ, да!*

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчала Матрена Матвѣевна и снова начала:

„Ахъ, да! Всѣ говорятъ о васъ, виконтъ,
 „Что вы отъ свѣта стали отставать,
 „И бродите день цѣлый подь окномъ
 „Какой-то Дульциней....

— Вы читаете недурно; но надобно болѣе обра-
 щаться ко мнѣ, — замѣтилъ хозяинъ и началъ самымъ
 развязнымъ тономъ:

„И брожу?

„Нагнали вамъ, маркиза, на меня;
 „Я провожу весь день въ Пале-Рояль!
 „Играю, ѣмъ, курю и пью вино,
 „За тѣмъ, чтобъ, нагрѣшивши вдоволь,
 „Исправиться на вашихъ балахъ вновь.

— Подхватывайте скорѣе, Матрена Матвѣевна!
 Вдова торопливо взглянула въ книгу и зачитала:

„Смѣшно вамъ,

„Смѣйтесь, маркиза, ваша воля!
 „Но еслибъ въ самомъ дѣлѣ...

— Attendez, madame, — воскликнулъ Аполлосъ Ми-
 хайлычъ, — вы читаете мой монологъ, — какъ вы тороп-
 ливы!

— Виконтъ! — сказала Матрена Матвѣевна, не-
 много вспыхнувъ, и снова начала:

„Нѣтъ, нѣтъ, позвольте вамъ не вѣрить!

„Вы страстно влюблены къ какою-то

„Кухарочку, гризетку или прачку.

„Смѣшно, виконтъ, мнѣ это.

„Смѣшно, вамъ?

ПОДХВАТИЛЪ ХОЗЯИНЪ.

„Смѣйтеся, маркиза, ваша воля!
 „Но еслибъ въ самомъ дѣлѣ я хотѣлъ
 „Кого-нибудь когда-нибудь любить,
 „Такъ не влюбился бы въ васъ, свѣтскихъ дамъ,
 „А сердце отдалъ бы простой крестьянкѣ.

Матрена Матвѣевна подхватила:

„За тѣмъ, что обмануть несчастныхъ легче.

— Вы хорошо произносите, но немного скоро и однообразно: нѣтъ перелива въ голосѣ...—замѣтилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Я теперь еще не знаю наизусть, а я выучу.

— Увѣренъ, увѣренъ, моя почтеннѣйшая, что выучите и будете превосходны. Какъ вы, Викторъ Павлычъ, находите наше чтеніе и комедію — а?

— Стихи произносить очень трудно,—отвѣчалъ тотъ.

— Совершенно согласенъ: — тутъ надобно, особенно въ комедіи, — высшее классическое искусство. Я думаю, вы могли замѣтить, что я въ своемъ чтеніи много заимствовалъ у Катенина, котораго нѣсколько разъ слыжалъ и прилежно изучалъ.

Затѣмъ снова началось чтеніе. Матрена Матвѣевна часто мѣшалась въ репликахъ: но зато самъ хозяинъ необыкновенно одушевлялся, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ виконтъ высказываетъ маркизѣ, что онъ ее не любитъ, Аполлосъ Михайлычъ всталъ и декламировалъ на-изусть.

— Какъ отлично Аполлосъ Михайлычъ читаютъ! отнесся Юлій Карлычъ къ судбѣ. Тотъ только почесалъ затылокъ; комикъ сидѣлъ насупившись; Ми-

шель что-то шепталъ на ухо Дарьѣ Ивановнѣ, которая, чтобъ удержаться отъ смѣха, зажала ротъ платкомъ. Фани вся превратилась въ слухъ и зрѣніе и, кажется, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала, когда очередь дойдетъ до нее; наконецъ, пришла эта очередь. По ходу пьесы она сидитъ одна, въ небольшой комнатѣ, шьетъ себѣ новое платье и говоритъ:

„Виконтъ! о, милый мой виконтъ!

„Я для тебя спѣшу скорѣй надѣть

„Тобой подаренный мнѣ нарядъ!

„Ты, можетъ, будешь, другъ безцѣнный,

„Любить меня еще сильнѣе въ немъ.

Такъ читала дѣвушка, и читала съ большимъ чувствомъ. Затѣмъ является виконтъ, сначала страстный, потомъ задумчивый; гризетка испугалась: она думаетъ, что онъ ее разлюбилъ; но онъ только вспомнилъ о маркизѣ, вспомнилъ, какъ она смѣялась надъ его любовью, и еще больше возненавидѣлъ эту женщину. Онъ разсказалъ своей возлюбленной; но она ему не вѣритъ и начинаетъ его ревновать.

Вся эта сцена очень удалась, можетъ быть болѣе потому, что два дѣйствующія лица не сбивались въ репликахъ и читали все на память. Дилетаевъ вставалъ, ходилъ, садился около Фани и цѣловалъ ея руки; подъ конецъ явленія Юлій Карлычъ и Матрена Матвѣевна захлопали въ ладоши, и послѣдняя поклялась къ завтрашнему же дню такъ же твердо выучить роль, какъ Фани, и просила Аполлоса Михайлыча пріѣхать поутру поучить ее. Второе и послѣднее дѣйствіе было также прочитано съ большимъ одушевленіемъ со стороны Аполлоса Михайлыча и Фани,

и съ большимъ стараніемъ Матреною Матвѣевою, которая была уже не такъ однообразна, но, по торопливости характера, все-таки ошибалась иногда въ репликахъ и несовсѣмъ вѣрно выражала акцентомъ голоса мысль монолога; но Дилетаевъ слѣдилъ внимательно и очень часто дѣлалъ вдовѣ дѣльные замѣчанія.

— Мы со сцены сходимъ, — произнесъ онъ: — теперь, Викторъ Павлычъ, ваша очередь — потѣшите вы насъ вашимъ чтеніемъ. Мнѣ бы очень желалось, чтобы каждое дѣйствующее лицо читало за себя; но у меня книжка одна и роли еще не списаны. Прочтите ужъ вы одни то, что я отмѣтилъ для нашего представленія, да еще васъ прошу пропустить тѣ мѣста, которыя зачеркнуты карандашомъ. Они могутъ произвести на нашихъ дамъ непріятное впечатлѣніе.

Комикъ, слушавшій чтеніе всей комедіи Дилетаева съ грустнымъ лицомъ, всталъ.

— Посмотрите, какъ у него руки дрожатъ, должно быть онъ пьянъ, — замѣтилъ Мишель.

— Какой онъ странный, непріятно даже видѣть: что онъ — лакей что ли чей-нибудь? — спросила его Дарья Ивановна.

— Должно быть, побочный сынъ Мельпомены.

— Перестанете ли вы меня смѣшить! Я право уѣду.

— Бога ради, не погубите меня... Я не буду, честное слово, не буду, — отвѣчалъ молодой человѣкъ и закурилъ папиросу.

Комикъ подошелъ къ столу и сѣлъ.

— Не любите ли вы пить воду съ сахаромъ при чтеніи? — спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, ничего; я и такъ прочту, — отвѣчалъ тотъ.

— Ему бы стаканъ водки, для смѣлости, зака-
тить, — проговорилъ тихонько судья Юлію Карлычу.

— Ахъ, сохрани Господи! онъ насъ всѣхъ при-
колотитъ, — отвѣчалъ тотъ.

— И хорошо бы сдѣлалъ, чтобы глупостями-то не
занимались.

Комикъ, наконецъ, началъ чтеніе, по назначенію
Аполлоса Михайлыча, съ того явленія, гдѣ невѣста
разсуждаетъ съ теткою о женихахъ, и потомъ яв-
ляется сваха. Съ перваго почти его слова, Матрена
Матвѣевна фыркнула, Аполлосъ Михайлычъ усмѣх-
нулся, Вейсборъ закачалъ головой, Фани съ удивле-
ніемъ уставила на Рымова свои глаза; даже Осипъ
Касьянычъ заглянулъ ему въ лицо. Смѣхъ и любопыт-
ство замѣтно начали овладѣвать всѣми. Вдова, Юлій
Карлычъ и Фани хохотали уже совершенно. Дилета-
евъ слушалъ внимательно и повременамъ улыбался.
Судья тоже улыбался. Мишель и Дарья Ивановна пере-
стали говорить между собою. Чтеніе Рымова было дѣй-
ствительно чрезвычайно смѣшно и натурально: съ мо-
нологомъ cadaго дѣйствующаго лица, не только мѣ-
нялся его голосъ, но какъ будто бы перекраивалось и
самое лицо, видѣлись: и грубо-ватая физиономія тетки,
и сладкое выраженіе двадца-типятилѣтней дѣвицы и,
наконецъ, звонко ораторствовала сваха. Съ появлені-
емъ жениховъ всѣ уже хохотали, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ
Жевакинъ рассказываетъ, какъ солдаты говорили по-
итальянски, Аполлосъ Михайлычъ остановилъ Рымова.

— Нѣтъ, Влѣкторъ Павлычъ, пощадите, — восклик-
нулъ онъ, отнимая у комика книгу. — О, Господи, даже

воляка сдѣлалась... Матрена Матвѣевна! не прикажете ли истерическихъ капель?

— Я не знаю, что такое со мною, — отвѣчала вдова, — и просто сумасшедшая.

— Какъ вы находите, Дарья Ивановна?— отнесся хозяинъ къ молодой дамѣ.

— Très drôle, Аполлосъ Михайлычъ,—отвѣчала та.

— Живокини не уступитъ—ужасный уродъ!—шепнулъ ей на ухо Мишель.

— Я, mon ocle, никогда такъ не смѣялась... Отчего это?—сказала Фани.

— Это, душа моя, значить высшее искусство смѣшить. О чемъ плачете, Юлій Карлычъ?

— Отъ смѣха, Аполлосъ Михайлычъ, ей-богу отъ смѣха.

— Вижу, что отъ смѣха, даже нашъ великій судья, и тотъ улыбается. Короче сказать: вы, Викторъ Павлычъ, великій актеръ.

Всѣ эти похвалы комикъ слушалъ потупившись.

— Но вотъ, вѣдь, въ чемъ главное дѣло,—началъ разсуждать Дилетаевъ:—что смѣялись мы, это неудивительно: фарсъ всякой смѣшенъ; но главное—разнообразіе таланта Виктора Павлыча. Онъ, напримѣръ, можетъ сыграть всѣ почти лица: и сваху, и невѣсту, и тетку—это удивительно!... Что бы вы, теперь, могли сдѣлать въ классической комедіи!—продолжалъ онъ, обращаясь къ комику:—это выше словъ: конечно, тутъ бы смѣяться не стали; но зато, на изящный-то вкусъ какъ-бы подѣйствовало особенно въ этихъ живыхъ пассивныхъ сценахъ, на которыя съ умысломъ актеръ разсчитываетъ.

— Что вы позволите, Аполлосъ Михайлычъ, разу-

мѣть подъ классической комедіей?—спросилъ скромно комикъ.

— Какъ что такое я разумѣю подъ именемъ классической комедіи?—возразилъ хозяинъ.—Я разумѣю подъ этимъ именемъ всѣ классическія комедіи, которыя написаны по правиламъ искусства.

— Всякая комедія, если она выражаетъ что-нибудь смѣшное ярко и естественно, — классическая комедія, — возразилъ скромно комикъ.

— Ахъ, нѣтъ: это совершенно ложная мысль! перебилъ хозяинъ.—Смѣшнаго много написано: смѣшенъ водевиль, смѣшенъ фарсъ, но это не то... классическая комедія пишется по строгимъ и особеннымъ правиламъ.

— Какія же особенныя правила, mon oncle? Теперь въ Петербургѣ даются водевили, которые гораздо лучше всѣхъ вашихъ классическихъ комедій,—вмѣшался въ разговоръ Мишель.

— Ну, mon cher, ты еще не можешь судить объ этомъ; то, что я хочу сказать, ты не совсѣмъ и поймешь.

— Да почему же вы одни только можете понимать? возразилъ племянникъ.

— Молчи, пожалуйста! Твое дѣло галстухи повязывать, да воротнички выставлять — и только. Я заговорилъ объ особыхъ правилахъ классическаго искусства — извѣстны-ли они вамъ, Викторъ Павлычъ?

— Когда-то училъ-съ, но теперь ужъ совсѣмъ забылъ.

— Ну, поэтому слегка ихъ припомню вамъ; я самъ тоже давно училъ, но какъ-то врѣзалось въ память. Первое правило: единство содержанія, второе,

да... второе, я полагаю, то, чтобы пьеса была написана стихами — это необходимо для классицизма и, наконецъ, третье, ужь совершенно какъ-то не понимаю: кажется, чтобы все кончилось благополучно... напримѣръ: свадьбою или чѣмъ-нибудь другимъ; но я съ своей стороны кладу еще четвертое условіе для того, чтобы комедія дѣйствовала на вкусъ людей образованныхъ: надобно, чтобы она взята была изъ образованнаго класса; а то, помилуйте! что такое нынче пишутъ? На сценѣ фигурируютъ пьяные мужики, хохлы, лакеи, какіе-то уроды помѣщики. Такая сволочь, что не глядѣлъ бы, да и въ натурѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Возьмите вы комедію Шаховскаго — букетъ изящнаго, ароматомъ пахнетъ... Я очень бы желалъ, Викторъ Павлычъ, чтобы вы прочитали мою комедію; конечно, это не вашъ родъ, но все-таки полагаю, что вы бы произнесли ее вѣрно и съ артистическимъ одушевленіемъ.

Комикъ, прислушивавшійся сначала къ разсужденіямъ Аполлоса Михайлыча съ какою-то горькою улыбкою, подъ конецъ ничего не слыхалъ и все по-сматривалъ на закрытую книжку «Женитьбы».. Ему, кажется, очень хотѣлось еще почитать ее.

— Прочитайте-ка, Викторъ Павлычъ, мою комедію, — повторилъ хозяинъ.

— Чего-съ?—отозвался комикъ.

— Мою комедію продекламируйте.

Рымовъ немного смѣшался.

— Я не умѣю читать бѣлыхъ стиховъ,—проговорилъ онъ.

— Жаль, очень жаль, — началъ хозяинъ:—неимо-
вѣрно жаль, что вы не получили строгаго сцениче-

скаго воспитанія! Вы бы были великій художникъ — природа ваша безцѣнна; но въ настоящее время для васъ существуетъ только извѣстный родъ піесъ, комедіи райка; конечно, и въ нихъ много смѣшнаго, но ужь чрезвычайно вульгарно. Высшій классъ тоже смѣется, напримѣръ, когда пьяный мужикъ пляшетъ подъ балалайку, но все-таки въ этомъ нѣтъ истиннаго комизма. Такъ ли я, господа, говорю?—отнесся Аполдосъ Михайлычъ къ мужчинамъ:—что вы, mesdames, скажете?—прибавилъ онъ, обращаясь къ дамамъ. —Викторъ Павлычъ, я замѣчаю, не совсѣмъ соглашается съ моими мнѣніямъ.

— Мы, дамы, должны соглашаться съ вами, вы профессоръ нашъ, мы всѣ считаемъ васъ нашимъ профессоромъ, — подхватила Матрена Матвѣевна

Изъ мужчинъ судья только поднялъ брови — и молчалъ; Мишель сдѣлалъ гримасу и что-то шепнулъ на ухо Дарьѣ Ивановнѣ, которая ударила его по рукъ перчаткой и опять зажала ротъ платкомъ.

— Я согласенъ съ Матреной Матвѣевной, произнесъ Юлій Карлычъ.—Вы очень много читали, Аполдосъ Михайлычъ, да и отъ природы имѣете большое соображеніе.

— И такимъ образомъ, стало быть, одинъ Викторъ Павлычъ не согласенъ.

— Я ничего, Аполдосъ Михайлычъ... — началъ было Рымовъ.

— Ну, однако, какъ тамъ въ сердцѣ, — въ умѣ-то своемъ не убѣждены, что я правъ? — перебилъ хозяинъ.

— Я ничего-съ, только насчетъ райка... онъ иногда очень правильно судить.

— Вы думаете?...

— Да-съ, Мольеръ обыкновенно читалъ свои комедіи кухаркѣ, и если она смѣялась, онъ былъ доволенъ.

Аполлосъ Михайлычъ покачалъ головой.

— Во-первыхъ, это анекдотъ, а во-вторыхъ, что такое Мольеръ?— Классикъ! классикъ! кричатъ французы, но и только!... Нѣмцы и англичане не хотятъ и смотрѣть Мольера; я, съ своей стороны, тоже не признаю его классикомъ... А!... Никонъ Семенычъ, великій трагикъ! Васъ только и не доставало — опоздали, mon cher! и лишили себя удовольствія прослушать большую часть нашего спектакля.

Но Никону Семенычу было ни до кого и ни до чего; онъ пріѣхалъ въ очень тревожномъ состояніи духа; волосы его были растрепаны, руки и даже лицо перепачканы въ чернилахъ.

— Я пріѣхалъ читать, — проговорилъ онъ, не кланяясь почти ни съ кѣмъ.

— Да, теперь очередь за вами, — отвѣтилъ хозяинъ, подмигнувъ судьѣ и Юлію Карлычу, отчего послѣдній потупился.

— Я много передѣлалъ и прибавилъ, — началъ Никонъ Семенычъ садясь. — Могу? — спросилъ онъ.

— Сдѣлайте милость, — сказалъ хозяинъ.

Рагузовъ началъ: «Театръ представляетъ равнину на Волжскомъ берегу. Разсыпана толпа разбойниковъ въ различныхъ костюмахъ; близъ одного, одѣтаго наряднѣе другихъ, сидитъ, опершись на его плечо, молодая женщина».

— Позвольте, mon cher, я васъ перебыю: это,

стало быть, совершенно новое лицо?—возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Новое, — оно необходимо, отвѣчалъ торопливо Рагузовъ и продолжалъ уже наизусть:

„Насъ было двое: братъ и я!
„Росли мы вмѣстѣ, нашу младость
„Вскормила чуждая семья...“

— На этомъ мѣстѣ, гдѣ говорится:

„ . . . . Рѣшились межъ собой
„Мы жребій испытать иной.“

онъ остановился и сказалъ: — тутъ говорить его любовница; и продолжалъ:

Е л е н а.

„Благословляю этотъ мигъ,
„Онъ отдалъ мнѣ, мой другъ, тебя!
„Ты не преступникъ, ты великъ.
„Ты мой на вѣкъ, а я твоя!

— Позвольте, Никонъ Семенычъ, я васъ опять перебую: кто же будетъ играть эту роль? Надобно прежде это рѣшить.

— Я не знаю-съ, это ваше дѣло.

— Но какъ же все мое дѣло; не могу же я придумать все, что придетъ вамъ въ голову. Дарья Ивановна, это ваша роль.

Дарья Ивановна насмѣшливо покачала головой.

— Почему же вы думаете, что моя? Неужели же вы находите, что я похожа на любовницу разбойника? Мнѣ это досадно!

Матрена Матвѣевна взглянула на Аполлоса Михайлыча многозначительно.

— Фанничка, эту роль ты должна играть, — отнесся онъ къ племянницѣ. Но та, не смотря на любовь къ искусству, на этотъ разъ что-то сконфузилась.

— Я не сыграю, mon oncle, — произнесла она.

— Не правда, та benne amie, не правда!... Матрена Матвѣевна, она вѣдь должна играть?

— Она, непременно она... она молоденькая, хорошенькая, а мы всѣ старухи, — рѣшила вдова.

— Я, mon oncle, не умѣю играть драматическихъ ролей.

— Никонъ Семенычъ тебя научить, и я тебѣ слова два-три скажу.

— Я у васъ буду учиться, mon oncle, — отвѣчала дѣвушка.

Рагузовъ началъ читать и прервалъ этотъ разговоръ. Наконецъ онъ кончилъ.

— Стало быть, поэма ваша, Никонъ Семенычъ, должна будетъ идти отдѣльно отъ дивертисмана?

— Непременно!

— Въ такомъ случаѣ, надобно ее назвать драматической фантазіей, — произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Пожалуй, — отвѣчалъ трагикъ и всталъ.

— Ну-съ, — отнесся Дилетаевъ къ Дарьѣ Ивановнѣ, теперь ваша очередь: во-первыхъ — прощѣть, а во-вторыхъ — сыграть качучу для Фани на форте-піано.

— У меня горло болитъ, Аполлосъ Михайлычъ, — возразила она.

— Все равно-съ, болитъ-ли оно у васъ, или нѣтъ,

мы этого не знаемъ; но просимъ, чтобы вы намъ пропѣли.

— Спойте, Дарья Ивановна, дайте отдохнуть душѣ,—шепнулъ ей на ухо Мишель.

Дарья Ивановна встала и сѣла за фортепiano; голосъ ея былъ чрезвычайно звученъ и довольно мягокъ: онъ поразилъ всѣхъ; одинъ только Рымовъ, кажется, остался недоволенъ полученнымъ впечатлѣніемъ.

— Каково соловей-то нашъ заливается?—отнесся къ нему Юлій Карлычъ.

— Она не понимаетъ, что поеть,—отвѣчалъ тотъ и отошелъ.

Николай Семенычъ прослушалъ весь романсъ съ необыкновеннымъ восторгомъ.

— Madame, je vous supplie, faites moi l'honneur d'accepter un rôle dans ma pièce. Vous avez tant de sentiments. J'arrangerai un petit air tout exprès pour votre voix...—отнесся онъ, отъ полноты чувствъ, къ Дарьѣ Ивановнѣ на французскомъ языкѣ

— Je n'ai jamais parlé et chanté sur la scène, отвѣчала та небрежно и отвернулася отъ трагика.

— Прелестъ! чудо!—говорилъ Аполлосъ Михайлычъ, качая головой.

— Попросите, пожалуйста, чтобы Дарья Ивановна играла въ моей пиесѣ; я напишу для нихъ романсъ. Это будетъ очень эффектно,—обратился къ хозяину трагикъ.

— Врядъ ли станетъ она играть! Дай Богъ, чтобы что-нибудь пропѣла,—отвѣчалъ Дилетаевъ.

— Мишель! поди сюда!—кликнулъ онъ племянника. Будетъ ли у насъ Дарья Ивановна играть?

— Я почему знаю; спросите ее.

— Попроси ее, мой другъ, участвовать.

— Что-жь мнѣ ее просить... Я ничего у васъ не понимаю,—проговорилъ Мишель, и отошедъ отъ дяди, опять заговорилъ съ Дарьей Ивановной

— Фаничка! — началъ хозяинъ:— что-же твоя качуча?

— Сейчасъ начну, mon oncle,— отвѣтила дѣвушка и убѣжала въ свою комнату за кастаньетами.

Дарья Ивановна, по просьбѣ Аполлоса Михайлыча, заиграла качучу; Фани начала танцовать. Нельзя сказать, чтобы всѣ на ее были вполне отчетливы и граціозны; но за то, во всѣхъ пассивныхъ свачкахъ, которыми исполненъ этотъ танецъ, она была чрезвычайно энергична. Аполлосъ Михайлычъ, Николай Семенычъ, Матрена Матвѣевна и Юлій Карлычъ хлопали ей безпрестанно; оставались равнодушными зрителями только комикъ, который сидѣлъ въ углу и, казалось, ничего не видалъ, и судья, которому, должно быть, тоже не понравился испанскій танецъ.

— Этакое нахальство; для дѣвицы, кажется, и не прилично-бы было; простая мужичка не согласится такъ ломаться! — сказалъ онъ про себя.

Качучею заключился вечеръ испытательнаго чтенія. Общество снова возвратилось въ гостиную. Аполлосъ Михайлычъ еще долго разсуждалъ о театральномъ искусствѣ, и у него опять начался жаркій споръ съ Рагузовымъ, который до того забылся, что даже собственную комедію Дилетаева назвалъ пустышками. Аполлосъ Михайлычъ послѣ этого пересталъ съ нимъ говорить. Комикъ раньше всѣхъ простился съ хозяиномъ, который общался на другой-же день

прислать ему роль. Трагикъ уѣхалъ вскорѣ за нимъ. Дарью Ивановну поѣхалъ провожать Мишель. Фани принялась читать «Женитьбу». Матрена Матвѣевна очень долго сидѣла съ хозяиномъ въ гостиной и о чемъ-то потихоньку разговаривала съ нимъ. Всѣ гости отправились, конечно, въ экипажахъ: одинъ только Рымовъ пошелъ пѣшкомъ, повѣся голову.

— Что это такое: гдѣ я былъ? Точно сумасшедшій домъ, — разсуждалъ онъ самъ съ собою: — что такое говорилъ этотъ господинъ: классическая комедія, Мольеръ не классикъ, единство содержанія, «Женитьба» — фарсъ! — чортъ знаетъ, что такое! Столпотвореніе какое-то вавилонское!... Хорошъ же у нихъ будетъ спектакль... и комедія хороша, нечего сказать. Въ-место стиховъ — рубленая солома, но главное: каковъ виконтъ-то — волокита, — тьфу, ты проклятые! Ничего подобнаго и не слыхивалъ! Видно, въ самомъ дѣлѣ, старуха моя права: все это глупости и глупости-то страшныя!... Или ужъ я очень одичалъ, такъ не понимаю ничего, — чортъ знаетъ, что такое!

Пришедъ домой, онъ засталъ жену въ постели, съ повязанной головой. Рымовъ посмотрѣлъ на нее. Анна Сидоровна отвернулася.

— Аннушка! что съ тобой? — спросилъ онъ раздвѣваясь; но она не отвѣчала.

— За что ты сердилъ? что такое я сдѣлалъ? Больна, что-ли, ты?

— Да, — отвѣчала она.

— Что такое у тебя болитъ?

— Да вамъ зачѣмъ? Играйте тамъ, дайте хоть умереть спокойно.

— Опять старыя пѣсни!

— Лучше-бы къ какой-нибудь поганой актрисѣ вашей отпавились ночевать. Зачѣмъ меня пришли мучить?

— Тѣфу ты, дура этакая. Лежи-же, валяйся... терпѣнья нѣтъ никакого!

— Что-жь вы, подлѣць этакой, ругаетесь? Ступайте вонъ! Квартира моя — разбойникъ! еще убьете ночью, пожалуй.

Рымовъ плюнулъ и ушелъ въ другую комнату, погасилъ свѣчу и легъ на голомъ диванѣ. Прошло часа два, но ни мужъ, ни жена не спали; по крайней мѣрѣ такъ можно было заключить изъ того, что одинъ кашлялъ, а другая потихоньку всхлипывала. Наконецъ, Анна Сидоровна встала и подошла къ дверямъ комнаты, гдѣ лежалъ мужъ.

— Витя, ты спишь? начала она ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, а что?

— Поди ко мнѣ, мамочка, тебѣ тамъ жестко.

— Ругаться станешь.

— Нѣтъ, мамочка, я виновата.

Рымовъ всталъ и перешелъ къ женѣ на кровать.

— Не играй, Витя! пожалуйста, не играй: погубишь ты себя и меня!

— Чѣмъ же я погублю тебя?

— Избалуеться, мамочка, опять избалуеться, еще, пожалуй, влюбиться... вы, вѣдь, при всѣхъ, безъ стыда, цѣлуетесь, это ужъ какое дѣло семейному чловѣку.

— Отвяжись, пожалуйста; я спать хочу.

— Спи, ангелъ мой, авось тебя Богъ образумить.

Анна Сидоровна поцѣловала и перекрестила мужа.

IV.

Первая репетиція.

Дня чрезъ два, Дилетаевъ разослалъ ко всѣмъ роли; но, кромѣ того, онъ заѣхалъ къ каждому изъ дѣйствующихъ лицъ и сдѣлалъ имъ, сообразуясь съ характеромъ, наставленія и убѣжденія.

Осипъ Касьянычъ, получивъ роль, пришелъ въ совершенный азартъ: онъ бросилъ ее на полъ и началъ топтать ногами, производя при этомъ случаѣ такой шумъ, что проживавшая съ нимъ сестра подумала, Богъ знаетъ что случилось, и въ большомъ испугѣ прибѣжала къ нему.

— Батюшка, Осипъ Касьянычъ! Что этакое съ вами? — спросила она.

— Чортъ, дьяволь, бѣсъ плѣшивый, — кричалъ судья, толкая пинками роль: — ишь, какъ вздумалъ дурачить людей.

— Голубчикъ братецъ, расскажите, что такое случилось?

— Вамъ еще что надобно отъ меня? Ступайте къ себѣ. Ну что вамъ надобно? Лучше-бы рожу умыли, — проговорилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ, и совершенно разстроенный, уѣхалъ къ откупщику, гдѣ игралъ цѣлый день въ карты и, сверхъ обыкновенія, проигралъ пятьсотъ рублей, блѣднѣя и теряясь каждый разъ, когда его спрашивали, какую онъ будетъ играть роль. Послѣ такого рода непріятностей, почтенный судья о театрѣ, конечно, забылъ и думать, а пустился въ закавказскій проферансъ и выигралъ тѣму

денегъ, ограничась въ отношеніи своей роли только тѣмъ, что, когда при его глазахъ, лакей, метя комнату, задѣлъ щеткой тетрадку и хотѣлъ было ее вынести вмѣстѣ съ прочею дрянью, онъ сказалъ: «не тронь этого; пусть тутъ валяется»; но тѣмъ и кончилось.

Гораздо добросовѣстнѣе исполнялъ порученіе Дилетаева Юлій Карлычъ. Не смотря на то, что женѣ его сдѣлалось въ тотъ день еще хуже, что около него шумѣлъ и кричалъ цѣлый пятокъ различнаго возраста дѣтей, онъ тотчасъ-же началъ учить роль; но, къ несчастію, память совсѣмъ отказывалась. Пробившись, безъ всякаго успѣха, часа три, Вейсборъ рѣшился ѣхать за совѣтомъ къ учителю исторіи въ уѣздномъ училищѣ, который, по общей молвѣ, отличался необыкновенною памятью, и который дѣйствительно далъ ему нѣсколько спасительныхъ совѣтовъ: онъ предложилъ заучивать вечеромъ, но не поутру, потому что по утрамъ разумъ скоро воспринимаетъ, но скоро и утрачиваетъ; въ мѣстахъ, которыя не запоминаются, совѣтовалъ замѣчать нѣкоторые, соседственные имъ, видимые признаки, такъ напримѣръ: пятнышко чернильное, черточку, а если ничего такого не было, такъ можно и нарочно дѣлать, то есть — мазнуть по бумагѣ пальцемъ, капнуть саломъ и тому подобное, доказывая достоинство этого способа тѣмъ, что посредствомъ его онъ выучилъ со всею хронологіею исторію Карамзина. По его словамъ, метода самого Ланкастера противу изобрѣтенной имъ методы никуда не годится. Способъ дѣйствительно, надо полагать, былъ хорошъ. Дня черезъ

два, послѣ тщательнаго упражненія, Юлій Карлычъ зналъ уже четыре явленія очень порядочно.

Не малаго Аполлосу Михайлычу стоило труда уговорить и Дарью Ивановну принять на себя роль тетки въ «Женитьбѣ». Не смотря на то, что эта роль была очень маленькая, молодая дама рѣшительно отказывалась, говоря, попрежнему, что она расхохочется на первомъ словѣ; но Аполлосъ Михайлычъ увѣрялъ, что если она только выйдетъ на сцену и постоитъ, такъ и то будетъ прелестно.

Трагика тоже было трудно уломать взять роль Кочкарева. Аполлосъ Михайлычъ употребилъ для этого лесть, говоря, что Никону Семенычу всякая роль по плечу, и что онъ изъ грязи едѣлаетъ бриллиантъ. Тотъ, наконецъ, согласился и, пробѣгая роль, восклицалъ: «этакая гадость, сальность! что-то такое мужицкое, бурлацкое», и снова началъ отказываться, но Дилетаевъ снова польстилъ, и трагикъ окончательно согласился и очень скоро выучилъ роль, хотя и была она ему не по сердцу. Про *Братъевъ Разбойниковъ* и говорить нечего, — онъ эту поэму почти всю самъ пересоздалъ, и все это время походилъ совершенно на сумасшедшаго человѣка: никого не принималъ, никуда не ѣздилъ, а все занимался по этому предмету, и въ концѣ недѣли уже прислалъ Фани роль Елены — любовницы, совсѣмъ отдѣланную и переписанную. Фаничка тоже дѣйствовала отъ души. Роль гризетки она уже знала превосходно наизусть. Роль невѣсты выучила въ два дня и, наконецъ, хотя и не съ большимъ желаніемъ, принялась за роль Елены. Качучу она уже танцевала очень мило.

Въ племянникѣ своемъ Дилетаевъ встрѣтилъ опять

большое затруднение: Мишель никакъ не хотѣлъ играть и даже нагрубилъ ему въ такой мѣрѣ, что онъ принужденъ былъ выгнать его изъ дому, и рѣшился было написать записку къ аптекарю и просить того, не смотря на картавый выговоръ и совершенное незнаніе русскаго языка, — сыграть Анучкина; но впрочемъ молодой человекъ, сходявъ къ Дарьѣ Ивановнѣ, опомнился: взялъ роль и началъ ее изучать вмѣстѣ съ нею. Не знаю, дѣйствительно-ли они учили свои роли, но только говорили безпрестанно и даже устроили какую-то странную между собой игру: «Перестаньте, Мишель, я уйду,» говорила вдругъ Дарья Ивановна и уходила въ темный коридоръ, но Мишель слѣдовалъ за ней и въ коридоръ. «Ну такъ я въ мезонинъ,» говорила она. Мишель шелъ за ней и въ мезонинъ. «Ну, будетъ... довольно... Я хочу сидѣть въ гостиной.» Мишель тоже слѣдовалъ за нею.

Что касается комика, то предчувствіе Анны Сидоровны, что театръ опять собьетъ его съ панталыку, отчасти начало оправдываться. Въ тотъ же самый день, онъ не пошелъ въ контору, а ушелъ во вторую комнату, затворилъ дверь, заставилъ ее комодомъ и принялся что-то бормотать. Не осушая глазъ, бѣдная женщина готовила въ этотъ день кушанье; но ѣсть ничего не могла. Браниться и говорить мужу тоже не хотѣла; она по опыту знала, что отъ этого не будетъ никакой пользы. Вечеромъ, она отправилась ко всеобщей и со слезами молилась, чтобы отвратился ея Витя отъ этой, словно съ вѣтра напущенной на него, блажи.

Когда она пришла домой, Рымовъ вышелъ тоже изъ своей засады. Ему, видно, стало жаль жены, и

онъ хотѣлъ было вразумить ее, но тщетно: она заткнула себѣ уши и не хотѣла ничего слушать. Комикъ разсердился и попрежнему легъ надиванъ. На этотъ разъ, Анна Сидоровна не звала его уже къ себѣ, и такимъ образомъ, долженъ съ грустію сказать, что послѣ пятилѣтней спокойной жизни супруги снова провели всю ночь на одинокихъ ложахъ, какъ это часто случалось, когда Викторъ Павлычъ былъ въ труппѣ. На другой день Рымовъ, впрочемъ, пошелъ въ контору. Анна Сидоровна рѣшилась безъ него употребить послѣднее средство: она подсмотрѣла, куда мужъ спряталъ свою тетрадку, нашла ее, изорвала на мелкіе кусочки и сожгла. Пришедъ домой, комикъ сейчасъ-же хватился своей роли, но не нашелъ и, вѣроятно, догадался о постигшей ее участи: но это для него ничего незначило: онъ тотчасъ-же написалъ всю роль на память и, какъ бы въ досаду, показалъ ее Аннѣ Сидоровнѣ; но та и отвѣчать ничего не могла, а только вздохнула и, чтобы отплатить невѣрному, ушла на цѣлый вечеръ къ одной сосѣдкѣ, и тамъ, насколько доставало у ней силы, играла равнодушно въ свои козыри; но, возвратясь домой, опять впала въ тоску и идегла. Не смотря на всѣ эти отчаянные поступки жены, Рымовъ, кажется, рѣшился поставить на своемъ, и не обращалъ никакого вниманія на нее, что, конечно, еще болѣе убивало Анну Сидоровну.

Семнадцатаго февраля была назначена, по распоряженію Аполлоса Михайлыча, первая репетиція. Дилетаевъ, какъ человекъ строгій и опытный въ театральномъ дѣлѣ, настаивалъ, чтобы репетировали въ костюмахъ, и весьма сожалѣлъ, что сцена, по многимъ мѣстнымъ неудобствамъ, не была еще оконча-

тельно готова. Передъ началомъ репетиціи, Аполлосъ Михайлычъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тихое раздумье. «Я и Фани будемъ отличны, разсуждалъ онъ про себя:—Рагузовъ будетъ эффектенъ; Рымовъ одной своей фізіономіей насмѣшптъ всѣхъ; Матрена Матвѣевна будетъ тверда въ своей роли, ну а если прочіе сыграютъ и посредственно, то все-таки спектакль сойдетъ хорошо. Главное, надобно, чтобы всѣ позаботились о костюмахъ и твердо-бы знали свои роли, а тамъ ужъ музыкой и освѣщеніемъ можно будетъ пыль въ глаза бросить.»

Стулья въ залѣ, въ которой должна была происходить репетиція, еще съ утра были разставлены въ томъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, то есть: часть ихъ отдѣлена для зрителей, а два кресла были поставлены на мѣсто, назначенное для сцены: выходить должны были изъ кабинета и изъ корридора. Дѣйствующія лица собрались въ шесть часовъ. Аполлосъ Михайлычъ, Матрена Матвѣевна и Фаничка пошли одѣваться. Зрителями первой пьесы были: Рымовъ, Рагузовъ, Дарья Ивановна съ Мишелемъ и Юлій Карлычъ съ судьей: послѣдній былъ, замѣтно, въ состояніи полного ожесточенія и глядѣлъ совершеннымъ медвѣдемъ на всѣхъ и на все. Кромѣ этихъ зрителей не было никого; не смотря на убѣдительныя просьбы нѣкоторыхъ чиновниковъ и помѣщиковъ посмотреть репетицію, Аполлосъ Михайлычъ отказывалъ всѣмъ и каждому наотрѣзъ, имѣя въ виду, что отъ этого потеряетъ много эффекта самый спектакль. Черезъ часъ, изъ корридора вышла Матрена Матвѣевна въ наудренной прическѣ маркизы временъ Людовика XIV и въ бальномъ платьѣ,

вскорѣ за ней явился и виконтъ въ кафтанѣ, золотомъ камзолѣ, весь въ кружевахъ, въ парижѣ, съ маленькой шляпой, въ бѣлыхъ коротенькихъ и узенькихъ брюкахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Въ этомъ костюмѣ Аполлосу Михайлычу никто бы не далъ пятидесяти лѣтъ; но сверхъ того, самыя манеры его какъ будто бы измѣнились: онъ былъ живъ, рѣзовъ, вертлявъ и ловокъ, такъ что своею особою невольно бросалъ весьма невыгодный оттѣнокъ на маркизу, которая, сравнительно съ нимъ, далеко не выражала ловкой парижанки. Никонъ Семенычъ, какъ знатокъ театра, замѣтилъ это съ перваго раза. Репетиція началась и продолжалась въ полномъ порядкѣ, и только Матрена Матвѣевна, не смотря на твердое и прилежное изученіе роли, все еще сбивалась; въ этомъ виноватъ былъ отчасти суфлеръ, въ которые Аполлосъ Михайлычъ выбралъ своего управляющаго, человѣка хорошо читающаго и очень аккуратнаго; но аккуратность-то эта именно и вредила тутъ. Матрена Матвѣевна, какъ мы уже знаемъ, говорила очень скоро и кой-что пропускала, а суфлеръ, никакъ не успѣвавшій за нею слѣдить, когда она останавливалась на концѣ фразы, не желая, по своей аккуратности, ничего пропускать, подсказывалъ ей проговоренный монологъ, отчего и выходила путаница, которая до того разсердила Аполлоса Михайлыча, что онъ назвалъ суфлера дуракомъ. Впрочемъ явленіе съ гризеткою выкупило все. Юлій Карлычъ пришелъ въ восторгъ, даже Рагузовъ похвалилъ; хлопали и Мишель съ Дарьей Ивановной; но они, я полагаю, дѣлали это съ нашмѣшкою. *Исправленный повѣса*, наконецъ, былъ прорепетированъ. Мат-

рена Матвѣвна просила Аполлоса Михайлыча еще поучить ее; онъ, конечно, общался и тутъ же сдѣлалъ замѣчаніе насчетъ туалета, говоря, что, хотя бальное платье ея прелестно, но несогласно съ модою того времени, и общался привезти ей рисунокъ, по которому она и должна будетъ сшить себѣ платье, вполне приличное маркизѣ.

За этой пьесой слѣдовала *Женитба*; но она вовсе не такъ была удачна, какъ первая. Сцены тетки съ невѣстой и наконецъ со свахой были очень слабы. Дарья Ивановна, никакъ не хотѣвшая надѣтъ настоящаго костюма, только стояла на сценѣ, и когда суфлеръ обращался къ ней, говоря: «вамъ», она отвѣчала: «скажи за меня, я еще не выучила». — Фани была лучше всѣхъ, хотя, конечно, походила болѣе на барышню, нежели на купчиху; но по крайней мѣрѣ она знала свою роль. Матрена Матвѣвна, успѣвшая уже переодѣться, тоже знала свою роль, но и здѣсь у ней проявлялся прежній ея недостатокъ: она то говорила очень твердо, то останавливалась и, по неискusstву суфлера, не могла уже поправиться. Сцена жениховъ рѣшительно нигуда не годилась; судья и Мишель были безъ костюмовъ. Первый, вставая, объявилъ, что онъ еще и не училъ своей роли и потому сталъ, съ трудомъ разбирая, читать ее по тетрадкѣ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно читаются дѣловыя бумаги. Мишель былъ несносенъ: подобно Дарьѣ Ивановнѣ, вздумалъ было заставлять суфлера читать за себя, но Аполлосъ Михайлычъ вышелъ изъ терпѣнія, крикнулъ на него и требовалъ, чтобы онъ игралъ настоящимъ манеромъ. Мишель, надувшись, началъ читать, но безъ всякаго одушев-

ленія. Юлій Карлычъ, не смотря на все свое усердіе, былъ тоже не совсѣмъ удовлетворителенъ, потому что онъ болѣе старался, нежели игралъ. Аполлосъ Михайлычъ качалъ головой, Рагузовъ тоже качалъ головой, но только съ насмѣшкою. Рымовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ. Передъ тѣмъ явленіемъ, въ которомъ Подколесинъ долженъ былъ выдти съ Кочкаревымъ, компкъ подошелъ къ Дилетаеву.

— Піеса эта не можетъ идти, Аполлосъ Михайлычъ, — сказалъ онъ печальнымъ голосомъ.

— Это отчего?

— Она очень сложна; вы лучше замѣните ее другою: мы только будемъ путать.

— Ахъ, мой почтенный, какъ вы мало это дѣло знаете! Отчего теперь это путаютъ? Оттого, что не знаютъ своихъ ролей, а когда выучатъ, то пойдетъ прекрасно.

— Нѣтъ, вообще ее играютъ невѣрно.

— Согласенъ: но что же такое? Да и кромѣ того: чего же вы хотите отъ фарса; его только надобно твердо выучить, а тамъ и будетъ смѣшно. Выходите, мой милый, играйте, смѣшите насъ, а о прочемъ не беспокойтесь, это мое дѣло привести все въ порядокъ. Конечно она не можетъ идти такъ, какъ идетъ моя комедія, но никто этого и не требуетъ: достаточно, если мы будемъ смѣяться. Выходите, почтеннѣйшій Никонъ Семенычъ, вамъ слѣдуетъ!

Никонъ Семенычъ нехотя всталъ и пошелъ съ комикомъ на сцену; но не смотря на то, что трагикъ былъ твердъ въ своей роли, что Рымовъ скроилъ пресмѣшную фназіономію, первое дѣйствіе кончилось очень слабо.

Комикъ не выдержалъ, махнулъ рукой, отошелъ и сталъ къ окну. Рагузовъ смѣялся. Мишель съ Дарьей Ивановной тоже смѣялись. Аполлосъ Михайлычъ былъ въ безпокойствѣ.

— Не конфузьтесь, господа, сдѣлайте милость, не конфузьтесь: въ такомъ дѣлѣ по началу судить нельзя. Извольте начинать второе дѣйствіе. Фаничка, тебѣ, мой другъ, — говорилъ онъ.

— Mon oncle, да что, я не знаю; у насъ что-то нехорошо идетъ, — отвѣчала Фани.

— Ничего, моя милая, начинай!

— Что вамъ за охота, Аполлосъ Михайлычъ, заставить насъ ломаться? — замѣтилъ трагикъ.

— Не ломаться, Никонъ Семенычъ! повѣрьте, что не ломаться: выйдетъ недурно; для полноты спектакля эта пѣса необходима: что и не удастся въ ней, то наши съ вами вывезутъ. Начинай-же, Фани!

Фаничка начала. Явился потомъ Кочкаревъ и, сверхъ ожиданія, это явленіе сошло очень недурно; но при появленіи прочихъ жениховъ, опять пошла путаница, и они кое-какъ были прогнаны невѣстой. Съ уходомъ ихъ, пѣса пошла даже отлично. Рымовъ въ сценѣ съ невѣстой превзошелъ всѣ ожиданія. Всѣ разразились смѣхомъ; даже Фаничка не удержалась и захохотала. Послѣдующія явленія его съ Кочкаревымъ были хороши, а послѣдній монологъ, послѣ котораго онъ выскакиваетъ въ окно, неподражаемъ. Аполлосъ Михайлычъ хлопалъ, какъ сумасшедшій, и говорилъ, что всѣ и все отлично. Но я долженъ сказать, что не все было отлично: трагикъ рѣдко попадалъ въ настоящій тонъ; Фаничка тоже;

Аполлосъ Михайлычъ, впрочемъ, увѣрялъ, что это происходило отъ того, что она была слишкомъ молода для этой роли. Комикъ, съ нахмуреннымъ и сердитымъ лицомъ, сѣлъ на дальній стулъ и задумался.

— Вы извините меня, Аполлосъ Михайлычъ, — сказалъ Юлій Карлычъ, подходя къ хозяину:—что я не такъ твердо знаю. Право, я совершенно не имѣю памяти.

— Ничего, Юлій Карлычъ! Терпѣніе все преодолеваетъ; вы еще удовлетворительнѣе прочихъ.

Судья, подобно комику, усѣлся въ углу и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Трагикъ и Фанничка скрылись. По окончаніи *Женитьбы* слѣдовала, какъ переименовалъ Рагузовъ, драматическая фантазія: *Братья разбойники*. Черезъ полчаса изъ кабинета хозяина вышелъ Никонъ Семенычъ въ извѣстномъ уже намъ костюмѣ, т. е. въ красныхъ широкихъ шальварахъ, перетянутый шелковымъ, изумруднаго цвѣта, кушакомъ, въ какомъ-то легонькомъ казакинѣ, въ ухорской шапочкѣ, съ усами, набѣленный и на-румяненный.

— Гдѣ же другіе разбойники? — спросилъ онъ.

— Будутъ, будутъ, не беспокойтесь, — отвѣчалъ хозяинъ:—сегодня, конечно, не въ костюмахъ, но это ничего.

— Отчего же въ вашей пиесѣ всѣ были костюмированы?—проговорилъ съ досадою Рагузовъ.

— Какъ же вы, Никонъ Семенычъ, сравниваете мою пиесу: тамъ только три лица, а у васъ ихъ десять; кромѣ того, моя комедія уже три года какъ готова; а ваша только еще вчера сочинилась.

— Извините; она постарше вашей; о себѣ-то вы все придумали, а о другихъ только нѣтъ.

— Я думаю обо всѣхъ и обдумалъ уже все; костюмы ваши несложны, они въ два дня поспѣютъ.

Явилась Фани въ костюмѣ любовницы разбойника, и можно сказать, что нарядъ ея былъ очень хорошъ. На головѣ ея тоже была какая-то шалочка, станъ обхватывался коротенькимъ съ корсажемъ платьецемъ, сшитымъ наподобіе швейцарскихъ.

— Этотъ костюмъ невѣренъ, mademoiselle, — сказалъ трагикъ, осматривая ее.

— Миѣ дяденька его сочинилъ, — отвѣчала Фани.

— Какъ вы, Никонъ Семенычъ, говорите — невѣренъ! — воскликнулъ Дилетаевъ. — Сами назвали поэму драматической фантазіей, а не довольны фантастическимъ костюмомъ. На васъ самихъ костюмъ очень необыкновенный.

— У меня-то ужъ вовсе обыкновенный и самый національный.

— Ну и прекрасно, будь по вашему; я уже себѣ далъ слово не спорить. Фани будетъ играть въ этомъ костюмѣ. Это рѣшено.

Трагикъ насмѣшливо улыбнулся.

— А гдѣ же разбойники? — повторилъ онъ.

— Сейчасъ... Юлій Карлычъ, Мишель, Осипъ Касьянычъ, пойдите въ разбойники, — произнесъ хозяинъ приподымаясь. — Викторъ Павлычъ! потрудитесь и вы: мы васъ одѣнемъ старымъ подьячимъ, которые присутствовали въ разбойничьихъ шайкахъ.

На этотъ призывъ хозяина поднялся только одинъ Юлій Карлычъ.

— Сдѣлайте милость, господа, — повторилъ насто-

ательно хозяинъ,—Мишель, ступай, кинь папиросу, точно не накуришься! Осипъ Касьянычъ, пожалуйста! Полно вамъ тамъ сидѣть въ углу. Викторъ Павлычъ! пойдемте,—прибавилъ хозяинъ, беря комика за руку.

Гости нехотя вошли на сцену.

— Только-то?—спросилъ Никонъ Семенычъ.

— Покуда только, а на представленіе я приготавливаю лакеевъ. Размѣщайте картину сообразно вашему плану.

Трагикъ началъ: на аванъ сцену онъ посадилъ самого хозяина въ позѣ кровожаднаго эсаула. Судью, какъ онъ ни отиѣкивался, Никонъ Семенычъ положилъ на землю плашмя и велѣлъ ему дремать; Мишель былъ тоже положенъ, но лицомъ, обращеннымъ къ самому трагику. Комикъ посаженъ былъ на корточки; актерская натура его и тутъ не выдержала; онъ скорчилъ такую уморительную физиономію, что все разбойники и дамы захохотали. Фани посажена была около самого Никона Семеныча и должна была опираться на его плечо; она исполнила это съ большимъ надъ собою усиленіемъ.

Твердо, съ одушевленіемъ и большою драматическою аффектаціею началъ Никонъ Семенычъ свою роль, обращаясь попеременно то къ тому, то къ другому разбойнику, которые слушали его; но онъ, по преимуществу, остался доволенъ самимъ хозяиномъ и комикомъ: первый, дѣйствительно, дѣлалъ чрезвычайно звѣрскую физиономію, когда трагикъ рассказывалъ объ убогомъ и о богатомъ жидахъ, которыхъ онъ рѣзалъ на дорогѣ; второй же выражалъ другаго рода чувства: робость, подлость и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже кровожадность, и былъ такъ смѣшенъ,

что, бывшія зрительницами, Матрена Матвѣевна и Дарья Ивановна, не смотря на серьезное содержаніе пьесы, хохотали. Фани, въ роли любовницы, была хороша, только очень мало обращалась къ своему любовнику, впрочемъ произносила стихи съ чувствомъ. Драматическая фантазія сошла очень удовлетворительно, такъ что Аполлосъ Михайлычъ сказалъ:

— Я не ожидалъ, чтобы все это сошло такъ недурно. Вы очень хороши, Никонъ Семенычъ, въ драматической поэзіи.

Затѣмъ слѣдовала пѣсня: *Оседлаю коня* — Дарья Ивановны и *качуча* — Фани. Хозяинъ настоялъ, чтобы и онѣ прорепетировали, и привелъ по этому случаю извѣстную поговорку: *Repetitia est mater studiorum*. Дарья Ивановна, акомпанируя себѣ, пропѣла свой *chef-d'oeuvre* и привела снова въ восторгъ Никона Семеныча, который приблизился было къ ней съ похвалою, но въ то же время подошелъ къ молодой дамѣ Мишель, и она, отвернувшись отъ трагика, заговорила съ тѣмъ. Фаничка подсѣла къ комику.

— Какъ вы хорошо играете, — сказала она: — лучше всѣхъ насъ; вы поучите меня играть?

— Наша пьеса не пойдетъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же?

— Она очень дурно исполняется.

— Но вы хорошо играете.

— Я одинъ ничего не значу.

— Фаничка, тебѣ танцовать качучу; переодѣнься, моя милая, въ другой костюмъ, — произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

Фани убѣжала въ свою комнату, и когда явилась, то была уже одѣта по-балетному, даже въ трико, ко-

торое нарочно купилъ для нея Аполлосъ Михайлычъ въ Москвѣ. Дарья Ивановна съла играть за фортепiано. Впечатлѣніе, произведенное танцами Фани, было таково же, какъ и прежде. Трагикъ качалъ отъ удивленія головою; Матрена Матвѣевна дѣлала ей ручкой; комикъ смотрѣлъ на дѣвушку гораздо внимательнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Актеры разошлись очень поздно, оставивъ хозяина въ совершенномъ утомленіи. Пришедъ въ свой кабинетъ, Аполлосъ Михайлычъ бросился въ свои покойныя кресла.

— Охъ, Творецъ небесный, какъ я усталъ! — вотъ пословица говорится: охота пуще неволи; ахъ, какъ всё они мало искусство-то понимаютъ: просто никто ничего не смыслить! — произнесъ онъ самъ съ собою, и будучи уже болѣе не въ состояніи ничего ни думать, ни дѣлать, раздѣлся и бросился въ постель.

V.

Хлопоты антрепренера.

На другой день, Дилетаевъ лежалъ еще въ постели, когда подали ему письмо отъ Рымова, въ которомъ тотъ отказывался играть и писалъ, что у него больна жена, и что комедія, въ которой онъ участвуетъ, такъ дурно идетъ, что ее непременно слѣдуетъ исключить.

— Вотъ тебѣ на! — проговорилъ Аполлосъ Михайлычъ, совершенно пораженный. — На кого была надежда, тотъ и лопнулъ. Завидно вотъ, почему моя пiеса идетъ лучше всего. Какое это дьявольское артистическое самолюбіе! Съ простыми людьми, право, легче составлять спектакли: тѣ, по крайней мѣрѣ, не умни-

чаютъ, а исполняютъ, что велятъ. Велика фигура — мѣщанинъ какой-то, и тотъ важничаетъ!

Но и простые люди вышли не лучше комика: судья тоже прислалъ записку, въ которой напрямикъ отказывался и увѣдомлялъ, что онъ завтра-же отбудетъ въ отпускъ въ губернію.

Дилетаевъ не выдержалъ и, разорвавъ обѣ записки на мелкіе куски, бросилъ ихъ наполь.

— Вотъ вамъ люди!—продолжалъ онъ, обращаясь къ окну, изъ котораго виднѣлась городская площадь, усыпанная, по случаю базара, народомъ: — позови обѣдать, — такъ цѣшкомъ прибѣгутъ! Покровительство нужно, — на колѣни, подлець, станеть, въ грязи въ ноги поклонится! а затѣй что-нибудь поблагороднѣе, такъ и жена больна, и въ отпускъ надобно ѣхать... Погодите, мои милые, дайте мнѣ только дѣло кончить: въ калитку мою вы не заглянете.

Размысливъ хорошенько, Аполлосъ Михайлычъ о судьѣ уже не жалѣлъ, потому что тотъ и по характеру былъ большой невѣжа, да и играть совершенно не умѣлъ; но комика Дилетаевъ поклялся не вынукать изъ рукъ, вслѣдствіе чего тотчасъ-же спросилъ себѣ одѣваться, велѣлъ закладывать лошадь и проѣхалъ прямо къ Рымову. Здѣсь онъ увидѣлъ довольно странную сцену: на стулѣ, у окна, сидѣлъ совсѣмъ растрепанный комикъ, съ лицомъ мрачнымъ и невымытымъ; тутъ же на маленькой скамейкѣ, прикинувъ головой къ колѣнамъ мужа, сидѣла Анна Сидоровна, уставивъ на него маленькіе глаза, исполненные нѣжности. Кромѣ того она цѣловала его руку.

Читатель, вѣроятно, догадывается, что подобное се-

мейное счастье возникло вследствие отказа Рымова участвовать въ спектаклѣ.

— Виноватъ... — проговорилъ Аполлосъ Михайлычъ, понятившись назадъ.

Комикъ вскочилъ и толкнулъ жену ногою. Та вскригнула и убѣжала.

— Сдѣлайте милость, не беспокойтесь. Я прѣхаль на два слова; побраню васъ и уѣду, — проговорилъ гость, между тѣмъ какъ сконфуженный хозяинъ рѣшительно не находилъ, какъ бы поправить свой туалетъ.

— Позвольте, — произнесъ онъ, хватаясь за пальто и натягивая на себя.

— Опять повторяю, не беспокойтесь, — проговорилъ гость: — артистамъ другъ съ другомъ нечего церемониться. Во-первыхъ, супруга ваша не больна; во-вторыхъ, комедія идетъ безподобно; стало быть, всѣ препятствія разбиты мною въ прахъ и, слѣдовательно, вы не скроете и не закопаете вашего таланта, а блеснете имъ во всей красѣ.

— Нѣтъ-съ, я не могу играть, Аполлосъ Михайлычъ, — возразилъ комикъ.

— Вы можете и вы будете играть.

— Помилуйте, сдѣлайте милость, не беспокойтесь: мой мужъ не такъ здоровъ... зачѣмъ же ему себя изнурить, — произнесла, выходя, Анна Сидоровна, въ сильномъ волненіи.

— Мужъ вашъ, сударыня, здоровъ, вы тоже; все обстоитъ благополучно, поэтому они будутъ играть, а вы будете любоваться. Мнѣ очень совѣстно, что вы не пожаловали на нашу первую репетицію. Я, въ моимъ хлопотахъ, совершенно забылъ послать за вами экипажъ; но впередъ этого ужь не будетъ.

— Благодарю васъ; я не охотница, — произнесла она отрывисто. — Вы, кажется, Викторъ Павлычъ, сами говорили, что больны, и, кажется — не молоденькій ломаться. Что-же это такое? Кто васъ ни позоветъ, вы сейчасъ соглашаетесь, — прибавила она, обращаясь къ мужу.

Комикъ стоялъ нахмурившись; Дилетаевъ вышелъ изъ терпѣнія и пожалъ плечами.

— Я имѣю, сударыня, дѣло не съ вами, а съ вашимъ мужемъ, — замѣтилъ онъ. — Не угодно-ли вамъ, Викторъ Павлычъ, по-крайней-мѣрѣ, объяснить мнѣ, почему вы не желаете участвовать въ нашемъ спектаклѣ. Общество у меня собрано приличное и васъ никоимъ образомъ не можетъ компрометировать. Если вы недовольны пьесой, то и это опять несправедливо. Вы сами ее очень хвалили. Я, съ своей стороны, готовъ бы даже былъ уступить вамъ свою роль изъ моей комедіи, которая дѣйствительно идетъ очень хорошо. Но сами согласитесь: я авторъ и писалъ ее нарочно для себя. Кроме того, Викторъ Павлычъ, я позволяю себѣ вамъ замѣтить, что у меня играютъ люди благородные, которые и не сродны къ этому дѣлу, и заняты другими обязанностями; но они, желая доставить мнѣ удовольствіе, играютъ. Я долженъ прямо вамъ сказать, что впоследствии времени могъ-бы быть полезенъ для васъ.

— Намъ, бѣднымъ людямъ, не слѣдъ мѣшаться между благородными, — возразила Анна Сидоровна.

Но Аполлосъ Михайлычъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова.

— Сдѣлайте милость, господинъ Рымовъ, рѣшите мое сомнѣніе, — отнесся онъ къ комику.

— Я отказываюсь потому, что эта пьеса не может идти, — отвѣчалъ тотъ.

— Отчего-же не можетъ?

— Оттого, что никто не играетъ.

— Вовсе нѣтъ-съ, напротивъ: всѣ играютъ, а ролей только еще не знаютъ. Развѣ Фани не играетъ? Развѣ Никонъ Семенычъ не отчетливо хорошъ въ Качкаревѣ?

— Они знаютъ роли.

— И съ этимъ я несогласенъ. Они выполняютъ роли, а прочіе тоже выучатъ, — это ужъ мое дѣло!

— Прочіе даже и стоять на сценѣ не умѣютъ.

— Вы очень строго судите, милый мой, — возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. — Не знаю, участвовали ли вы когда-нибудь въ благородныхъ спектакляхъ, но только я скажу, что это совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ публичный театръ. На насъ будутъ смотрѣть, какъ на любителей, которые, для собственнаго удовольствія, разучили нѣсколько сценъ — и только. Вы сказали, что Осипъ Касьянычъ, Юлій Карлычъ и Мишель не умѣютъ стоять на сценѣ. Это совершенно справедливо, и повѣрьте: я, имѣя это въ виду, сегодня ночью придумалъ превосходный оборотъ. Мы выкинемъ изъ пьесы всѣ сцены, гдѣ участвуетъ экзекуторъ, морякъ, офицеръ этотъ и, наконецъ, сваха и тетка.

— Какъ-же вы это выкинете? — спросилъ комикъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Такъ просто: какъ обыкновенно выкидываютъ.

— Тогда выйдетъ чушь, которой нельзя будетъ и понять, — возразилъ комикъ.

— Изъ фарса, г. Рымовъ, что ни дѣлай, никогда

чушь не выйдетъ, потому что онъ самъ по себѣ чушь. Но эта пьеска переработается даже прекрасно, такъ что перещеголяетъ, я думаю, подлинникъ, потому что будетъ имѣть единство.

— Нельзя-съ, этого нельзя.

— Нѣтъ-съ, можно! Извольте слушать; первое явленіе: вы со слугой. Слугу буду играть я самъ. Угодно вамъ? Хотя это и не моя роль и не моего вкуса, но для театра я готовъ пожертвовать всѣмъ. Свахи нѣтъ. Является Кочкаревъ и съ нимъ вся сцена. Потомъ, зачеркивается все и начинается съ того мѣста, гдѣ невѣста разсуждаетъ о женихахъ. Приходитъ Кочкаревъ, совѣтуетъ ей брать Подколесина и приводитъ его, а тутъ опять можетъ идти все сплошь. Такимъ образомъ, пьеса прекрасно начнется и отлично кончится.

Комикъ все еще недоумѣвалъ, но было замѣтно, что остроумная выходка Аполлоса Михайлыча сильно его поколебала.

— Полноте, мой любезнѣйшій, Викторъ Павлычъ, нечего думать и разсуждать. Поѣдьте сейчасъ же ко мнѣ и примемся за передѣлку комедіи. Не хуже-же, чортъ возьми, Рагузова мы справимся съ этимъ дѣломъ: онъ прибавляетъ, а мы будемъ убавлять. Я мастеръ на эти дѣла, если-бы охота пришла, такъ бы этакихъ фарсовъ по десятку въ ночь писалъ. Ну-съ — по рукамъ?... — прибавилъ Дилетаевъ.

— Я такимъ образомъ согласенъ-съ, проговорилъ комикъ. Анна Сидоровна поблѣднѣла и задрожала. Она взянула на мужа, но тотъ отвернулся.

— Итакъ!...— произнесъ съ восторгомъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Сейчасъ буду готовъ, — отвѣчалъ Рымовъ и ушелъ въ сосѣднюю комнату. Анна Сидоровна кинулась было за нимъ, но дверь была заперта.

— Какъ я радъ, что уговорилъ вашего супруга, — отнесся къ ней гость; но она ничего ему не отвѣтила и тотчасъ же вышла изъ комнаты, прошла въ кухню, сѣла на лавку и горько заплакала.

Рымовъ уѣхалъ съ Дилетаевымъ.

Женитьба въ одинъ день была передѣлана, какъ нельзя удобнѣе для сцены. Въ дальнѣйшее затѣмъ время, Аполлосъ Михайлычъ работалъ неутомимо. Онъ пригласилъ городскихъ жителей всѣхъ классовъ и разослалъ нѣсколько пригласительныхъ билетовъ къ помѣщикамъ въ усадьбы. Репетиціи шли довольно ужь твердо. Костюмы для разбойниковъ были приготовлены. Матрена Матвѣевна менѣе и менѣе ошибалась въ репликахъ. Рымовъ смѣшилъ всѣхъ до истерики; однимъ словомъ, все это было хорошо, и Дилетаева безпокоила одна только механическая часть. Представленіе должно было прозойти на фабрикѣ у купца Яблочкина, производящаго полотно, который, по просьбѣ Дилетаева и по старинному съ нимъ знакомству, далъ для театра огромную залу въ своемъ заведеніи; но все-таки, онъ былъ купецъ и поэтому имѣлъ большіе предрасудки, такъ, напримѣръ: залу далъ, — даже фабричное производство на всю масляницу остановилъ, но требовалъ, чтобы ни одного гвоздя ни въ полъ, ни въ стѣны не было вколочено. Прошу, при этакихъ условіяхъ, помѣстить всю театральную обстановку! Одна только гениальная изобрѣтательность и необыкновенное знаніе дѣла Аполлоса Михайлыча могли все это обдѣлать. Въ залѣ,

предназначенной для публики, было поставлено нѣсколько рядовъ креселъ и сверхъ того, сзади, возвышался амфитеатромъ раёкъ для купцовъ и мѣщанъ. Сцена была возвышенная; подзоры, очень затѣйливо нарисованные, подъ пунцовыя бархатныя драпри, повѣшены. Декораціи, то есть: голубая комната, а на другой сторонѣ желтая, и лѣсъ, были привезены изъ усадьбы Дилетаева и поставлены. Наконецъ, опустился и передній занавѣсъ, — онъ былъ вновь изготовленъ. Антрепренеръ показалъ и здѣсь неподражаемую свою изобрѣтательность: у него были очень старинныя, но прелестныя французскіе обои, которые представляли маленькихъ летящихъ амурчиковъ, и еще, тоже старинной, но прекрасной работы, эстампъ, изображающій Талію. Эта-то Талія и сотни три амурчиковъ были вырѣзаны изъ своихъ мѣстъ и наклеены на голубой каленкоръ. Талія, конечно, помѣстилась въ срединѣ и видъ былъ прелестный, особенно, при вечернемъ освѣщеніи. Аполлосъ Михайлычъ водилъ всѣхъ своихъ актеровъ полюбоваться своимъ изобрѣтеніемъ. Уборныя для мужчинъ и дамъ были тоже приготовлены: кавалерамъ въ холодномъ чуланѣ, для согрѣванія котораго Дилетаевъ предполагалъ въ день представленія поставить три самовара; а для дамъ въ сосѣдней сторожкѣ, которую по этому случаю оклеили обоями, а находящуюся въ ней русскую печь заставили ширмами.

Болѣе всего Аполлосъ Михайлычъ хлопоталъ съ оркестромъ. При первомъ испытаніи оказалось, что Никонъ Семенычъ вовсе не занимался музыкой и неизвѣстно для чего содержалъ всю эту сволочь. Капельмейстеръ, державшій первую скрипку, былъ лѣни-

вѣйшее въ мѣрѣ животное: вмѣсто того, чтобы упражнять оркестръ и совершенствоваться самому въ музыкѣ, онъ или спалъ, или удилъ рыбу, или, наконецъ, игралъ съ барской собакой на дворѣ; про прочую братію и говорить нечего: мальчишка волторнистъ былъ такой шалуни, что его слѣдовало бы непремѣнно разъ по семи въ день сѣчь: въ волторну свою онъ насыпалъ песку, наливалъ шей и даже засовывалъ въ широкое отверстіе ея маленькихъ котятъ. Вторая скрипка только еще другой мѣсяцъ начала учиться. На флейтѣ игралъ старичишка — глухой, вялый; онъ, обыкновенно, отставалъ отъ прочихъ по-крайней-мѣрѣ на двѣ или на три связки, которыя и доигрывалъ послѣ; другіе и того были хуже: на віолончели бы игралъ порядочный музыкантъ, но былъ страшный пьяница и у него чрезвычайно дрожали руки; въ барабанъ колотилъ кто придется, вслѣдствіе чего Аполлосъ Михайлычъ и принужденъ былъ барабанъ совсѣмъ выкинуть. Кадрили они играли еще сносно, конечно флейта дѣлала грубыя ошибки, а волторнистъ отпускалъ какую-нибудь шалость; но, по-крайней-мѣрѣ, самъ капельмейстеръ и крѣпко запивающая віолончель дѣлали свое дѣло; однако при всемъ томъ — не кадрили же играть на спектаклѣ?

Дилетаевъ пришелъ въ ужасъ, когда разсмотрѣлъ ихъ репертуаръ: музыканты играли всего только двѣ французскія кадрили, мазурку Хлопицкаго, симфонію изъ *Калифа Багдадскаго* и какую-то старую увертюру изъ *Русалки*, да нѣсколько русскихъ пѣсенъ. — Что прикажете при такой бѣдности избрать на четыре антракта? А главное: подъ какую музыку будетъ тан-

цовать Фани? Онъ далъ было пмъ для разученія фортепiаннныя ноты качучи, но капельмейстеръ рѣшительно отказался, говоря, что онъ не умѣетъ переложить, потому что не знаетъ генераль-баса. Дилетаевъ сказалъ въ глаза Никону Семенычу, что ему приличнѣе держать лошадиный заводъ, чѣмъ музыкантовъ; но тотъ этимъ не обидѣлся, потому что въ это время былъ занятъ своимъ дѣломъ: онъ сочинялъ еще новый монологъ въ своей драматической фантазiи.

Покорившись необходимости, Дилетаевъ съ музыкой распорядился такимъ образомъ: передъ представленiемъ, кадрили, между первымъ и вторымъ актомъ — мазурку, которую они лучше всего исполняли; передъ *Женитьбой* — «*Дуцинушку*» и «*Небѣлы-то-ли снѣжки*» передъ дивертисманомъ увертюру изъ *Русалки*. Фани свою качучу должна была танцовать подъ игру Дарьи Ивановны на фортепiано.

Афишки написалъ самъ Аполлосъ Михайлычъ.

Онѣ были таковы:

184 года.

Ж . . . . Ъ.

Спектакль любителей, составленный Аполлосомъ Михайлычемъ Дилетаевымъ.

1.

ВИКОНТЪ И ГРИЗЕТКА, или ИСПРАВЛЕННЫЙ ПОВѢСА.

Оригинальная комедiя, сочиненiя Аполлоса Дилетаева.

Дѣйствующiя лица:

Маркиза Монъ-Бланъ . . . . . М. М. Рыжова.

Виконтъ Де-Сусье. . . . . А. М. Дилетаевъ.
 Роза, гризетка . . . . . Ф. П. Дилетаева.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ царствованіе Людовика
 XIV, на дачѣ близъ онаго.

2.

СЦЕНЫ ИЗЪ «ЖЕНИТЬБЫ»,

комедіи, соч. Гоголя, передѣланныя и поставленныя на сцену
 В. П. Рымовымъ.

Дѣйствующія лица:

Подколеснѣнъ. . . . . В. П. Рымовъ.
 Кочкаревъ, его другъ. . . . . Н. С. Рагузовъ.
 Невѣста. . . . . Ф. П. Дилетаева.
 Степанъ, слуга Подколеснна. . . . . А. М. Дилетаевъ.

3.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

Драматическая фантазія, передѣланная изъ поэмы Пушкина, того
 же наименованія, Н. С. Рагузовымъ, со вновь изобрѣтенными
 костюмами и декораціями.

Дѣйствующія лица:

Атаманъ разбойниковъ . . . . . Н. С. Рагузовъ.
 Елена, его любовница. . . . . Ф. П. Дилетаева.
 Разбойники { . . . . . А. М. Дилетаевъ.
 . . . . . М. П. Дилетаевъ.
 . . . . . В. К. Вейсборъ.
 . . . . . } и другіе
 Старинный подъячій. . . . . В. П. Рымовъ.

Въ заключеніе данъ будетъ

ДИВЕРТИСМАНЪ,

въ коемъ Ф. П. Дилетаева будетъ плясать качучу, въ національномъ костюмѣ; а Д. И. Здруева будетъ пѣть романсъ:
„Остдаю коня!“

Начало въ семь часовъ. Представленіе произойдетъ на фабричномъ заведеніи г. Яблочкина. Билеты, безъ платы, могутъ получаться отъ самого г. Дилетаева. Дѣти никакимъ образомъ не могутъ быть приводимы. Входъ на сцену публикѣ запрещается.

Захлопотавшись по театру, Аполлосъ Михайлычъ чрезвычайно много надѣлалъ ошибокъ въ приглашеніи гостей и сбился въ раздачѣ билетовъ: людямъ почтеннымъ и уважаемымъ досталось въ заднихъ рядахъ, а на передніе насажалъ дрянъ; другимъ, тоже очень значительнымъ семействамъ, вовсе не достало мѣста, и наконецъ хуже всего, по общему говору, было то, что онъ сзади устроилъ раекъ для черни, которая, по всѣмъ соображеніямъ, должна была произвести непріятный для другаго общества воздухъ.

Рымовъ очень много помогалъ Аполлосу Михайлычу и училъ потихоньку Фани, которая, надобно сказать, оказала большіе успѣхи. Онъ сдѣлалъ изъ нея совсѣмъ купеческую невѣсту, такъ что на одной репетиціи Аполлосъ Михайлычъ удивился.

— Вотъ, что значитъ, — говорилъ онъ: — классическое, сценическое воспитаніе, которое я далъ Фани: она сыграетъ всякую роль!

Такимъ образомъ одушевился комикъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, «Женитьба» пошла очень твердо, а во-вторыхъ, Анна Сидоровна отбыла изъ

города. Какимъ образомъ это случилось, мы увидимъ дальше.

VI.

Рымовы и ихъ прошедшее.

Анна Сидоровна, которую мы оставили въ слезахъ, не смотря на страстную любовь къ мужу, пришла противъ него въ сильное ожесточеніе: она первоначально заперла ворота, вѣроятно съ цѣлью не пускать его домой, потомъ открыла комодъ и выбросила весь гардеробъ супруга на дворъ. Вспомнивъ, что у нея есть, подаренная Витею, чашка, она тотчасъ же разбила ее вдребезги, и наконецъ, утомленная и истерзанная, съѣла. Въ воротахъ послышался стукъ. Анна Сидоровна все забыла. Ей представилось, что это стучится воротившійся мужъ, который, можетъ быть, разсорился съ злодѣемъ Дилетаевымъ, отказался отъ проклятаго театра и возвращается къ ней. При всей своей полнотѣ, она, скачками, пробѣжала сѣни, дворъ и отворила калитку. Передъ ней стоялъ лакей въ ливреѣ. Анна Сидоровна попятилась.

— Чей ты, батюшка?—проговорила она.

— Дилетаевскій. Здѣсь Викторъ Павлычъ живетъ?
— спросилъ тотъ.

— Никакого нѣтъ здѣсь для васъ Викторъ Павлыча. Убирайтесь, откуда пришли.

— Имъ письмо барышня прислала, — говорилъ лакей.

— Какая барышня?

— Наша барышня.

— Дай сюда, — вскрикнула Анна Сидоровна и, вырвавъ проворно изъ рукъ лакея записку, захлопнула калитку; ничего не понимая, ничего не размышляя, она, тутъ же на улицѣ, начала читать письмо; это была записка отъ Фани, которая писала: «Приходите, Викторъ Павлычъ, сегодня вечеромъ, къ намъ; но только потихоньку, чтобы дяденька не видалъ; онъ не любитъ, чтобы меня другіе учили; вы всё роли прочитаете. Вы мнѣ очень понравились; какъ вы славно играете. Пройдите заднимъ крыльцомъ и спросите меня.»

Бѣдная женщина, прочитавъ эти роковыя строки, сдѣлалась совершенно сумасшедшей. Бросилась было къ городничему съ намѣреніемъ пожаловаться на мужа; но тамъ ее дежурный солдатъ не пустилъ, потому что градоначальникъ въ то время спалъ, и сказалъ ей, чтобъ она пришла вечеромъ въ полицію. Возвратившись въ свою квартиру, она схватила мужинъ фракъ, изрѣзала его вдоль и поперекъ, кинула сапоги его въ колодезь и, написавъ какую-то записку, положила ее на столъ, собрала потомъ нѣсколько своихъ платьевъ, перебила затѣмъ все горшки въ кухнѣ и пошла сначала по улицѣ, а потомъ и за городъ. Пройдя около двухъ верстъ, она начала нанять ѣхавшаго съ базара мужика отвезти ее въ Кузмищево, сторговалась съ нимъ и поѣхала. Въ Кузмищевѣ проживали двѣ благородныя старыя дѣвушки помѣщицы, которыя принимали въ Аннѣ Сидоровнѣ большое участіе и просили ее пріѣзжать къ нимъ погостить всякій разъ, какъ закутить ее пьянчужка.

Рымовъ возвратился домой отъ Аполлоса Михайлыча часу въ пятомъ. Увидѣвъ разбросанное на дворѣ

свое платье, онъ, кажется, не удивился и вошелъ въ квартиру. Здѣсь открылось еще болѣе: на полу валялась разбитая чашка, самоваръ былъ опрокинутъ и, наконецъ, на стулѣ лежалъ изрѣзанный фракъ. Рымовъ поблѣднѣлъ. «Этакая дура!» воскликнулъ онъ: «этакимъ уродомъ безобразнымъ!» продолжалъ комикъ и, сжавъ кулаки, пошелъ искать Анны Сидоровны; но, конечно, не нашелъ.

— Ну, скажите пожалуйста,—продолжалъ онъ, съ горькою улыбкою, разсматривая свой фракъ:—не совѣмъ-ли это сумасшедшая женщина! Ну, голубушка, погоди! ты у меня мѣсяца два просидишь на одномъ хлѣбѣ. Я фракъ себѣ сошью, а ты у меня поголодаешь!...

Проговоря эти слова, комикъ вздохнулъ и началъ подбирать разбросанныя вещи. Тутъ ему попалась на глаза записка Анны Сидоровны. Онъ ее прочиталъ и усмѣхнулся.

Анна Сидоровна писала такъ: «Безпремѣнно, вы не увидите меня, я уѣхала къ моимъ благодѣтельницамъ. Оставайтесь съ вашими записочками. Дай Богъ вамъ нажить другую такую; но я скажу, ни одна не будетъ переносить столько отъ вашего пьянства и безобразія, подлый этакимъ человѣкъ».

«Анна Рымова».

По самому почерку и подписи фамиліи замѣтно было, что послѣднія слова были написаны въ сильномъ ожесточеніи.

Для разъясненія и, отчасти, оправданія страннаго предубѣжденія, которое имѣла Анна Сидоровна противъ театра, я намѣренъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о прошедшемъ Рымовыхъ: происхождение Вик-

тора Павлыча было очень темное, и я знаю только то, что на семнадцатомъ году у него не было ни отца, ни матери, ни родныхъ, и онъ, съ третьяго класса гимназiи, содержалъ себя самъ, учивъ, за столъ, квартиру и виць-мундиръ, маленькаго, но богатаго гимназистика изъ перваго класса, у котораго и оставался менторомъ до самаго выпуска. Большимъ рвениемъ къ наукамъ Рымовъ не отличался, но замѣчательенъ былъ способностiю передразнивать: онъ неподражаемо копировалъ учителей, трактирныхъ половыхъ, кунцовъ, помѣщиковъ на станціяхъ; но кромѣ того, представлялъ даже, какъ собаки лаютъ, жеребца на выводкѣ, громъ съ молніей, и все это весьма искусно, чему, можетъ быть, много способствовало его необыкновенно подвижное лицо. Въ мѣстный театръ онъ ходилъ всякій разъ, какъ заводился въ карманѣ трех-гривенный, и всѣ почти комедіи зналъ наизусть. Званіе домашняго учителя, по безпечности характера, ему очень нравилось, и потому, кончивъ курсъ гимназiи, онъ продолжалъ заниматься частными уроками, перебывалъ, по крайней мѣрѣ, въ пятнадцати губерніяхъ, попалъ наконецъ въ Москву и поступилъ къ одной старухѣ для образованiя ея внучка. У старухи кромѣ того была еще воспитанница, двѣнадцатилѣтъ около двадцати пяти, румяная, полная и очень живая и веселая. Съ перваго же раза она начала съ молодымъ учителемъ заигрывать: то оболъетъ его водой изъ окна, то пришьетъ къ простынѣ, когда онъ спитъ послѣ обѣда, раскидаетъ по полу всѣ его книги, запретъ его въ комнату и унесетъ съ собою ключъ. Рымову было тогда двадцать два года; онъ началъ шалуныѣ отвѣчать тѣмъ же: напугаетъ ночью въ корридорѣ, кинетъ ей

нечаянно изъ саду въ окно мячемъ, или забьется къ ней подъ кровать, когда она идетъ спать. Наконецъ, игрушки ихъ зашли очень далеко. Старуха узнала и обоихъ прогнала. Бѣдные любовники поселились вмѣстѣ. Рымовъ первый опомнился въ своей необдуманности. Бѣдность была страшная; надежды впереди — никакой, но этого еще мало: приглядѣвшись къ Аннушкѣ, онъ въ ней разочаровался; она была замѣтно простовата, совершенно необразованна и, наконецъ, связывала его, что называется, по рукамъ и по ногамъ. Но не то было съ Анной Сидоровной: страсть ея день ото дня разгоралась: прямо и вкось, слезами, просьбою и бранью, она требовала, чтобы онъ женился на ней. Рымовъ долго не сдавался и, между прочимъ, началъ попивать, ничего не дѣлать, а только бутить и буянить. — Все сносила Анна Сидоровна и настояла, наконецъ, на своемъ, то есть сдѣлалась его женой. Съ этихъ поръ, судьба Рымова и даже самъ онъ — измѣнились къ лучшему: онъ нашелъ, по рекомендаціи своего стараго товарища, нѣсколько уроковъ, пересталъ пить, тосковать и все пошло какъ нельзя лучше. Маленькія семейныя сцены выходили только изъ того, что Рымовъ, какъ самъ онъ выражался, ненавидѣлъ лизанья, а Анна Сидоровна была очень нѣжна и страстна. Въ это блаженное время, она съ каждымъ днемъ полнѣла и развивалась до того значительнаго размѣра, въ которомъ мы ее встрѣтили. Однажды затѣялся въ одномъ домѣ, гдѣ Викторъ Павлычъ давалъ уроки, театръ; его пригласили; сначала Анна Сидоровна ничего: была даже рада и очень смѣялась, когда ея Витя игралъ какого-то старика; одно только ей не по-

нравилось, что онъ, по ходу пьесы, поцѣловался съ одной дамой, игравшей его племянницу. Но горько бѣдная женщина послѣ оплакала эту дьявольскую затѣю. Съ другога-же почти дня Рымовъ закутилъ; начали ходить къ нему какіе-то пріатели, пили, читали, одинъ изъ нихъ даже безпрестанно падалъ на полъ и представлялъ, какъ будто бы умираетъ; не меньше другихъ ломался и самъ хозяинъ: мало того, что читалъ что-то наизусть, размахивалъ, какъ сумасшедшій, руками; но мяукалъ даже по-кошачьи и визжалъ какъ свинья, когда ту рѣжутъ; на жену уже никакого не обращалъ вниманія и только бранился, когда она начинала ему выговаривать; уроки все утратилъ; явилась опять бѣдность. Все это Анна Сидоровна имѣла еще силы перенести, бранилась, конечно, иногда, и бранилась очень, но ей готовилось новое несчастье: Рымовъ подрядился въ театральную труппу. Анна Сидоровна сначала и понять не могла хорошенько, что это такое, но потомъ поняла, когда они переехали въ одинъ губернской городъ, и поняла очень хорошо. Дня по два она сидѣла безъ обѣда, даже не зная, гдѣ мужъ обрѣтается; наконецъ, до нея дошли слухи, что онъ завелъ любовь съ одной актрисой, и этого ужъ Анна Сидоровна не въ состояніи была перенести и занемогла горячкой. Безразсудныя дѣянія Рымова и его служба на провинціальномъ театрѣ продолжались только одну зиму. Въ великій постъ онъ опомнился и началъ сидѣть дома, хотя дома едва только былъ насыщенный хлѣбъ. Оправившаяся Анюта взяла съ него клятву, чтобы онъ никогда и не думалъ играть на театрѣ.

Рымовъ поклялся. Одинъ изъ родственниковъ ея приискалъ ему мѣсто въ питейной конторѣ. Не сообщая того, что Виктору Павлычу уже сорокъ пятый годъ, Анна Сидоровна ревновала его къ встрѣчной и поперечной, и даже, для этой цѣли, не держала ни одной женщины въ домѣ и сама готовила кушанье.

VII.

Спектакль.

Вождѣнный день представленія наступилъ. Аполдось Михайлычъ, Рымовъ и Юлій Карлычъ отправились въ театръ, часа въ два по полудни, для должныхъ приготовленій. Декорациями и мебелью Дилетаевъ поручилъ распоряжаться Вейсбору, давъ ему, конечно, подробную записку, что и когда нужно. Еще прежде того, онъ настоялъ, чтобы Никонъ Семенычъ сдѣлалъ своимъ музыкантамъ новыя синія куртки и хорошенько бы намылилъ голову капельмейстеру за лѣдность. Прочіе актеры съѣхались часу въ пятомъ, и приведены были лакеи, за костюмированные въ разбойниковъ. Въ чуланѣ-уборной, нагрѣваемой тремя самоварами, сдѣлалось чрезвычайно тѣсно, и потому Аполдось Михайлычъ распорядился, чтобы Юлій Карлычъ и Мишель въ разбойничьи костюмы одѣлись заранѣе; первый, конечно, безпрекословно повиновался, а второй, по обыкновенію, поспорилъ; но впрочемъ за костюмировался и даже сдѣлалъ себѣ обожженною пробкою усы, которые къ нему, по словамъ Дарьи Ивановны, очень шли. Наконецъ все, болѣе или ме-

нѣе, было приведено въ окончательный порядокъ. Аполдось Михайлычъ причесался и напудрился. Матрена Матвѣевна тоже причесалась, напудрилась и одѣлась въ богатый, составленный по особому рисунку, костюмъ маркизы. Фани давно уже была готова.

Роковые семь часовъ приближались. Актеры начали испытывать волненіе: даже самъ Аполдось Михайлычъ былъ какъ-то встревоженъ. Матрена Матвѣевна очень боялась. Съ Фани была лихорадка. Комикъ сидѣлъ задумавшись. Трагикъ ходилъ по сценѣ мрачный; одинъ только Мишель любезничалъ съ Дарьей Ивановной. Засвѣтили свѣчи и кенкеты. Публика начала съѣзжаться, но, Боже мой! эта публика — не благодарная публика, особенно въ провинціяхъ: затѣваетъ ли кто для публики балъ даже изъ послѣднихъ средствъ своихъ, — и всѣ у него, кажется, навились, набѣлись, натанцовались, — и вы думаете, что всѣ довольны? — ничуть не бывало... непременно что-нибудь найдутъ; одни скажутъ: очень было жарко, а другіе — холодно; однимъ показалась сыра рыба, другіе недовольны, что вина мало, третьи скучали, что ихъ хозяинъ заставлялъ танцовать, четвертые жаловались на монотонность, и очень немного осталось нынче на свѣтѣ такихъ простодушныхъ людей, которые были довольны предлагаемымъ имъ отъ своего брата удовольствіемъ; но театръ уже попреимуществу подпадаетъ, какъ говорятъ, критикѣ. Я не знаю, что въ этомъ случаѣ руководствуетъ людей — зависть-ли, желаніе-ли выказать себя или просто наклонность къ юмору, но только смертные очень склонны пересмѣять самыя прекрасныя, самыя

безкорыстныхъ затѣи другаго смертнаго, который и самъ, въ свою очередь, отплачиваетъ тѣмъ-же другимъ смертнымъ, и всѣ эти смертные поступаютъ, надобно сказать, въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно нелогически: сухо поклонится, напримѣръ, на балѣ, какому-нибудь Алексѣю Ивановичу — нѣкій Дмитрій Николаичъ, котораго онъ безмѣрно уважаетъ, а онъ — Алексѣй Ивановичъ нападаетъ на хозяина и говоритъ, что у него былъ чортъ знаетъ кто и чортъ знаетъ какъ всѣ были приняты.

Въ описываемомъ мною спектаклѣ, только первые два или три ряда креселъ пріѣхали въ миротворномъ расположеніи духа, и потому только, что они, нѣкоторымъ образомъ, были почтены хозяиномъ; но зато задніе ряды, съ перваго шагу, начали дѣлать насмѣшливыя замѣчанія. Одни говорили, что, вѣроятно, на сценѣ будутъ ткать; другіе, что Матрена Матвѣевна станетъ цѣловаться съ Аполлосомъ Михайлычемъ и, наконецъ, третьи, будто бы Фани протанцуетъ качучу, для легкости, босикомъ.

Раекъ для купечества и мѣщанства былъ гораздо простодушнѣе: все почти его народонаселеніе съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣло на колыхающійся занавѣсъ, испещренный амурчиками.

— Что это, Дмитрій Андреевъ, на ситцѣ-то за звѣрки? — спросила одна купчиха у мужа.

— Это модный-съ рисунокъ. Особъ-статьей, должно быть, такая матерія вышла, — отвѣчалъ тотъ.

— Приведъ, сударь ты мой, меня Богъ нынѣшней зимой въ Москвѣ видѣть настоящей театр. Машина, я вамъ объясню, необразимая: вся наша, може сказать, площадь уставится въ него. Одною лампо-

ваго масла выходитъ на триста рублей въ день. А дровъ, то есть, отпускается на нѣсколько тысячъ, — говорилъ толстый купецъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ тоже купцу.

Въ отрицательномъ состояніи духа были, впрочемъ, и въ райкѣ. Это пьяный столоначальникъ.

— Ничего... ладно-съ... видали-съ... Скверно... нехорошо, оставь... молчать... — говорилъ онъ тихонько про себя.

Были также миротворныя лица и въ заднихъ рядахъ дворянскаго круга, а именно Прасковья Федуловна, ближайшая по деревнѣ сосѣдка Аполлоса Михайлыча. Она получила отъ него, по короткому знакомству, тоже билетъ на одну свою особу; но, не понявъ хорошенько, или, надѣясь на расположеніе хозяина, пріѣхала съ двумя дочерьми и тремя маленькими внучатами, и всѣхъ ихъ преспокойно рассадила около себя. Дочери, конечно, модничали, однако сидѣли смирно; но внучата тотчасъ же начали что-то болтать, указывать на все пальцами и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, самый младшій, заревѣлъ. Все это, можетъ быть, не было-бы и замѣчено; но дѣло въ томъ, что на занятые этою семьею кресла пріѣхали лица, имѣвшія на нихъ законные билеты. Произошелъ шумъ: Прасковья Федуловна никакъ не могла истолковать незаконность ея поступка. Обстоятельство это было доведено до Аполлоса Михайлыча, который совсѣмъ уже одѣлся въ костюмъ виконта. Какъ ни неприятно было Дилетаеву выдти, одѣтому, на глаза публики, но дѣлать было нечего. Прикрывъ себя совершенно наглухо плащомъ, онъ вышелъ и урезонилъ наконецъ // свою сосѣдку, которая, впро-

чемъ, обидѣлась и, оставивъ одну изъ своихъ дочерей, сама уѣхала домой съ прочими домочадцами.

Музыка заиграла французскую кадрили, и проиграла ее хотя съ извѣстными недостатками, но недурно. Раекъ захопалъ, вѣроятно потому, что всякаго рода музыкальные звуки, худы-ли они, или хороши, но на людей неизбалованныхъ, то есть почти никогда не слышавшихъ музыки, производятъ нѣкоторое раздраженіе въ нервахъ, а этого и довольно...

«Уши хоть дерутъ, но хмѣльнаго въ ротъ не берутъ!» пропѣлъ басомъ, довольно громко, столоначальникъ, и покачнулся. Занавѣсъ взвился. Первое впечатлѣніе было превосходно. Представьте себѣ голубую комнату, устланную коврами, украшенную драпировкою, прекрасною мебелью, съ двумя серебряными канделябрами и съ попугаемъ въ клеткѣ. На одномъ изъ креселъ сидѣла маркиза, въ своемъ пышномъ костюмѣ. Невдалекѣ отъ нея, полуразвалиясь, помѣщался виконтъ, въ бархатѣ, въ золотѣ и кружевахъ.

— Предель, неподобно, — проговорили въ первыхъ рядахъ.

— Важно наряжены! — послышалось въ амфитеатрѣ.

Матрена Матвѣевна, впрочемъ, очень сконфузилась, хотя передъ представленіемъ, по совѣту Аполлоса Михайлыча, и выпила цѣлую рюмку мадеры.

«Ахъ, да, всё говорятъ о васъ, виконтъ...» начала и смѣшалась.

Аполлосъ Михайлычъ поблѣднѣлъ; но вдова поправилась и, потупивъ совершенно глаза, очень тихо докончила монологъ.

Отчетливо и бойко проговорилъ свои слова виконтъ. Маркиза опять немного смѣшалась, но проговорила. Такимъ образомъ все явленіе прошло не совсѣмъ живо и, надобно сказать, что виной всему была одна Матрена Матвѣвна. Аполдось Михайлычъ употребилъ съ своей стороны все и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ необыкновенно эффектенъ. Для перемѣны декораціи занавѣсъ былъ на нѣсколько времени опущенъ, и по поднятіи его, на сценѣ сидѣла уже Фани, въ своей бѣдной комнатѣ. Она тоже немного сконфузилась; но явился виконтъ, и все шло безподобно. По окончаніи перваго дѣйствія, передніе ряды захопали. Къ нимъ подсталъ по-своему раекъ, то есть захопаль, закричалъ и застучалъ ногами; музыканты проиграли мазурку Хлопицкаго и проиграли бы ее довольно хорошо, еслибы повѣса волторнистъ не раскашлялся, и вмѣсто того, чтобы отвернуться, онъ кашлялъ въ волторну, отчего та, конечно, и издала какіе-то странные звуки. Въ продолженіе антракта Аполдось Михайлычъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Матренѣ Матвѣвнѣ, и та поклялась не конфузиться больше и не сбиваться. Второе дѣйствіе сошло тоже хорошо. Правда, что хлопали мало: въ райкѣ слышалось сморканье и кашлянье, и въ непріязненныхъ заднихъ рядахъ нѣкто сказалъ, что Аполдось Михайлычъ похожъ на оципаннаго павлина, а Матрена Матвѣвна на толстую индюшку, и что вся комедія, какъ сонные порошки. Подъ конецъ пьесы, когда виконтъ упалъ на колѣни передъ гризеткою и началъ умолять ее о прощеніи, передніе ряды кресель захопали и къ нимъ опять подсталъ раекъ. Но удивительнѣе всѣхъ штуку выкинулъ сто-

дочаальныйкъ, котораго хмѣль въ жару еще болѣе разобралъ. Онъ вскочилъ на лавку и закричалъ: «Браво, г-нъ виконтъ, браво! поди сюда, я тебѣ манжеты-то оборву». Сидѣвшій въ креслахъ городничій тотчасъ же велѣлъ его вывести. Занавѣсъ опустился. Въ переднихъ рядахъ произошло маленькое волненіе, и одинъ изъ посѣтителей отправился на сцену. Это былъ депутатъ, командированный просить у актеровъ позволенія ихъ вызвать. Аполдось Михайлычъ изъявилъ полное согласіе. По возвращеніи посланнаго, тотчасъ же раздался крикъ: «Дилетаевъ!» а потомъ: «всѣхъ!» — «Половину!» прокричалъ кто-то басомъ. Аполдось Михайлычъ вывелъ за руки Матрену Матвѣевну и Фаничку, и раскланялся. Это привѣтствіе публики значительно ободрило Дилетаева, который оставался не совсѣмъ доволенъ ходомъ своей комедіи. Затѣмъ слѣдовали, какъ мы знаемъ, сцены изъ *Женитьбы*. Музыка заиграла: *Не бѣлы то-ли снѣжки*. Явно, что эта пѣсня была по душѣ музыкантамъ, потому что они ее играли гораздо громче прочихъ пѣсень. Райку, должно быть, тоже она понравилась, и онъ единодушно захопалъ, но въ заднихъ рядахъ зашикали, и сидѣвшій на самомъ послѣднемъ мѣстѣ мужчина, обернувшись, сказалъ: «музыкѣ не хлопають-сь».

Между тѣмъ, Дилетаевъ успѣлъ уже переодѣться изъ виконта въ лакея. Онъ зачесалъ себѣ всѣ волосы напередъ, перемаралъ все лицо въ сажѣ, запряталъ брюки въ сапоги, и ко всѣмъ обращался, говоря: «чово, тово, Ванюха,» желая, конечно, подѣлаться къ тону простолюдиновъ. Дарья Ивановна сидѣла съ Мишелемъ за самой задней декорацией, въ

темномъ углу. Трагикъ для Кочкарева давно уже былъ готовъ. Онъ придѣлалъ себѣ усы и завилъ въ мелкія кольца волосы, утверждая, что Кочкаревъ непременно долженъ быть кудрявый. Наконецъ, все было готово, занавѣсъ поднялся. Подколесинъ, какъ, можетъ быть, не безъизвѣстно читателю, лежитъ одинъ на диванѣ. Удивительное дѣло, что за смѣшной актеръ былъ Рымовъ. Едва только проговорилъ онъ начальныя слова: *«вотъ какъ подумалъ такъ самъ-то съ собою, такъ и увидишь, что дѣйствительно надобно жениться... а то живешь, живешь, да такая наконецъ скверность становится...»* — едва только произнесъ онъ эти слова, какъ все разразилось хохотомъ. Не то, чтобы эти самыя слова его были очень смѣшны, но онъ самъ-то весь, физиономія-то его была очень уморительна. Появился лакей. Аполдось Михайлычъ видимо старался смѣшить. Вошелъ онъ какимъ-то совсѣмъ дуракомъ, началъ почесываться, покачиваться; конечно тоже засмѣялись, но и перестали, и всѣ больше глядѣли на Рымова. Многіе, въ переднемъ ряду, рѣшительно не въ состояніи были видѣть его лица, хотя въ этомъ лицѣ не было ни одной гримасы; даже онъ не перемѣнялъ выраженія, а такъ лежалъ, какъ обыкновенно лежатъ лѣнныя люди, и отъ бездѣлья переговаривалъ съ лакеемъ, не посовѣтуетъ-ли тотъ чего-нибудь ему на счетъ женитьбы. Вбѣжалъ Кочкаревъ; и онъ, тоже, подобно лакею, старался играть: горячился, бѣгалъ, тормозилъ Подколесина; но не былъ смѣшонъ. Смѣхъ, конечно, не прерывался, но я долженъ прямо сказать, что производилъ его одинъ только Рымовъ. Задніе ряды креселъ хлопали ему на каж-

домъ словѣ. Сидѣвшій, въ числѣ ихъ, одинъ офицеръ отнесся къ своему сосѣду-помѣщику:

— Лучше бы этихъ старыхъ дураковъ совсѣмъ не пускали на сцену, а заставить бы играть одного этого хвата изъ питейной конторы. Кто онъ? Цѣловальникъ что-ли?

— Да, должно быть опытный малый... настоящій актеръ,—отвѣчалъ тотъ.—Посмотрите, mon cher, какое у него лицо смѣшное, а вѣдь нельзя сказать, чтобы фарсиль.

— Совершенно не фарсиль,—произнесъ офицеръ. Послѣ перемѣны декораціи явилась невѣста. Она была тоже очень хороша и премило выбирала жениховъ. Вбѣжалъ Кочкаревъ, и тутъ ужъ всё замѣтили, что Никонъ Семенычъ черезчуръ утрируетъ и надъ нимъ ужъ никто не смѣялся; но появился Подколесинъ, и опять всё захохотали. Въ сценѣ съ невѣстой, онъ, если можно такъ выразиться, положилъ всёхъ въ лоскъ; даже музыканты хохотали, и даже Дарья Ивановна и Мишель, выставившись изъ своего потаеннаго уголка, смѣялись. Аполлосъ Михайлычъ, стоявшій за декорацію, безпрестанно хлопалъ комику. Затаявъ въ себѣ всякое чувство самолюбія, онъ говорилъ, что эти сцены у нихъ идутъ лучше, чѣмъ на московскомъ театрѣ, и тотчасъ же проектировалъ въ изобрѣтательной головѣ своей — почитать талантъ Рымова; но какимъ образомъ — мы увидимъ впоследствии. Раздались крики: Рымовъ!— Занавѣсъ, поприказанію Аполлоса Михайлыча, былъ поднятъ. Публика хлопала, но другихъ никого не вызывала Трагикъ былъ взбѣшонъ.

— Я вамъ говорилъ, что я не умѣю играть ва-

шихъ дурацкихъ фарсовъ.—Очень весело дурачиться, сказалъ онъ Аполлосу Михайлычу, проходя въ уборную.

Фаничка съ какимъ-то благоговѣнiемъ начала смотрѣть на Рымова. Дилетаевъ съ чувствомъ сжалъ ему обѣ руки.

— У сердца моего, вы, батюшка, вотъ тутъ у сердца!—говорилъ онъ, колотя рукою по груди.—Мы оцѣнимъ вашъ талантъ. Можетъ быть, сегодня же чѣмъ-нибудь его почтимъ.

Комикъ, по обыкновенiю, конфузился и сѣлъ въ дальнѣйшій уголъ. Аполлосъ Михайлычъ вышелъ къ публикѣ. Его, конечно, сейчасъ окружили и начали привѣтствовать и хвалить.

— Каковъ комикъ? Вотъ, что я хочу спросить, господа!—сказалъ онъ.

— Отличнѣйшiй, произнесъ бѣлокурый господинъ:

—онъ, надо полагать, изъ настоящихъ актеровъ.

— Что актеры!... Всѣ актеры ему въ подметки не годятся,—возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.—Я къ вамъ, господа, съ небольшимъ проектомъ. Вы—наши цѣнители и судьи, и вы должны почтить талантъ. Неудобно-ли будетъ вамъ, какъ дѣлается это въ Москвѣ, презентовать нашему Рымову какой-нибудь подарокъ. Я самъ съ своей стороны сдѣлалъ бы это сейчасъ-же; но я одинъ — не публика.

— То есть какъ подарокъ? — спросилъ одинъ помѣщикъ.

— А вотъ какъ-съ! Есть у меня цѣлковыхъ въ сорокъ накладнаго серебра ваза. Не угодно-ли вамъ сдѣлать подписку по бездѣлицѣ — по рублю или по полтиннику. Чего не достанетъ, я беру на себя, и потомъ сегодня за ужиномъ, къ которому я имѣю

честь насъ пригласить, поднесемте ее нашему таланту — Рымову. Ему то будетъ очень лестно. Онъ человѣкъ весьма небогатый.

— Это очень возможно, — проговорили многіе.

— Такъ не угодно ли вамъ взять вотъ эту бумажку и этотъ карандашикъ, и написать каждому, кто сколько жертвуетъ. Въ раекъ пускать нечего, а пусть подпишутся одни кресла. Если будетъ больше сорока рублей, это положимъ въ вазу, да и я еще прибавлю, и завтрашній же день, даю вамъ честное слово, написать объ этомъ въ Москву. Пусть тамошніе меценаты смакуютъ да думаютъ, увидавъ, что и среди насъ есть таланты, которые мы тоже уважаемъ.

Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ передалъ бумажку съ карандашикомъ и скрылся. Онъ торопился одѣваться въ костюмъ разбойничьяго эскаула. Подписка тотчасъ же началась. Съ удовольствіемъ, кажется, подписались немногіе. Иные смѣялись, другіе не понимали, въ чемъ тутъ дѣло, и спрашивали, что это такое значить, и наконецъ, третьи подписались такъ, не зная, что это такое и для чего; впрочемъ, къ концу заднихъ рядовъ подписка протаралась уже до ста цѣлковыхъ: одинъ откупщикъ подмахнулъ пятнадцать рублей серебромъ.

Между тѣмъ музыка начала играть симфонію изъ *калифа багдадскаго*. Печально завывалъ капельмейстеръ; вторила ему, хотя немного отставая, флейта, играла съ душою виолончель, но и только: — вторая скрипка, волторна и тамъ еще два какіе-то инструмента были ниже всякой посредственности, но впрочемъ проиграли. Никонъ Семенычъ былъ весьма недоволенъ: во-первыхъ, онъ полагалъ, что разбойниковъ

въ заднихъ рядахъ будетъ гораздо больше; во-вторыхъ, они были одѣты вовсе не по-разбойничьи, а въ какіе-то охотничьи казакины. Мишель, тоже очень небрежно замаскированный, никакъ не хотѣлъ, по назначенію трагика, лежать, а говорилъ, что онъ будетъ стоять. Комикъ тоже долго отговаривался одѣваться стариннымъ подъячимъ, но Аполлосъ Михайлычъ его уговорилъ. Болѣе-же всего взбѣсило трагика то, что у лѣсной декораціи не было голубыхъ подзоровъ, а висѣли тѣ же бѣлые. Какова же будетъ картина волжскаго берега: вмѣсто неба — потолокъ, тогда какъ именно на эффектность картины онъ и рассчитывалъ. По случаю этихъ упущеній Никонъ Семенычъ много наговорилъ колкостей Аполлосу Михайлычу, который ему ничего не отвѣтилъ, а только махнулъ рукой. Какъ-бы то ни было, только картина составила въ прежнемъ порядкѣ, съ тою только разницею, что вмѣсто судьи, въ позѣ спящаго разбойника, положенъ былъ всеисполняющій Юлій Карлычъ. Актеры, набранные изъ людей Дилетаева, были поставлены группою взади сцены. Для большаго эффекта Рагузовъ потребовалъ, чтобы при поднятіи занавѣса слышалась симфонія, и потому музыкантамъ снова повелѣно было играть. Въ половинѣ симфоніи, занавѣсъ поднялся. Картина была, кажется, довольно хороша: въ райкѣ послышалось нѣсколько аплодисментовъ. Музыка проиграла. Никонъ Семенычъ началъ; все шло очень твердо, такимъ образомъ и кончилось, повременамъ только смѣялись, но надъ Рымовомъ-ли, который сидѣлъ молча и не шевелясь, или даже надъ самимъ трагикомъ, я не могу рѣшить. По закрытіи занавѣса нѣсколько человекъ

негромко захлопали — кто-то прокричалъ: *встать*, но скоро все смолкло. Аполлосъ Михайлычъ началъ спѣшить, онъ велѣлъ музыкантамъ скорѣе играть увертюру изъ *Русалки*; торопилъ, чтобы вносили на сцену фортепiano, и наконецъ, упросивъ Дарью Ивановну сѣсть за инструментъ, самъ поднялъ занавѣсъ. Выскочила Фани въ трико и воздушномъ костюмѣ. Всѣ захлопали.

— Важно барышня откалываетъ, — произнесъ купецъ въ райкѣ.

Фани протанцовала, поклонившись всѣмъ съ улыбкою, какъ обыкновенно кланяются балетчицы, и убѣжала. Съ Дарьей Ивановной Аполлосу Михайлычу опять были хлопоты. Проигравъ, она встала и ушла со сцены. Онъ едва умолилъ ее опять выйти и пропѣть свой романсъ. Модная дама нехотя вышла, сдѣлала гримасу и запѣла: раекъ буквально разинулъ ротъ, кресла слушали вни­мательно.

Дарья Ивановна, съ прежнею миною, встала и, не поклонясь публикѣ, ушла. Такимъ образомъ кончился спектакль, такъ давно задуманный и съ такимъ трудомъ составленный.

VIII.

Ужинъ артистовъ.

Всѣ кресла, приглашенные Аполлосомъ Михайлычемъ на ужинъ, отправились къ нему; актеры должны были выйти къ прочему обществу изъ заднихъ комнатъ. Такимъ образомъ дѣйствующія лица и зри-

тели соединились; публика привѣтствовала и хвалила то того, то другаго изъ игравшихъ. Матренѣ Матвѣевнѣ одна пожилая дама сказала, что она вовсе не узнала ее въ старинной прическѣ, и очень лестно отозвалась о ея прекрасномъ платьѣ на фижмахъ. Офицеръ благодарилъ Дарью Ивановну за доставленное ему наслажденіе своимъ небеснымъ голосомъ, которымъ она съ такимъ чувствомъ пропѣла свою превосходную арію, и сравнилъ ее съ Асандри. Трагика расхвалилъ за его декламацию чудака Котаевъ... Даже Юлію Карлычу кто-то сказалъ, что онъ очень натурально представлялъ спящаго разбойника. Съ комикомъ немногіе говорили, потому что его никто почти лично не зналъ; откупщикъ, впрочемъ, потрепалъ его по плечу, проговоря: «вы не дурно комедіи разыгрываете, право: я никакъ этого не предполагалъ.» Передъ Фани всѣ разсыпались въ комплиментахъ. Аполдосъ Михайлычъ вызвалъ нѣкоторыхъ, поважнѣе, мужчинъ въ кабинетъ, и что-то долго съ ними совѣщался. Наконецъ они вышли; впереди ихъ шель лакей съ подносомъ, на которомъ поставлена была накладнаго серебра ваза. Вся эта процессія прошла въ гостиную, въ которой вмѣстѣ съ прочими сидѣлъ комикъ. Подносъ съ вазой поставленъ былъ на столъ.

— Согласно вашему желанію, господа,—началъ хозяинъ торжественнымъ голосомъ,—я вызываю нашего великаго комика... Викторъ Павлычъ! не угодно-ли вамъ подойти сюда,—отнесся онъ къ Рымову.

Тотъ всталъ.

— Наша публика,—продолжалъ Аполдосъ Михайлычъ,—питая уваженіе къ вашему таланту, который всѣмъ намъ доставилъ столько удовольствія, же-

даетъ презентовать вамъ этотъ маленькій подарочекъ. Ваши товарищи тоже желали имѣть участіе въ этомъ дѣлѣ. Примите, мой милѣйшій! Тутъ есть мое, Фани, Никона Семеныча, Юлія Карлыча и, наконецъ, отъ всей почтенной публики.

Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ опрокинулъ вазу, изъ которой посыпалось около сотни цѣлковыхъ; потомъ, опять поставивъ ее на пѣдню, поднялъ все это и своими руками подалъ Рымову.

— Примите, мой безцѣнный, въ память нашего пріятнаго удовольствія, которое въ сердцахъ любителей останется навсегда запечатлѣннымъ,— произнесъ Дилетаевъ и поцѣловалъ комика, который стоялъ какъ ошеломленный. Сначала онъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ; руки, ноги и даже губы его дрожали, по щекамъ текли слезы.

— Господа! помилуйте... я не стою съ... можетъ быть, вы желаете мнѣ, какъ бѣдному человѣку... я и такъ благодаренъ... къ чему это...—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— Сдѣлайте милость, примите,—проговорили многіе изъ мужчинъ.

— Пожалуйста... мы всѣ желаемъ,—сказали нѣкоторыя дамы.

— Вы всѣхъ насъ богаче,—заговорилъ опять хозяинъ: —у васъ на милліонъ таланту. Все наше — это лепта, которую мы хотимъ принести на алтарь искусства.

Рымовъ, наконецъ, взялъ, но рѣшительно не находился, что ему дѣлать съ подаркомъ.

— Позвольте, я вамъ помогу,—подхватилъ хозяинъ, и проворно уложивъ въ вазу всѣ деньги, ве-

дѣлъ Юлію Карлычу отнести ее въ залу и поставить на накрытый для ужина столъ.

— Пусть она, — произнесъ онъ: — за нашимъ артистическимъ ужиномъ будетъ напоминать Виктору Павлычу наше уваженіе къ его таланту.

Руководствуясь правдивостію автора, я долженъ здѣсь сказать, что при всемъ видимомъ единодушіи, съ которымъ была поднесена комику эта ваза, при всемъ томъ, что каждый изъ гостей пожертвовалъ по крайней-мѣрѣ рубль серебромъ, а нѣкоторые даже до десяти и болѣе цѣлковыхъ, но при всемъ этомъ произнесено было много насмѣшливыхъ и колкихъ, по этому случаю, замѣчаній: «Онъ бы лучше его самого послалъ съ тарелочкой собирать,» говорилъ одинъ. «Дастъ же онъ завтра себя знать въ трактирѣ на эти денежки,» замѣтилъ другой. «Желательно знать, что будетъ онъ дѣлать съ этой вазой?» спрашивалъ третій: «должно быть, ерофеичъ настаивать или пуншъ варить,» отвѣчалъ онъ самъ себѣ. «Что это за глупыя выдумки — дарить вазу какому-то чудаку. Аполлосъ Михайлычъ совсѣмъ изъ ума выжилъ; я какъ подписывался, такъ и не понялъ ничего,» говорилъ одинъ помѣщикъ, разводя, въ недоумѣніи, руками. Но нѣтъ, мнѣ грустно передавать то, что было еще произнесено, и скажу только, что болѣе всѣхъ возсталъ Никонъ Семенычъ. Онъ увелъ даже хозяина въ кабинетъ и имѣлъ тамъ съ нимъ очень крупный разговоръ. Многіе гости слышали, какъ Рагузовъ восклицалъ: «какъ вы позволили назвать меня? Я вамъ не мальчикъ и не лакей — вы прежде должны были объ этомъ мнѣ сказать.» Слышавшіе все это гости догадались, что Никонъ Семенычъ не желалъ, по сво-

ему самолюбію, подносить вазы Рымову, и что Аполлосъ Михайлычъ наименовалъ его отъ себя безъ спросу. Трагикъ и хозяинъ вышли изъ кабинета очень красные первый былъ въ совершенномъ волненіи и во всеуслышаніе сказалъ, что вазы онъ не подносилъ и никогда-бы не поднесъ, потому что Аполлосъ Михайлычъ скоро заставитъ кучерамъ своимъ дарить вазы. Эти слова трагикъ говорилъ такъ громко, что комикъ, хотя и сидѣлъ въ гостиной, но вѣроятно ихъ слышалъ, потому что, разговаривая въ это время съ Фани, которая усѣлась уже около него, онъ вдругъ, при восклицаніи Рагузова, поблѣднѣлъ и остановился. Никонъ Семенычъ, разстроенный и взбѣшенный, сѣлъ къ столу и началъ играть ножемъ.

— Вѣроятно, ему самому хотѣлось вазы, — замѣтилъ одинъ господинъ.

— Должно быть, — отвѣчалъ разговаривавшій съ нимъ: — горячъ — косою заяцъ, прибавилъ онъ.

Передъ ужиномъ, какъ водится, была подана водка. Лакей поднесъ ее между прочимъ и къ Рымову. Комикъ смотрѣлъ нѣсколько времени на судокъ съ нерѣшительностію; наконецъ, проворно налилъ себѣ самую большую рюмку и залпомъ выпилъ ее. Сѣли за столъ. Рымовъ очутился противъ Никона Семеныча. Ужинъ до половины шелъ какъ слѣдуетъ и былъ довольно молчаливъ. Хозяинъ первый заговорилъ во всеуслышаніе:

— Я думаю написать и напечатать о нашемъ спектаклѣ подробный критическій разборъ. Это необходимо: мнѣ, по преимуществу, хочется это сдѣлать для васъ, Викторъ Павлычъ. Я полагаю, что послѣ моей статьи, васъ непременно вызовутъ на

столичную сцену, потому что я прямо напишу, что у васъ есть европейскій талантъ, которому необходимо дать ходъ.

Но Викторъ Павлычъ на эти лестныя слова хозяина не обратилъ должнаго вниманія, а занятъ былъ въ это время довольно страннымъ дѣломъ: онъ безпрестанно пилъ мадеру и выпилъ уже пѣлую бутылку. Хозяинъ замѣтилъ, переглянулся съ Юліемъ Карлычемъ, который очень сконфузился.

— Вдругъ мы слышимъ, — продолжалъ Аполдосъ Михайлычъ, снова обращаясь къ комику, — что нашъ господинъ Рымовъ дебютировалъ и что аплодисментамъ не было конца. Недурно бы было, а?

— На шутовскія роли и безъ того тамъ много, — проговорилъ вполголоса трагикъ.

— На какія шутовскія роли? — заговорилъ вдругъ Рымовъ, обращаясь къ нему. Лицо комика уже совершенно измѣнилось. онъ былъ красенъ и глаза его налились кровью.

— На ваши роли, — отвѣчалъ Никонъ Семенычъ, не поднимая головы.

Комикъ смотрѣлъ на него свирѣпо.

— Вы, что-ли, играете шутовскія? — произнесъ онъ, доставая себѣ новую бутылку мадеры.

— Пейте лучше мадеру, — сказалъ насмѣшливо трагикъ.

— Конечно, выпью-сь, — отвѣтилъ комикъ, и наливъ себѣ стаканъ, вдругъ всталъ. — За здоровье нашего бездарнаго трагика, — произнесъ онъ и залпомъ выпилъ. Аполдосъ Михайлычъ поблѣднѣлъ, нѣкоторые фыркнули. Трагикъ вскочилъ.

— Милостивый государь! — проговорилъ онъ, сжи-

мая столовый ножъ въ рукѣ. Комикъ откинулся на задокъ стула.

— Испугать меня хотите своимъ тупымъ ножемъ. Махай, махай, великій Тальма, мечемъ картоннымъ! продекламировалъ Рымовъ и захохоталъ.

— Викторъ Павлычъ, сдѣлайте милость, что вы такое позволяете себѣ говорить,—заговорилъ наконецъ. хозяинъ.— Никонъ Семенычъ, будьте хоть вы благо-разумны,—отнесся онъ къ трагику.

Никонъ Семенычъ пришелъ нѣсколько въ себя и съѣлъ. Но Викторъ Павлычъ не унимался. Онъ еще выпилъ стаканъ и продолжалъ какъ бы самъ съ собою разсуждать:

— Актеры!... театръ... комедіи пишутъ, драмы сочиняютъ, а ни уха ни рыла никто не разумѣетъ. Тутъ вонъ есть одна—Богомъ мѣченая, вонъ она!—произнесъ онъ, указывая пальцемъ на Фани.

Хозяинъ только пожималъ плечами. Онъ рѣши-тельно растерялся. Трагикъ старался улыбнуться. Нѣ-которые изъ гостей, подобно хозяину, пожимали пле-чами, а другіе потихоньку смѣялись. Мишель, въ досаду дядѣ, хохоталъ во все горло. Юлій Карлычъ чуть не плакалъ.

— Господинъ Рымовъ, замолчите! —вмѣшался на-конецъ откупщикъ.— Вы забываете, въ какомъ обще-ствѣ сидите; здѣсь не трактиръ.

— А вамъ что угодно?—произнесъ Рымовъ совер-шенно уже пьянымъ голосомъ.—И вамъ, можетъ быть, угодно сочинять комедіи, драмы... пасторали... ничего, мой повелитель, я васъ ободряю, ничего! Классицизмъ, чортъ возьми, единство содержанія, любовница въ драмѣ!... валяйте! Грамотѣ только надобно знать по-

тверже. Грамотѣ-то, канальство, только подписывать фамилію умѣемъ; трухъ, трухъ, и подписалъ! — проговорилъ онъ и провелъ зигзагами рукою по тарелкѣ, вѣроятно, представляя, какъ откупщикъ подписывается. Тотъ конечно вышелъ изъ себя.

— Извольте идти сейчасъ же вонъ! — сказалъ онъ. — Аполдосъ Михайлычъ, извините меня: онъ мой подчиненный, я его сейчасъ велю вывести.

— Господа, помилуйте, сдѣлайте милость, — началъ Аполдосъ Михайлычъ плачевнымъ голосомъ — Господинъ Рымовъ, образумьтесь, почувствуйте хоть, по крайней-мѣрѣ, благодарность къ обществу, которею васъ такъ почтило. Это ни на что не похоже. Юлій Карлычъ, уговорите его: вы его намъ рекомендовали.

... Но Юлій Карлычъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, ничего уже не въ состояніи былъ и говорить.

— Что? благодарность? За вазу, что-ли? — заболталъ опять комикъ. — Охъ вы, богачи! что вы мнѣ милостинку, что-ли, подали? Хвалятъ туда же. Меня Михайло Семенычъ хвалилъ, меня самъ геній хвалилъ, понимаете-ли вы это? али только умѣете дурацкіи комедіи да драмы сочинять?

На этомъ мѣстѣ Дилетаевъ не выдержалъ. Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ откупщику и, переговоривъ съ нимъ нѣсколько словъ, ушелъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ двое лакеевъ подошли къ Рымову и начали его брать подъ руки.

— Вамъ что надобно, скоты! — проговорилъ онъ, совершенно ужъ пьяный; но лакеи проворно подняли его со стула. — Прочь! — кричалъ онъ толкаясь: — актеры! писатели! всѣхъ я васъ, свинопасовъ, презираю... Прочь!... — Но лакеи тащили, и далѣе затѣмъ словъ

его уже не было болѣе слышно, потому что онъ былъ выведенъ на улицу. Такое непріятное и непредвидимое обстоятельство до того разстроило хозяина, что онъ болѣе получаса не въ состояніи былъ выдти изъ своего кабинета. На гостей оно подѣйствовало различно: одни смѣялись, другіе жалѣли Аполлоса Михайлыча и, наконецъ, третьи обвиняли его самого, и даже оскорблялись, какъ онъ позволилъ себѣ пригласить подобнаго человѣка въ ихъ общество. Последніе выговаривали даже Юлію Карлычу, который первый рекомендовалъ комика. Трагикъ смѣялся надъ хозяиномъ злобнымъ смѣхомъ. Ужинъ кончился кое-какъ. Аполлосъ Михайлычъ, наконецъ, вышелъ къ гостямъ и началъ просить извиненія въ случившейся непріятности, которой, конечно, онъ никакъ не могъ ожидать, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ на обсужденіе общества вопросъ: что дѣлать съ вазой? по последнему своему поступку, Рымовъ, какъ человѣкъ, не только не стоилъ подобнаго вниманія, но даже долженъ быть презрѣнъ, а съ другой стороны, какъ актеръ, онъ заслужилъ ее, и она ему была уже подарена. Нѣкоторые говорили, чтобы пренебречь и отдать ему вазу, которая была ужь его собственностью, другіе же отрицали, говоря, что этимъ унизится общество. Аполлосъ Михайлычъ обратился къ откупщику. Тотъ объявилъ, что ему все равно, но что онъ самъ накажетъ Рымова тѣмъ, что выгонитъ его изъ службы.

— Итакъ, господа, какъ человѣкъ, онъ будетъ наказанъ, а какъ актеру пошлемъ ему вазу, — рѣшилъ хозяинъ, и тотчасъ-же велѣлъ нести вазу съ деньгами къ Рымову.

Трагикъ во всемъ этомъ не принималъ никакого участія, потому что все это было, какъ онъ выражался, гадко и глупо. Одна только Фани жалѣла Рымова: она даже потихоньку вышла спросить къ лакеямъ, какъ они его довели. Тѣ объявили, что они довели его хорошо и сдали женѣ, которая его заперла въ чуланъ. Анна Сидоровна, дѣйствительно, была же въ городѣ и, мучимая ревностію, весь вечеръ стояла у театра и потомъ у дома Аполлоса Михайлыча. Увидѣвъ, что изъ воротъ вывели челоуѣка, который барахтался и ругался, она тотчасъ догадалась, кто это, и побѣжала вслѣдъ за нимъ. Дома она дѣйствительно его заперла въ чуланъ. Это былъ единственный способъ вытрезвлять Рымова.

IX.

Не знаю, заинтересовалъ ли я читателя выведенными мною лицами на столько, чтобы онъ пожелалъ знать дальнѣйшую судьбу ихъ, но, все-таки, рѣшаюсь объяснить, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описаннаго спектакля Аполлосъ Михайлычъ женился на Матренѣ Матвѣевнѣ, и послѣ этого, какъ разсказываютъ, совершенно утратилъ любовь къ театру, потому что супруга его неожиданно обнаружила, подобно Аннѣ Сидоровнѣ, отвращеніе отъ этого благороднаго занятія, и даже будто бы въ настоящемъ театрѣ она участвовала изъ одного только кокетства, съ цѣлію завлечь старика, который, въ свою очередь, женившись, сдѣлался какъ-то задумчивый и угрюмый, переехалъ совсѣмъ въ деревню,

началь заниматься агрономією и писать въ этомъ родѣ статьи. Матрена Матвѣевна видимымъ образомъ осталась тою же: то есть бойкою, веселою дамою и большою говоруньей. По замѣчанію всѣхъ, она была очень нѣжна къ мужу и даже ревнива, потому что прогнала всѣхъ молоденькихъ горничныхъ, а набрала, вмѣсто нихъ, старыхъ, безобразныхъ и совершенно непривычныхъ. На Фаничку женился Никонъ Семенычъ, и это дѣло устроила Матрена Матвѣевна, которая очень ловко умѣла влюбить Рагузова въ племянницу и заставила ту согласиться. Фаничка, вышедъ замужъ, тоже разлюбила театральное искусство: она даже всякій разъ блѣднѣла и краснѣла, когда мужъ ея начиналъ читать что-нибудь драматическое. Дарья Ивановна, послѣ спектакля, очень ужъ подружилась съ Мишелемъ, такъ что за нею прїѣзжалъ мужъ и увезъ ее съ собою въ деревню. У Юлія Карлыча, не смотря на слабое здоровье жены, родился еще сынъ и онъ еще болѣе началъ нуждаться въ средствахъ. А комикъ мой... Богъ его знаетъ, что и сказать о немъ... выгнанный за послѣдній свой поступокъ откушникомъ изъ службы, онъ, говорятъ, былъ опять нѣкоторое время на провинціальномъ театрѣ, потомъ служилъ у становаго пристава писаремъ и наконецъ теперь уже нѣсколько лѣтъ содержится въ сумасшедшемъ домѣ.

1851 г.

Апрѣля 18.

ПИТЕРЩИКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Чухломскій уѣздъ рѣзко отличается, на примѣръ, отъ Нерехтскаго, Кинешемскаго, Юрьевецкаго и другихъ ¹⁾, —это вы замѣтите, въѣхавши въ первую его деревню. Положительно можно сказать, что въ каждой изъ нихъ вамъ кинется въ глаза большой домъ, изукрашенный разными разностями: узорными, размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими бадкончиками, Богъ вѣсть для чего устроенными, потому что на нихъ ниоткуда нѣтъ выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которыхъ иногда попадаются довольно странные предметы, именно: летящая слава съ трубой, —счастье, вертящееся на колесѣ, съ завязанными глазами, —амуръ какого-то особеннаго, темнаго цвѣта, и проч. Если такихъ домовъ два или три, то прихоти въ украшеніяхъ еще болѣе усиливаются, какъ будто домохозяева стара-

---

¹⁾ Костромской губерши.

ются перещеголять въ этомъ случаѣ одинъ другаго; и, когда вы, проѣзжая лѣтомъ деревню, спросите попавшуюся вамъ навстрѣчу бабу: «чей это, голубушка, домъ?» она вамъ сначала учтиво поклонится и навѣрно скажетъ: «богачей, сударь». А этотъ другой чей? «А это другихъ богачей». Произношеніе женщины, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя ваше вниманіе: представьте себѣ московское нарѣчіе нѣсколько на *a* и усильте его до невѣроятной степени, такъ что, говоря на немъ, надобно, какъ и для англійскаго языка, дѣлать гримасу. Я сказалъ, что вы встрѣтите женщину, на томъ основаніи, что лѣтомъ вы ужь конечно не увидите ни одного мужика, а если и протаетесь по перегородкѣ какой-нибудь въ нитяной поневѣ, нечесаный и въ разбитыхъ лаптяхъ, то вы, вѣроятно, догадаетесь, что это работникъ, — и это дѣйствительно работникъ и непременно *Леменецъ* ¹⁾.

Зима—другое дѣло; зимой мужиковъ много появляется. У Божоявленія, что на горѣ, съ которой видно на тридцать верстъ кругомъ, въ Крещенье храмовой праздникъ: съ ранняго еще утра, стоятъ кругомъ всей ограды лошади въ пошевняхъ. Такой нарядной сбруи и въ другихъ мѣстахъ нигдѣ и не видывалъ. На уздѣ, на примѣръ, навязано по крайней мѣрѣ съ десятокъ бубенцовъ, на шлехъ мѣдный наборъ сплошь — вѣсомъ въ полпуда, а дуга, по золотому фону, расписана розанами. Войдите въ церковь: народъ стоитъ удивительно чистый, лица умныя, благообразныя, на всѣхъ почти синіе кафтаны; а вонъ напереді стоятъ одна лисья и двѣ енотовыя шубы — это-то

¹⁾ Вологодской губерніи волость.

и есть самые богачи: они изъ Терентьева, да ихъ и много; вонъ въ синемъ кафтанѣ, рублей по восемнадцати суено, — это изъ Овсянова: заѣзжайте къ нему въ гости: увѣрю, что безъ цымлянскаго не уѣдете! Въ сѣрой поддевиѣ, рыжая борода, тоже богачъ изъ Маслова; однимъ словомъ, очень много, всѣхъ не перечесть!

Дѣло въ томъ, что весь тамошній народъ ходитъ на чужую сторону, то есть въ Москву или въ Петербургъ; — а есть и такіе, которые забираются и въ Гельсингфорсъ, и даже въ Одессу, и промышляютъ тамъ: по столярному, стекольному, слесарному мастерству. Очень трудной работы — каменной, плотничной, кузнечной, — чухломецъ не любитъ.

Жизнь почти cadaго изъ нихъ проходитъ однимъ обычнымъ порядкомъ: приходитъ къ барину крестьянка — полустаруха: «что скажешь, Михайловна?» спрашиваетъ тотъ.

— Къ вамъ, сударь, — парнишку съ Анофревскимъ Веденеемъ Иванычемъ сговорила.

— А по какой это части?

— По стекольной, батюшка, части.

— Что это у васъ все стекольщики?... Хоть бы кто-нибудь изъ васъ въ колесники въ Макарово одаль? а то по деревнѣ колеса некому сдѣлать.

— Гдѣ ужъ, батюшка, мнѣ это затѣвать; дѣло вдовье, непривычное, а тутъ все на знакомствѣ-съ.

— На сколько же лѣтъ?

— На пять-съ лѣтъ, а по выходѣ отъ хозяина сто рублей да синій кафтанъ, съ обувкой.

— Ну, что же? Хорошо, съ Богомъ!

И отправляютъ парнишку съ Веденеемъ Иваны-

чемъ, и бѣгаетъ онъ по Петербургу, или по Москвѣ, съ ногъ до головы перепачканный: щелчками да тасканьемъ не обходятъ — нечего сказать, — уму-разуму учать. Но вотъ прошло пять лѣтъ: парень изъ ученья вышелъ, подросъ совсѣмъ, получилъ отъ хозяина синій кафтанъ съ обувкой и сто рублей денегъ и сходить въ деревню. Матка первое время какъ посмотритъ на него, такъ и зареветъ отъ радости на всю избу, а потомъ идутъ къ барину.

— Кто тамъ? — кричитъ тотъ изъ кабинета.

— Афимя съ своимъ питерцемъ пришла, — отвѣчаютъ ему изъ двѣвчьеи, съ любезнствомъ оглядывая новичка.

— А, хорошо! Войдите.

Входятъ питерець: волосы приглажены, кафтанъ подпоясанъ съ форсомъ, сапоги свѣтятся и скрипятъ; кланяется барину и кладетъ ему на столъ рыбу, или яблочь, или просто полтинникъ.

— Полно, братецъ, не надобно, — замѣчаетъ баринъ.

— Пожалуйте ¹⁾, — отвѣчаетъ питерець, встряхнувъ головой.

— Молодецъ выросъ, а мастерству выучился ли?

— Про себя, сударь, говорить нельзя, а все могъ сдѣлать, что отъ хозяина было показано.

— Это хорошо: жениться теперь пора, да и въ тягло.

Парень, слегка покраснѣвъ, улыбается.

— Не оставьте ужь, батюшка, — отвѣчаетъ за него мать, и при этомъ случаѣ опять прослезится.

¹⁾ Это значить — примите.

— А у кого же думаете взять? — спрашиваетъ помѣщикъ.

— У кого ваше приказанье будетъ, а мы, по нашему сирочеству, никого не обѣгаемъ, — отвѣчаетъ мать.

— Какое же мое приказаніе... Вы знаете, я въ этомъ случаѣ не приказываю... сходитесь по себѣ, по любовно.

— На томъ благодаримъ, батюшка, покорно, — отвѣчаетъ все мать: — коли милость ваша будетъ, такъ у Ефья Петровича дѣвушку желаемъ взять.

— У Ефья, такъ у Ефья, ваше дѣло, — только чтобы съ той стороны не было сопротивленья.

— Сопротивленья не полагаемъ, разговоръ ужь объ этомъ былъ.

— А тебѣ она нравится ли? — относится баринъ къ парню.

— Нравится, сударь, — дѣвушку похулить нечѣмъ, какъ быть слѣдуетъ.

И женять такимъ образомъ парня въ мясоѣдъ, между Рождествомъ и масленицей. Но какъ пришелъ великій постъ, такъ и начали молодого въ Питеръ собирать: прибрали попутчиковъ, привязалъ онъ къ спинѣ котомку и пошелъ, а тамъ, мѣсяца черезъ два, и поотпишетъ что-нибудь, въ родѣ того:

«Милостивѣющая государыня матушка Акимья Михайловна и дражайшая сожительница Катерина Ефьевна, просимъ вашего родительскаго благословенія и навѣки нерушимо; о себѣ увѣдомляю, что проживаю по тепериче у Веденея Иваныча за триста рублей въ лѣто, и при семь прилагаю десять цѣлковыхъ на подушную, чего и вамъ желаю.

«Крестьянинъ, вашъ сынъ такой-то.»

На Петровъ день и барину оброкъ высласть, а къ новому году и остальную половину, и самъ сошелъ въ деревню. Такъ онъ ходитъ каждый годъ, а тамъ, какъ Богъ посчастливитъ, такъ и хозяйство заведеть: смотришь—и домъ съ белендрясами вытянулъ... Все это хорошо, когда хорошо идетъ, а бываетъ и другое.

Лѣтомъ, въ 184..., прѣхалъ я въ Чухломскую деревню Наволоки, и, зная хорошо мѣстность, вовсе не удивился, когда на крикъ моего ямщика: «эй, десятской, подь сюда!»—вышла молоденькая и прехорошенькая собой баба.

— Ты, голубушка, десятской? — спросилъ я ее. Она улыбнулась.

— Я, сударь.

— А какъ тебя зовутъ?

— Марьей.

— А строга ли ты?

— Да съ чего мнѣ строгой-то быть? Что за строгость такая, я и не знаю.

— Можно ли мнѣ остановиться въ этомъ большомъ домѣ?

— Для чего не остановиться... Погодите, я спрошаю,—отвѣчала десятскій—Марья, и начала стучать въ окошко большаго дома.

— Клементій Матвѣичъ, а, Клементій Матвейчъ, вона баринъ прѣхалъ; на фатеру къ тебѣ позывается!

Въ окно выставилось мужское лицо.

— Позволь мнѣ, мужичекъ, остановиться въ твоёмъ домѣ, я прѣхалъ по службѣ, — сказалъ я.

— Сдѣлайте мѣлость, батюшка,— отвѣчалъ тотъ проворно... — Не больно приглядно у насъ...

— Дарья Михайловна, уберите тамъ въ горницѣ, что не надо, — услышала я его голосъ въ избѣ, а черезъ нѣсколько минутъ онъ и самъ показался на улицѣ. Это былъ лѣтъ тридцати пяти, видный собой мужикъ: волосы русые, борода клиномъ; на лбу нѣсколько морщинъ, взглядъ умный, лицо истощенное.

— Пожалуйте сюда на лѣсенку, — отнесся онъ ко мнѣ: — ужь извините на этотъ случай, что въ такомъ нарядѣ васъ принимаемъ, дѣло деревенское... — На немъ была, наскоро накинутая, значительно поношенная купеческая сибирка. — «Ты, любезный, возьми кругомъ; тамъ подъ навѣсомъ и поставишь, — прибавилъ онъ извозчику: — а то тутъ въ ворота не пройдешь; нашъ экипажъ — телега не громоздка, въ калитку продернуть можно.

Въ сѣняхъ, у окошка, сидѣла худая сгорбленная старуха и что-то ворчала, замахиваясь клюкой на пятилѣтняго мальчишку, который къ ней то подскакивалъ, то отскакивалъ.

— Федька, перестань баушку дразнить! что ты? — крикнулъ на него Клементій.

— Она сама начинаетъ.

— Я тебѣ дамъ: сама начинаетъ!... Вотъ ужь пословица справедлива: старый, что малый.. цѣлый день у нихъ этакія баталіи идутъ... Въ горенку пожалуйста; сюда налѣво, — говорилъ хозяинъ, провожая меня. Я вошелъ, и, осмотрѣвшись, тотчасъ же догадался, что я у питерщика. Комната вся была оклеена сборными обоями: нѣсколько полосокъ французскихъ атласныхъ, нѣсколько хорошихъ русскихъ и наконецъ нѣсколько дешевенькихъ; штукатурный потолокъ былъ весь расписанъ букетами, такъ что

глазамъ было больно смотрѣть на него; въ переднемъ углу стояла краснаго дерева кіота съ образами и столъ, на которомъ были нарисованы тарелки, а на нихъ — разрѣзанные фрукты, а около — серебряные ножи и вилки; лавокъ не было; ихъ замѣняли деревянные стулья, выкрашенные какъ-будто бы подъ орѣхъ. Въ заднемъ углу стояла кровать съ ситцевыми занавѣсками, къ которой Клементій бросился тотчасъ, какъ мы вошли, и началъ выкидывать оттуда различную дрянь, говоря: «экъ у нихъ тутъ навалено! что это за баба необрядная, все ей не въ замѣтку!... — Извините ужъ, батюшка, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — въ чемъ застали, въ томъ и судите, не чаяли вашей милости.

Я просилъ его не хлопотать, а велѣть, если у него есть, согрѣть мнѣ самоваръ.

— Какъ, сударь, не быть этого заведенья; не тѣ нынче времена и не такія здѣсь мѣста, чтобы не быть... Дарья Михайловна! — крикнулъ онъ въ дверь: — поживѣе самоваръ, да приготовьте тамъ чайникъ и чашки — все, какъ слѣдствуетъ, — главная причина, перемойте почище.

— Славный у тебя домъ, — сказалъ я.

— Живетъ, батюшка, по деревнѣ,

— Самъ строилъ, или еще старикъ?

— Нѣтъ, ужъ самъ выводилъ; лѣсъ какъ-то нынче не противъ старины; врѣпости и ядрености никакой не имѣетъ.

— А эти цвѣты на потолкѣ не самъ ли рисовалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: чужіе по найму мазали.

— Да ты питерщикъ?

— Питерщикъ былъ-съ.

— А по какому мастерству?

— Да тоже вотъ по этой, по малярной части.

— Въ домахъ чтоли расписываль?

— Всяко-съ! и по наружности занималсь, и внутри отдѣлку брали.

— То есть какъ же.

— Да, то есть стѣны и потолки по трафарету расписывали, и историческую живопись тоже немного маракуемъ.

— Все тоже по трафарету?

— Все по трафарету, нечего хвастать: отъ руки все какъ-то не доходимъ. Хватались-было нѣкоторые изъ нашихъ, да не выходитъ, по тому случаю, что мужику противъ Ахадемика не быть, ученья такого мы не имѣемъ. Наше, сударь, доложу вамъ, мастерство такое, что и конца ему нѣтъ: крыши, да заборы, да стѣны красить — особъ статья; а, напримеръ, полы подъ паркетъ выводить, или тамъ, дверь и косяки подъ слоновою кость отдѣлать, — это выходитъ вторая статья; экипажная часть тоже по себѣ, мебельное дѣло другаго требуетъ, а комнатная живопись настоящая опять другое, а названье у всѣхъ одно: маляръ, да и баста; а кто дѣло разберетъ, такъ маляръ маляру рознь — кто до чего дошелъ.

Понятно, что Клементій былъ мужикъ оборотливый и немного резонеръ, потому что, какъ видно, любилъ обо всемъ поразсудить и потолковать.

— Какое ремесло самое выгодное? — спросилъ я, желая снова вызвать его на разговоръ.

— Какъ вамъ, сударь, сказать, все это въ зависимости отъ самого человѣка. Конечно, по хозяйской части, какъ и въ купеческомъ дѣлѣ, много и глупаго

счастья бываетъ, а если на счетъ работниковъ взять, такъ все едино—единственно, зависить отъ того, кто какъ ремесло въ толкъ взялъ, а другая, главная причина состоитъ и въ томъ: каковъ ты и въ поведеніи, особенно нонече, потому что народъ, годъ отъ году, сталъ баловатѣе: иной парень бываетъ по мастерству и не такъ расторопенъ, да поведенія смирнаго, онъ для хозяина нужнѣй первѣйшаго работника. Матеріалу, на примѣръ, временемъ нужно закупить, за рабочими присмотрѣть, артель тамъ гдѣ-нибудь за глаза раздѣлать, — онъ его сейчасъ въ это дѣло и употребить, и у насъ этиакіе люди рублей по семисотъ въ дѣто получаютъ.

— Не по всѣмъ же мастерствамъ дается жалованье равное?

— Жалованье идетъ разное, про это кто говоритъ, только въ карманѣ выходитъ одно и то же. На что ужъ, кажись, по жалованью, лучше кузнечнаго дѣла! Послѣдній работникъ получаетъ четыреста а который поискуснѣе и холодную тамъ подковку знаетъ, такъ и четыреста на серебро хватить, а много ли богачей? Ни одного! Отъ малаго до большаго, что въ недѣлю заработалъ, то на праздникъ въ харчевнѣ и спустилъ; а теперече, если взять и другую линію: портной, сапожникъ и гравировщикъ, — у насъ считается на что есть хуже изъ всѣхъ: у нихъ, съ позволенія сказать, зимой, въ субботу, въ баню надобно сходить, такъ старшій подмастерье выпросить у дворника рукавицы, надѣнетъ ихъ, вмѣсто сапогъ, на ноги, да такъ и отваляетъ, а и по этому дѣлу выйдятъ въ люди... Недалеко взять: у нашего барина дворовой человекъ сначала тоже въ Москвѣ поучился

портняжничать, тутъ вернулся въ губернію, и теперь первый сталъ во всемъ городѣ портной, — и значить, что все человѣкомъ выходитъ.

— Неужели же портные менѣе прочихъ получаютъ жалованья?

— Жалованье жалованьемъ... имъ, точно, и жалованья меньше идетъ противъ прочихъ, но главная вещь: присмотру за нимъ никакого нѣтъ. Проживаютъ они больше по нѣмцамъ, а нѣмцу что?.. Платить онъ ему поштучно, спрашиваетъ въ работѣ чистоты — и только: расчисляютъ, что слѣдуетъ, а тамъ и распорядишься жалованьемъ своимъ, какъ знаешь: хочешь оброкъ высылай, а нѣтъ, такъ и пропей, пожалуй; у нихъ хозяину еще барышъ, какъ работникъ загуляетъ: онъ ему въ глухую пору каждый день въ рубль серебра поставитъ. а намъ, хозяевамъ, этого сдѣлать нельзя: у насъ, если парень загуляетъ, такъ его надобно остановить, чтобы было чѣмъ барина въ оброкъ удовлетворить, да въ домъ тоже выслать, потому что здѣсь все дѣло сосѣдское все на знати: а нѣмецъ ничего этого во вниманіе не беретъ...

Вошла хозяйка съ самоваромъ, — женщина еще молодая, но очень непріятной наружности, рыжеватая въ веснушкахъ, съ приплюснутымъ носомъ, узенькими глазами и вообще съ выраженіемъ лица ничего невыражающимъ. Сарафанъ на ней былъ хоть и ситцевый, но подинялый, рубашка грязная. Не даромъ Клементій говоритъ: «эка баба необрядная...» «Это, должно быть, не чухломка,» подумалъ я... Чухломка къ постороннему человѣку, а тѣмъ болѣе къ барину, никогда бы въ такомъ нарядѣ не пришла...»

Хозяйка между тѣмъ, поставивъ самоваръ, сходила за чашками. Клементій смотрѣлъ на нее, какъ мнѣ показалось, съ какимъ-то затаеннымъ чувствомъ досады...

— Хоть бы ты, Дарья Михайловна, для гостей-то улыбась, — произнесъ онъ и покачалъ головой.

— Ну, багюшка, — проговорила баба, поклонилась и ушла.

Я пригласилъ Клементія выпить съ собою чаю и сѣсть; то и другое онъ принялъ съ большимъ удовольствіемъ. Разговоръ между нами опять завязался, именно: о табакѣ, потому что я закурилъ въ это время трубку.

— Вы трубку изволите курить? — спросилъ меня Клементій.

— Да — трубку, — а что же?

— Такъ, сударь, нынче господа къ сигарамъ большое пристрастіе имѣютъ, и какъ еще эти — проклятыя — вотъ и названье-то забылъ — тоненькія такія.

— Папиросы?

— Именно папиросы: на удивленье, вѣдь, по первоначально было: бумагу вздумали курить, бѣдность такая пришла, точно, вотъ, какъ нынче мужики у насъ по деревнѣ: курить-то охотникъ, а табаку нѣтъ, денегъ тоже не бывало, такъ онъ моху этого лѣснаго засушить, наладеть въ трубку и запалить, точно настоящій табакъ, и поодурманить себя немножко, будто какъ и курилъ.

— А самъ ты куришь, или нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, сударь, по здѣшнимъ мѣстамъ отсталъ, а въ Питерѣ всего было: пуда съ три пере-

жегъ этого добра... и здѣсь-было, правду сказать, начиналъ, да старуха бранится, такъ и бросилъ... Не стаканъ ли для чаю-то прикажете подать?

— Нѣтъ; а что же?

— Да мы, вотъ тоже, по чужой сторонѣ видали, что господа нынче больше въ стаканахъ употребляютъ.

— Мнѣ все равно... У васъ здѣсь по чужой сторонѣ промышляютъ?

— Всѣ-съ. По нашимъ мѣстамъ, мужику прокивать въ деревнѣ все равно, что чорту ладанъ.

— Отчего же это?

— Выгодъ, сударь, нѣтъ никакихъ: мужику копейки здѣсь не начесть заработать: земля все плякъ, слѣдственно хлѣбопашество самое скудное; сплавовъ лѣсныхъ, какъ примѣрно по Макарьеву, Ветлугѣ и другимъ прочимъ мѣстамъ, не бывало; фабрикъ по близости тоже нѣтъ — чѣмъ мужику промышлять?... За-неволю пойдетъ на чужую сторону.

— И давно это промежь васъ завелось?

— Давно или нѣтъ, я ужъ не знаю-съ, а только былъ, сударь, у меня дѣдъ, померъ онъ на сто седьмомъ году, я еще тогда былъ почти малый ребенокъ; однако же помню, какъ онъ рассказывалъ, что еще при Петръ-Государѣ первые ходаки отсюда пошли, вотъ когда еще это началось! А теперь ужъ насъ, прямо сказать, отъ этого промысла не отучишь. Съ малаго будемъ говорить: тамъ мы всѣ не то, что хозяева или прикащики, а даже артельные, — всѣ содержаніе имѣемъ отличное, потому самому, что хоть бы взять въ нашемъ ремеслѣ: отпусти-ка въ артельную кашу мало масла, такъ онъ тебѣ красимши, на

одну половину масла за цѣлый годъ выльетъ, и мы въ этомъ, хозяева, никогда не стоимъ, кормимъ наубой, только чтобы въ работѣ не зѣвали да проворили; а здѣсь не очень раскуражишься; швырай, пожалуй, молоко, а мы, признаться сказать, не очень къ нему привычны. Мнѣ такъ вотъ даромъ его не надобно!... когда даже бабы ѣдятъ, такъ просто моторить *), а на счетъ того же чаю, мы — питерцы — къ нему большое пристрастіе имѣемъ. Тамъ какой-нибудь лядашій мальчишка, завелся у него гривенникъ и бѣжитъ въ трактиръ, и сидитъ бариномъ, и туда же еще командуетъ, а въ деревнѣ самоваровъ не наставишься, прокладки ужь этой и нѣтъ.

— А главное я думаю, вамъ не нравится полевая работа.

— Есть и это... отвыкаемъ очень... не велика, кажется, хитрость орать, а меня хоть зарѣжь, такъ косули по настоящему не уставишь... косить тоже не довокъ: машу, машу, а дѣло не прибываетъ... руки выломаешь, голову тебѣ распечетъ на солнцѣ, словно дуракъ какой-нибудь... и все бы это ничего, и къ этому мы бы дѣлу попривыкли, потому что здѣсь народъ все расторопный, старательный, да тутъ есть пожалуй, другая штука...

— Какая же это?

— А вотъ какая-съ: здѣсь, я вамъ доложу, мы всё бахвалы, именно, такъ сказать, бахвалы наголо: — сойдетъ мужикъ изъ Питера или изъ Москвы и начнетъ гнуть штуки: — я—дая, мы—да мы, и бабы да дѣвки сидятъ да слушаютъ, разиня ротъ, а намъ это и повадно, и куражимся.. А какъ по деревнѣ-то живешь, такъ не-

*) Тошнить.

чего прибавить: все на виду... Не дальше, какъ въ этой комнатѣ, было у меня этакое дѣло, на Никольщинѣ: есть здѣсь мужичекъ, верстахъ въ трехъ отсюда живетъ, старикъ простой, смирный, а денежный; на чужую сторону онъ не ходитъ, а занимается около дома торговлей: саломъ, солью, мясомъ и прочимъ этакимъ товаромъ перебиваетъ: сидитъ онъ у меня въ гостяхъ, и другіе тоже кое-кто былъ, народъ все хорошій, — вдругъ приходитъ нашей деревни мужиченка — Гришка, питерець коренной, но человекъ, то есть, нигуда не годный. Не взираючи ни на кого и ни на что, *шастъ* прямо въ передній уголъ, сѣлъ и почалъ хвастать: и денегъ, говорить, у него много, и анараловъ тамъ всѣхъ знаетъ, и во дворцѣ бывалъ; то есть, я вамъ скажу, такую понесъ околесную, хоть святыхъ выноси вонъ. Деревенскій этотъ мужичекъ слушалъ, слушалъ, да и говоритъ: «Гриша, не высоко ли берешь?...» Что же, сударь, какъ вы думаете?... Этотъ шельма — Гришка — оборвалъ старика, на чемъ свѣтъ стоитъ! «И толоконное,» говоритъ, «ты брюхо! и лѣсная кочерга!...» просто сказать, раскостилъ, а тотъ только смолчалъ, дѣлать нечего, на чужой сторонѣ не бывалъ, разсуждать объ этомъ много не можетъ... Вонъ вѣдь, у насъ какая здѣсь практика заведена, такъ и не больно манитъ проживать около дома! а все лестно, нельзя ли какъ-нибудь въ Питеръ или Москву... Это, батюшка, полагаю, и въ нашемъ званіи бываетъ: вонъ молодые господа изъ Питера съѣзжаютъ, такъ большой тоже форсъ держать. Къ нашему барину приѣзжалъ оттедова двоюродный братъ: мы, какъ его по Питеру знаемъ, такъ господинъ очень непъратый: на службѣ нигдѣ не

состоятъ, капиталовъ за собой никакихъ не имѣтъ, а только что, примѣрно, по-питерски сказать, тортуары тамъ гранитъ; а подите-ка: какъ прѣхалъ сюда, какой тонъ повелъ! у нашего помѣщика въ усадьбѣ все расхаялъ: и домъ безъ скусу, и скотные дворы выстроены не по плану... Я тутъ невдалекѣ слушалъ, какъ они объ этомъ разговаривали, и только самъ съ собой подумалъ: «у тебя-то, думаю, выжига питерская, какія тамъ палаты разстроены!»

Клементій остановился.

— Отчего же ты самъ нынче не въ Питерѣ? — спросилъ я его вдругъ.

Клементій весь вспыхнулъ.

— Какъ вамъ сказать, сударь, — началъ онъ послѣ минутнаго молчанія, почесавъ въ головѣ и вздохнувъ слегка: — линия ужъ такая вышла, что пенья копать дома пришлось.

— Покутилъ, видно?

— То-то и есть, прогорѣлъ маленько: пожару не было, а дымомъ вышло... мужикъ глупъ: какъ бы намъ не деревня, такъ бы мы и Бога забыли.

— Баринъ что ли тебя не пускаетъ?

— Да оно и баринъ, видно, повыдержатъ немного хочетъ... а другой случай: что на чужой сторонѣ мнѣ почестъ, такъ сказать, и быть не у чего... въ работники идти какъ-то зазорно, а хозяйствомъ обзавестись мототы не хватаетъ...

— А ты самъ хозяйствовалъ?

— Тридцать человекъ одной артели держалъ-съ, дѣла большія имѣлъ: кабы не своя глупость, такъ деньги бы теперь лопатой загребалъ...

— Отчего же? попивать, видно, началъ?

— Не безъ того... у насъ безъ этого не бываетъ; хотя и то сказать: выпивка рабочему человѣку ничего, она ему, по времени, еще въ пользу идетъ... а то худо, когда мужикъ съ горя начинаетъ опрокидывать, когда у него на сердцѣ болитъ.

— А у тебя болѣло тоже сердце?

— А такъ, сударь, болѣло, что вотъ я теперича не жиренъ, а напредь сего былъ кожа да кости!... Исторія моя длинная, опечатать ее стоитъ... вотъ какая моя исторія!

— Въ это время дверь пріотворилась.

— Клементій Матвейчъ!... — произнесъ женскій голосъ. Это была хозяйка.

— Что тебѣ?— отвѣчалъ съ досадою питерщикъ.

— Подъ сюда: работникъ вопить, запахивать неча... Подъ, батъко, засѣй загончиковъ хоть пятокъ!

— Ну, ладно; изготовь тамъ жито-то... Извините, сударь, въ поле требуютъ... На угощеньи благодаримъ покорно.

— Ты зайди ко мнѣ послѣ.

— Съ большимъ нашимъ удовольствіемъ, если вамъ будетъ не въ тягость... Затѣмъ, наше почтеніе-съ, — проговорилъ Клементій и ушелъ.

II.

Оставшись одинъ, отъ нечего дѣлать, я пошелъ въ избу. Хозяйка парила крынки, Федька сидѣлъ на лавкѣ, и, что есть силы, волотилъ по столу косаремъ; бабушка-старуха переправилась изъ сѣней на голбець... На меня изъ нихъ никто не обратилъ вниманія.

— Вона, худы валенки-то, — во что обуешься теперь, ворчала старуха, простанывая повременамъ... — Не мало толстолобому говорила: купи, да купи, такъ на базарѣ, нѣтъ... эка, братъ, и валенокъ про насъ на базарѣ не стало.... а сивку... да... продали... не самъ еще заводилъ... ловогъ больно... да... а не говори — и не говсрю... Успенъе.. на дворѣ, а еще и паръ не запарили... жди паря, хлѣба... то-то... порядки какіе... ой, ба тюшки, тошнехонько! Ой, ой, тошнехонько!..

— Чѣмъ мать больна? — спросилъ я невѣстку.

— Не знаю: давно ужъ она мозгнетъ, — отвѣчала та нехотя.

— Что у тебя, старушка, болитъ? — отнесся къ больной.

— Что болитъ?... все болитъ, во есей болѣзъ ходитъ... рученьки, ноженьки ломитъ, у сердца тошно; съ печи падала не одинъ разъ, пора бова отбить... Не такъ было прежде, жили... да... что станешь дѣлать... не больно нынче матокъ слушаютъ: хоть говори, хоть нѣтъ... третій годъ въ Питерѣ не бывалъ, какое ужъ это дѣло!.. О-о ой, тошнехонько!..

— И мнѣ сдѣлалось тошно отъ болѣзненныхъ стонъ старухи, а сверху того: Дарья ввалила въ крыльцо огромный, раскаленный камень, и всю избу наполнила паромъ.

«Плохо же житье питерцу, подумалъ я: — понятно, что въ семьѣ у него было не очень ладно: жена какая-то рабочая полу-идіотка, мать больная и, должно быть, старуха блажная. Отчего это оъ, по его выраженію, прогорѣлъ, и почему не въ Питерѣ?...»

Съ такого рода размышленіями пошелъ я по деревнѣ. Картины увидѣлъ обыкновенныя: на самой

серединѣ улицы стояло цѣлое стадо овецъ, изъ которыхъ одна, при моемъ приближеніи, фыркнула и понеслась маршъ-маршемъ въ поле, а за ней — и всѣ прочія; съ одного двора съѣхала верхомъ на лошади нѣтъ четырнадцати дѣвочка; на ободворкѣ пахала баба, по крѣпкому сложенію которой, и по тому, съ какой ловкостью управлялась она съ сохой и заворачивала лошадь, можно было заключить объ ея не совсѣмъ женской силѣ; нѣсколько подальше, у воротъ, стояла другая женщина и во все горло кричала: тѣлъ, тѣлъ, тѣлъ!... тѣлонька, тѣлонька, тѣлъ!... По дорогѣ, навстрѣчу мнѣ, шла десятскій — Марья съ ималомъ*) и уздой въ рукахъ.

— Что это баба кричитъ? — спросилъ я ее.

— Корову, сударь, выкликаеть: коровка, должно быть, отстала, — отвѣчала она.

— Развѣ у васъ не за пастухами?...

— Нѣтъ, не за пастухами: у насъ пастуху нечего дѣлать. Скотина гуляетъ не по чистополью, а по лѣсамъ, что тугъ пастухъ сдѣлаетъ? разбредется по кустамъ, такъ и онъ ничего не увидитъ...

— А если украдутъ?

— Николи у насъ не крадутъ, звѣрь такъ обижаетъ, а воровства здѣсь не чутъ.

— Волкъ что ли?

— Нѣтъ, не волкъ, — медвѣдь: нынѣшнее лѣто, изъ нашей деревни, проклятый, двухъ коровокъ изломалъ.

— Вы бы стрѣляли его?

---

*) *Имало* — овесъ въ какой-нибудь чашкѣ или плетушкѣ, которыми, поднося къ мордѣ лошади, приманиваютъ ее и такимъ образомъ ловятъ. <http://rcin.org.pl>

— Кому у насъ стрѣлять? Былъ въ Терентьевѣ одинъ стрѣлокъ, да и тотъ передъ заговѣньемъ померъ... Тоже, вотъ этакъ, по веснѣ сѣлъ на лабазъ; медвѣдь-то пришелъ, надалину только обнюхалъ, а его стрясъ съ елки и почалъ ломать, всю шабалку своротилъ; тѣмъ и померъ, никакъ залечить не могли.

— Ты сама куда ходила?

— Лошадь ловить ходила, да не дается, песь ее дралъ.

— А развѣ въ домѣ у васъ нѣтъ мужика?

— Нѣтъ, сударь, ни одного нѣтъ-съ: батюшка-тесть и мой-то мужъ — оба въ Питерѣ.

— Отчего же мой хозяинъ дома проживаетъ?

— Клементій Матвѣичъ?

— Ну-да.

— Видно, не больно умно жилъ на чужой сторонѣ, такъ теперь задѣлье и править.

— Загулялъ, что ли, онъ?

— Не безъ того, чай.

— Миѣ жена его очень не понравилась.

— Она не здѣшняя, отъ Макарья взята.

— Я это догадался: она ему не пара.

— Извѣстно, что противъ него не будетъ; этакому мужику надобно бабу покрасивѣе.

— Вотъ бы тебя, напимѣрь.

— Да что ему меня, у меня свой не хуже его.

— Будто и не хуже?

— А чѣмъ хуже? только еще человекъ молодой, а не хуже.

— Не волочится ли за тобой Клементій?—спросилъ я ее вдругъ.

Она вся вспыхнула, потомъ посмотрѣла на меня пристально и улыбнулась.

— Что за волоченье? онъ здѣсь смирно живетъ, — произнесла она и потупилась.

— А прежде?

— Прежде, я не знаю; мало ли чего у нихъ въ Питерѣ бываетъ? человекъ былъ богатый, такъ ужь, вѣстимо, безъ того жить не станетъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ моей квартирѣ. Насъ нагналъ Клементій, который уже возвращался съ поля.

— Хоть бы вы, сударь, нашего хожалаго постращали, а то онъ ничего своей должности не сполняетъ, — сказалъ Клементій, указавъ головою на Марью.

— Что меня стращать: не мнѣ бы, а тебѣ, длинноносому, надобно эту должность исправлять, — отвѣчала та съ улыбкой.

— Нѣтъ ужь я, тетка, въ сотскіе буду проситься, чтобы ты у меня подъ началомъ была.

— Что же тебѣ такое въ подначальствѣ моемъ?

— Извѣстно что... Ахъ, ты, голубка: ноги тонкія, бока звонкіе! — проговорилъ Клементій, ударивъ ее слегка по плечу.

— Перестань болтать-то: мало тебѣ въ Питерѣ бока назвонили.

Этотъ быстрый разговоръ и нѣсколько взглядовъ, которыми перебросились Клементій съ Марьей, показали мнѣ подозрительными.

Я вошелъ въ свою комнату: питерщикъ не замедлилъ явиться. Мы усѣлись на прежнихъ мѣстахъ, и разговоръ между нами тотчасъ же начался.

— Ты говорилъ, что съ тобой была исторія, расскажи ее, пожалуйста!—сказалъ я.

Клементій сначала призадумался немного, потомъ усмѣхнулся.

— Рассказать, сударь, пожалуй, наше дѣло: слабы на языкъ-то; только то, чтобы не наскучить вамъ: похождения мои длинные.

— Вовсе нѣтъ, я тебя прошу объ этомъ.

Клементій поправилъ бороду.

— Похождения мои, — началъ онъ, — хоть-бы взять съ того, что я вдовецъ и теперича женатъ на другой: первая моя хозяйка, всякій вамъ скажетъ, была такая красавица, что другой, ей подобной, можетъ быть, по всей имперіи изъ простаго званья не найти. Восемь лѣтъ мы съ ней прожили, наперекоръ слова не бывало, а не токмо что брани или тамъ драки этакія, какъ промежъ другими бываетъ. И я, сударь, не хвастаясь сказать, въ полтора года, изъ простыхъ мальчиговъ въ прикащики попалъ, а черезъ два года и самъ хозяйствомъ обзавелся, и такое у меня объ домъ стараніе было: спать лежучи, объ домъ думаешь; поутру встанешь, лба еще не перекрестишь, а все на умѣ, какъ бы денегъ спроворить да въ домъ послать.... а въ пятый годъ такъ раздышался, что и бабу въ Питеръ выписалъ, еще у меня спорѣй пошло: она была, надо сказать, окромя красоты изъ лица, женщина умная, расторопная, чистоту любила на всякомъ мѣстѣ. Пойдешь, бывало, раннимъ утромъ по дѣламъ, воротись домой: въ фатерѣ любо поглядѣть: прибрано, примыто, сама сидитъ лучше другой барыни, и такъ мнѣ все это было по нраву, что иной разъ всплачешь потихоньку... Господи, Боже

мой, думаешь, за чьи Ты молитвы меня такимъ счастьемъ искалъ?...

Проговоря это, Клементій пріостановился.

— Далѣ! — сказалъ я.

— А дальше, сударь, только два годочка я покрасовался съ ней въ Питерѣ, и самъ не понимаю, что такое приключилось: врядъ ли ужь тутъ не было чьего-нибудь дурнаго глаза. Больно мнѣ многіе изъ своей братаи въ зависть брать начали, а, можетъ быть, и напрасно клеплю, можетъ быть, и отъ простуды!... Пришла она у меня, — дѣло это было по осени, — отъ всеобщей и прямо на постель. «Что это, говорю я, Машенька, ты спозаранку спать забираешься?» — «Такъ, говорить, мнѣ все что-то не по себѣ.» — «Такъ полно, говорю, дурочка, валяться-то, напейся чайку съ мадеркой, лучше испарина прошибетъ.» — «Хорошо,» говорить, и встала, и надо полагать, что, черезъ принужденіе, выпила одну чашку, а больше ужь не могла, и опять легла. — Поутру еще хуже: я къ доктору, тотъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ ее: «горячка, говорить, у нея начинается.» А затѣмъ самымъ горячка да горячка. Лечили, кажись, всякимъ, — легче нѣтъ. Недѣлю помаялась, а въ восьмой день п Богу душу отдала...

Клементій опять остановился: на глазахъ его на-вернулись слезы.

— Позвольте, сударь, трубочки покурить, — сказалъ онъ, смигивая слезы.

Я подаль ему свою трубку.

— Вотъ такъ-то лучше, пораскуражитъ маленько, сказалъ онъ, вытнувъ сразу всю трубку, и продолжалъ: — Какъ случилось со мной такое несчастіе, я

впалъ попервоначалу въ какое-то безчувствіе: какъ тамъ эти похороны и все этакое срядили да обрядили, ничего не помню... Все, говорятъ, смѣялся этакимъ смѣхомъ нехорошимъ... Такъ полагали, что совсѣмъ съ ума спятилъ, — однако же попомнился. Самъ чувствую, что въ разумъ вхожу, а на сердцѣ часъ отъ часу становится тяжелѣе, — только и говорю работникамъ: не оставляйте, говорю, братцы, меня одного, я грѣхъ сдѣлаю, руки на себя наложу. Недѣли въ двѣ меня сломило совсѣмъ: ни аппетита, ни силы, ничего не стало!.. Провалялся я такъ до новаго года, почестъ... Надобно было расчеты сдѣлать, долги тоже кой-какіе получить, ничто не мило, все бросилъ и въ деревню съѣхалъ; — думалъ хоть этимъ облегченье получить, — не тутъ-то было... Видючи, какъ я убиваюсь, стали мнѣ хорошіе люди совѣтовать въ Тотьму, къ чудотворцу сходить. Мнѣ это очень пришлось по душѣ, и какъ только я это, батюшка, задумалъ, — сразу легче стало. Никогда прежде живучи больше пятнадцати верстъ не хаживалъ, а тутъ прибѣгло такое желаніе, чтобы пѣшкомъ идти. Согласился я съ однимъ старичкомъ, — тронулись. На первыхъ порахъ, отошелъ я двадцать пять верстъ, и такую усталость почувствовалъ, что хоть подводчиковъ нанимать. Однако же пересилилъ себя, дошелъ на другой день до Солигалича, — верстъ тридцать, примѣрно, сдѣлалъ, не отдыхаячи, — усталости ужъ такой не было. Въ самомъ Солигаличѣ зашелъ я съ моимъ товарищемъ къ одному юродивому — Андрюшкѣ: какъ я къ нему пришелъ, — подалъ калачикъ, — онъ вдругъ запѣлъ: «со святыми упокой». — Пропѣвши нѣсколько разъ, водочки по-

просидь. Я по глупости подумалъ, что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, водки желаетъ: сходилъ сейчасъ въ питейный и принесъ ему. Взялъ онъ у меня полштофъ, да какъ швырнетъ въ уголь, и запѣлъ «Исаія ликуй». Какъ его потомъ ни спрашивалъ, ничего больше не сказалъ... И такимъ манеромъ я въ Тотью сходилъ благополучно. Воротился домой. Баринъ у насъ тогда домъ отстраивалъ. «Возьми», говорить, «Клементій внутреннюю отдѣлку на себя. Я не перечилъ, взялъ: такъ все дѣло и почти что всю осень и проработалъ у него; и это меня заняло очень много. Отдѣлать тоже хотѣлось для барина получше. Въ первую пору, думалъ, и не перенести горя; а тутъ пришло, что и о другой свадьбѣ задумалъ.

— О другой?

— Да-съ, и самъ ужъ не знаю, какъ это и вышло! Вамъ, сударь, можетъ быть, не безызвѣстно наше обнокovenье, что молодому мужику вдовымъ жить не приходится. У меня есть тоже старуха мать, — кажись, видѣли ее: начала она мнѣ говорить разные тамъ, то есть этакіе наши крестьянскіе резоны представлять, а тутъ и браниться, пожалуй. За глаза меня, сударь, сговорили да помолвили на дѣвушкѣ изъ макарьевскаго имѣнья: я и не рассмотрѣлъ хорошенько, накануне только свадьбы и въ рожу-то увидалъ невѣсту. По чужимъ рѣчамъ все дѣло-то произошло, наговорили да натолковали: дѣвушка-де смиренная, изъ дому идетъ хорошаго. Ну, думаю, что будетъ, то будетъ, не проживешь цѣлый вѣкъ безъ бабы.

— А съ той стороны, видно, было большое желаніе?

— Еще бы <http://www.vostok.ru> желать дѣло ихъ было небо-

гатое, а я, не хвастаясь, по тогдашнему времени былъ первый крестьянинъ изъ всего имѣнья. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобы многого не разсмотрѣлъ. Опомился отъ ихняго угощенья, какъ до-мой прѣхаль, и только всплеснулъ руками! Жен-щина дѣйствительно вышла тихая, да для насъ — питерцевъ — не годится! Теперь-то плоха, а первое время и говорить по нашему не умѣла: ты ей толкуешь одно, а она понимаетъ другое. Затаилъ я, сударь, все на сердцѣ и, черезъ недѣлю же послѣ свадьбы, въ Питеръ махнулъ. Прежде, бывало, изъ дома ѣдешь, станціи двѣ слезами обливаешься, а въ тотъ разъ словно вольнымъ воздухомъ вздохнулъ, какъ изъ деревни вывалился. Прѣхавши, прямо на дѣла кинулся, Въ годъ съ небольшимъ нажилъ деньги большія, а о деревнѣ и думушку думать забылъ. Выплатишь оброкъ, вышлешь малую толику на подушную, рассчитаешь работника — и только. А чтобы, тамъ этакъ, въ домъ къ украшенью что-нибудь, или подарки какіе-нибудь — и на разумъ не приходило. Магушкѣ такъ еще угрождалъ кое-чѣмъ по времени, а благовѣрной двадцати-копѣчнаго платка не присылавалъ: словно какъ ея совѣмъ на свѣтѣ не бывало. Этого мало, сударь: отписываютъ, что парнишко родился,—никакого чувствія не было, словно какъ у чужихъ сдѣлалось. А кабы, кажись, первая Машенька родила, такъ сблаговалъ бы отъ радости!...

Воспоминанія эти привели Клементія въ какое-то возбужденное состояніе. Глаза у него разгорѣлись, на лбу выступилъ градомъ потъ, по блѣдному лицу появились красныя пятна.

— Прожилъ я, сударь, такимъ дѣломъ, — началъ

онъ снова:— не сходя, въ Питерѣ три года, и, всю правду вамъ скажу, прожилъ смирно и началъ было уже въ деревню собираться. Вдругъ вышелъ мнѣ такой случай: былъ у меня одинъ знакомецъ и дядей еще какъ-то мнѣ приходится, съ бабкиной стороны, то же, этакъ, подрядчикъ изъ здѣшнихъ мѣстъ; въ Питерѣ проживаетъ безвыѣздно, вдовый, человекъ умный, въ капиталѣ хорошемъ, по дѣламъ ловкій, только, временемъ, любилъ закачивать. Если ужъ раскутится, такъ ему все нипочемъ: рублевъ сто, двѣсти серебромъ въ два часа просадить. Встрѣтимши меня разъ поутру, — «пойдемъ, говоритъ, Клементій, въ трактиръ, чайку напитокся.» — Пошли — и сначала ничего, все шло, какъ слѣдуетъ: напились чаю, прошлись потомъ по водочкѣ, по мадеркѣ, въ голову-то и попало маненько. Онъ спросилъ бутылочку судацкаго: я тоже, съ своей стороны, откупорилъ, стало быть двѣ, а тутъ прилучилась третья, четвертая... Раскутился мой дядя!...

«— Клементій, говоритъ, поѣдемъ со мной къ Аннушкѣ.

«— Какая, говорю, дядя, Аннушка?

«— Есть ужъ, говоритъ, такая!... только молчи, и тебѣ будетъ хорошо..

«Ладно... поѣхали... подвезъ онъ меня къ большущему дому... извозчика раздѣлали... «Иди, говоритъ, за мной, и ввелъ на самый верхній этажъ, отворилъ двери, вошли: вижу — комната хорошая, хоть бы у господъ такая. Вдругъ изъ-за перегородки выскакиваетъ мамзелька въ платьѣ, ловкая такая, собой красивая, и прямо чмокъ дядю въ лобъ. «Ахъ, ты, суконное рыло!» подумалъ я. «Какое ему счастье

выходить!» Поцѣловавшись съ мопмъ благопріятелемъ, и мнѣ ножкой шаркнула.

«— Чѣмъ прикажете, говоритъ, дорогихъ гостей угощать?

«— Судацкаго,— требуетъ дядя, и сейчасъ же выкинулъ на столъ двадцатипяти-рублевую серебромъ. Хозяюшка подхватила ее ловко на лету, и сейчасъ же распоряженіе сдѣлала, и потомъ закурила намъ трубочки. Сидимъ, покуриваемъ. Посидѣвши такъ немного, дядя отозвалъ ее въ сторону и шепнулъ ей что-то.... «Сейчасъ,» говоритъ, и убѣжала.

«— Погоди, Клема,— говоритъ мнѣ дядя,— сейчасъ другая штучка будетъ, на гитаркѣ намъ сыграетъ и споетъ,— и только покончилъ онъ эти слова, какъ точно входитъ ужъ не одна, а двѣ, прежняя и другая съ гитаркой; и такъ мнѣ, сударь, эта вторая съ перваго же раза изъ лица понравилась, что, кажись, не хуже моей покойной Машеньки показалась. Принесли судацкое, и началось у насъ угощеніе. Хозяйка тянетъ съ нами очередную, а гостя все въ отказку — почестъ что поневолѣ принудили бокальчикъ одинъ принять. Однакоже ничего: пооглядѣвшись немного, и на гитаркѣ заиграла, и пѣсенку запѣла, и такой голосъ показала, что я отродясь не слыхивалъ, даже въ жаръ меня кинуло, въ головѣ-то блажи ужъ много было. Видѣвши, что дядя препровождаетъ время съ хозяйкой, я къ гитарщицѣ подсѣлъ.

«— Какъ, говорю, васъ, сударыня, по имени и отчеству звать?

«— Палагея, говоритъ, Ивановна.

«Ладно-съ, думаю, имя хорошее.

«— Что это, господа-купцы, хоть бы вы разъ въ тіатерь свозили, — говоритъ Аннушка.

«— Чтожъ такое? въ тіатерь, такъ въ тіатерь, говорю я.

«— Идетъ, — порѣшилъ дядя.

«Хозяйка принимаетъ это въ большое удовольствіе, а Палагея Ивановна отказъ дѣлаетъ, — и тетенька какая-то гнѣваться будетъ, и сама не такъ здорова. Мы эти слова ея во вниманье не беремъ, упрашиваемъ, — я цуще всѣхъ. Уламывали ее съ полчаса, насилу согласилась. Повѣхали: мы съ дядей по себѣ, а для нихъ особый извозчикъ. Старикъ мой всеѣмъ раскутился: не хочу, говоритъ, на верху, въ тѣснотѣ и жарѣ, сидѣть. Взялъ въ пять цѣлковыхъ ложу. Я до тіатеру, еще въ мальчишкахъ, былъ непомятый охотникъ. Эту, на примѣръ, «Аскольдову могилу», танцы тамъ разные, или такіе, гдѣ иностранные принцы въ свѣтлой одеждѣ выходятъ, каждую штуку разъ по семнадцати видалъ; а, въ тотъ разъ, какое представленье шло, и не знаю: всеѣмъ своимъ взоромъ пристрастился къ Палагеѣ Ивановнѣ. Она тоже, надо полагать, никакого удовольствія не имѣла: сидитъ такая печальная, голову опустивши, глаза потупивши....

«Сдѣлавъ имъ уваженье на счетъ тіатеру, дядя ладилъ, чтобы опять къ нимъ въ гости ѣхать. Однакоже, эта самая Аннушка сказала наотрѣвъ, что нельзя: время, говоритъ, теперь позднее, а милости просимъ въ другую пору. Дѣлать нечего, отпустили ихъ, а сами повѣхали къ своимъ мѣстамъ. Но мнѣ цѣлую ночь и сна нѣтъ: все на умѣ Палагея Ива-

новна. На другой день — тоже, а на третій такъ пришло, что къ дому ея разъ семь подходилъ, а войти не смѣю. Маялся я такъ съ недѣлю. Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову такая мысль, словно дьяволъ ее подшепнулъ: жила, на одномъ со мной дворѣ, старушонка, обзывала себя торговкой, а почти что нищая была. Купить какихъ нибудь копѣекъ на двадцать печенки, изжарить, съ моего позволенья, въ артельной, да цѣлый день съ этимъ товаромъ и шляется по Питеру. Призываю я ее къ себѣ, угощаю чаемъ, водкой и дѣлаю ей всю откровенность. Видѣлъ, говорю, въ такомъ-то мѣстѣ дѣвушку, очень она мнѣ понравилась, такъ нельзя ли, говорю, узнать, какъ и что съ ея стороны. Старушонка разомъ смекнула въ чемъ дѣло: тѣмъ же часомъ свилась — собралась и полетѣла. Прождалъ я ее до вечера: нетерпѣнье такое было, что все стоялъ у воротъ да выглядывалъ: наконецъ, катить... Что? спрашиваю. Да то, говоритъ, была и видѣла, дѣвушка отличная и не такая, какъ вы, можетъ быть, полагаете. Отъ этихъ словъ старухи у меня еще больше сердце разгорѣлось... Выставилъ я ей бутылку мадеры, сталъ ее ублажать всякими словами, — этого мало: дарю ей пятнадцать рублей. Вотъ, говорю, старушка, возьмите на первой разъ, а на предбудущій случай и ничего не пожалѣю, только научите, какъ лучше сдѣлать. Принявши отъ меня деньги и выпивши всю мадеру, старушонка поразговорилась и дѣлаетъ мнѣ такое признаніе: — я, Клементій Матвѣичъ, желая вамъ услужить и понимаючи, какъ надобно вести себя, пригала имъ, на всякъ случай, и объяснила такъ, что вы купецъ, человекъ вдовый, и желаете

пожениться, а иначе тутъ объ васъ и говорить нельзя. Ихнее дѣло скромное, живетъ она при теткѣ, по имени Натальѣ Абросимовнѣ; занимаютъ онѣ объ золотешвейнымъ мастерствомъ и званіе имѣютъ оберъ-офицерское, — какъ хотите, такъ и поступайте, а я васъ на путь направила, — прозѣваете, себя вините. — Взяло меня, сударь мой, раздумье: солгать, вижу, надобно много, и можетъ быть, тѣмъ-бы самымъ все и кончилось; но начала эта самая старушонка шлаться ко мнѣ каждый день и все про одно толкуетъ. То ей въ удивленье, что я, бывши молодымъ еще человѣкомъ, проживаю въ такой скукѣ, то, будто бы, съ той стороны принесетъ поклонъ. Больше недѣли не давалъ ей никакого отвѣта. Не вытерпѣлъ, однакоже, и покончилъ тѣмъ, что, призвавши ее разъ вечеромъ, — дѣлай, говорю, какъ знаешь, а мнѣ нежить-небыть — видѣть Палагею Ивановну желается. На такое мое распоряженье отвѣтъ получаю въ тотъ же день, — просятъ-де вечеромъ чаю напиться. Пошли у меня сборы; франтился я часа четыре: одежда у меня всегда была отличная, а тутъ стала не нравиться. Бороду подстригъ, волосы распомадилъ, взялъ перваго съ биржи лихача. Прикатилъ: вхожу, куда было сказано, и только что не ахнулъ, словно въ мурью какую попалъ: помѣщенье такое — хуже курной, деревенской избы. Стоитъ на трехъ ногахъ столишка, огарокъ шестириковой свѣчи, самоваришко какой-то; по одну сторону столика сидитъ, какъ я догадался, эта тетенька, женщина изъ лица красная и собой этакая обрюзгая, а на другую сторону — и сама Палагея Ивановна. Сдѣламши имъ, какъ умѣлъ, рекомендацію о себѣ // <http://www.vechno.org> Тетенька, сейчасъ въ

разговоръ вступила, и съ перваго же слова начала меня вывѣдывать: кто я такой, какую торговлю веду, давно ли вдовъ. Вру я ей, что въ голову придетъ, и, по наученью старухи, такой тонъ держу, что будто бы жениться желаю. Просидѣлъ я у нихъ часа три: Поленька хоть бы слово сказала, такъ что мнѣ стало и досадно. Однако же виду не даю и начинаю прощаться, — и тутъ, какъ-то къ слову и не помню хорошенько, фатеру ихнюю похаялъ. Фатера, говорю, очень черна. — Черна, говоритъ мнѣ на это тетенька, большое бы желанье имѣли куда-нибудь переѣхать. Здоровье Поленьки слабое, а въ этакой сырости еще больше пропадаетъ. — Чтожь такое? говорю я, — можно и перемѣнить: въ Питерѣ фатеры есть всякія. Эти мои слова, надо полагать, онѣ на усь и замотали. На другой день, старушонка моя, чуть свѣтъ, ко мнѣ стучится. Объяснимши, что я тамъ слишкомъ понравился, вдругъ мнѣ открываетъ, что приказали-де просить, что не могу ли я, на свой счетъ, фатеру для нихъ пріискать, такъ какъ я человѣкъ богатый и для меня это большаго разсчета не сдѣлаетъ. — Ладно, говорю, мы въ этомъ не постоимъ, — и въ тотъ же день пріискалъ двѣ комнаты съ кухней, по моему, слишкомъ порядочныя, и сейчасъ же имъ вѣсть даю. Пріѣзжаетъ ко мнѣ сама тетка на извожикѣ, благодарность говоритъ мнѣ большую и проситъ, чтобы я позволилъ ей посмотреть. — Свезъ я ее, оглядѣла, — не нравится, и то не хорошо, и то неарядно, и окна на дворъ. Ахъ, ты, Боже мой! думаю я про себя: сами жили въ мурѣ — ничего, а тутъ этакое помѣщенье хуляютъ. Поѣхали мы съ ней назадъ. Она ужъ прямо говоритъ, что у меня или ка-

питалу нѣтъ, или мнѣ жалко. Итакъ, сударь, расконфузила она меня этими послѣдними словами — на чемъ свѣтъ стоитъ. Мы — питерцы — народъ форсистый: лучше чѣмъ-нибудь другимъ — прочимъ обидь, а на счетъ денегъ не затрогивай. У насъ въ карманѣ сотня, а манеру мы держимъ на тысячи. Ну, думаю, душа моя, я себя въ грязь лицомъ не ударю, представлю вамъ такую фатеру, что тебѣ въ носъ кинется; ты, можетъ быть, въ этакихъ сроду и не бывала, а ужь, навѣрняка, никогда не жила, даромъ что оберъ-офицераго званья. Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ. Было въ нашемъ домѣ совсѣмъ черное отдѣленіе, комната въ пять, — прежде была отличнѣйшая фатера на улицу, да запустили. Сговорился я объ немъ съ хозяиномъ, послалъ своихъ молодцовъ и, въ двѣ недѣли, отдѣлалъ на самую лучшую ногу: паркетъ подклеилъ, отчистилъ, дубовыя двери отшлифовалъ, лучше новыхъ стали; на окна занавѣски шелковыя повѣсилъ, мебель купилъ настоящую орѣховую, обивки первостатейной; денегъ просадилъ много, однако не жалѣю. Спроворивши все это, приглашенье имъ даю, чтобы пожаловали на новую фатеру чаю откушать. Пріѣзжаютъ, смотрятъ и только посмѣиваются отъ радости. Проводимъ мы вечеръ въ большомъ удовольствіи, угощеніе я имъ даю отличное: чай, сладкія закуски разныя, ужинъ идетъ изъ лучшей рестораціи. Мадера, портвейнъ, красненькое, чего угодно, все есть. Тетенька выпила сильно, такъ что едва на стулѣ сидитъ; Палагея Ивановна отпила стаканчика два легонькаго винца и начала со мной поговаривать, — и даже по моей просьбѣ послала къ себѣ извошика за гитарой, сыграла и спѣла мнѣ по-

крайней-мѣрѣ, пѣсенъ двадцать. Слушаю я ее, разиня ротъ, точно соловья какого, и то очень еще мнѣ нравится въ ней, что держитъ себя она благородно. Шутки мои, напримѣръ, принимаетъ отъ меня, а сама ничего не говоритъ, и только тупится. Послѣ этого нашего вечера, онѣ на другой день переѣзжать: имущество свое свезли въ одинъ разъ на ломовомъ извозникѣ, да сами прѣехали на подресоркахъ, и все тутъ. Начинаемъ потомъ жить, я ихъ посѣщаю, какъ слѣдствуетъ. Содержанье — чай, сахаръ, запасъ къ столу — все идетъ отъ меня. Старушонка-торговка все продолжаетъ мной руководствовать и такое мнѣ понятіе даетъ, что онѣ желаютъ мной одолжиться временно, и что въ скорости сами получаютъ большія деньги, и что, если я ее — старуху, отведу отъ нашего дѣла, такъ все сразу кончится. Даже, по сей день, сударь, я самому себѣ удивляюсь: кажись, этими пустыми словами, какъ разсуждать со стороны, такъ малаго ребенка провести нельзя, а тутъ всему вѣру давалъ. Денегъ у меня въ ту пору было много: тысячи три серебромъ въ карманѣ, да въ получкѣ слишкомъ тысяча; — руги — валяй, — словно имъ и конца не будетъ. Хожу я къ нимъ, моимъ сосѣдкамъ, два раза въ день и безъ подарковъ не являюсь: то матеріи принесешь на платье, то платочекъ, то мантильку цвѣковыхъ въ двадцать, а вечеркомъ мадеркой да ромкомъ забавляешься. Палагея Ивановна тоже привыкаетъ потягивать: первую начнетъ какъ будто бы поневолѣ, вторую тоже робко, и сейчасъ же возьметъ гитару и запоетъ. Чудное дѣло, сударь, по сю пору все ея пѣсни у меня въ памяти. Ничѣмъ, кажись, другимъ она столько не понравилась

какъ своимъ пѣньемъ! Словно за сердце хватала, какъ она пѣла, — и сама въ такое чувство приходила, что я и не привидывалъ. Ни на кого изъ насъ не смотритъ, а слезы такъ градомъ и сыплютъ. Какъ напоется досыта, — вдругъ сама безъ всякаго приглашенья полный стаканъ выпьетъ; но особеннѣе всего мнѣ то было удивительно, какъ она этакъ выпьетъ, сейчасъ же у ней на тетку злость нападаетъ. Та, самъ вижу, угождаетъ ей сильно, а она все фыркаетъ. Проводя такимъ манеромъ все мое время, о дѣлахъ не думаю, къ хмѣльному получилъ пристрастие большое. Встанешь поутру, и вмѣсто того, чтобы, какъ прежде бывало, чаю напитокся, — не могу, маторить: съ самимъ собой тоска, раздумье о томъ, о другомъ, — но все еще ничего, живемъ, и вдругъ мнѣ, сударь, черезъ ту же прежнюю старушонку передаютъ, что Палагеевъ Ивановнѣ экипажъ свой завести желается. Надобно сказать, что желаніе это у меня у самого было и прежде того; но когда мнѣ это еще подсказали, — охота припала сильнѣе прежняго. Мы хоть и не купцы, а на счетъ выѣзду, не только въ Питеръ, а даже по здѣшнимъ мѣстамъ, большіе щеголи. Приобрѣлъ я сѣраго рысака, заплатилъ за него триста на серебро, и то по случаю; санки — тоже полтора ста, сбруя накладнаго серебра. Сядемъ мы съ Палагеей Ивановной, медвѣжьей полостью перекинемся. Салопъ на ней безподобный, шляпка отъ францужинки; я тоже въ дорогой лисицѣ, и дѣлаемъ мы, сударь, такимъ манеромъ прогулку что твои купцы первой гильдіи, а между тѣмъ въ карманъ — становится больно тонко. Выпалъ было для меня сподручный въ казнѣ подрядъ,

надобно было взять безпремѣнно, а въ залогъ представить нечего. Толкнулся было къ другимъ, третьимъ подрядчикамъ, на счетъ обезпеченія, — но тѣ, видючи, какъ я шибко началъ жить, попріостереглись не дали. Стало меня за виски забирать: самъ понимаю, что дѣлаю глупо, и пересилилъ бы, кажись, себя на тѣхъ-же порахъ, кабы на свѣтѣ этого окаяннаго вина не было. Вотъ въ этакихъ-то случаяхъ какъ мой, оно подлѣйшая штука для нашего брата мужика, по тѣмъ причинамъ, что больно дѣлаетъ человѣка беззаботнымъ; пьешь больше для куражу, а какъ проспнешься, такъ хужепрежняго. Рожу у меня раздуло, руки начали трястись, хорошихъ людей стало мнѣ совѣстно, о деревнѣ подумать страшно, — а прежняго все не оставляю. Съ Палагеей Ивановной тоже нехорошее творится: худѣетъ и кашляетъ день о то дня больше, пищи никакой не имѣетъ, а безъ мадеры уже и жить не можетъ. Кутимъ мы такимъ манеромъ ровно годъ. Артель свою я нарушилъ, изъ капитала осталась самая малость. Подарковъ дѣлать не на что; пріемъ, замѣчаю, начинаютъ мнѣ дѣлать другой, — ко всему этому: началъ къ нимъ ходить какой-то, будто бы, двоюродный братецъ, чиновникъ. Мнѣ это не понравилось: сталъ я спрашивать, какъ и что такое за гость? Сначала отшучивались, а тутъ въ серьезное говорятъ: не попрекайте, говорятъ, насъ этимъ человѣкомъ, онъ у насъ изъ всей нашей родни остался одинъ, и теперь хлопочетъ по нашимъ дѣламъ. — Этими словами, однако, онъ меня не успокоили, стала меня ревность мучить: молчу куда, а на сердцѣ досада непомѣрная, и выжидаю только случая; наконецъ вы-

ходитъ между нами такое дѣло. Встаю я разъ утромъ, вдругъ подають мнѣ записку оттедова. Ишетъ тетка, что такъ и такъ. имъ, по ихнимъ дѣламъ, нужно триста цѣлковыхъ, и проситъ, чтобы не отказалъ въ ихней нуждѣ, а что послѣ онѣ заплатятъ. И какая, батюшка, бываетъ съ человѣкомъ глупость! Сколько я ни былъ досажденъ на нихъ, все понимаючи очень хорошо, и бывши самъ въ самыхъ разстроенныхъ обстоятельствахъ, вдругъ мнѣ стыдно сдѣлалось, что денегъ не имѣю. Думаю, хоть умру да добуду, по крайней мѣрѣ послѣ покуражусь, сколько душѣ угодно. Сказавши посланной, что къ вечеру доставлю, пошелъ по всемъ своимъ прежнимъ пріятелямъ занимать: завѣряю ихъ, что будто бы на дѣло хорошее беру, и что завтра-же по долгамъ долженъ получить двѣ тысячи, но всеми этими словами тѣшилъ только самъ себя: всѣ мы, подрядчики, другъ друга знаемъ по пальцамъ. Прошлялся я цѣлое утро думаль довѣрія никто ни сдѣлалъ. Задумалъ я тогда другу увертку: пришло мнѣ въ голову въ вартахъ счастья попробовать. — Есть тамъ, въ желѣзномъ ряду, купецъ — картежникъ записной, мнѣ немного человѣкъ знакомый. Захожу я, будто бы, случайно къ нему въ лавку, слово за слово, и наконецъ прямо говорю: нельзя-ли, говорю, у васъ вечеркомъ въ карты поиграть. Дѣловъ моихъ, надо полагать, онъ не зналъ хорошо, потому что тотчасъ же дѣлаетъ приглашенье. Размѣнялъ свои пятьдесятъ цѣлковенькихъ, что были въ карманѣ, на мелкія, и отправился. Между нами, мужиками и купечествомъ попростѣе, идетъ игра подъ названіемъ: *огъ торку*; игра, такъ сказать, нехитрая, но презадор-

ливая; главная въ ней пружина выжидать хорошей карты: она тебѣ однимъ кономъ воротитъ всё убытки. Прежде, когда я былъ при деньгахъ, всегда такъ и дѣлалъ и всегда почти былъ въ барышахъ, но потеперешнимъ обстоятельствамъ вышло не то. Сдали карты; взялъ я ихъ въ руки, руки дрожатъ. Пришла ко мнѣ какая-то шушера. Подрешный товарищъ пошелъ цѣлковымъ, я помирилъ этотъ цѣлковый, да два подъ другаго товарища, тотъ тоже и выставилъ уже пять; такъ у насъ и пошла бруговая. Накидали мы въ конь цѣлковыхъ до пятидесяти, и не отступаюсъ, все хочется на пустую сбить, — не тутъ-то было. Проставилъ я цѣлковыхъ двадцать, а взялъ подручный, потому что имѣлъ на рукахъ сильный хлюсть. Идетъ у насъ игра потомъ дальше. Мнѣ счастья нѣтъ: выпиваю я съ досады графина два водки, — и хмель не беретъ. — Просадивши всё свои пятьдесятъ цѣлковенькихъ, сталъ я хозяина упрашивать еще играть на рысака съ упражкой. Поставьте, говорю, во что хотите, только игры не останавливайте. Убѣдилъ я ихъ, начали; — опять же мнѣ досталось по бокамъ. Покончивши лошадку со всѣми экипажами, за одежду принялся, и къ утру остался въ одной только поддевкѣ, такъ что хозяина жалость взяла. Платье не хотѣлъ и брать; послѣ, говорить, какъ-нибудь сосчитаемся, но я не согласился, предоставилъ имъ все до-чиста. Прихожу домой, почти что такъ, полоумный: первый человѣкъ встрѣчаетъ меня прежняя старушонка съ новой запиской. Пишетъ мнѣ эта тетка разные выговоры, или просто, такъ сказать, называетъ прямо подлецомъ, и что если-де я такъ желаю себя вести, такъ она и принимать меня не

станеть, и что Палагея Ивановна отъ горести даже больна очень сдѣлалась. Злости и тоски было у меня и безъ того много на сердцѣ. Выгналъ я эту старушонку въ шею отъ себя, и самъ пошелъ къ нимъ. Встрѣчаетъ меня тетка и говорю я ей, какъ понимать вашу записку?

«— А такъ и понимайте... Вы теперь, какъ мы это видимъ и слышимъ, идете въ разоренье, на всѣхъ словахъ вашихъ насъ обманули: сказали вы намъ, что вы купецъ, человѣкъ вдовый, а въ самомъ дѣлѣ вы ни что иное, какъ сѣрый мужикъ и человѣкъ женатый, — и потому извинитѣ: знакомство ваше намъ зазорно.

«Такъ мнѣ сдѣлалось отъ этихъ ея словъ горько и стыдно, что чуть я не всплакалъ.

«— Ну, говорю, Наталья Абросимовна, не вамъ бы мнѣ это поученье дѣлать!... Конечно, много я виновать передъ Богомъ, передъ моимъ господиномъ и передъ семействомъ, но не передъ Палагеей Ивановной. Про васъ я молчу, вы тутъ дѣло стороннее, — Богъ знаетъ, какъ и вмѣшались тутъ; а если вы попускаете, что я васъ нѣкоторыми моими словами обманулъ, такъ ужь это — извините — вы говорите пустыя слова. Вы живете на одномъ со мной дворѣ: здѣсь вамъ малый мальчишка скажетъ, кто я и что я такое; но вы, до сего дня, слова со мной объ этомъ не говорили, а если я теперь въ такое разстройство пришелъ, такъ только единственно для вашего удовольствія. Капиталъ у меня былъ прежде настоящій, какъ слѣдуетъ подрядчику. Въ эти полтора года, я рюмки вина не выпилъ, куска хлѣба безъ васъ не съѣлъ, на себя сапоговъ новыхъ не сдѣлалъ — такъ

гдѣ-же мои деньги, какъ не въ вашихъ сундукахъ?... Поступать вамъ со мной такъ стыдно!... По несчастному моему положенію, поддержать бы меня слѣдовало, а не то что, какъ паршивую собаку, отгонять отъ себя!...

«— Сдѣлайте милость, у насъ ничего вашего нѣтъ, отвѣчаетъ она мнѣ.

«— Какъ, говорю, сударыня, нѣтъ?... Да эта самая фатера — и та моя.

«— Про фатеру, говоритъ, не безпокойтесь, мы завтра-же очистимъ ее.

«— Нѣтъ-съ, говорю, позвольте, я васъ не спущу. Надобно еще прежде маленькій расчетецъ сдѣлать, — и не съ вами: васъ я и знать не хочу, хоть вы и ставите себя очень высоко, а собственно — съ Палагеей Ивановной.

«— Палагея Ивановна, говоритъ, никакого съ вами расчета дѣлать не будетъ, а страшать вы насъ не можете, мы васъ не боимся. Нашъ чиновникъ — родственникъ хорошо знакомъ съ частнымъ приставомъ. Если вы станете много грубіянить, такъ васъ за насъ въ острогъ посадятъ.

«— Въ острогъ меня посадить не за что. Вашъ чиновникъ и частный приставъ, можетъ быть, люди и хорошіе и сильные, но и я тоже въ обиду не дамся: найду начальство и выше, представлю дѣло, какъ оно есть, — они насъ разсудятъ лучше.

«Послѣ этихъ моихъ словъ, начала тетка, безъ всякаго зазрѣнья, браниться, я тоже не уступаю... Чѣмъ бы между нами кончилось — не вѣдаю... Только вдругъ выходитъ сама Палагея Ивановна, худая этакая, слабая.

«— Какой, говорить она мнѣ, угодно вамъ со мной счетъ имѣть?»

«— А такой, говорю, что тетенька обнесла меня на письмѣ и словами, но для меня все это самое ничего не значитъ, и я хочу только знать, какъ вы меня понимаете?»

«— Я, говорить, тоже вамъ скажу. чтобы вы оставили меня въ покоѣ. Я, говорить, и напередъ сего все дѣлала черезсилу, а теперь имѣю другаго жениха и пойду за него замужъ.

— Это, говорю, сударыня, дѣло доброе, но чѣмъ же я-то виноватъ? за что мнѣ-то пришлось для васъ приданое давать?»

«— Не корите меня вашимъ добромъ, сказала она мнѣ на это,—я ничего вашего за собой не оставлю, — и тотчасъ же подскочила къ шкафу, отмахнула его и начала выкидывать всѣ платья. Какъ тетка ни отговаривала, не слушаетъ, изъ лица поблѣднѣла, губы дрожатъ, на глазахъ слезы, началъ кашель ее бить, и вдругъ, сударь — я такого страха и не ожидалъ, — вдругъ, кровь горломъ пошла. Стало мнѣ ее жаль непомѣрно, забылъ я всю свою досаду!...

«— Не горячитесь, говорю, Палагея Ивановна, ничего я изъ этого не возьму, по пословицѣ: дарятъ, такъ не корятъ... Сказалъ я вамъ не по злобѣ, а отъ своего собственнаго горя. Прощайте, говорю, не поминайте меня лихомъ, а добромъ, можетъ быть, и не за что.

«— Ну, Клементій Матвѣичъ, отвѣчаетъ она мнѣ, Богъ насъ разсудитъ, кто изъ насъ противъ кого виноватѣе: вы много на меня денегъ потратили, а я изъ-за васъ здоровье потеряла.

«Тѣмъ наше свиданье и кончилось. Какъ пришелъ я въ свою фатеру, ничего не помню и тутъ же слегъ,— сразу весь пожелтѣлъ, точно шафраномъ всего выкрасили. Стащили меня въ больницу, провалялся я тамъ два мѣсяца, и когда на третій выписался: ни крова, ни пищи, ни денегъ, ничего нѣтъ. Иду я къ дядѣ, съ котораго вся и исторія началась. Принялъ онъ меня, дай ему Богъ здоровья, невзираючи на все мое убожество, ласково. Разказалъ я ему всё мои похождения. — Ничего, говоритъ, Клементій: со мной въ молодыхъ годахъ бывало то же самое, два раза изъ Питера въ одной рубахѣ сходилъ. Советъ мой тебѣ такой: иди ты теперь въ деревню, тамъ ты почувствуешься. — Нѣтъ, говорю, дядя, ни за какія тысячи не пойду въ деревню въ этакомъ безобразіи; помоги ты мнѣ здѣсь, дай ты мнѣ здѣсь пооправиться. — Какъ меня старикъ ни отклонялъ, я стою въ одномъ; онъ видитъ—дѣлать нечего: принялъ меня къ себѣ, жалованья положилъ пятнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяць, только никуда не отпускалъ и съ артелью работать заставилъ. Проку выходитъ мало: руки на дѣло не поднимаются, почестъ, половина работниковъ къ нему отъ меня отошло, прежде подъ началомъ были, а тутъ стали подтрунивать; я же былъ всегда большой гордецъ. Для меня это показалось пуще востраго ножа. Сказамши, что будто бы думаю въ деревню сойти, отошелъ; жалованье, какое пришлось, пропилъ и поступилъ къ мяснику, говядину таскать на лоткѣ; дѣло непривычное: первый день проторговалъ цѣлый рубль, на другой день поостерегся, такъ ничего не продалъ, — и затѣмъ, сударь, начались мои разныя похождения:

былъ я дворникомъ, былъ водовозомъ. Отрада была только въ томъ, что какъ появится въ карманъ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсемъ не ѣвши былъ, одежда — словно рубище, сапоги — только одно званіе... Стыдно признаться, а грѣхъ потаить: бывали такіе случаи, что Христа ради просилъ.»

— А Палагеи Ивановны ты больше ужъ не видалъ?

— Встрѣтилъ разъ: — ѣдетъ съ какимъ-то хватомъ, еще худѣ стала, точно мертвая сидитъ; не на счастье мы, видно, другъ съ другомъ сходились.

— Ну, а здѣсь какъ? Будто ужъ здѣсь и смирно живешь? Мнѣ кажется, что у васъ съ Марьей — десятскимъ-то кое-что идетъ, — замѣтилъ я.

Клементій улыбнулся и слегка покраснѣлъ.

— Вы ужъ много видите, чего бы и не надобно, — только нѣтъ, сударь, напраслину взводите; будетъ, что и на словахъ пошучу. Прежняя дурь изъ головы выскочила; сердце болитъ каждую минуту, видючи себя въ такомъ положеніи, послѣ того, чѣмъ я былъ прежде.

— Какъ же въ деревню попалъ?

— Почти что насильно. Пачпортъ у меня вышелъ, изъ деревни не шлютъ; я было къ одному господину, которому отъ нашего помѣщика приказанье было, — такъ и такъ, говорю, нельзя ли мнѣ выдать билетъ. — А вотъ, говоритъ, погоди, я тебѣ выдамъ, — я ужъ давно до тебя, голубчика, добираюсь. — Задержалъ онъ меня у себя на фатеръ, приискалъ попутчика изъ здѣшнихъ мѣстъ, человекъ этакого аккуратнаго, крутаго, сталъ ему меня подѣ

росписку, — тотъ и свезъ, только что не на привязи. До сихъ поръ, батюшка, я этого господина — поминаю добромъ. Не распорядись онъ со мной такимъ дѣломъ, можетъ быть, погибъ бы совсѣмъ. Предоставилъ меня мой извозчикъ прямо въ нашу усадьбу. — И стыдно-то, и страшно. Чуть не умеръ въ это утро, ожидая, когда въ горницу позовутъ; — наконецъ, требуютъ: посмотрѣлъ на меня баринъ. Я весь дрожу, слезы у меня въ три ручья такъ и текутъ по щекамъ. — Ну, братецъ, говоритъ онъ мнѣ, много мнѣ объ тебѣ дурнаго говорили, но я не вѣрилъ, а теперь вижу, что правда. Наказывать мнѣ тебя стыдно, хотя ты и стоишь того, а скажу тебѣ только одно, что чужой стороны тебѣ въ глаза не видать. Коли не умѣлъ тамъ обстоятельно жить, такъ ходи за косулей и справляй задѣлье. — Такъ-то теперь я здѣсь и живу. Въ Пигеръ хочется, а попроситься не смѣю, а еслибы, кажись, попалъ туда, и хоть бы какая маленькая лянiя вышла, такъ бы въ полгода раздышался лучше прежняго.

Клементій утомился и замолчалъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ внимательно на его выразительное лицо. Это былъ не кулакъ-мужикъ, который всѣ свои стремленiя ограничиваетъ тѣмъ, чтобы всевозможными чистыми и нечистыми средствами набивать себѣ копѣйку. Его душѣ, какъ мы видѣли, были доступны нѣжныя и почти тонкія ощущенiя. Даже въ самомъ разумѣ его было что-то широкое, размашистое, а въ этомъ мудромъ опознанiи своихъ простуковъ сколько высказалось у него здраваго смысла, который не далъ ему пасть окончательно и который вѣроятно поддержитъ его и на дальнѣйшее время.

III.

Какъ Клементій говорилъ, такъ и случилось. Не болѣе, какъ черезъ три года, я встрѣтилъ его въ одномъ трактирѣ. Онъ сидѣлъ въ волчьей шубѣ, съ золотымъ перстнемъ на пальцѣ, въ ботфорто-подобныхъ сапогахъ, съ двумя другими, тоже, надо полагать, подрядчиками, и что-то имъ толковалъ; они его слушали съ большимъ вниманіемъ, хотя и были гораздо старше его. — Я подошелъ къ нимъ. Клементій меня узналъ и просилъ выпить съ нимъ чаю. Я сѣлъ. Онъ держалъ себя далеко гордѣе прежняго, говорилъ пеньше, какъ-то истово и совершенно ужъ купеческимъ тономъ. Потомъ, онъ звалъ меня убѣдительно зайти къ нему на квартиру, — и я былъ. Жилъ онъ со всѣми признаками довольства, хотя и не совсѣмъ опрятно. Для меня онъ приготовилъ ту, невѣдомо по чьему вкусу составленную, закуску, на которую, вѣроятно, повадалъ и читатель въ купеческихъ домахъ, то есть въ одно время было поставлено на столъ водка, вино, игра, пряники, какія-то маленькія конфетки, огурцы, жареный въ постномъ маслѣ лещъ, колбаса, орѣхи, — и всего этого я, по неотступной просьбѣ хозяина, долженъ былъ отвѣдать. О себѣ Клементій мнѣ разсказалъ, что года два тому назадъ баринъ отпустилъ его въ Питеръ опять, и что, мало того, взявъ подъ свой залогъ его подрядъ и сдалъ ему и что онъ съ этого времени, по милости Божіей, и пошелъ опять въ гору, и теперь имѣетъ тысячъ до десяти чистаго капитала; что блажи теперь у него никакой нѣтъ; въ деревню съѣздитъ каждую зиму, хмѣльнаго

ничего въ ротъ не беретъ, потому что отъ хмѣльнаго мужику все нехорошее и въ голову приходитъ. Парнишку отдалъ въ ученье къ одному пріятелю, потому же малярному мастерству, по тѣмъ причинамъ, что если учить его при своей артели и на своихъ глазахъ, такъ либо перебалуетъ, либо заколотитъ... и тому подобное.

Порадовавшись успѣху питерщика, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ его порадовался и вообще за русскаго челоуѣка.

1852 года.

Сентября 30-го.

M^R БАТМАНОВЪ

Очерки весьма неприятной для высшего О—го общества (зимы).

ГЛАВА I.

О—е собраніе было въ самомъ разгарѣ: танцовали, ходили, говорили, стояли, — однимъ словомъ, въ главномъ залѣ было очень весело и отчасти душно. На хорахъ собранія было тоже весело и чрезвычайно душно. Хоры, какъ, можетъ быть, не безъизвѣстно читателю, составляютъ совершенно отдѣльный міръ отъ общества, находящагося внизу, и даже, питая къ сему послѣднему не совсѣмъ пріязненные чувства, весьма корко отзываются о малодушіи танцующихъ, о жалкой физиономіи стоящихъ молча, о важности говорящихъ, и тому подобныхъ человѣческихъ недостаткахъ. Нижнее общество, въ свою очередь, тоже подсмѣивается надъ обществомъ хоръ, называя его въ пику высшимъ обществомъ, бальными затворницами и другими названіями. Очень немногіе, и то по большей части изъ мужчинъ, приходятъ снизу

вверхъ, для того, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе, или выразить болѣе нѣжное чувство какой-нибудь изъ балльныхъ затворницъ, которыя всегда остаются очень довольны подобнаго рода вниманіемъ. Общество хоръ, какъ то же, можетъ быть, извѣстно читателю, исключительно составляютъ дамы, которыя всегда весьма тонко скрываютъ истинную причину, почему онѣ не внизу: однѣ говорятъ, что имъ дѣнь было одѣваться; другія, -- что будто бы съ хоръ гораздо удобнѣе можно наблюдать; но всѣ онѣ, при этомъ случаѣ, говорятъ неправду. Истинныя причины гораздо уважительнѣе; такъ на примѣръ: рѣшительное отсутствіе новаго платья, невниманіе танцующихъ кавалеровъ, подтвержденное трехгодичнымъ горькимъ опытомъ, какой-нибудь органической недостатокъ, съ которымъ совсѣмъ ужь неудобно являться въ балльномъ платьѣ, давно минувшая потомъ молодость, и наконецъ чувство зависти къ нѣкой m-me Зориной, которая, по всѣмъ разсчетамъ, должна была въ этотъ вечеръ блистать въ бѣломъ атласномъ платьѣ и превосходныхъ ліонскихъ кружевахъ, тогда какъ она глупа и кокетка.

Въ описываемый мною вечеръ, среди хорной публики, вдали отъ всѣхъ, у арки окна, сидѣла молодая дама, о которой прочими дамами сдѣлано было нѣсколько странныхъ замѣчаній.

— Qui est ca?... — спросила толстая дама, лорнируя ее и обращаясь къ своей собесѣдницѣ.

— Наунова, — отвѣчала та.

— А!... — произнесла дама съ какимъ-то пренебреженіемъ: — она опять начала появляться.

— M-r Родичъ, — говорила горбатая дѣвушка, обра-

щаяся къ сидѣвшему около нея краснощекому господину: — какъ вы думаете, съ какою цѣлью пріѣхала сегодня Наунова?

— Людей посмотрѣть и себя показать, — отвѣчала краснощекій господинъ и захохоталъ. Горбатая дѣвица тоже захохотала. Много еще было произнесено другихъ замѣчаній, и все въ томъ же насмѣшливомъ и непріязненномъ тонѣ. Между тѣмъ, М-ме Наунова имѣла весьма привлекательную наружность: она была высока, стройна, брюнетка, съ роскошными, черными волосами; въ выраженіи ея лица было что-то энергическое и впечатлительное; она могла не понравиться, но не замѣтить ее было невозможно. Возрастъ ея былъ загадочный, какъ и у большей части молодыхъ дамъ. При началѣ польки, по случаю которой все хорное общество обратило свое вниманіе на танцующихъ, около Науновой появился молодой человѣкъ, гладко остриженный, съ усами и съ бородой, тоже подстриженною, въ черномъ фракѣ и очень длинномъ бѣломъ жилетѣ. Онъ пришелъ снизу тотчасъ, какъ замѣтилъ, что въ аркѣ окна показался блѣдный профиль описанной мною дамы. Начавшійся между ними разговоръ съ общихъ мѣстъ вскорѣ принялъ характеръ намековъ на что-то, должно быть, очень интересное для обоихъ собесѣдниковъ; но молодой человѣкъ вскорѣ зѣвнулъ.

— Чтожь вы не идете внизъ? — тамъ вамъ будетъ веселѣе... — сказала дама.

— Вы полагаете?... — спросилъ молодой человѣкъ, и еще разъ зѣвнулъ и вытянулъ ноги.

— Не полагаю, а увѣрена, — отвѣчала дама.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь веселѣе, — отвѣчалъ онъ и пристально взглянулъ на свою собесѣдницу.

Она отвернулась.

— Здѣсь, передо мной, — продолжалъ молодой человекъ: — оживаетъ прошедшее; я теперь припоминаю давно минувшій вечеръ, помните ли, какъ мы сидѣли съ вами вдвоемъ на балконѣ? луна насъ освѣщала приличнымъ свѣтомъ; не знаю, какъ вамъ, а мнѣ тогда было очень хорошо.

— Я все забыла, — отвѣчала дама и уже совершенно отвернулась: на глазахъ ея показались слезы.

— Вы плачете? — спросилъ молодой человекъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала дама, и закрыла лицо руками.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Ступайте туда внизъ, Батмановъ! тамъ васъ ждутъ... ступайте, — повторила она, подавая ему руку.

— О чемъ вы хлопочете? я не пойду туда, а хочу сидѣть съ вами.

— Зачѣмъ?...

— Затѣмъ, что хочу.

— Чгѣ я для васъ?... старуха, больная, оставленная всѣми... нѣтъ... я не нужна вамъ!...

— А я вамъ тоже не нуженъ?

— Мнѣ никто не нуженъ.

— Все это очень чувствительно, но мало идетъ къ дѣлу. Меня обмануть трудно, Софья Николаевна.

— Я васъ не обманываю, а прошу только объ одномъ, чтобъ вы оставили меня.

— Это очень легко; но для чего?... наше прошедшее такъ хорошо, что закончить его прозаическимъ забвеніемъ другъ друга, право, смѣшно.

— Чего жь вы отъ меня хотите?

— Ничего особеннаго... любви, какъ говорятъ поэты.

— Не смѣйтесь надо мной, Михайло Матвѣичъ! вы можете меня не уважать, — но я женщина: — оскорбить меня легко; только великодушно ли это будетъ съ вашей стороны?

— Вы думаете еще выдти замужъ? — спросилъ вдругъ Батмановъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала дама.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее насмѣшливо.

— Мнѣ хочется вамъ сдѣлать маленькій экзамень, — сказалъ онъ: — разрѣшите нѣсколько моихъ вопросовъ?

— Спрашивайте.

— Любили ли вы когда-нибудь меня?

— Прежде я васъ любила.

— Помните ли вы ту прощальную сцену, когда васъ полумертвую посадили въ экипажъ? — притворялись вы тогда, или нѣтъ?

— Я никогда не притворяюсь.

— Но какимъ же образомъ вы, черезъ два мѣсяца, танцовали на одномъ балѣ до упаду, были веселы и любезны? — переходъ немного рѣзокъ.

— Обморокъ проходитъ въ два часа, а не въ два мѣсяца.

— А съ вами былъ только обморокъ? я думалъ, что-нибудь серьезнѣе; но это ничего. Я васъ спрашиваю, какимъ образомъ вы, съ вашими слабыми нервами, могли быть веселы?

— Какъ мнѣ было тогда весело, это знаю только я одна.

— Но отчего жъ вы послѣ не отвѣчали ни на одно изъ моихъ писемъ?

— Не хотѣла.

— Право? это не совсѣмъ послѣдовательно, — вы начинаете сбиваться въ вашихъ отвѣтахъ!

— Я не хотѣла къ вамъ писать, — повторила дама чрезвычайно убѣдительнымъ тономъ. — Въ этотъ годъ страдалъ мой бѣдный Жоржъ, который одинъ на свѣтѣ меня истинно любилъ, и мнѣ стыдно было около умирающаго мужа писать къ вамъ письма.

Молодой человѣкъ сомнительно покачалъ головой.

— Не смѣю не вѣрить, но сдѣлаю еще одинъ вопросъ, — сказалъ онъ: — какимъ же образомъ вы, несчастная вдова, — утративши единственнаго человѣка, васъ любившаго, — въ тотъ же годъ утѣшились господиномъ Овцыннымъ, который, вполнѣдствіи, такъ жестоко и такъ неблагородно поступилъ съ вами?

— Что языкъ у васъ бритва, это я знаю давно, — возразила кротко дама. — Оправдываться передъ вами я не хочу и не сержусь на васъ, и скажу только: Богъ вамъ судья! — проговорила дама и встала.

— Вы уѣзжаете? — спросилъ Батмановъ.

— Да, у меня голова кружится!

— Прикажете васъ проводить?

— Нѣтъ, я сама сойду, — отвѣчала М-ме Наунова, и, прошедши быстро хоры, начала спускаться по винтообразной лѣстницѣ.

Батмановъ просидѣлъ нѣсколько времени насупившись; потомъ всталъ и началъ лѣниво проходить хоры.

— Bonsoir, M-r! — отнеслась къ нему горбатая дѣвица. — Vous connaissez M-me Naounova?

— Очень давно, — отвѣчалъ онъ.

— Вы постоянны на знакомство.

— Я держусь пословицы: старый другъ лучше новыхъ двухъ.

— А, да! я забыла, что вы живете прошедшимъ.

— Точно такъ-съ!—отвѣтилъ Батмановъ и ушелъ.

— Чтѣ это значитъ, что онъ сидѣлъ съ Науновой?—отнеслась горбатая дѣвица къ краснощектому господину, все еще сидѣвшему около нея.

— Во вкусахъ сошлись, — отвѣчалъ тотъ.

— Вы знаете, что онъ бредитъ Байрономъ и воображаетъ въ себѣ Чайльдъ-Гарольда?—сказала горбатая дѣвица, обращаясь къ сидѣвшей около нея дамѣ, которая отвѣчала ей улыбкой.

— Онъ бредитъ Байрономъ, а она баринномъ, — съострилъ краснощекій господинъ и покатился со смѣху. Горбатая дѣвица и сидѣвшая около нея дама тоже засмѣялись.

Батмановъ прошелъ въ буфетъ.

— Капринскій здѣсь?—спросилъ онъ, войдя, лакея.

— Здѣсь. Сейчасъ приходили сюда трубку курить, — отвѣчалъ тотъ.

— Поди позови его!... а между тѣмъ вели подать глинтвейну.—Проговоря эти слова, молодой человѣкъ развалился на диванѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ буфетъ быстро вошелъ, вѣроятно, тотъ господинъ, котораго Батмановъ называлъ Капринскимъ. Одѣтъ онъ былъ точь-въ-точь какъ его пріятель, — даже цѣпочки на часахъ у нихъ были одинаковыя, но далеко не походилъ на него наружностью. Въ то время, какъ Михайло Матвѣичъ напоминалъ собою тѣхъ господъ, исполненныхъ глубокаго сознанія своихъ достоинствъ, кото-

рыхъ вы непременно встрѣтите, проходя около 4 часовъ по Невскому проспекту или Тверскому бульвару, Капринскій пмѣлъ того рода лицо и вообще складъ тѣла, къ которымъ рѣшительно нейдутъ джентльменскій фракъ и французскія перчатки: — въ немъ и тѣни не было того, что называется породой. Въ манерахъ его проглядывало что-то кошачье, заискивающее и не внушающее никакого уваженія.

— Гдѣ ты пропадалъ?—началъ Капринскій:—я заѣзжалъ къ тебѣ — нѣтъ; завернулъ къ Жермаковымъ — тамъ меня не приняли, и сказали, что ты не бывалъ; наконецъ, прѣвѣжаю сюда....

— Хочешь глинтвейну?—перебилъ Батмановъ.

— Вредно, *mon cher*, — ужасно мнѣ вредно всякое вино.

— Не пей... Иванъ! ты подашь мнѣ одному, а ему не давай — и никогда не давай — слышишь? а если спросить, такъ скажи: вамъ, сударь, вредно.

— Ну разсердился, —воскликнулъ Капринскій: —этого гадкаго характера, какъ у тебя, я въ жизнь мою не встрѣчалъ. Съ тобой иногда говорить невозможно — вотъ до чего ты эгоистъ! Не слушайся его, Ваня, — подай и мнѣ! на зло вамъ, милостивый государь, я буду сегодня пить!...

— Будто на зло мнѣ? не вѣрю: напротивъ, ты мнѣ хочешь угодить... Чтѣ тамъ дѣлается въ залѣ?

— Танцуютъ кадрили. Ахъ, какъ твоя М-лле Бетси сегодня хороша, — чудо! Одѣта лучше всѣхъ, въ какомъ-то совершенно-воздушномъ платьѣ.

Батмановъ сдѣлалъ гримасу.

— Ты, должно быть, подрядился восхищаться всѣмъ, чтѣ тебѣ попадетъ на глаза,—проговорилъ онъ.

— Вотъ это милѣй всего,—возразилъ Капринскій. — Отчего же, позвольте васъ спросить, человекъ не можетъ восхищаться? Зачѣмъ же видѣть все въ такомъ черномъ свѣтѣ, какъ ты? По моему, лучше пользоваться жизнію.

— Ну, Богъ съ тобой, мирная душа! пользуйся сколько хочешь! — только, пожалуйста, про себя, и не навязывай другимъ своихъ восторговъ, — право, скучно.

Въ это время подали глинтвейнъ, и оба пріятеля тотчасъ же начали его пить. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Ну, какъ, напримѣръ, не сказать, что этотъ глинтвейнъ отличный,—заговорилъ опять Капринскій.

— Онъ былъ бы превосходенъ, если бы меньше вонялъ виномъ и сандаломъ, — замѣтилъ Батмановъ.

— Желчь у тебя, mon cher, желчь, и больше ничего.

— А у тебя золотуха.

— Ну-да — конечно: это твоя любимая острота, но она довольно тупа, и потому я вамъ ее прощаю. Вы, кажется, опять впали въ вашу mauvaise humeur: — только нельзя ли узнать, что такое васъ разстроило, и гдѣ вы пропадали цѣлый день?

— А тебѣ очень любопытно это знать?

— Ничего нѣтъ особенно любопытнаго — я только спрашиваю, гдѣ ты былъ.

— Изволь: во-первыхъ, я былъ цѣлый день дома и очень много спалъ. Когда ты пріѣзжалъ ко мнѣ, то, по моему приказанію, тебя не пустили; а потомъ...

— Да, а потомъ... Что ты потомъ скажешь? у

тебя всегда подъ этимъ *потомъ* что-нибудь скрывается!

— Потомъ, я сидѣлъ на хорахъ съ Науновой.

— Опять за старое!.. Заранѣе предчувствую, какъ ты себя ведь съ ней.

— А именно?

— Заставилъ ее расплакаться.

— Угадалъ вполонину. Плакать я ее не думалъ заставлятъ; но она, по собственному желанію, пролила нѣсколько слезъ.

Капринскій покачалъ головою.

— По собственному желанію...—произнесъ онъ съ горькою улыбкою, и продолжалъ:—по моему мнѣнію, это рѣшительно несчастная женщина; я ее видѣть не могу. Ты просто задалъ себѣ задачу мучить и терзать ее.

— Чтó дѣлать, добрая душа! такой ужъ она субъектъ! не я бы, такъ другой ее мучилъ. Впрочемъ, ничего: мы съ ней сегодня очень дружно разстались, я ее только немного проэкзаменовалъ.

— Воображаю... Въ чемъ же ты ее экзаменовалъ?

— Во-первыхъ, я ее спросилъ, съ котораго именно числа она влюбилась въ Овцынина, исторію котораго ты мнѣ самъ сообщилъ; долго ли его любила, сколько ему страстныхъ записокъ написала, и, наконецъ, когда именно получила отъ него чистую отставку?

Капринскій вскочилъ.

— Это ужасно!... это превосходитъ всякое терпѣніе!—воскликнулъ онъ.—Какъ можно позволить себѣ спрашивать женщину о подобныхъ вещахъ?

— Чѣмъ же я виноватъ, что у нея были обожа-

тели кромѣ меня? нельзя же мнѣ не поинтересоваться этимъ предметомъ!

— Послушай, Батмановъ, я тебѣ скажу правду, которой, кромѣ меня, никто тебѣ не скажетъ: ты поступаешь неблагородно! — Если ты не любишь или разлюбилъ ее по какимъ-нибудь причинамъ, — ты оставь ее, но не терзай!

— Невозможно, mon ami! я очень люблю терзать!... у меня, въ дѣтствѣ, была нянька, которая, говорятъ, меня очень любила, а я ее любилъ кусать. Что дѣлать? такая ужь натура!

— Знаю я твою натуру; понимаю я твое сердце: лучше въ него и не заглядывать! Лучше бы ты со всѣмъ не говорилъ, что у тебя на душѣ!

Батмановъ въ отвѣтъ на это только улыбнулся.

— Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, — началъ онъ, закуривая сигару и какъ бы предаваясь воспоминаніямъ:—влюбился я въ одну дѣвушку, прелестную какъ гурія; страсти нашей не было предѣловъ: какъ только гдѣ останемся наединѣ, такъ и цѣловаться; разстались; завелась переписка, которая, однако, благодаря Бога, черезъ годъ прекратилась. Въ одно пресиверное зимнее утро, слышу я, что дѣвушка сія пріѣхала въ Москву съ женихомъ дѣлать приданое. Являюсь къ нимъ, и, право, съ самымъ невиннымъ намѣреніемъ: поздравить, пожелать ей всякаго счастья и кучу дѣтей. Но на бѣду вижу, что она очень влюблена въ своего жениха — болвана большой руки, и оба утопаютъ въ счастья; а такъ какъ я терпѣть не могу видѣть подобныхъ вещей въ смертныхъ, то и началъ ей доказывать, что она ошибается, что новый избранникъ

ей сердца глупъ и тупъ. Сначала она посердилась; но потомъ я ее убѣдилъ, и ему отказали.

— Что же послѣ?

— Не знаю, я, черезъ два дня, уѣхалъ въ Петербургъ.

— Послушай, это чортъ знаетъ что такое! Ты потерянный человѣкъ.

— Нѣтъ, ничего: не знаю, какъ другимъ, а самому себѣ я очень нравлюсь, и даже думаю, что я гораздо лучше тебя, потому что ты ужь никуда не годишься.

— Ну, началъ дышать на все ядомъ: и на себя, и на меня, и на женщину, и на весь мѣръ! Продолжай: я слушаю.

— Человѣкъ, дай намъ еще по стакану вашего мерзкаго глинтвейну... выпьете-съ?....

— Изволь, — отвѣчалъ мрачно Капринскій: — ты удивительно умѣешь меня возмутить, — такъ все въ душѣ и перевернется.

— Ничего, это пройдетъ современемъ: Богъ дастъ, поживешь, подростешь еще, поумишь немного.

— Никогда не соглашусь съ тобой, — воскликнулъ Капринскій, принимая новый стаканъ глинтвейну и ударивъ имъ по столу. — Ты мрачный и отталкивающий человѣкъ; я тебя люблю, потому что хорошо тебя знаю; ты, можетъ быть, умнѣе меня, но все-таки вся твоя жизнь, какъ говорятъ французы, *brisée*.

— Такъ, любезнѣйшій Никандръ Ивановичъ, именно такъ! ты говоришь иногда удивительныя истины, но прощай! мнѣ еще надобно съѣздить, — сказалъ Батмановъ, приподнимаясь съ своего мѣста.

— Куда ты вѣдешь?—спросилъ съ неудовольствіемъ Капринскій.

— Нужно, — отвѣчалъ тотъ.

— Полно, не ѣзди, посидимъ здѣсь, потолкуемъ: я тебя не пущу, право не пущу, — говорилъ Никандръ Ивановичъ, отнимая у пріятеля шляпу.

Батмановъ улынулся.

— Покуда ты трезвъ, — началъ онъ, — такъ еще сношенъ. По крайней мѣрѣ не мѣшаешь другимъ, а только восхищаешься; но, выпивши, нигуда негоденъ. Поди лучше въ залу, созерцай барышень, а потомъ поѣзжай домой и ложись спать.

— Слушаю-съ, исполню ваше приказаніе, — отвѣчалъ Капринскій: — пріѣзжай, по крайней мѣрѣ, ужинать: мнѣ безъ тебя кусокъ въ горло нейдетъ; да или нѣтъ? Если пріѣдешь, — заранѣе распорядюсь.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Батмановъ, уходя.

Никандръ Ивановичъ докурилъ сигару и всталъ.

— На Михаила Матвѣича прикажете записать? спросилъ его лакей.

— На него, онъ спрашивалъ, — проговорилъ скороговоркой молодой человекъ и проворно ушелъ.

— Пишите-съ на Батманова, — сказалъ лакей, подходя къ буфетчику.

— А этотъ, видно, все на шарамыгу? — замѣтилъ тотъ.

— Извѣстно-съ: не сегодня этимъ промышляетъ.

Батмановъ, проѣхавъ нѣсколько переулковъ, остановился у одного небольшого деревяннаго дома, и довольно сильно началъ стучаться въ дверь крыльца. Ему долго не отворяли; онъ повторилъ удары сильнѣе: показалась горничная.

— Барыня дома?

— Должно быть, нѣтъ-съ, — отвѣчала та нерѣшительно,

— Какъ нѣтъ, что ты лжешь? пропусти меня.

— Право, Михайло Матвѣичъ, ихъ нѣтъ, онѣ въ собраніе уѣхали, — отвѣчала горничная.

— А вотъ посмотримъ! — проговорилъ Батмановъ, и, вырвавъ у горничной свѣчу, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, сбросилъ въ лакейской шубу и вошелъ въ залу. — Тамъ никого не было. Горничная, между тѣмъ черезъ корридоръ юркнула въ заднія комнаты. Батмановъ прошелъ гостиную, спальню и еще двѣ-три комнаты, но никого не было. Въ корридорѣ онъ встрѣтился съ тою же горничною.

— Гдѣ Софья Николаевна? — спросилъ онъ.

— Да что это, сударь, вы не вѣрите! — проговорила, удерживая смѣхъ, горничная. — Ихъ право дома нѣтъ-съ.

— Чему-жь ты смѣешься?

— Да какъ же не смѣяться, — вы не вѣрите.

— Я буду дожидаться.

— Пожалуй, дожидайтесь: онѣ къ бабушкѣ хотѣли проѣхать ночевать.

— Къ какой бабушкѣ?

— Изъ деревни пріѣхала, — всего на два дня.

— Гдѣ жь она живетъ?

— Не знаю-съ.

— Ну смотри, если ты меня обманываешь, — я съ тобой раздѣлаюсь!

— Ничего вы мнѣ не сдѣлаете.

— Увидишь! не говори Софѣ Николаевнѣ, что я пріѣзжалъ! — проговорилъ Батмановъ, и отправился опять въ собраніе.

— Софья Николаевна! а Софья Николаевна!... — сказала горничная, проводя гостя и подходя къ одному изъ шкафовъ. — Уѣхали-съ...

Дверь шкафа отворилась, и изъ него вышла Наунова въ спальномъ шлафрокѣ и чепчикѣ.

— Что онъ съ тобой говорилъ?

— Сначала не вѣрили-съ, я солгала и сказала, что вы къ бабушкѣ уѣхали.

— Хорошо. Дай мнѣ бумаги, — проговорила молодая дама, и прошла къ себѣ въ спальню. Горничная принесла ей бумагу.

— Зачѣмъ, Софья Николаевна, — начала она: — вы ихъ такъ мучите: они въ васъ очень влюблены-съ.

— Ты почему знаешь?

— Да какъ же-съ, это видно, — третьяго дня, въ такой морозъ, они разъ семь пріѣзжали, Всеволодкѣ два цѣлновыхъ общали, чтобъ только сказать, дома ли вы.

Въ собраніи, между тѣмъ, составлялась мазурка. Батмановъ вошелъ въ залу. Первые попались ему на встрѣчу — пожилая дама и дѣвица, шедшія подъ руку. Дѣвица была стройная и очень миловидная блондинка. Притворно или нѣтъ, я не знаю, но только она улыбалась очень пріятно и какъ-то дѣтски-простодушно, хотя, по развитію корпуса, и не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что ей, по крайней мѣрѣ, было лѣтъ двадцать: бальный костюмъ ея былъ составленъ съ безукоризненнымъ вкусомъ. Сопровождавшая ее дама принадлежала къ однѣмъ изъ тѣхъ полустарухъ, взглянувъ на которыхъ, вы тотчасъ отгадаете, что и онѣ когда-то были красавицами и жили въ иномъ кругу; но что въ настоящее

время уже не то, и многое для нихъ измѣнилось противъ прежняго. Это была вдова Амалія Петровна Жермакова съ своею дочерью m-lle Бетси. Этимъ соединеніемъ французскаго слова съ англійскимъ именемъ назвала молодую дѣвушку еще бывшая у ней гувернантка, — такъ потомъ называла ее мать, а за ней и все О-е общество.

— М-г Батмановъ! вы здѣсь? — сказала Бетси.

— Я прїѣзжалъ, уѣзжалъ и снова прїѣхалъ, — отвѣчалъ Батмановъ. — Вы танцуете съ кѣмъ-нибудь мазурку? — прибавилъ онъ, слѣдуя за дамами.

— Нѣтъ, — отвѣчала дѣвушка.

— Угодно вамъ танцовать со мной?

Бетси взглянула на мать.

— Ты еще не устала? — спросила та.

— Нѣтъ, маман.

— Угодно? — повторилъ Батмановъ.

— Извольте.

Мазурка началась. Михайло Матвѣичъ сѣлъ съ своею дамой на самое послѣднее мѣсто и молчалъ.

— Гдѣ вы все это время пропадали? — спросила она.

— Дурачился, — отвѣчалъ молодой человекъ.

— Какъ же это вы дурачились?

— Такъ, какъ всѣ дурачатся; подробности, въ этомъ случаѣ, не могутъ быть для васъ интересны.

— Вы, говорятъ, вашу верховую лошадь застрѣлили изъ пистолета?

— Да...

— Ну зачѣмъ это? бѣдненькая!

— Она меня понесла и закусила удила; я ее удерживалъ, — она не слушалась; потомъ просилъ,

— не внемлетъ; и поэтому я счелъ за лучшее размозжить ей голову, чѣмъ свою собственную.

— Какой вы страшный! я васъ буду бояться.

Въ это время они должны были дѣлать фигуру, и разговоръ прекратился.

— Послушайте, М-г Батмановъ,—сказала Бетси, когда они сѣли:—я васъ хочу спросить.

— Готовъ отвѣчать.

— Неужели правда, что про васъ говорятъ?

— А что про меня говорятъ?

— Говорятъ, что вы дурно держите себя въ обществѣ.

— Лучше не умѣю; дальше-съ?

— Что вы очень дружны съ этимъ гадкимъ Капринскимъ.

— Онъ дѣйствительно мой другъ.

— Что вы...—начала дѣвушка и остановилась.

— Вы не договариваете.

— Что вы влюблены въ Наунову и хотите на ней жениться.

— Это тоже правда, но не совсѣмъ: М-те Наунова единственная для любви женщина, только въ жены не годится!

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

— Вопросъ, на который трудно и легко отвѣчать. Я дѣлаю это потому, что мнѣ нравится.

— Да что же тутъ можетъ нравиться?

— За неизмѣнимъ лучшимъ.

— Вы сами не ищите ничего лучшего.

— Мнѣ оно невозможно, мнѣ теперь не повѣрять.

Начну съ васъ: какъ вы меня разумѣете?

— Я васъ еще не знаю.

— По крайней мѣрѣ гадательно?

— Не знаю.

— Ну такъ я вамъ скажу. Прежде, когда-то, я можетъ быть былъ порядочнымъ человѣкомъ, но теперь никуда не гожусь. Любви не понимаю, чувствовать для меня смѣшно, а думать лѣнь, и вообще чрезвычайно скучно жить на бѣломъ свѣтѣ.

— Вы клеветеете на себя.

— Попробуйте...

Бетси потупилась и улыбнулась.

— Знаете ли, отчего я рѣдко у васъ бываю?

— Вамъ скучно у насъ.

— Вовсе нѣтъ: я боюсь васъ видѣть и обмануть самого себя.

М-ле Бетси сдѣлалась задумчива; разговоръ ихъ продолжался въ томъ же тонѣ. Батманову замѣтила одна выбравшая его дама, что онъ *distract*.

— Что съ тобой говорилъ твой мазурочный кавалеръ?—спросила Амалія Петровна, садясь съ дочерью въ возокъ.

— Обыкновенно, что говорятъ въ танцахъ...

— Пустой и дерзкій мальчишка! какъ нынче люди стали пошлы, удивительно!—проговорила мать.

Дочь молчала.

Г Л А В А П.

На другой день, поутру, Батмановъ сидѣлъ въ своей спальнѣ передъ каминомъ и былъ не въ духѣ: выпитый имъ глинтвейнъ, или событія вечера были тому причиной, я не могу достовѣрно сказать. Ла-

кей подалъ ему толстый запечатанный пакетъ. Михайло Матвѣичъ посмотрѣлъ на адресъ, сдѣлалъ гримасу и распечаталъ. Изъ конверта посыпалась куча писемъ.

— Это чтó значить? — проговорилъ онъ, и торопливо началъ читать одно изъ нихъ, которое, пробѣжавши, бросилъ вмѣстѣ съ приложеніями въ огонь. Прочитанное имъ письмо было отъ Софьи Николаевны, а прочія... но мы это узнаемъ изъ содержанія перваго.

«Когда ты пріѣзжалъ вчера ко мнѣ, я была дома, но боялась тебя видѣть. Заклинаю тебя прежнею твоей любовью, оставь меня: я не могу, я не должна, я не смѣю тебя любить. Возвращаю тебѣ твои письма: они для меня ядъ. Видитъ Богъ, какъ мнѣ было тяжело оторвать отъ моего сердца это послѣднее мое сокровище. На каждомъ письмѣ твоемъ ты найдешь слѣды моихъ слезъ. Еще разъ заклиная тебя, забудь меня! Ты благородень, въ тебѣ достанетъ великодушія отказаться отъ женщины, которая не можетъ быть твоей женой. Полюби другую, женись и будь счастливъ, а я буду за тебя молиться.»

Батмановъ болѣе получаса былъ въ раздумьѣ, а потомъ написалъ отвѣтъ:

«Какъ я ни лѣнивъ, какъ ни глупо писать чувствительныя посланія, но я его пишу. Съ какою цѣлью вы хотите отъ меня отторгнуться, и какъ вы думаете это сдѣлать? Возвратить прежнія письма и написать плачевную записку для этого недостаточно. Я не люблю пятиться назадъ, препятствія меня только раздражаютъ. Смѣшно сказать, но я, въ настоящую минуту, готовъ расплакаться, такъ мнѣ досадно на васъ. Полноде, / Софи, мистифицировать себя п

меня; вы умная женщина и мнѣ сродни: разница между нами только та, что вы маскируетесь, а я нѣтъ. Мы созданы другъ для друга, повѣрьте! У меня въ жизни ничего нѣтъ, что бы еще манило, да и у васъ не богата перспектива. Мы будемъ превосходные собесѣдники, то есть: цѣлые дни можемъ молчать въ силу Лермонтовскаго закона, что умнымъ людямъ не слѣдуетъ говорить много между собой. Неужели вы разсердились за мой экзамень? я шутилъ: какое мнѣ дѣло до вашихъ ошибокъ! Сегодня въ часъ визитовъ я явлюсь къ вамъ, для окончательнаго заключенія мира.»

Это письмо тотчасъ же было отправлено. Приѣхалъ Капринскій.

— Здравствуйте, желчный человѣкъ, — проговорилъ онъ ласковымъ голосомъ.

Отвѣта со стороны хозяина не послѣдовало. Капринскій сѣлъ, посмотрѣлъ ему въ лицо, потомъ всталъ, прошелся по комнатѣ и закурилъ трубку. Батмановъ все молчалъ.

— Какъ ты меня вчера взбѣсилъ, mon cher! — началъ наконецъ гость: — я всю ночь не спалъ — и рѣшительно убѣдился, что ты опасный человѣкъ.

Михайло Матвѣичъ улыбнулся.

— Не для тебя ли?

— И для меня, и для женщинъ, и для всякаго, съ кѣмъ ты только сойдешься...

— За себя не бойся, невинное созданье: ты такъ спокойно проспишь на бѣломъ свѣтѣ, что тебя обухомъ не разбудишь.

— Ну-да, остри, остри, это обыкновенная твоя

сфера: однако, шутки въ сторону, какъ ты вчера доконалъ вечеръ?

— Гораздо лучше, чѣмъ ты... Былъ опять въ собраніи и танцевалъ съ Жермаковой мазурку: она про тебя говоритъ, что ты гадкій.

— Я спрашиваю не о Жермаковой... Скажите лучше, какъ съ Науновой идетъ: бранитесь или миритесь.

— Ни то, ни другое, торгуемся...

— Это въ чемъ?

— Въ любви.

— Какъ въ любви?... Это какая-то еще новая оригинальность; ты, впрочемъ, имѣешь слабость къ оригинальности. На чемъ же кончили?

— Покуда еще ни на чемъ, а вотъ Бетси, хоть ты въ нее и влюбленъ, прямо сказала, что ты противный.

— Ну, хорошо, это ужъ я слышалъ; отчего самъ сидишь совой?

— Я думаю о тебѣ, милый мой, отчего ты такой добродушный? должно быть, отъ золотухи?...

— Да что ты все пристаешь ко мнѣ?

— Потому что я тебѣ завидую: ей-богу, прекрасно быть такимъ невиннымъ болваномъ, какъ ты.

— Только этого не доставало,—началъ ужъ браниться:—ужасный ты, Мишель, чудакъ. Разсердится тамъ на что-нибудь и начнетъ приставать...

— Нѣтъ, мой милый, я право завидую, ты пресчастливый болванъ...

— Ахъ, какъ это остроумно, удивительно!... Однако, на все же есть границы, я лучше уѣду.

— Прощай.

— О, любезный, понимаю... Вѣрно ждетъ кого-нибудь и выжииваетъ... Къ чему эти штуки выкидывать? ты можешь прямо мнѣ сказать: поѣзжай домой.

— Прямо? изволь, мой другъ, поѣзжай домой....

— Сейчасъ уѣду: скоро увидимся?

— Нѣтъ, не скоро... Прощай.

Капринскій пожалъ плечами.

— Ты совершенный ершъ: у меня было много пріятелей, но человѣка съ такимъ характеромъ, какъ ты, не встрѣчалъ. Не гримасничай, уѣзжаю...

Проговоря эти слова, Капринскій уѣхалъ. Тотчасъ же послѣ его отъѣзда, Батмановъ поѣхалъ къ Науновой. Въ передней онъ наткнулся на горничную, которая возилась съ молодымъ лакеемъ.

— Не конфузья, — сказалъ онъ: — гдѣ барыня?

— Ихъ дома нѣтъ-съ, — отвѣчала та, поправляя растрепавшіеся волосы.

— Какъ нѣтъ, опять лжешь?

— Ей-богу, Михайло Матвѣичъ, нѣтъ: онѣ уѣхали въ ряды, потомъ къ портнихѣ, а тутъ къ бабушкѣ проѣдутъ...

Не обращая вниманія на эти слова, Михайло Матвѣичъ пошелъ по всему дому, и на этотъ разъ осматривалъ гораздо тщательнѣе: онъ заглянулъ подъ кровать, отворилъ всѣ шкафы, раскрылъ даже нѣкоторые незапертые сундуки, но никого не нашелъ. Хозяйки дѣйствительно не было дома. Выѣхавъ отъ Науновой, Батмановъ велѣлъ себя вести въ лавки, обошелъ ихъ всѣ, но Софьи Николаевны нигдѣ не нашелъ. Заѣхалъ потомъ къ портнихѣ — и тамъ ее не было. Ыхавши по улицамъ, онъ заглядывалъ на каждый дворъ, съ явною цѣлью уви-

дѣтъ знакомый ему экипажъ. Терпѣніе, наконецъ, допнуло.

— Къ Жермаковымъ, — сказалъ онъ кучеру на площади.

Туда и мы перейдемъ. Амалія Петровна сидѣла въ своей гостиной, на среднемъ диванѣ, а дочь на угловомъ. Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой гостиной: стѣны ея были полинялыя, штофная драпировка на окнахъ такова же, прочія вещи представляли какую-то странную смѣсь очень богатаго, но уже старатаго, съ очень дешевымъ: подъ трехъ-аршиннымъ фацетнымъ зеркаломъ въ золотой рамѣ, стояли простые столики подъ орѣхъ; группа Ніобеи каррарскаго мрамора помѣщалась на дрянномъ гипсовомъ пьедесталѣ. Въ числѣ мебели было полдюжины креселъ краснаго дерева, старинной работы, обитыхъ желтымъ бараканомъ, и десять креселъ простой отожженной березы. Около рояля Вирта стояла вальяжная кушетка; по сторонамъ мужскаго портрета прекрасной работы висѣли два мѣдных неуклюжія бра. Съ обѣими дамами мы имѣли уже случай познакомиться въ собраніи, и потому описывать ихъ наружность считаю излишнимъ, а скажу только, что обѣ онѣ были одѣты какъ-то черезчуръ изысканно и нарядно, что не совсѣмъ обычно въ губернскомъ домашнемъ быту. Мать была въ шелковомъ капотѣ съ тщательно-наврахмаленными и очень бѣло вымытыми воротничками, и въ совершенно еще новомъ чепчикѣ; а дочь, затянутая въ корсетъ, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Обѣ онѣ молчали, и, кажется, обѣимъ было скучно.

На колѣняхъ m-lle Бетси лежала какая-то развернутая книга.

— На которомъ [ты балъ была въ пу-де-суа?—спросила, наконецъ, Амалия Петровна, обращаясь къ дочери.

— У Прохоровыхъ,—отвѣчала та монотонно.

Разговоръ прервался.

— Я думаю такимъ образомъ сдѣлать, — начала опять мать: — въ бѣломъ тарлатановомъ тебѣ ѣхать къ Нагинскимъ; на балъ въ собраніе надѣнешь бѣлое креповое съ кружевами; къ Фоминымъ поѣдешь въ газовомъ; къ Каранскимъ въ тюлевомъ; а тамъ опять можешь начать съ пу-де-суа.

— Какъ хотите.

— Но не скоро ли это будетъ?—возразила Амалия Петровна, подумавши.

— Да, я думаю.

— Можно сдѣлать еще легонькое.

— Фи, нѣтъ: для бала Нагинскихъ мнѣ хотѣлось бы имѣть атласное.

— Какъ это, Бетси, ты говоришь атласное: молоденькая дѣвушка въ атласномъ!

— Почему-жъ дѣвушки непременно должны быть въ газовыхъ?

— Должны, потому что это принято: ты сама это понимаешь очень хорошо, и говоришь для того, чтобы мнѣ противорѣчить.

— Вы, маман, во всемъ видите противорѣчіе; я сказала такъ, а право не хочу ни газоваго, ни атласнаго. Другія черезъ два бала являются въ старомъ.

— Другія не могутъ быть тебѣ примѣромъ.

— Отчего жь не могутъ? Здѣсь всё почти богаче насъ.

— Особенной бѣдности и ты не должна чувствовать, я тебѣ еще ни въ чемъ не отказывала.

— Я, маман, не къ тому и говорю.

Амалия Петровна болѣе не возражала, но покачала головой и принялась вязать какую-то необыкновенно-огромную шерстяную косынку, а дочь начала перелистывать книгу.

Лакей въ поношенной ливреѣ и въ нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, подалъ Амаліи Петровнѣ, на маленькомъ подносикѣ, письмо. Она распечатала его, прочитала и потомъ, какъ бы желая скрыть произведенное имъ впечатлѣніе, понюхала табаку.

— Отъ кого это?—спросила дочь.

— Отъ Дозорина... очень интересныя подробности сообщаетъ,—отвѣчала Амалія Петровна.

— Что такое?

— Все объ Овцынинѣ: хочешь прочту?

— Прочитайте.

— Амалія Петровна развернула опять письмо и начала читать вслухъ:

«Ваше высокородіе, благодѣтельница наша Амалія Петровна! Вслѣдствіе душевныхъ заботъ моихъ, кои прилагаю я денно и ночно къ благосостоянію всего вашего дома, и тѣмъ самымъ паче стараюсь усугубить мою преданность, предпочтительно занявшись устройствомъ хозяйственнаго порядка, не преминулъ войти въ подробное разсмотрѣніе жизни и порядка ихъ благородія Семена Сахарыча Овцынина, котораго имѣлъ честь видѣть въ воскресный день у прихода, и самъ, самолично, по засвидѣтель-

ствованію отъ васъ почтенія, удостоился великой чести посѣтить ихъ домъ, чѣмъ самымъ и воспользовался. На счетъ Софьи Николаевны Науновой, они, какъ открылось, по моему дознанію, ужь никакого безпокойства не имѣютъ, и весьма лестно ко мнѣ въ похвалахъ адресовались, касательно Лизаветы Дмитревны: токмо развѣ могутъ быть въ этомъ случаѣ помѣхою домашнія потѣхи, коими они, по человѣческой слабости, по сіе время окружены. Собственно токмо говоря, эти люди, я полагаю, и привлекаютъ ихъ въ деревенскую жизнь, имѣя на то свои выгоды, такъ какъ проживаютъ въ большомъ довольствѣ.»

— Будетъ, маман: что это какъ онъ странно пишетъ!—перебила дочь.

— Чего жь отъ него требовать; впрочемъ понять можно все,—отвѣчала Амалія Петровна и спрятала письмо.

Лакей въ поношенной ливреѣ доложилъ: «Батмановъ!...» Амалія Петровна сдѣлала гримасу.

— Проси, проговорила торопливо Бетси, и, при входѣ молодаго человѣка, привстала и улыбнулась ему. Батмановъ вошелъ медленно, небрежно поклонился и сѣлъ.

— Холодно сегодня? — спросила она.

— Свѣжо, — отвѣчалъ Михайло Матвѣичъ полунасмѣшливымъ тономъ.

— А сколько градусовъ?—вмѣшалась Амалія Петровна.

— Шестнадцать съ четвертью-съ, — отвѣтилъ гость.

— Какъ вы пунктуально погоду знаете, — замѣтила она ему.

— Это мой любимый предметъ-съ... Что вы читаете? обратился Батмановъ къ m-lle Бетси.

— Ничего, — отвѣчала она.

— У васъ въ рукахъ книга?

— Она для васъ тайна.

— Это почему?

— Вы не любите книгъ.

— А вы какъ это знаете?

— Вы сами мнѣ говорили.

— Я вамъ никогда этого не говорилъ.

— Вотъ прекрасно. Вы сами смѣялись, когда я вамъ сказала, что мнѣ нравится «Монте-Кристо».

— Право не помню: я очень уважаю г-на Монте-Кристо: онъ очень хорошій человекъ. Я самъ тоже хочу сдѣлаться бичемъ пороковъ.

— Съ кого же вы начнете? Вѣрно съ себя? — вмѣшалась опять старшая хозяйка.

— А вы думаете, что мнѣ нужно исправленіе?

— Какъ всякому мужчинѣ,

— Я — исключеніе. Я начинаю сознавать въ себѣ огромныя добродѣтели.

— Давно ли? — спросила Бетси.

— Недавно-съ, съ сегодняшняго утра во мнѣ появились такого рода убѣжденія которыя для меня рѣшительно были непонятны. Я нынче начинаю думать, что можно любить женщину не изъ глупости, не изъ расчета, а такъ просто изъ какой-то потребности сердца, предпочитать одну женщину прочимъ, и даже мечтать по цѣлымъ часамъ о ничтожномъ свиданіи, и писать во имя ея стихи.

— Отчего же въ васъ вдругъ появились такія убѣжденія?

— Я заимствовалъ ихъ у своего друга и прія-теля, Никандра Ивановича Капринскаго

— Неужели онъ имѣетъ такія убѣжденія?

— Именно такія. Вы напрасно не хотите его понять: онъ очень возвышенная натура.

— Перестаньте, пожалуйста, я видѣть его немогу, особенно когда онъ съ подвязанной щекой явится.

— Это ничего, у него иногда бываетъ флюсъ — прекрасная болѣзнь: она тоже способствуетъ возвышенію ума и сердца.

— Я полагаю, что скорѣе дама измѣнила ваши убѣжденія, — замѣтила Амалія Петровна.

— Дама?—спросилъ Батмановъ.

— Да, какая-нибудь дама... опытная въ любви: она, можетъ быть, растолковала вамъ это чувство.

— Можетъ быть; но какъ бы то ни было, только я другой человѣкъ: я уважаю любовь, обожаю женщинъ и скоро, какъ докладывалъ, начну писать стихи.

Амалию Петровну вызвали. Она взглянула на дочь и вышла. Та встала, подошла къ роялю и взяла нѣсколько аккордовъ.

— Поете что-нибудь новенькое?—спросилъ Батмановъ, вынимая и закуривая папироску.

— Нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка.

— Спойте что-нибудь.

— Что вамъ спѣть; вы всегда смѣтаетесь надъ романсами.

— Я вамъ говорилъ, что я теперь уже не тотъ, совершенно перемѣнился. Нѣтъ ли какого-нибудь у

вась, напримѣръ: раскаянія, пробужденія, очарованія и т. п.

— Такихъ романсовъ нѣтъ, — отвѣчала дѣвушка, и начала одну изъ арій Шуберта.

Музыка талантливаго композитора произвела свое магическое дѣйствіе. Бетси начала играть машинально, но увлеклась. Звуки полные, отчетливые и впечатлительные раздались въ старинной гостиной. Батмановъ тоже невольно поддался обаянію. Онъ всталъ, подошелъ къ роялю, облокотился на него и слушалъ.

— Неужели вы такъ злы? — спросила Бетси, окончивая финаль. — Неужели вы даже не вѣрите въ музыку?

— Я не вѣрю только женщинамъ, — отвѣчалъ онъ.

— А музыкѣ?

— Музыку я полюбилъ съ настоящей минуты.

— Опять начинаете смѣяться?

— Нѣтъ, не смѣюсь: кладя на сердце руку, скажу вамъ, что вы бы могли меня во многомъ исправить.

— Я? — спросила дѣвушка, немного сконфузившись.

— Да, вы, и однѣ только вы въ цѣломъ свѣтѣ.

— Не думаю, — сказала она, встала изъ-за фортепіано и сѣла на прежнее мѣсто.

— Есть убѣжденія, — началъ Михайло Матвѣичъ, садясь на прежнее мѣсто: — отъ которыхъ человеку можно такъ удалиться, что если бы онъ заговорилъ объ нихъ искренно, такъ ему не повѣрятъ.

— А именно?

— А именно. Напримѣръ я: мнѣ невозможно

говорить не въ томъ тонѣ, въ какомъ обыкновенно говорю я, и поэтому я ношу маску, въ которой мнѣ иногда очень неловко.

— Стало быть, вы жалкій человѣкъ, васъ никто не пойметъ?

— Что дѣлать, но мнѣ кажется, что вы меня немного поняли.

— Нѣтъ я васъ еще не понимаю.

— Однако, какъ я, по вашему мнѣнію, въ самомъ дѣлѣ, дурной человѣкъ?

— Вы?... нѣтъ... вы умный человѣкъ..

— А сердце мое, какъ оно нравится?

— Сердца вашего я совсѣмъ не знаю.

Вошла Амалія Петровна, и разговоръ между молодыми людьми прекратился. Батмановъ скоро уѣхалъ.

— О чемъ онъ тутъ разсуждалъ? — спросила мать.

— Ничего... онъ очень милъ.

— Не понимаю, что такое ты находишь въ немъ млага; онъ, видно, даже никогда не живалъ въ порядочномъ кругу: фу, какъ надымилъ, невѣжа!

— Гдѣ жъ, шатап, взять лучше? Покрайней мѣрѣ, онъ умнѣе другихъ, умѣетъ хоть два слова сказать.

— Молодежь прежде была совсѣмъ другаго тона.

— Да что жъ вы все говорите прежде? теперь не то, да и гдѣ же мы живемъ? онъ не глупъ, довольно мило образованъ, чего еще требовать?

— Прекратите, Бетси, этотъ разговоръ, для меня онъ очень непріятенъ: я вамъ ужъ прежде сказала, думайте и поступайте, какъ хотите.

— Я не хочу ни думать, ни поступать, а говорю только, что онъ умный человекъ...

ГЛАВА III.

Батмановъ былъ одинъ сынъ у матери. Отличительными чертами его дѣтства было то, что онъ никогда почти не болѣлъ никакими болѣзнями, немовѣрно выросталъ изъ шиваемыхъ ему шелковыхъ рубашекъ, былъ страстный охотникъ лазить по высочайшимъ деревьямъ, разорять птичьи гнѣзда и, при удобномъ случаѣ, подставить своему брату синякъ подъ глазомъ. Когда онъ развился до курточки, то мать, какъ это ни тяжело было для нея, отдала его въ пансіонъ, для окончательнаго усовершенствованія во французскомъ языкѣ, который она ему сама еще съ пеленокъ начала внушать, и съ этихъ поръ для маленькаго Мишеля началась жизнь, какъ бы вся состоящая изъ анекдотовъ: на самыхъ почти первыхъ порахъ его поступленія въ пансіонъ, сѣдой и почтенный учитель словесности распространился однажды объ эпитетахъ, и объяснялъ, что эпитеты ни что иное, какъ прихоть языка и служатъ только къ украшенію слога; и чтобы лучше разъяснить значеніе эпитетовъ, сравнилъ ихъ съ хвостомъ лисицы, который, будто бы, для этого животнаго не имѣетъ никакого существеннаго значенія, а только украшаетъ его. Всѣ слушали молча, но Мишель вдругъ всталъ. «А для чего у свиный хвостикъ?» спросилъ онъ. Наставникъ скон-

фузился. а классъ расхохотался. Грубіяну вѣдно
стать на колѣна; онъ повиновался, но не раскаялся,
и когда пришелъ содержатель пансіона и спросилъ
его, за что онъ поставленъ на колѣна, Батмановъ
отвѣчалъ: «за свиной хвостикъ», классъ опять
расхохотался. Содержатель и учитель пожали только
плечами. Къ лектору французскаго языка не со-
сѣмъ хорошо знакомому съ русскимъ языкомъ, но
тщательно скрывавшему, изъ самолюбія, эготъ не-
достатокъ, Мишель безпрестанно приставалъ съ
различными вопросами, и между прочимъ, разъ
спросилъ: «М-г Ляміеръ! какъ въ единственномъ
числѣ ворота».—Вы сами это должны знать, отвѣ-
чалъ уклончиво лекторъ.—«Я думаю: воротъ?» под-
хватилъ Батмановъ.—Ну да, воротъ, подтвердилъ про-
стодушно м-г Ляміеръ, и съ тѣхъ поръ цѣлымъ
пансіономъ прозванъ былъ, вмѣсто м-г Ляміеръ,
м-г Воротъ. Въ отношеніи товарищей, которыхъ
въ пансіонѣ считали ябедниками, онъ былъ жесто-
чайшій бичъ и тузилъ ихъ при всякомъ случаѣ.
Особенно преслѣдовалъ онъ одного Перова, ученика
прилежнаго, но не понимавшаго математики.

— За что вы, Александръ Александровичъ, по-
ставили Перову два, а мнѣ единицу? — спросилъ онъ
однажды учителя алгебры.

— Онъ прилеженъ, а вы нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Я лучше его знаю, и докажу это.

— Докажите.

— Я ему задамъ задачу, и онъ не рѣшитъ.

— Задайте, — проговорилъ Александръ Александровичъ, заранѣе угадывая, что Батмановъ отпустить
какую-нибудь штуку.

— Пишите, — началъ Батмановъ, когда Перовъ, по приказанію учителя, вышелъ къ доскѣ: — «куплено въ Новгородѣ двадцать два аршина, одна половина, три четверти и сорокъ два вершка краснаго турецкаго сукна; заплачено по два съ половиной на ассигнаціи, пять рублей золотомъ и три съ половиною полулушки за каждые полтора съ осьмушкою аршина, спрашивается: что стоитъ валдайскій колокольчикъ?»

Перовъ написалъ все эту галиматью и остановился: онъ въ такой мѣрѣ признавалъ себя слабымъ въ математикѣ, что даже не давалъ себѣ труда думать, когда ему что-нибудь задавали изъ нея; а потому и въ настоящемъ случаѣ проговорилъ свою обыкновенную фразу: «виновать, Александръ Александрычъ, я этого не повторилъ!» Всѣ захохотали, а учитель только махнулъ рукой, и съ этихъ поръ началъ ставить Перову нуль, а Батманову два.

Пансіонскій швейцаръ, имѣвшій обыкновеніе дѣлать о каждомъ ученикѣ свой собственный приговоръ, про Батманова говорилъ: «Баринъ своеобычникъ, большаго толка изъ него не выйдетъ.»

Мать Батманова умерла и онъ въ одну недѣлю перессорился со всѣми московскими родными, которые хотѣли было, какъ въ сиротѣ, принять въ немъ участіе и дать ему нѣсколько наставленій, на которыя онъ отвѣтилъ по своему, вышелъ потомъ сейчасъ же изъ пансіона и поступилъ въ кирасиры, стоявшіе въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ началъ съ того, что проигрался въ пухъ, потомъ за отличную верховую ѣзду былъ произведенъ не въ очередь въ офицеры и затѣмъ, какъ-бы не зная, куда и на что растратить свою силу, вступилъ самымъ искреннѣй-

шимъ образомъ въ такъ называемое общество фюнфопускателей, которое состояло въ томъ, что, во время компаента, когда офицеры постарше, измучившись на ученѣ съ 4 часовъ утра, приходятъ домой и, выпивши приличное количество водки и нарѣдко пообѣдавъ малороссійскимъ борщемъ, засыпаютъ мертвымъ сномъ, нѣсколько повѣсь, преодолевая собственное утомленіе, отправляются по офицерекимъ домикамъ и, высмотрѣвъ какого-нибудь штабсъ-ротмистра или поручика совсѣмъ ужь безъ чувствъ спавшаго, и зажегши въ нарочно свернутой трубчкѣ вату, подставляютъ ему къ носу этотъ снарядъ. Тотъ втягиваетъ въ себя цѣлую струю дыма, взмахиваетъ глазами; но фюнфопускатели уже разбѣжались, онъ остается одинъ, произнося проклятiя и ругательства. Все это, конечно, было ничего, покуда происходило между своими товарищами, но Батмановъ вдругъ проектировалъ сдѣлать тоже самое и съ полковымъ командиромъ. Прочіе фюнфопускатели сейчасъ-же отказались, но онъ взялся одинъ исполнить свой планъ и дѣйствительно подкарауливъ, когда полковникъ вмѣстѣ съ своими деньщиками храпѣлъ въ обѣ носовыя скважины, онъ, какъ индеецъ, проползъ къ нему въ спальню и запустилъ ему жесточайшую фюнфу. Старикъ вскочилъ, какъ полоумный, и увидѣвъ передъ собой дерзкаго корнета, бросился было на него съ саблей, но Батмановъ выскочилъ въ окно. Командиръ хотѣлъ его посадить подъ арестъ, но Батмановъ и того не послушался, говоря, что это совершенно частное дѣло и что если полковникъ обиженъ, то онъ можетъ его вызвать на дуэль и онъ готовъ сейчасъ его удовлетворить. Однако его посадили насильно на

гауптвахту и отдали подъ военный судъ, по рѣшенію котораго онъ и былъ переведенъ тѣмъ-же чиномъ на Кавказъ. Тамъ Батмановъ напросился на первую же экспедицію, хотъ бы глазомъ моргнулъ, когда вокругъ него летали пули, первый зажегъ осаждаемый аулъ, отбился въ одиночку отъ нѣсколькихъ человѣкъ черкесовъ, и получилъ за все это Георгія, а потомъ, какъ храбрый и образованный офицеръ, переведенъ былъ въ лучшую крѣпость; но и здѣсь опять не поладилъ съ начальствомъ: приглашенъ ли онъ былъ, или самъ насильно вошелъ въ спальню къ женѣ коменданта, но только ему предложили выйти въ отставку и то единственно потому, что не желали компрометировать женщину. Батмановъ, кажется, этимъ былъ очень доволенъ: онъ надѣлъ статское платье, отпустилъ бороду и уѣхалъ къ себѣ въ деревню, гдѣ попреимуществу познакомился и подружился съ однимъ старикомъ-сосѣдомъ, Науновымъ, или, лучше сказать, съ его женою, очень милою и молодою дамою. Чтобы уяснить для читателя хотя нѣсколько ихъ отношенія, я передамъ, какимъ образомъ говорилъ объ нихъ самъ Батмановъ. Это было за годъ передъ началомъ моего разсказа. Въ кофейной Печкина съ нимъ обѣдали трое знакомыхъ: какой-то длинноволосый юноша, плотный господинъ, котораго лакей называлъ Дмитрій Дмитричъ, и актеръ, исполнявшій роли первыхъ любовниковъ. Всѣ были навеселѣ, разговоръ зашелъ объ умѣ женщинъ.

— Я зналъ одну только умную женщину, сказалъ Батмановъ.

— А именно? — спросилъ плотный господинъ.

— Разскажите, Батмановъ, подробно! — произнесъ

юноша, взъерошивъ свои длинные волосы: на него болѣе всѣхъ подѣйствовало выпитое шампанское.

— Господинъ Батмановъ всегда очень остроумно рассказываетъ о женщинахъ—присовокупилъ актеръ.

— Даже остроумнѣе, чѣмъ вы пишете водевилл, — замѣтилъ Дмитрій Дмитричъ.

— Именно-съ, — подтвердилъ актеръ.

— Въ 44-мъ году, началъ Батмановъ, — я жилъ у себя въ деревнѣ, въ которую пріѣхалъ наслаждаться сельской свободой и изучать умъ и сердце славянокъ, но на дѣлѣ вышло, что спился было съ кругу. Однажды, мой прикащикъ, плуть сверхъ-естественный, соблазнилъ меня рассказомъ, что у одного сосѣда есть удивительная красавица жена и превосходнѣйшая наливка. На послѣднее обстоятельство я обратилъ вниманіе потому, что мѣстная мадера и ромъ рѣшительно истерзалъ мой желудокъ. Я поѣхалъ и нашелъ, что хозяинъ какой-то грязный старичишка, наливка дѣйствительно отличная, но жена лучше всего; она такъ обласкала меня, что мы въ тотъ же день сдѣлались истинными друзьями: она мнѣ открылась, что умираетъ со скуки; я тоже объявилъ, что гибну въ уединеніи; и потому рѣшились подать другъ другу руку помощи. Цѣлые полгода проводили мы время очень приятно. Старикъ сначала былъ премилый и обыкновенно спалъ послѣ обѣда часовъ по шести, но потомъ вдругъ разлюбилъ меня, и что хуже того, онъ началъ бранить, вмѣсто меня, жену, а та, по молодости лѣтъ, вздумала плакать и умолять меня, чтобы я уѣхалъ. Мнѣ сдѣлалось это скучно; я вникъ въ ея мольбамъ и уѣхалъ.

— Тутъ я еще не вижу никакого особеннаго ума,— замѣтилъ плотный господинъ,

— И не видите! Васъ никто о томъ и не просить,— дерзко отвѣтилъ ему Батмановъ.

Плотный господинъ нѣсколько сконфузился.

— По приѣздѣ-съ въ Москву,—продолжалъ между тѣмъ Мишель, снова обращаясь къ прочимъ своимъ слушателямъ:—мнѣ сдѣлалось еще скучнѣе, и я рѣшился выписать мою сосѣдку въ столицу; предлогъ былъ прекрасный: ей надобно было лечить мужа; я пошелъ на величайшее самоотверженіе и приготовился дать денегъ имъ въ займы и написалъ къ ней по-крайней мѣрѣ дюжину самыхъ убѣдительныхъ писемъ, однако она не убѣдилась и не пріѣхала, а схоронила супруга на родномъ кладбищѣ, и потомъ влюбилась въ какого-то богатаго господина. Очень умная женщина, я ее никогда не забуду.

— Нѣтъ, Батмановъ: вы сегодня не въ ударѣ: рассказали что-то очень незамысловатое. — сказалъ опять плотный господинъ.

— Будто?— спросилъ Мишель какимъ-то простодушнымъ голосомъ и протягиваясь между тѣмъ всю длину дивана.

— На все оригинальный взглядъ, — проговорилъ вполголоса актеръ, когда Батмановъ закрылъ глаза.

— Чудесный малый, я его очень люблю,—сказалъ длинноволосый юноша.

— Пересаливаетъ!—рѣшилъ Дмитрій Дмитричъ и ушелъ играть на бильярдѣ.

Проживая такимъ образомъ въ Москвѣ, Батмановъ успѣлъ сдѣлаться рѣшительно ужасомъ нѣмецкихъ и купеческихъ собраний и даже имѣлъ двѣ-три

исторія въ Англійскомъ клубѣ и наконецъ спустился по причинамъ, ему только вѣдомымъ, въ О—е общество, гдѣ, на основаніи своей довольно пріятной наружности, столичнаго костюма, манеръ и нѣкоторой оригинальности мыслей, сразу сдѣлался однимъ изъ первыхъ молодыхъ людей и всеми лучшими дамами былъ названъ М-г Батмановъ. Для чигатеда, непосвященнаго во всѣ тонкости жизни губернскаго *haute-volée*, можетъ быть, покажется страннымъ, почему я упоминаю объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, но въ самомъ дѣлѣ оно очень важно: М-г Минаевъ, М-г Кузьминъ, М-г Вейфутъ, М-г Деуа, называются дамами только истинно-свѣтскіе и образованные молодые люди, въ отличіе отъ являющихся въ обществѣ другаго рода юношей, которыхъ именуютъ уже просто: Михайловъ, Родионовъ и т. п. Папеньки, маменьки и мужья большею частью безусловно раздѣляютъ, по этому предмету, мнѣнія дочерей и женъ. Доказательствомъ этому могъ служить и Батмановъ; на первомъ же балѣ онъ заинтересовалъ дамъ и его всюду начали приглашать, и многіе весьма внимательно слушали то, что онъ говорилъ. Но Мишель какъ бы не чувствовалъ ни къ чему этому никакой благодарности: на званые вечера, даже къ губернатору, онъ очень часто являлся въ сюртукѣ, на балы обыкновенно пріѣзжалъ поздно, приглашалъ на танцы одну только *mademoiselle* Бетси, или совсѣмъ не танцевалъ, или наконецъ, точно въ насмѣшку надъ всеми прочими дамами, выбиралъ самыхъ жалкихъ изъ нихъ. Къ нѣкоторымъ семейнымъ и скромно живущимъ людямъ, о которыхъ всему городу было извѣстно, что они ложатся въ 10 часовъ, онъ вдругъ ни съ того, ни съ

сего прїѣзжалъ въ концѣ десятаго и сидѣлъ до двухъ, не обращая вниманія, что беспокоитъ хозяевъ.

Но совершенно иначе и совершенно въ иномъ духѣ относился къ обществу прїятель его, Никандръ Иванычъ Капринскій: онъ ласкался ко всѣмъ и искалъ знакомства и расположенія каждаго; на всякую услугу, которой кто-нибудь требовалъ отъ него, онъ изъявлялъ всегда полную готовность. Нѣкогда, желая конечно, какъ молодой человѣкъ, нравиться дамамъ, онъ очень много танцовалъ, и танцовалъ недурно, но только немного театрално, такъ что, въ нѣкоторыхъ семействахъ, даже маленькія дѣти представляли, въ комическомъ видѣ, какъ онъ танцуетъ галопъ, и какъ, при этомъ случаѣ, выгибается. Съ молодыми людьми перваго плана Капринскій постоянно старался сблизаться: всякую зиму у него былъ непременно другъ вышшаго полета, которому онъ говорилъ ты, прїѣзжалъ вмѣстѣ на балъ, и входилъ съ нимъ подъ руку, и во всѣхъ сердечныхъ тайнахъ былъ его наперсникомъ. Для достиженія этой цѣли, Никандръ Иванычъ дѣйствовалъ съ величайшимъ самоотверженіемъ: со всѣми друзьями онъ, обыкновенно, начиналъ дѣлать все, что тому хотѣлось: если прїятель выше всего въ жизни ставилъ комфортъ, — и онъ бредилъ комфортомъ; любилъ ли его прїятель покутить и сойтись съ актрисами, — и онъ дѣлался кутилою и театраломъ. Прїятелямъ-игрокамъ онъ всегда придерживалъ, или просто просиживалъ цѣлыя ночи около столовъ, на которыхъ они играли. Къ этому еще надобно прибавить, что каждому изъ друзей онъ имѣлъ необыкновенную способность льстить и восхищаться тѣмъ конькомъ, на которомъ тотъ си-

дѣлъ, и обыкновенно приходилъ въ восторгъ именно отъ тѣхъ дѣвицъ и дамъ, за которыми пріятели ухаживали; отъ настоящаго своего друга, Батманова, онъ рѣшительно былъ безъ ума.

При всѣхъ этихъ стараніяхъ, Капринскій не пользовался однако въ обществѣ вѣсомъ. Солидные люди понимали его какъ человѣка услужливаго, но очень пустаго; всѣ они знали, что онъ, имѣя маленькое состояніе, не служилъ, а тинулся за всѣми, прибѣгая для этого къ различнымъ мелкимъ аферамъ: перепродавалъ съ барышемъ лошадей и экипажи, вздирлъ, цѣлковыхъ за двѣсти, по порученіямъ отъ нѣкоторыхъ богатыхъ людей въ Петербургъ, очень любилъ дневать и ночевать у пріятелей; занималъ, кто дастъ; должалъ въ лавкахъ, мастеровымъ, домохозяевамъ и извозчикамъ; но главнымъ образомъ, ему ставили въ обвиненіе то, что, будто бы, онъ имѣлъ наклонность посплетничать и поссорить, и послѣ — запереться. Нѣкоторые мнительные и трусливые люди даже побаивались его, такъ какъ онъ, вслѣдствіе какой-то особой способности, первый узнавалъ самыя секретныя домашнія тайны. Свѣтскія дамы и дѣвицы-невѣсты имъ очень мало интересовались, и видимо уклонялись съ нимъ танцовать. Но самымъ сильнымъ презрѣніемъ Капринскій пользовался въ домѣ Жермаковыхъ, потому что домъ этотъ хоть и не богатый, но по тону своему былъ самый аристократическій въ цѣломъ городѣ.

Если бы, лѣтъ 15 тому назадъ, вы, почтенный читатель, имѣли честь сдѣлать визитъ Амаліи Петровнѣ и просидѣли бы полчаса въ ея роскошной московской гостиной, то убѣдились бы вполне, что эта

дама создана для гостинной, а гостинная для нея, и въ этотъ же визитъ вы, вѣроятно, увидѣли бы ея прелестную, лѣтъ около десяти, дочь въ сопровожденіи чопорной англичанки. Какой бы вы ни были простой и нецеремонный человѣкъ, но непременно бы сами сложились въ олицетворенное приличіе и стали бы обдумывать каждое ваше слово. Конечно, при этомъ случаѣ, вамъ было бы очень неловко, и сердцемъ вашимъ овладѣло бы такое тяжелое ощущеніе, что, выѣхавши, вы непременно бы сказали: «ну, слава Богу, освободился.» Судьба однако не допустила Амалію Петровну сидѣть всю жизнь въ своей парадной гостинной и принимать визиты. Въ одно утро, управляющій доложилъ ей, что дѣла по имѣнью очень запутались и требуютъ много хлопотъ. «Устройте тамъ какъ-нибудь,» сказала она и кивнула головой управителю въ знакъ того, чтобы онъ удалился. Онъ удалился, и дѣйствительно началъ устраивать дѣла какъ-нибудь: деревня за деревней продавались съ аукціона. Двое братьевъ Амаліи Петровны, узнавъ объ этомъ и испугавшись за ея будущность, нарочно пріѣхали къ ней, чтобы дать полезный совѣтъ. Она внимательно ихъ выслушала, и великодушно предложила заняться устройствомъ ея дѣлъ. Кузены были совершенно готовы, но, къ несчастію, у каждого изъ нихъ было столько хлопотъ, что они рѣшительно не имѣли свободнаго времени, — о чемъ и объявили съ глубокимъ сожалѣніемъ сестрѣ. Амалія Петровна разсталась съ ними очень холодно; а между тѣмъ, устранивающій какъ-нибудь дѣла управитель готовилъ новый ударъ: въ очень вѣжливомъ письмѣ онъ объяснилъ ей, что она никакъ не можетъ долѣе жить въ столицѣ, и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалъ ей переѣхать въ губернский городъ О...., вблизи котораго расположено было все имѣнье, и, сверхъ того, въ самомъ городѣ находился принадлежащій ей прекрасный и помѣстительный домъ. Жермакова покорилась необходимости, но ужасъ овладѣлъ ею, когда она вошла въ помѣстительный домъ, который, конечно, когда-то былъ барскій, чему явнымъ доказательствомъ служили стоящія на воротахъ два деревянные рѣзные льва, но съ тѣмъ вмѣстѣ былъ уже очень старъ, сыръ и мраченъ: штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, стекла какія-то тусклыя, грязныя, полъ клеенчатый, и наконецъ огромныя, уродливыя изразцовыя печи. Амадія Петровна очень разсердилась на управителя, и, при свиданіи съ нимъ, высказала, что онъ ее всегда и во всемъ обманывалъ. Управляющій, на другой же день, просилъ уволить его и подписать ему за управление похвальный аттестатъ, который она подписала съ полнымъ презрѣніемъ и не удостоила управителя даже взглядомъ при его прощальномъ поклонѣ. Однимъ изъ О....хъ знакомыхъ былъ откомендованъ ей новый управитель, какой-то отставной чиновникъ, Егоръ Ѳомичъ Дозоринъ, человекъ, по словамъ знакомаго, весьма опытный и благонамѣренный въ дѣлахъ. При первомъ представленіи, онъ очень не понравился Амадіи Петровнѣ: у него былъ такой гадкій красный носъ, такіе непріятныя сѣрые глаза, онъ такъ тривиально и подобострастно кланялся, и наконецъ невыносимо пахнулъ какой-то ужасной помадой, но не болѣе, какъ черезъ мѣсяць, она совершенно измѣнила свое мнѣніе о новомъ управителѣ. Онъ ее совершенно успокоилъ, и, обѣщавъ въ одинъ годъ

все исправить, поѣхалъ, нимаю немедля, въ деревню и привезъ ей оттуда двѣ тысячи рублей.

Вмѣстѣ съ Амаліей Петровною переѣхала и шестнадцатилѣтняя Бетси. М-ше Жермакова, до переѣзда въ О...., кажется, только знала, что у нея есть дочь. Всѣ отношенія ея съ подрастающею Бетси ограничивались тѣмъ, что она каждое утро осматривала ея костюмъ, приказывала, сообразно своему вкусу, сдѣлать какія-нибудь перемѣны въ немъ; хмурилась на нее и гувернантку, когда дѣвочка посвободнѣе сядетъ или скажетъ что-нибудь, чего, по мнѣнію ея, не слѣдовало говорить; глядѣла на нее по нѣсколькимъ минутъ вечеромъ, когда та разсматривала съ гувернанткой новый кипсекъ, и выходила, повременамъ, слушать, когда музыкальный учитель давалъ Бетси уроки на фортепіано. — Впрочемъ первый выѣздъ дочери на балъ Амалія Петровна почтила большими заботами. Болѣе двухъ недѣль она выдумывала для нея костюмъ, дѣлала его нѣсколько разъ и отмѣняла; наставленій, какъ держать себя, тоже было высказано въ достаточномъ количествѣ. На самомъ балѣ, м-ше Жермакова не могла скрыть безпокойства и не отводила глазъ отъ дочери; но и только... во всемъ остальномъ Бетси была предоставлена миссъ Вильтонъ, самой классической гувернанткѣ, занимающейся воспитаніемъ дѣвицъ лѣтъ двадцать; на основаніи своихъ достоинствъ миссъ Вильтонъ привыкла, чтобы въ ней видѣли болѣе семейнаго друга, чѣмъ гувернантку, но и тѣни этого не встрѣтила она въ домѣ Жермаковой. Амалія Петровна держала ее въ самомъ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Рациональная миссъ, конечно, сейчасъ же бы отошла, но она

очень полюбила дѣвочку, которая была умна, понятлива, добра и привязалась къ ней съ перваго дня. Затаивъ свое постоянно оскорбляемое самолюбіе, гувернантка осталась, и начала воспитывать ученицу въ понятіяхъ, не совсѣмъ выгодныхъ для матери: внушая ей терпѣніе, послушаніе, преподавая ей всеобщую исторію, знакомя съ англійскимъ языкомъ, миссъ Вильтонъ не пропускала, между тѣмъ, случая объяснить нѣкоторыя свойства Амаліи Петровны, такъ что воспитанница ея постоянно слышала, что маменька у ней эгоистка, нехозяйка, и если немного добра, то совершенно безсознательно или, скорѣе, по слабохарактерности. Бетси было больно и грустно это слышать, но она не противорѣчила гувернантѣ.

Переѣхали въ О.... Миссъ Вильтонъ отошла: она никакъ не могла жить въ провинціи. Бетси обливалась горькими слезами, разставаясь съ своей воспитательницей. — Амалія Петровна простилась съ ней привѣтливо, но свысока. Мать и дочь, оставшись вдвоемъ, по необходимости должны были облизиться, — но увы! начали говорить, и не понимали другъ друга; не проходило дня, чтобы онѣ въ чемъ-нибудь не поспорили: къ тому, что для Амаліи Петровны составляло авторитетъ, — Бетси была или равнодушна, или даже смѣялась надъ эгимъ, но зато, если чѣмъ, хоть сколько-нибудь, увлекалась молодая дѣвушка, — мать находила это непозволительнымъ. М-ме Жермакова постоянно восхищалась тѣмъ обществомъ, въ которомъ она нѣкогда жила и блистала; и говорила, что въ О.... совсѣмъ нѣтъ общества, но Бетси на О....хъ балахъ было весело. Знакомые изъ людей поживыхъ, которые являлись

матери, — Бетси казались скучны и пошлы, а Амалія Петровна, съ своей стороны, всѣхъ молодыхъ людей почти презирала. Болѣе прочихъ она вооружалась противъ Батманова, котораго дочь отстаивала съ особеннымъ упорствомъ. Имѣть своимъ зятемъ Овцынпна мать желала выше всего, а Бетси не выказывала, въ этомъ случаѣ, ни желанія, ни нежеланія, и, кажется, думала, что этого никогда не можетъ случиться; собственно это, впрочемъ, раскроется впоследствии. — Въ обществѣ Бетси была любезна, разговорчива, ловка и даже немного кокетка: у ней было очень много обожателей, явныхъ и тайныхъ, и она со всѣми ими была очень привѣтлива.

ГЛАВА IV.

Отъ Жермаковыхъ Батмановъ заѣзжалъ опять къ Науновой, но и этотъ разъ не нашелъ ее дома, и оставилъ ей записку: «Вы несносны и утомили меня! я не мальчишка, котораго подобныя продѣлки могутъ воспалять и приводить въ отчаяніе. — Развлеченіе я найду, — здѣсь есть m-lle Бетси, которая мо-
ложе и лучше васъ. Adieu!

«Вѣчно думающій о себѣ, а не объ васъ,
«Батмановъ».

Пріѣхавъ домой, Михайло Матвѣичъ все прислушивался къ чему-то и нѣсколько разъ спрашивалъ своего человѣка, не приходилъ кто-нибудь отъ Науновой, но никого не было. Слѣдующую затѣмъ недѣлю Батмановъ сидѣлъ дома, и, вѣроятно, велѣд-

ствіе спасительнаго уединенія, ограждающаго отъ внѣшнихъ впечатлѣній, и благодаря болѣе правильной жизни, — молодой человѣкъ, если можно такъ выразиться, умиротворился и все анализировалъ самого себя передъ постояннымъ и единственнымъ своимъ собесѣдникомъ — Капринскимъ, который, конечно, слушалъ его съ глубокимъ вниманіемъ и, съ своей стороны, дѣлалъ повременамъ, умѣренныя замѣчанія.

— Послушай, — сказалъ въ одну изъ бесѣдъ Капринскій: — какой самый лучший способъ успѣвать въ женщинахъ?

— Дерзость, — отвѣчалъ Батмановъ.

— Ну какъ же дерзость? нѣтъ, это не такъ: я это понимаю иначе. Возьмемъ въ примѣръ тебя: ты просто хорошъ собой, въ твоемъ лицѣ чрезвычайно много оригинальности, нѣкоторыя дамы тебя находятъ красавцемъ, и я съ ними въ этомъ согласенъ.

— Скажите, какъ вы меня мажете по губамъ! Вы становитесь удивительный льстецъ, cher Капринскій.

— Нѣтъ, mon ami, я не льстецъ, особенно въ отношеніи тебя. Я тебѣ часто говорю такую горькую правду, которой никто не скажетъ, но теперь я только разбираю тебя, и разбираю, какъ, человѣка.

— Я не всѣмъ женщинамъ нравлюсь, — возразилъ Батмановъ: — немногія изъ нихъ меня любили, но большая часть ненавидятъ.

— Это ничего не значитъ: онѣ тебя ненавидятъ изъ зависти — повѣрь! въ этомъ-то твое особенное счастье и состоитъ.

— Всѣ вообще женщины, — началъ хозяинъ ка-

кимъ-то наставническимъ тономъ: — очень капризны; онѣ любятъ только то, что дѣйствуетъ на ихъ воображеніе, то-есть крайности. Въ мужчинѣ онѣ, обыкновенно, увлекаются или дурацкою, безъ границъ, любовью, или ужь совершеннымъ равнодушіемъ; на любовь такого рада я совершенно неспособенъ и не скрываю этого; а равнодушіе мое ихъ бѣситъ и раздражаетъ; и имъ все хочется меня пересоздать.

— Послушай, Мишель, — перебилъ Каприжскій: — мнѣ пришла въ голову мысль, что если бы женщины такъ же хорошо тебя знали, какъ я, — онѣ бы побоялись тебя любить.

— Пустая тебѣ, другъ мой, пришла въ голову мысль. Женщина не боится любить никого, — даже разбойника, а я, слава Богу, еще похожъ на всѣхъ, — и если свою личность люблю болѣе всѣхъ другихъ личностей, такъ это, въ наше время, недостатокъ всѣхъ порядочныхъ людей, — женщинамъ не изъ кого выбирать.

— Понимаю, очень хорошо понимаю эту мысль, мой cher, но все-таки не могу согласиться, — ты самъ себя не понимаешь; ты человѣкъ необыкновенный; въ тебѣ чрезвычайно много непонятнаго. Какъ, позволь тебя спросить, растолковать твои отношенія къ Софи Науновой: любишь ты ее, или нѣтъ?

— Софи Наунова?!... — произнесъ Батмановъ: — я не люблю ее и, не люблю, можетъ быть, потому только, что окончательно не способенъ любить; послѣднее время она вздумала капризничать, мнѣ это надоѣло, и я оставилъ ее въ покоѣ; а жаль: она славная женщина,

— Ну, а м-лле Бетси?

— М-ше Бетси не моя, а твоя...

— Чтѣ, mon cher, моя?! гдѣ намъ... я, какъ самъ ты говоришь, умѣю только восхищаться. Успѣхъ, ужь конечно, вездѣ будетъ твой: но мнѣ хочется только знать: съ какою ты именно цѣлью ухаживалъ за ней?

— Ахъ, мой добродушный другъ! — воскликнулъ Батмановъ: — я самый безцѣльный человѣкъ; въ жизнь мою никогда не имѣлъ никакой цѣли; живу, потому что живется,

— Не вѣрю, что хочешь говори, не вѣрю: въ отношеніи себя ты имѣешь цѣль.

— Никогда и никакой.

Капринскій пожалъ плечами.

— Можетъ быть: ну, какъ же не скажешь, что ты необыкновенный человѣкъ: жить и не имѣть никакой цѣли — это непонятно.

— Да самъ ты какую имѣешь цѣль?

— Охъ, Боже мой, самъ... конечно, трудно сказать, но я имѣю цѣль.

— А именно?

— Ну, какъ же тебѣ именно опредѣлить?... Я живу просто для моего удовольствія... Конечно, желалъ бы и жениться, и быть семьяниномъ, и составить себѣ обезпеченное состояніе...

— А я имѣю счастье жить потому только, что родился.

— Ну, mon cher, тяжело такъ жить!

— Конечно, не легко, — всякому свое: тебѣ хочется драгоценную твою личность продолжать еще въ потомствѣ, а мнѣ и свой-то вѣкъ врядъ-ли достанетъ терпѣнья дотянуть.

Капринскій покачалъ многозначительно головой.

Никандръ Ивановичъ, послѣ такого рода дружественныхъ бесѣдъ, всегда оставался очень доволенъ самимъ собой и пріятелемъ, который не острилъ на его счетъ, не говорилъ ему колкостей, но разсуждалъ съ нимъ, что, впрочемъ, не всегда повторялось. На Михайлу Матвѣича, какъ увидимъ впослѣдствіи, опять находилъ бычекъ, и онъ снова, съ какимъ-то ожесточеніемъ, начиналъ нападать на друга. Рѣшившись оставить Наунову, Батмановъ исключительно сосредоточилъ свое вниманіе на Бетси Жермаковой. По крайней мѣрѣ, я считаю себя въ правѣ это заключить изъ нижеслѣдующаго обстоятельства:

Однажды, вечеромъ, онъ позвалъ къ себѣ своего камердинера Сидора, задалъ ему довольно странный вопросъ: любить ли тотъ пить пуншъ? Сидоръ усмѣхнулся, и отвѣчалъ, что любитъ.

— Возьми, вотъ, со стола десять рублей,—сказалъ Батмановъ: — позови Жермаковскихъ лакеевъ, ступай въ трактиръ и напейся съ ними пьянъ.

Лакей выпучилъ глаза.

— Это за что-съ? я лучше одинъ выпью...

— Слушай,—перебилъ баринъ:—ты напьешься съ ними пьянъ и разспросишь, въ кого ихъ барышня влюблена и за кого ей хочется за-мужъ... понимаешь?...

— Понимаю-съ,—отвѣчалъ протяжно лакей, и не замедлилъ отправиться.

Нѣсколько словъ объ немъ. Сидоръ былъ замѣчательнъ своею двойственностью: въ трезвомъ состояніи, онъ имѣлъ лицо измятое, былъ довольно

лѣнивъ, молчаливъ, смиренъ, и всѣ свои обязанности исполнялъ флегматически; но выпивши, совершенно перерождался: дѣлался чрезвычайно энергиченъ, лицо его какъ-то перекрашивалось, являлась необыкновенная страсть говорить и рассуждать; но хуже всего было то, что въ подобномъ состояніи, онъ дѣлался чрезвычайно склоненъ къ дракѣ съ своимъ братомъ; въ отношеніи же барина, который, какъ зналъ онъ, на основаніи прежнихъ опытовъ, не любилъ шутить, становился чрезвычайно услужливъ и начиналъ, обыкновенно, безъ всякаго приказанія, исполнять нѣкоторыя барскія привычки: подавалъ ему трубку, когда у того въ зубахъ была сигара, приманивался стаскивать съ него сапоги, увѣряя, что ему спокойнѣе будетъ раздѣвшись, и часто накрывалъ на столъ, хотя бы это былъ еще десятый часъ утра. Оканчивалось это обыкновенно тѣмъ, что Батмановъ прогонялъ Сидора въ избу, гдѣ онъ почти всегда начиналъ драку съ кучеромъ, а сей послѣдній, получивъ отъ Михайлы Матвѣича одинъ разъ навсегда, "разрѣшеніе, связывалъ буяну веревками руки и ноги и клалъ его въ такомъ положеніи на полати.

До двѣнадцати часовъ Батмановъ ожидалъ своего посланнаго. Наконецъ тотъ прибылъ и прибылъ совсѣмъ готовый, потому что первоначально поднялъ страшный кашель въ лакейской, "засвѣтилъ вдругъ въ залѣ всѣ свѣчи; потомъ опять куда-то пропалъ, и, снова явившись, отправился въ буфетъ и началъ тамъ возиться. Батмановъ потерялъ терпѣнье и вошелъ въ залу.

— Что ты тамъ, болванъ, дѣлаешь? отчего не пришелъ ко мнѣ?

— Хересь откупориваю-сь,—отвѣчалъ лакей, завинчивая штопоръ въ пробку.

— Да кто тебя за хересомъ посылалъ?

— Я тамъ былъ-сь, а теперь въ погребокъ бѣгалъ: хересу не было-сь.

— Провались ты со своимъ хересомъ! видѣлъ ли ты Жермаковскихъ лакеевъ?

— Видѣлъ,—отвѣчалъ Сидоръ, выставившись наконецъ изъ буфета: — кланяться вамъ приказали,— прибавилъ онъ, ласково подмигнувши.

— Кто кланяться приказалъ? — лакеи что ли?

— Кто?... лакеи-сь! нѣтъ... рыломъ еще не вышли!... мошенникъ народъ такой, что я и не видывалъ... и господъ ничего не боятся... изъ трактира къ себѣ зазвали; наливки, разбойники этакіе, подбили еще купить; а въ кухнѣ такую пляску подняли, что тошно стало, и горничныя всё прибѣжали, а поваренокъ на торбанѣ игралъ-сь.

— Кто же мнѣ кланяться велѣлъ?

— Барышня-сь.

— Оселъ этакой, неужели же она сама приходила къ вамъ плясать?

— Горничная ихъ сходила... изволите видѣть, господа шумъ услышали въ избѣ, да и прислали узнать, а тамъ, то-есть, и доложили, что батмановскій человекъ въ гости пришелъ, такъ барышня и велѣла спросить, здоровы ли вы-сь, и кланяться вамъ приказала-сь.

Батмановъ слушалъ все это, ходя взадъ и впередъ по залѣ. <http://rcin.org.pl>

— Что же ты про барышню еще спрашивалъ?

— То-есть, горничная, изволите видѣть, мнѣ сама про барышню говорила и васъ хвалить: все разспрашивала, какъ и что, и все этакое... дѣвчонка славная-съ, въ Москвѣ у Сихлера училась... меня сразу узнала-съ...

— Что же такое она спрашивала?

— Спрашивала, на комъ вы хотите жениться, къ нашей бы, говоритъ, барышнѣ посватался, — это, изволите видѣть, горничная-то мнѣ говорила...

— Ну, а ты что?

— А я и говорю, есть-ли, говорю, у васъ приданое, изволите видѣть: за барина, говорю, въ Москвѣ богатѣющая купчиха шла. Такъ тоже гордобачать, голь проклятая — и самоговѣ-то у половины дворни нѣтъ, только и есть, что рожи толсты. Разбойникъ народъ; то-есть, этакихъ озорниковъ я и не видывалъ: пьяница на пьяницѣ, воръ на ворѣ, то-есть, извините! я съ ними поссорился: обижать очень стал!... «Чинъ, говорятъ, у твоего барина малъ, а ты, говоритъ, прошлую осень барскую шинель пропалъ...» «Нѣтъ, говорю, мошенники, врите, почестивѣ васъ...» такъ и въ рыло. Ну да я и самъ ловко поутюжилъ.

— Передрался, что ли, вы? — спросилъ Батмановъ.

— Было дѣло, — отвѣчалъ лакей съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: мнѣ — поддаваться имъ не приходится, — прямо вамъ скажу-съ, не на того попали.

— Пошелъ спать, — перебилъ Батмановъ.

— Хересу прикажете? — спросилъ лакей.

— Пошелъ спать, тебѣ говорятъ.

— Я пойду, что жь такое? а ужъ Жермаковскимъ

не уступлю, — извините: жирно будетъ, какъ всякая bestia станетъ куражиться... —

— Пошелъ! — вскрикнулъ опять Батмановъ.

Слуга вышелъ, бормоча себѣ что-то подъ носъ и захвативъ съ собою бутылку хереса.

Михайло Матвѣичъ не спалъ всю ночь. Поутру, по своему обыкновенію, къ нему заѣхалъ Капринскій: бойкій, развязный, замѣтно уважающій себя на основаніи предъидущихъ бесѣдъ съ другомъ; но, на этотъ разъ, онъ увидѣлъ въ хозяйнѣ совершенно другаго человека, или, лучше сказать, обычно-насмѣшливаго и холоднаго Батманова.

— Ты все еще хилишь, Мишель?—сказалъ онъ, осматривая внимательно друга.

Батмановъ ничего не отвѣчалъ.

— Начинай выѣзжать, mon cher: — что ты все сидишь дома? воздухъ тебя освѣжить.

— А ты, должно быть, знаешь медицину?—проговорилъ, наконецъ, Михайло Матвѣичъ.

— Нѣтъ, я не знаю медицины, я не медикъ; а говорю тебѣ по моему наблюденію.

— Твои наблюденія никуда не годятся: я тебѣ давно говорю, что ты имѣешь одно только призваніе въ жизни — восхищаться барышнями.

— Опять захандрилъ... ахъ ты, капризный человекъ... тебя рѣшительно нельзя понять.

— Пожалуйста безъ анализа; а то тебѣ жутко придется, если я вздумаю анализировать твою особу.

— Я и не думаю тебя анализировать... не фыркайте... поѣдемъ въ клубъ обѣдать — новый поварь.

— Убирайся ты съ своимъ поваромъ! Лучше по-

ѣзжай сейчасъ къ Жермаковымъ и скажи, что я боленъ, — и потому долго у нихъ не былъ.

— Для чего тебѣ это? скажи, такъ и поѣду.

— Чтобы дать тебѣ какое-нибудь занятіе; а то ты шляешься безъ всякой пользы.

— Эхъ, мой милый: ты самъ живешь безъ пользы. Я, впрочемъ, съѣзжу, мнѣ самому побывать у нихъ нужно.

— Отправляйся.

Капринскій уѣхалъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ его Батмановъ получилъ письмо отъ Софьи Николаевны, которое прочитавъ, онъ тотчасъ же одѣлся, велѣлъ закладывать лошадей и началъ ходить по своей залѣ съ замѣтнымъ само-довольствомъ. Письмо, въ самомъ дѣлѣ, было довольно пріятное:

«Прости меня, Мишель,» писала молодая дама: «что я избѣгала тебя: голова моя какъ въ огнѣ, я сама не знаю, что дѣлаю. Пріѣзжай ко мнѣ, пусть презираетъ меня свѣтъ, онъ давно ужь меня не любитъ; я хочу видѣть тебя и тебя одного молить о пощадѣ. Не губи меня, дни мои сочтены, мнѣ хочется умереть около тебя. Я слышала, что ты боленъ: прости меня, другъ мой, — я все та же, твоя Софья. Я люблю тебя еще больше, но я истерзана, измучена, я больна, Мишель, страшно больна. — Я сама не понимаю, что со мной дѣлается: ахъ, какъ я люблю тебя! ты не человѣкъ, человѣка такъ любить нельзя. У меня не достаетъ силъ бороться съ тобой, я твоя, я вся твоя. — У меня нѣтъ ни разсудка, ни жизни, ничего нѣтъ, кромѣ тебя.»

Батмановъ хотѣлъ было уже вѣхать, но явился Капринский.

— Это куда ты снарядился? — спросилъ тотъ: — постой! куда же ты? дай мнѣ сказать о порученіи.

— Говори, — отвѣчалъ Батмановъ, натягивая перчатки.

— Во-первыхъ, Бетси говоритъ, что ты не боленъ, а притворяешься, и къ нимъ не ѣздишь потому, что тебѣ скучно у нихъ.

— Только?

— Нѣтъ: еще велѣла тебя спросить, какъ идетъ твое перерожденіе: ты, должно быть, опять у нихъ какую-нибудь штуку выкинулъ; — я и понять хорошенько не могъ.

— Хорошо... прощай!

— Погоди, mon cher, — дай выкурить трубку.

— Кури, кто тебѣ мѣшаетъ. Впрочемъ, подай и мнѣ! — проговорилъ Михайло Матвѣичъ Сидору, и сѣлъ.

— Я тебѣ на дняхъ какъ-то говорилъ, — началъ онъ: — что на женщинъ хорошо дѣйствовать дерзостью; но есть другое средство, если первое не удастся: это выдержка.

— Что такое выдержка?

— А вотъ что такое, добрая душа, выдержка: если женщина начнетъ отстраняться, лавировать, — не иди за нею, не преслѣдуй, а брось, — такъ таки совершенно оставь: въ двѣ недѣли опомнится!

— Конечно, это такъ; но, съ другой стороны, можно и ошибиться: ты бросишь, да и тебя, пожалуй, бросятъ. Ухаживанье — вѣрнѣе.

— Фу! мерзость какая! кто жь нынче ухаживаетъ, кромѣ лакеевъ и лавочниковъ?

— Я говорю не про такое ухаживанье; но думаю, что преслѣдовать женщину...

— Ну полно пустяки городить... Ты знаешь мои отношенія къ Науновой?

— Конечно, знаю.

— Знаешь, какъ я велъ себя съ ней въ послѣднее время?

— Ты оставилъ ее.

— Да, и вотъ чѣмъ теперь все кончается... На, читай! только не изволь никому болтать, — сказалъ Батмановъ и подалъ пріятелю письмо Софьи Николаевны.

— Что, невинная душа?—говорилъ онъ, глядя на Капринскаго, у котораго разгорались глаза съ каждой строчкой. Что, агнецъ простодушный, тактика моя недурна?...

— Это чортъ знаетъ что такое!—вскрикнулъ Капринскій:—ты такой въ женщинахъ счастливецъ, что уму невообразимо! Я бы десять лѣтъ жизни отдалъ, чтобы быть на твоёмъ мѣстѣ... Что ты теперь намѣренъ дѣлать?

— Что обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Я знаю только одно, mon cher, — началъ Капринскій глубокомысленно:—что ты совершенно погубишь эту женщину, — вотъ что я только знаю.

— Ничего: она скоро умретъ.

— И ты это говоришь хладнокровно! и тебѣ не страшно это думать о женщинѣ, которая предана тебѣ всей душой!

— Да вотъ развѣ у тебя, чувствительная душа, позаимствую на этотъ разъ сантиментальности, и даже, можетъ быть, выжму изъ глазъ своихъ двѣ три слезы... Ну, однако, прощай! изволь отправляться домой и не болтай.

— Сегодня повидаемся?

— Можетъ быть.

— Повидайся и Расскажи, что тамъ будетъ... я чрезвычайно люблю слушать твои варварскія продѣлки.

Этихъ словъ Батмановъ не дослушалъ и ушелъ. Капринскій послѣдовалъ за нимъ. Пріятели поѣхали въ разныя стороны.

Въ передней Науновой Михайло Матвѣича встрѣтила та же горничная.

— Что Софья Николаевна?— спросилъ онъ.

— Онѣ цѣлую недѣлю больны-съ: позвольте, я доложу... — проговорила горничная и проворно убѣжала. Черезъ нѣсколько минутъ, она пригласила Батманова въ наугольную.

Софья Николаевна полулежала въ большихъ волтеровскихъ креслахъ и была чрезвычайно къ лицу одѣта: одна ножка ея, живописно обутая въ бархатную туфлю, далеко вытягивалась по мягкому ковру. Зеленныя сторы на окнахъ были спущены, отъ чего комната освѣщалась какимъ-то пріятнымъ полусвѣтомъ. Запахъ пачули чувствительно щекоталъ обоняніе. При входѣ Батманова, хозяйка протянула ему руку, но ни слова не проговорила, а только потупила голову и задумалась. Молодой человѣкъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ: онъ вовсе не такого ожидалъ пріема; потомъ взялъ стулъ и сѣлъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Вы больны?— спросилъ наконецъ Батмановъ.

— Да, больна,—отвѣчала Софья Николаевна, глубоко вздохнувъ, и опять задумалась.

Батмановъ началъ кусать себѣ губы: ему никакъ не хотѣлось первому заговорить о главномъ предметѣ.

— Вы тоже были больны? — проговорила, наконецъ, хозяйка, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Тоже-съ,—отвѣчалъ гость, выходи уже окончательно изъ терпѣнья.

Хозяйка еще разъ и еще глубоко вздохнула; Батмановъ всталъ.

— Что же мы съ вами комедіи, вѣроятно, играемъ? — произнесъ онъ.

Софья Николаевна ничего не отвѣчала, и только взглянула на него пристально; но Боже мой! какъ многозначителенъ былъ этотъ взоръ, какъ ясно въ немъ высказалась мольба, укоръ, грусть, однимъ словомъ все то, что однѣ только молодыя вдовы умѣютъ выражать своимъ взоромъ; но Наунова и этимъ не ограничилась: она вдругъ зарыдала, со всѣмъ зарыдала, какъ будто слезы давно накопились въ ея глазахъ и у нея уже не стало силъ долѣе владѣть собой. Батмановъ сдѣлалъ гримасу, укусилъ губы до крови, сѣлъ и надулся. Вдова рыдала.

— Въ вашей истерикѣ вамъ гораздо былъ бы полезенъ докторъ, чѣмъ я, — проговорилъ наконецъ онъ, отворачиваясь въ сторону.

— Мишель, оставь меня, Бога ради оставь, это выше силъ моихъ!—заговорила, наконецъ, Софья Николаевна, не переставая рыдать...— Я боюсь тебя, я

боюсь себя! уйди, Бога ради, забудь меня; проклинай, если хочешь, но только оставь.

— Слушайте, Софи,—началъ Батмановъ.— Вотъ ужь шесть мѣсяцевъ, какъ вы мной играете; но отчего жь вы были прежде не таковы, откуда взялась эта осторожность? Испугать и обмануть меня трудно: я выросъ изъ щенятъ, у меня есть когти и зубы...

— Убей меня, Мишель, убей сейчасъ, и я благословлю тебя.

— Я не палачъ, но я не оставлю васъ: у меня, ни за мной, ни передо мной, кромѣ васъ, нѣтъ ничего; мнѣ нечѣмъ нравственно жить, а послѣдній грошъ человѣкъ дешево не отдаетъ.

— Ты обманываешь меня, Мишель, все обманываешь: ты страшный эгоистъ, ты хочешь только погубить меня.

Вдова закрыла лицо руками; Батмановъ всталъ, подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Софи,—началъ онъ, цѣлуя ея руку:—ты видишь, на глазахъ моихъ слезы, а я никогда еще не плакалъ, никогда; даже бывши ребенкомъ, я не плакалъ, а только кричалъ.

На глазахъ молодого человѣка дѣйствительно появились слезы.

— Мишель, другъ мой, женись на мнѣ, я буду твоимъ другомъ, твоей рабой: я не оскорблю тебя взглядомъ, я только буду жить тобой и для тебя.

При этихъ словахъ Батмановъ поблѣднѣлъ и нѣсколько времени смотрѣлъ на вдову, какъ бы желая увѣриться, не съ ума ли она сошла.

— Благодарю васъ за откровенность,—началъ онъ,

погупившись и отходя отъ вдовы.—Я самъ вамъ оплачу тѣмъ же: начну съ себя: я ни на васъ, ни на комъ въ свѣтѣ не могу жениться, потому что буду имѣть несчастіе возненавидѣть до бѣшенства всякую женщину, какъ только она назовется моей женой; а васъ мнѣ ненавидѣть не хочется. Теперь слово объ васъ: если вамъ въ самомъ дѣлѣ хочется замужъ, такъ совѣтую вамъ выбрать человѣка съ общественнымъ авторитетомъ, который своимъ именемъ позакрылъ бы пятна на вашей репутаціи.

При этомъ глубоко оскорбительномъ монологѣ, въ свою очередь, поблѣднѣла Софья Николаевна, или, лучше сказать, она позеленѣла: все лицо ея какъ-то исказилось; грустно-пріятная улыбка какъ бы мгновенно пропала, а глаза ея, эти прекрасные глаза сдѣлались ужъ ни на что не похожи: ни грусти, ни мольбы, ничего въ нихъ не стало видно: они налились кровью и стали очень похожи на глаза раненой гіены; даже волосы, эти роскошные волосы, такъ къ лицу сбитые въ букли, какъ будто бы поднялись дыбомъ, однимъ словомъ—изъ миловидной и грустной дамы, она сдѣлалась страшна.

— Идите отсюда вонъ, Батмановъ!—проговорила она, сдерживая дыханіе.—Ступайте вонъ! слышите-ль? я васъ велю выгнать, — закричала она и судорожно вытянулась на стулѣ.

Михайло Матвѣичъ смутился.

— Что жъ вы горячитесь?—началь онъ, стараясь придать своему голосу спокойный тонъ.—Не могу же я жениться на всѣхъ женщинахъ, которымъ хочется замужъ?...

— Подите вонъ... подлець... — вскрикнула опять

вдова, и вскочила уже въ совершенномъ безуміи, но тотчасъ же упала опять на кресла, начала метаться и рвать на себѣ волосы.

Прибѣжала горничная и подошла было къ госпожѣ, но та ее такъ сильно толкнула, что она едва удержалась на ногахъ. Батмановъ, пришедшій нѣсколько въ себя, плюнулъ, взялъ шляпу и ушелъ.

ГЛАВА V.

Въ домѣ Жермаковыхъ все шло попрежнему: обѣ дамы, каждое утро, одѣвшись довольно изысканно, выходили, около двѣнадцати часовъ, изъ своихъ комнатъ въ гостиную и, въ ожиданіи чьего-нибудь визита, переговаривали о прошлыхъ и грядущихъ балахъ, но больше всего молчали и думали про себя.

Приѣхалъ управляющій и, съ перваго же дня, началъ съ Амаліей Петровной, по цѣлымъ часамъ, бесѣдовать въ ея кабинетѣ. Бетси рѣшительно не интересовалась знать, о чемъ они говорили. Оставаясь почти цѣлый день одна, она пристрастилась къ музыкѣ и разыгрывала Шуберта, который такое сильное и такое благодѣтельное впечатлѣніе произвелъ на Батманова.

Въ одно утро, Амалія Петровна имѣла слѣдующій разговоръ съ своимъ управляющимъ; — сама она, при этомъ случаѣ, сидѣла въ креслахъ, управитель тоже сидѣлъ, но только помѣщался на самомъ кончикѣ стула; носъ его сдѣлался еще краснѣе; впрочемъ, вмѣсто гадкаго [трава, на немъ](http://rain.org.pl) былъ уже новый

сюртукъ, а въ карманъ жилета появились даже серебряные часы, на бисерной цѣпочкѣ и съ извѣстною коллекціею печатокъ.

— Я вамъ и прежде, ваше высокородіе, докладывалъ, — началъ Дозоринъ медленно и какимъ-то вкрадчивымъ и мягкимъ голосомъ: — къ успокоенію собственно вашему ничего тутъ не предстоитъ затруднительнаго; съ вашей стороны, благодѣтельница моя, слѣдуетъ только Лизаветѣ Дмитревнѣ внушить, чтобы онѣ, по молодости своихъ лѣтъ, не поставили намъ точки съ запятой въ этомъ дѣлѣ.

— Когда же онѣ сюда пріѣдетъ? — спросила Амалия Петровна.

— Двадцать восьмага февраля, — отвѣчалъ управитель: — прибудутъ они въ свое Марково, гдѣ и пробудутъ первое марта, по тому самому случаю, что это день ихъ рожденія, а тамъ и сюда пріѣдутъ. Камердинеръ ихъ, ваше высокородіе, по настоящее время, мнѣ большимъ пріятелемъ состоитъ, и, по наперсничеству своему, оказываетъ намъ содѣйствіе, причитая себѣ за это дѣло тысячу рублей на ассигнаціи, яко бы съ тѣмъ, чтобы изъ числа оныхъ, по прибытіи въ здѣшнее мѣстожительство, получить себѣ въ задатокъ пятьсотъ рублей, на чтó отъ вашего высокородія я и имѣю честь и спрашивать разрѣшенія.

— Для чего ты все лакеевъ примѣшиваешь, Егоръ Ѳомичъ? ты привыкъ къ нимъ, а мнѣ гадко даже слышать.

Управитель на нѣсколько времени пріостановился.

— Ваше высокородіе, благодѣтельница моя, — заговорилъ онъ: — осмѣлюсь вамъ объяснить, это дѣло такое, что долженствуетъ начаться съ нижней дистан-

ціи, самъ господинъ такой: съ другимъ дворяниномъ, конечно, можно бы было поступать иначе, а тутъ только съ лакеевъ и пойдеть дѣло.

— Стало быть, онъ и состояніе все можетъ лакеямъ отдать?

— Какъ это возможно: упаси его Богъ, онъ человекъ въ настоящемъ разсудкѣ. Я ихъ, ваше высокородіе, съ малолѣтства знаю: они, я вамъ объясню, выросли въ загонѣ; жалости подобно было ихъ видѣть въ прежнія времена: при этакомъ состояніи, пиши дворянской не имѣли; у папеньки ихнева была тоже, съ позволенія сказать, наперсница, женщина изъ простаго званья, но эхидная, наговаривала ему все злобу, отъ сына роднаго отвратила, какъ отъ звѣря лютаго, видѣть дитяти не могъ, лѣтъ до двѣнадцати его держали только что не въ людской. Звѣзда его послѣ возсіяла тѣмъ, что въ корпусъ попалъ, а то бы совсѣмъ потерялся; когда въ офицеры вышелъ, такъ не только что какой-нибудь авантажъ, обмундироваться было не на что, свои ужъ мужички изъ жалости сложились да принесли ему 300 руб.; онъ даже всплакалъ: ну, говорить, братцы, въ вѣкъ не забуду вашего благодѣянія. Мы, грѣшные люди, по разуму человѣческому, полагали, что старикъ и отъ наслѣдства его устранить: оно бы и было такъ, если бы злодѣйку самоё Богъ ранѣе другихъ не прибралъ. Вотъ вѣдь, ваше высокородіе, какія были первоначальныя обстоятельства: по характеру они человекъ слабый, мягкосердный; по сю пору еще помнятъ, кто къ нимъ изъ прислуги былъ поласковѣй, а тѣ этимъ самымъ случаемъ пользуются и отводятъ его въ другую сторону! Съ Софьей Нико-

лавной у него было тѣсное дружелюбіе, а чѣмъ кончилось.

— Миѣ кажется, онъ просто никогда и ни на комъ не женится.

— Женится, ваше высокородіе: наше ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ! камердинеръ прямо сказалъ: «вы миѣ, Егоръ Ѡмичъ, посодѣйствуйте, и я васъ не оставлю». Утомилъ я ваше высокородіе своими глупыми рѣчами. Честь имѣю пожелать вамъ здравія и благополучія на многія лѣта. Дай вамъ Богъ скорѣе внучать нажить и успокоить ваше материнское сердце.

— Ты развѣ совсѣмъ, Егоръ Ѡмичъ?

— Совсѣмъ, ваше высокородіе: на четверговый торгъ непременно надо быть въ селѣ. Желаю вамъ благополучія. Лизавету Дмитревну не осмѣливаюсь беспокоить: онѣ, какъ я слышу, музыкой изволятъ заниматься. Добраго здравія желаемъ!—проговорилъ управитель, поцѣловалъ у своей благодѣтельницы руку, и на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета.

— Егоръ Ѡмичъ, виновать-съ,—проговорилъ молодой лакей, насупившись и подавая управляющему шубу.

— То-то и есть виновать, безчувственные вы животныя, — отвѣчалъ Дозоринъ, надѣвая калоши: третьяго дня пляску бѣсовскую изволили поднять да драку еще сочинили. За полштофа рады господъ продать.

— Онъ самъ, прохвостъ этакой, въ трактиръ насъ зазвалъ.

— Знаю я, какъ онъ васъ зазвалъ! съ сегодняшняго дня, чтобы духу его не было; да и барина не

принимать, каналы этакіе: ньянство да буянство только и есть у васъ въ головѣ.

— Хорошъ и ты, красноносый!—проговорилъ лакей по уходѣ управителя.—Про себя, небось, не говоришь, какъ этта нахлестался на базарѣ, кабацкая затычка!

Пріѣхалъ Батмановъ. Это было на другой день послѣ его свиданія съ Науновой. Лакей, имѣя въ виду приказаніе управляющаго, нѣсколько времени медлилъ докладывать о его пріѣздѣ. Михайло Матвѣичъ пошелъ безъ доклада. Въ залѣ его встрѣтила Бетси.

— А!... м-г Батмановъ!—вскрикнула она вспыхнувъ.

— Bon jour, m-lle,—отвѣчалъ тотъ, кланяясь и тоже немного сконфузившись.

— Хотите въ гостиную?

— Ваша воля.

— Ну такъ походимте здѣсь. Гдѣ вы пропадали?

— Сидѣлъ дома.

— Что-жь вы дѣлали дома?

— Капринскимъ занимался.

— Ну нѣтъ... За чѣмъ это? Я на дняхъ только его разсмотрѣла: какое у него непріятное лицо.

— Что-жь дѣлать, если около меня ничего нѣтъ лучшаго.

— А что-жь, какъ идетъ ваше перерожденіе: впередъ или назадъ?

— Безъ вашего вліянія оно, разумѣется, неподвижно.

— Безъ моего?

— Да, безъ вашего... Что-жь вы такъ удивились?

М-lle Бетси улыбнулась

— Я все васъ не могу понять, м-г Батмановъ, — начала она: — растолкуйте мнѣ себя: васъ всѣ не любятъ, про васъ всѣ почти говорятъ дурно; вы сами это подтверждаете, а потомъ говорите, что носите маску.

— Вы ловите меня на словахъ; добрыя дѣла надобно дѣлать не думавши: вы можете быть моимъ врачомъ и лечите меня.

— Но врачъ долженъ знать хорошо своего пациента.

— Я вамъ отчасти рассказывалъ свои недуги.

— Но вы однако сказали, что съ вами уже началось перерожденіе.

— Да.

— И его произвелъ Шубертъ?

— Положимъ, что и Шубертъ, но только при вашей игрѣ.

— Въ такомъ случаѣ пойдѣте въ гостиную: я вамъ буду играть, сколько хотите, — сказала Бетси и пошла.

Батмановъ последовалъ за ней.

Игра молодой дѣвушки, на этотъ разъ, была еще лучше, и, должно быть, подъ вліяніемъ еще болѣе живаго внутренняго чувства. Батмановъ сталъ за нею и перебиралъ нотные листы, и потомъ, въ половинѣ аріи, тихо наклонился, какъ будто бы для того, чтобы внимательнѣе слѣдить ноты, и поцѣловалъ Бетси въ плечо. Та вся вспыхнула, тотчасъ же перестала играть и встала.

— Вы въ самомъ дѣлѣ гадки, — сказала она и сѣла на диванъ.

На глазахъ ея навернулись слезы. Батмановъ по-

краснѣлъ, силился насмѣшливо улыбнуться, но тщетно. Сверхъ обыкновенія, онъ потерялся и рѣшительно не находилъ, что ему дѣлать и что сказать. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы не вошла Амалія Петровна, которая сухо поклонилась все еще стоявшему около фортепіано гостю, и принялась за вязанье. Михайло Матвѣичъ взглянулъ было на Бетси, но она отвернулась; онъ подошелъ и сѣлъ на одинъ съ нею диванъ: Бетси сначала отодвинулась, а потомъ встала и совсѣмъ ушла.

— Вы были больны?—спросила, наконецъ, Амалія Петровна.

Батмановъ кивнулъ головой и всталъ.

— Je vous salue,— проговорилъ онъ и ушелъ.

Хозяйка посмотрѣла ему вслѣдъ съ презрѣніемъ.

Бетси прошла въ наугольную, сѣла у окна и заплакала: ей было стыдно и досадно; она чувствовала, что надобно бы было сказать о дерзости Батманова матери и просить ее не принимать его въ домъ, но какимъ образомъ это сдѣлать? Она сама всегда его защищала. Молодая дѣвушка рѣшилась скрыть этотъ случай и наказать дерзкаго презрѣніемъ. Потомъ, стараясь заглушить волновавшія ее чувствованія, принялась прилежно читать французскій романъ, а за обѣдомъ очень много говорила съ Амаліей Петровной, въ чемъ ей именно ѣхать вечеромъ въ собраніе, и объявила, что хочетъ надѣть голубое креповое платье, съ богатой кружевной отдѣлкой, которое было еще совсѣмъ новое и въ которомъ она была поразительно хороша.

— Зачѣмъ тебѣ надѣвать сегодня это платье? Оно очень нарядно,— замѣтила мать.

— Такъ развѣ не все равно?

— Я думаю, лучше въ немъ быть въ первый разъ на балѣ у Прохоровыхъ, чѣмъ въ собраніи, гдѣ бывають Богъ знаетъ кто.

— Позвольте, тама! сегодня всѣ будутъ очень нарядны... Я лучше къ Прохоровымъ совсѣмъ не поѣду, а сегодня надѣну это платье.

— Какъ хочешь, тебя не переспоришь,—отвѣчала Амалія Петровна...

Батмановъ возвратился домой въ сильномъ раздраженіи: онъ сбросилъ шубу, шляпу, крикнулъ на подавшаго ему дурно вычищенную трубку Сидора, такъ что тотъ поблѣднѣлъ, спросилъ себѣ бутылку хересу и почти залпомъ выпилъ ее, и ушелъ въ кабинетъ.

Пріѣхалъ Капринскій и спросилъ Сидора: «дома?»

— Дома, — отвѣчалъ тотъ.

Батмановъ, услышавши голосъ пріятеля, вскочилъ, заперъ дверь и опять легъ.

Никандръ Иванычъ толкнулся.

— Что ты тутъ сидишь взаперти?

Михайло Матвѣичъ не отвѣчалъ.

— Отопри, mon cher, у меня къ тебѣ есть просьба.

Отвѣта не было.

— Мишель, Бога ради, отопри: мнѣ нужно съ тобой переговорить.

Молчаніе.

Капринскій воротился къ Сидору.

— Что онъ тамъ сидитъ?

— Почиваютьъ.

— У меня къ тебѣ, Сидорушка, просьба: дай мнѣ

старый фракъ барина; меня сегодня ночью обокрали.

Сидоръ не обратилъ никакого вниманія на эти слова Капринскаго: онъ, по какому-то инстинктивному чувству, не любилъ и не уважалъ Никандра Иваныча, тогда какъ тотъ всегда обращался съ нимъ очень ласково.

— Дай поскорѣе, мнѣ—пора, — повторилъ Капринскій...—Михайло Матвѣичъ не откажетъ мнѣ въ этихъ пустякахъ.

— Спросите-съ у нихъ.

— Какъ же я могу спросить, когда онъ спитъ?

Сидоръ молчалъ; Капринскій пожалъ плечами, походилъ потомъ по залу и опять подошелъ къ запертой двери.

— Мишель, я въ ужасномъ положеніи: меня сегодня ночью обокрали... Вечеромъ надобно ѣхать въ собраніе, а мнѣ рѣшительно не въ чемъ. Одолжи, сдѣлай милость, своего визитнаго фрака... Я сегодня былъ у моей Надежды Алексѣевны и пригласилъ ее танцовать... Пожалуста, не откажи, онъ мнѣ въ пору будетъ.

— Убирайся ты, — проговорилъ, наконецъ, Батмановъ.

— Дай мнѣ фракъ; я уѣду.

Молчаніе.

— Рѣши чѣмъ-нибудь.

Молчаніе.

— Неужели тебѣ жаль?

— Сидоръ! — крикнулъ Батмановъ.

— Чего изволите-съ?—отозвался тотъ.

— Дай ему мой старый фракъ и выпроводи его.

Сидоръ ушелъ.

— Какой твой Сидоръ скотина, Мишель, изъ рукъ вонъ... Ты его ужасно избаловалъ,—говорилъ, черезъ дверь, Капринскій, и потомъ, взявши фракъ, уѣхалъ.

У Никандра Иваныча фракъ не украли, но онъ, не сообразивъ, отдалъ его разутюжить своему портному, который за старый долгъ совсѣмъ его и удержалъ.

Батмановъ цѣлый день сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и даже не обѣдалъ. Часовъ въ 12 вечера онъ вышелъ изъ своей засады и началъ собираться въ собраніе. Сидоръ былъ немного выпивши.

— Я фракъ отдалъ-съ, — сказалъ онъ, одѣвая барина.

— Ну...

— Теперь ужь его не выцарапаешь: пальто еще по осени взяли, по сю пору не отдають.

— Что жь ты не возьмешь?

— Я разъ двадцать ходилъ за нимъ: все на васъ ссылаются; баринъ, говоритъ, знаетъ, а фракъ и подавно мнѣ не получить, вся ваша воля...

Когда Михайло Матвѣичъ пріѣхалъ въ собраніе, тамъ танцовали уже пятую кадрили. Кавалеромъ Бетси былъ пріѣзжій изъ Петербурга молодой человекъ, затмившій въ послѣднее время всю мѣстную молодежь. Она была въ своемъ новомъ платьѣ дивно хороша и очень весела.

— Я пріѣхалъ просить у васъ прощенія, — проговорилъ Батмановъ вполголоса, подходя къ ней. Бетси какъ будто бы не слыхала и продолжала говорить съ своимъ кавалеромъ. Михайло Матвѣичъ сдѣлалъ насмѣшливую гримасу и отошелъ.

— Посмотрите, Батмановъ, какъ любезничаетъ вашъ Капринскій,— отнесся къ нему кривой, съ плутовскимъ лицомъ мужчина, по фамиліи Карповъ.

— Я его сейчасъ проучу,—отвѣтилъ Батмановъ.

Никандръ Иванычъ танцевалъ съ Надеждой Алексѣвной, и дѣйствительно разсыпался въ любезностяхъ: она была единственная дама, съ которой онъ въ эту зиму танцевалъ. Надобно сказать, что молодой человѣкъ считалъ ее влюбленною въ себя и тайно самъ очень интересовался ею, хотя и отзывался объ ней весьма легко и въ насмѣшку называлъ ее: *моя Надежда Алексѣвна*, вѣроятно потому, что она не принадлежала къ высшему губернскому кругу, а была только женою управляющаго по откупамъ. Дама эта, не смотря на тридцатипятилѣтній возрастъ, имѣла неимовѣрную страсть танцевать, по этому можно думать, что она была благосклонна къ Капринскому, не столько по какому-нибудь предсудительному чувству, сколько потому, что онъ ангажировалъ ее всегда на четыре кадрили и на мазурку каждое собраніе, въ которое она пріѣзжала. На балахъ Надежда Алексѣвна не являлась, и даже повеселиться въ собраніи ей удавалось только тогда, когда мужъ ея отбывалъ изъ города; онъ былъ ужасно необразованный человѣкъ и большой ревнивецъ.

— Я не понимаю, что вы такое говорите,—говорила Надежда Алексѣвна своему кавалеру.

— Вы не хотите меня понять; но я вамъ говорю, что танцую только съ вами.

— Не можетъ быть, вы танцуете со всѣми.

— Нѣтъ-съ, я слишкомъ старъ, чтобы любить танцевать со всѣми.

— Не говорите, что вы стары; это очень нехорошо; вы, вѣроятно, это смѣтаетесь.

— Нѣтъ, не смѣюсь, — отвѣчалъ Капринскій, и шепнулъ своей дамѣ что-то на ухо: она улыбнулась; въ это время подошелъ къ нимъ Батмановъ.

— Вотъ, Надежда Алексѣевна, молодой человекъ, который смѣется совершенно надъ любовью, — сказалъ Никандръ Ивановичъ, указывая дамѣ на своего пріятеля.

— Вы смѣтаетесь надъ любовью? — спросила Надежда Алексѣевна.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣчалъ Батмановъ. — Послушайте, Капринскій, что это вы за низости дѣлаете? — прибавилъ онъ, обращаясь съ серьезнымъ лицомъ къ Никандру Иваночу.

— Что такое? — спросилъ тотъ съ безпокойствомъ.

— Да какъ же что такое? въ чужомъ фракѣ ѣздите въ общество!

Капринскій поблѣднѣлъ; дама его съ удивленіемъ открыла глаза и рѣшительно не понимала, что все это значить.

— Взялъ у меня фракъ и ѣздитъ въ немъ, — говорилъ Батмановъ, обращаясь къ Надеждѣ Алексѣевнѣ. Та покраснѣла и потупилась; Капринскій готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Что такое? фракъ мой! — проговорилъ онъ.

— Вотъ хорошо: вы еще запираетесь? Это, милостивый государь, чортъ знаетъ на что похоже. Сейчасъ же извольте снять мое платье; pardon, m-me, что я употребляю такія средства противъ вашего кавалера: мнѣ фракъ самому нуженъ.

Надежда Алексѣевна вышла изъ кадрили.

— Послушайте, Михайло Матвѣичъ, что это такое? я не понимаю; кажется, всёми извѣстны наши дружескія отношенія; можно шутить между собой, но въ обществѣ...—говорилъ растерявшійся Капринскій.

— Кто же васъ зналъ, что вы его присвоите себѣ?

— Но какъ же это возможно? Вы сами знаете причину; неужели вы сомнѣваетесь? Я его завтра-же вамъ возвращу.

— Сдѣлайте милость, возвратите: о томъ только васъ и прошу.

Между тѣмъ, всё почти замѣтили, что Надежда Алексѣевна вышла изъ кадрили и что между Батмановымъ и Капринскимъ затѣвается какая-то исторія.

— Что такое вашъ кавалеръ? — спрашивали ее многіе.

— Я и сама не знаю: онъ въ чужомъ фракѣ. Батмановъ требуетъ своего фрака,—отвѣчала она со слезами на глазахъ.

Нѣкоторые смѣялись, другіе пожимали плечами; около пріятелей образовался кружокъ.

— Помилуйте, господа,—говорилъ Батмановъ, обращаясь къ нѣкоторымъ мужчинамъ: — взялъ у меня фракъ, не присылаетъ и ѣздитъ въ немъ въ общество—Имѣю ли я право снять съ него, гдѣ мнѣ угодно?

— По моему, кажется, имѣете, — проговорилъ вполголоса офицеръ.

— Чего тутъ кажется,—возразилъ Карповъ: — дѣло ясно: вы, Капринскій, должны сейчасъ же отдать фракъ.

— Право собственности можетъ быть вездѣ объ-

явлено,—сказалъ штатскій молодой человекъ въ очкахъ.

— Помилуйте, господа, вникните въ мое положеніе: я признаюсь, что фракъ ихъ, но я взялъ его на время... Прошу васъ, г. Батмановъ, прекратите вашу шутку, я благородный человекъ, зачѣмъ же вы хотите меня дурачить?— говорилъ Капринскій.

— Не надѣвайте чужихъ фраковъ, — во всякомъ случаѣ г. Батмановъ правъ,— замѣтилъ Карповъ.

— Извольте сейчасъ снять мой фракъ, въ противномъ случаѣ, я во всеуслышаніе объявлю, что вы его у меня украли, — произнесъ твердымъ голосомъ Батмановъ.

— Но послушайте, что же это?—бормоталъ Капринскій и пошелъ изъ залы. Батмановъ вмѣстѣ съ молодыми людьми послѣдовалъ за нимъ.

— Господи Боже мой, я просто уничтоженъ!... вскричалъ въ отчаяніи Никандръ Ивановичъ, войдя въ буфетъ и бросившись на диванъ.

— Снимайте фракъ, — повторилъ Батмановъ, ставши передъ пріятелемъ съ сложенными руками и нахмуреннымъ лбомъ.— Господа,— продолжалъ онъ, обращаясь къ зрителямъ,—растолкуйте ему, что онъ долженъ мнѣ сейчасъ же возвратить мою собственность, если хочетъ остаться честнымъ человекомъ.

— Если вы, Капринскій, рисковали надѣть чужое платье, то должны были и ожидать, что съ васъ могутъ его снять, гдѣ вздумается,—замѣтилъ штатскій молодой человекъ въ очкахъ.

— Въ Москвѣ точно такая же была исторія, подхватилъ Карповъ:—тамъ, въ клубѣ, одинъ пріятель снялъ съ другаго сапоги.

— Такъ неужели же вы думаете, господа, что у меня нѣтъ платья!... гораздо болѣе, чѣмъ у него, — я самъ его одолжалъ, онъ самъ былъ мнѣ долженъ полтора ста рублей, да я никогда и не говорилъ, — вскричалъ вышедшій изъ себя Капринскій.

— Вы обязывали меня и получили свое, а я теперь свое взыскиваю, — отвѣчалъ Батмановъ, — не такъ ли, господа? — прибавилъ онъ.

— Совершенно справедливо, — отвѣтили всѣ почти зрители.

— Человѣкъ, принеси сюда Никандра Иваныча шубу, — сказалъ Батмановъ... — Снимайте, cher Капринскій, что намъ ссориться изъ-за пустяковъ.

— Мерси, Батмановъ, вы удивительную штуку выдумали сыграть съ этимъ идиотомъ, — сказалъ молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Я, признаюсь, всегда удивлялся, какъ вы можете терпѣть его около себя, — вмѣшался сидѣвшій въ буфетѣ помѣщикъ съ рыжими усами.

— Онъ и съ вами былъ друженъ, — замѣтилъ ему Карповъ.

— Очень недолго, — возразилъ тотъ.

— Какъ недолго!... вмѣстѣ продали Казину шестерикъ безногихъ лошадей.

— Извините, ошибаетесь, я въ этомъ совершенно не участвовалъ.

— Будто! А я, по простотѣ, думалъ, что вы вмѣстѣ обдѣляли это дѣло.

— Иванъ! — крикнулъ Батмановъ, возьми себѣ фракъ, я не въ состояніи буду его надѣть послѣ этого болвана, и дай намъ полдюжины шампанскаго...
Voulez-vous, m-rs?

— Праздновать изгнаніе Капринскаго,—замѣтилъ молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Не безпокойтесь, онъ завтра же всюду явится,—сказалъ кривой.

Собесѣдники пировали, по крайней мѣрѣ, часовъ до шести утра. Михайло Матвѣичъ разсказалъ нѣсколько своихъ происшествій въ родѣ послѣдняго. Въ прославленіе его геройскихъ подвиговъ предложень былъ тостъ и единодушно выпить.

Г Л А В А VI.

Совершенно иначе отозвались о вышеописанной мною исторіи всѣ солидные люди. Въ продѣлкѣ Батманова они справедливо видѣли оскорбленіе общественнаго приличія, не говоря уже о томъ, что самая выдумка была чрезвычайно пошла и глупа. Во всѣхъ почти домахъ переговорено было объ этомъ происшествіи. Большая часть молодыхъ людей держали сторону Батманова и говорили, что Капринскій именно стоилъ подобной шутки. На это имъ возражали, что въ этомъ дѣлѣ, Капринскаго, какой бы онъ ни былъ, забываютъ, но въ немъ оскорблено общество. Нѣкоторыя молодые дамы, по большей части изъ числа тѣхъ, на которыхъ Михайло Матвѣичъ не обращалъ никогда никакого вниманія, тоже были обезпокоены послѣднимъ его поступкомъ. Какъ знать, что онъ не рѣшится поставить каждую изъ нихъ въ то непріятное положеніе, въ какое поставлена была имъ Надежда Алексѣевна.

Между тѣмъ, оба врага-пріятели сидѣли по до-

мамъ. Батмановъ чувствовалъ въ нѣкоторой мѣрѣ раскаяніе. Продѣлка его съ Капринскимъ показала ему самому какъ-то пошла и безцѣльна. «Что онъ хотѣлъ этимъ показать? Осмѣять Капринскаго? Но тотъ и безъ того смѣшонъ. Выставить себя въ отношеніи этого барана—не большая пища для честолюбія, — и, наконецъ, за что же? Капринскій ничего ему не сдѣлалъ...» Эти мысли Михайло Матвѣичъ высказалъ пріѣхавшимъ къ нему на другой день офицеру и молодому человѣку въ очкахъ.

— Я былъ взбѣшенъ, говорилъ онъ:—а когда я сердить, то мнѣ всегда хочется на комъ-нибудь выместить досаду, а онъ тутъ подвернулся, да еще вздумалъ любезничать съ этой дурой Ахля бовой; а подобныя вещи я не могу видѣть даже въ спокойномъ состояніи равнодушно.

Капринскій, первое время не могъ безъ ужаса вспомнить своего безславія. Тысячу способовъ изобрѣталъ онъ какъ-бы оправдать себя передъ обществомъ и отомстить Батманову; — вызвать его на дуэль, но для этого надобно стрѣляться, а онъ во всю жизнь пистолета не бралъ въ руки; подать на него просьбу, но въ чемъ именно на него жаловаться? — Онъ взялъ только собственный свой фракъ; подкупить кого-нибудь, чтобы Батманова поколотили на улицѣ ночью?— но кто на это согласится?... Разсудивъ такимъ образомъ, онъ рѣшился избрать болѣе невинное средство: онъ поѣхалъ ко всѣмъ своимъ значительнымъ знакомымъ, рассказалъ имъ подробно все происшествіе, просилъ у нихъ защиты, и тутъ же, къ слову, объяснилъ, какъ Михайло Матвѣичъ отзывается о каждомъ изъ нихъ. Всѣ почти едино-

гласно приняли его сторону и обвиняли только за то, зачѣмъ онъ былъ знакомъ и друженъ съ этимъ буйномъ. Никандръ Ивановъ самъ признавался, что дѣлалъ это глупо, и покаялся не только что не быть съ Батмановымъ на будущее время знакомымъ, но даже избѣгать встрѣчи съ нимъ. Прошло два дня; оба пріятеля-враги получили въ одно время по запискѣ отъ дамъ слѣдующаго содержанія. Батмановъ: «вамъ предстоитъ опасность... сегодня въ собраніе не ѣздите... васъ хотятъ выключить и у васъ опять можетъ выйти неприятность. Объ этомъ васъ просятъ во имя Шуберта, который на васъ прежде произвелъ такое доброе вліяніе. Мы не будемъ сегодня въ собраніи.» Капринскій: «одна дама проситъ васъ пріѣхать къ ней... у насъ съ вами общій врагъ, будемте метить вмѣстѣ... Адресъ мой: въ Ивановской улицѣ, въ домѣ Осипова.»

Объ записки были безъ подписей, но друзья-враги догадались: Капринскій, съ перваго же взгляда, увидѣлъ, что это рука Софьи Николаевны, а Батмановъ узналъ челоуѣка Жермаковыхъ, принесшаго записку. Обои ми ими овладѣли почти одинакія чувствованія: Батмановъ пришелъ въ восторгъ; изъ письма онъ увидѣлъ, что Бетси не сердится, не смѣется надъ нимъ, но безъ сомнѣнія любитъ его, — иначе, что бы могло заставить дѣвушку рѣшиться на подобный подвигъ? Онъ тотчасъ же рѣшился видѣть ее и поѣхалъ къ Жермаковымъ, но его не приняли; черезъ полчаса снова ѣздилъ, и снова ему отказали; въ четыре часа, Батмановъ еще разъ отправился, рѣшившись войти безъ доклада, но дверь была заперта, и онъ принужденъ былъ стучаться. Ему отворилъ лакей и, проговоривъ лаконически: «дома нѣтъ-съ», тот-

часть захлопнулъ дверь. Михайло Матвѣичъ простоялъ нѣсколько времени на подъѣздѣ и потомъ мрачный и задумчивый возвратился домой, нѣскольковремени ходилъ по комнатамъ, наконецъ не выдержалъ и написалъ къ Бетси письмо.

«М-ле Бетси! вашимъ великодушнымъ участіемъ вы пристыдили меня: я прѣзжалъ къ вамъ разъ пять, чтобы испросить у васъ прощенія, но меня не принимаютъ. Я не поѣду сегодня въ собраніе потому только, что вы не будете тамъ; но на первый балъ званый, обѣдъ родственныи и семейный вечеръ, хотъ бы это было въ совершенно незнакомомъ домѣ, гдѣ будете вы, я явлюсь, и меня, рады или не рады, но примутъ — въ эгомъ я ручаюсь... Умоляю васъ, напишите мнѣ, гдѣ вы будете сегодня, завтра, иначе я поѣду ко всемъ вашимъ знакомымъ и буду спрашивать: здѣсь м-ле Бетси? Если здѣсь, — войду, а нѣтъ — въ другой домъ поѣду; это не удастся — сяду у вашего крыльца, на вашихъ львовъ и буду дожидаться до тѣхъ поръ, покуда меня пустятъ.»

Письмо это Батмановъ велѣлъ Сидору во что бы то ни стало передать по принадлежности; но тотъ сталъ втупикъ.

— Мнѣ нельзя туда идти, Михайло Матвѣичъ, меня приколотятъ, — проговорилъ онъ.

— Хотъ бы двадцать разъ убили, такъ ступай, — рѣшилъ Батмановъ.

— Они меня совсѣмъ изобьютъ: ихъ много.

— За что же тебя изобьютъ?

— Да я, эгта, какъ мы подрались, — у кучера по нечаянности, валькомъ весь поперекъ отшибъ — и на козлы лазить не сможетъ.

— Что же такое, и они тебя били?

— Били-сь, а теперича грозятся...

— Нечего разсуждать, пошелъ, — сказалъ Батмановъ.

— Денегъ хоть пожалуйте, я лучше ихъ въ трактиръ вызову, — благоразумно подумалъ Сидоръ.

Батмановъ далъ ему десять рублей. На этотъ разъ, Сидору и деньги, видно, были не въ радость, потому что онъ, положивъ ихъ въ карманъ и надѣвъ свою шинель, махнулъ рукой, и очень разстроенный, медленнымъ шагомъ отправился въ трактиръ.

Въ этотъ день поутру, къ Жермаковымъ приѣзжалъ нѣкто Твиновъ, человекъ уже не молодой, но еще холостой и имѣющій большую претензію нравиться женщинамъ. Всѣхъ молодыхъ людей, являющихся въ общество, онъ терпѣть не могъ и постоянно отзывался объ нихъ очень дурно. Амаліи Петровнѣ онъ, впрочемъ, нравился, потому что нѣкоторымъ образомъ напоминалъ молодыхъ людей ея времени: строго соблюдая правила приличія и вѣжливости, онъ скорѣе бы, кажется, умеръ, чѣмъ позволилъ себѣ курить при дамахъ; въ жизнь свою не манкировалъ ни однимъ визитомъ, за что и имѣлъ въ городѣ прозваніе «визитника», и, наконецъ, очень любилъ употреблять въ разговорѣ французскія слова или даже цѣлыя фразы.

— Я въ ужасъ прихожу, mesdames, отъ нашего общества, — проговорилъ визитникъ.

— Что такое? — спросила Амалія Петровна.

— Я говорю про исторію Батманова: — c'est affreux, mesdames.

— Да, это какія-то глупости.

— *Comme de raison, mesdames*, я согласенъ, что глупости, что этотъ *m-r... est un fat... mais...* Знаете ли существенную причину этому?

— Я даже и не слыхала хорошенько, — замѣтила Амалия Петровна съ пренебреженіемъ.

— Я знаю всю эту исторію *en détails*, она тривіальна въ высшей степени. Батмановъ занялъ у Капринскаго *par droit d'amitié* полтораста рублей... вообразите *quelle grande somme*; но по обыкновенію своему, конечно, не отдавалъ. Капринскій ухитрился, выпросилъ у него на фасонъ фракъ и оставилъ у себя; *voyez comme c'est vilain, comme c'est bas*; но г-ну Батманову захотѣлось возвратить свой фракъ, и онъ разсказывалъ нѣкоторымъ молодымъ людямъ *de sa volée*, что Капринскій укралъ у него фракъ.

— Какъ это низко! — вскрикнула старшая хозяйка.

— Вполнѣ согласенъ, но... *par malheur*, все это справедливо, — подхватилъ Твиновъ: — распутивши такой слухъ, этотъ господинъ подходитъ къ несчастному Капринскому, который танцевалъ съ Ахлябовой, и прямо *sans cérémonie* говоритъ ему: сними мой фракъ. *Imaginez, mesdames*, положеніе дамы: она съ тѣхъ поръ больна; но этого еще мало, — къ нему пристала цѣлая фаланга его друзей, и почти насильно увели этого бѣдняка въ буфетъ, и, *pardon, mes dames*, *on lui a oté son frac*.

Амалия Петровна пожала плечами.

— Что жъ наши старшины думаютъ, что жъ они-то дѣлаютъ?

— Теперь всѣ согласились не принимать его никуда въ дома, и если явится въ собраніе, то вы-

вести. Я, въ этомъ случаѣ, долженъ признаться: первый объявилъ мое мнѣніе à haute voix.

— И прекрасно сдѣлали, — сказала мать: — это ни на что не похоже.

— Невозможно, mesdames, это общественный dérangement; послѣ этого, невозможно выѣзжать дамамъ; мнѣ, конечно, Богъ съ ними, но я въ этомъ дѣлѣ принимаю участіе въ дамахъ; зачѣмъ же мы ихъ заставимъ сидѣть дома. C'est impitoyable.

Во всемъ этомъ разговорѣ Бетси не принимала никакого участія, хотя Тьиновъ, рассказывая, и относился къ ней нѣсколько разъ. Наконецъ гость уѣхалъ; мать и дочь нѣсколько времени молчали.

— Какъ я рада этому, — проговорила почти сама съ собою Амалія Петровна.

— Чему же вы тутъ рады, маман? — спросила Бетси. Въ голосѣ ея слышалась такая задушевная досада, что Амалія Петровна сначала даже нѣсколько сконфузилась и потомъ посмотрѣла на дочь.

— Что жъ вы меня такимъ образомъ спрашиваете? я, кажется, старше васъ немного и имѣю право на болѣе вѣжливый тонъ.

— Что же я вамъ такое сказала? Я спросила только, чему вы радуетесь.

— Я радуюсь, — начала съ удареніемъ мать: — что вашего Батманова не будутъ пускать въ общество, вотъ чему я радуюсь.

— Я не вижу еще, что васъ можетъ тутъ радовать... — возразила Бетси опять.

— Нѣтъ, ты знаешь, что мнѣ тутъ пріятно, но это тебѣ не нравится потому, что мы, къ несчастью, никогда съ тобою не сходимся въ мнѣніяхъ.

— Не могу жь я, тамап, согласиться, что какой-нибудь Твиновъ—умный человекъ потому только, что онъ болтаетъ по-французски и сплетничаетъ.

— Мы говоримъ не объ Твиновѣ: — онъ человекъ приличный, вѣжливый и не замаралъ себя еще ни въ одной исторіи, какъ дѣлаютъ это ваши герои, за которыхъ дѣвушкѣ не только неприлично вступаться, но даже говорить объ нихъ.

— Я еще ничего не сказала, тамап, и не понимаю, за что вы сердитесь.

— Я сержусь на то, что вы находите какое-то удовольствіе спорить со мной: я больше вашего видѣла людей и лучше ихъ понимаю.

— Батмановъ уменъ, добръ и благороденъ, а что онъ шалитъ, такъ молодые люди всѣ шалятъ,—проговорила Бетси.

— Выходите за него замужъ, если онъ такъ вамъ нравится. По крайней мѣрѣ, я никогда не позволю себѣ назвать его своимъ сыномъ.

— Къ несчастію, онъ еще не сватается.

— Посватайтесь сами, это нынче въ модѣ.

— Отчего жь не посвататься. Къ Овцынину же сватаетъ меня вашъ управляющій.

— Что же, вы хотите укорить меня этимъ?

— Я ничего не хочу.

— Какъ ничего не хотите? — Вы желаете говорить мнѣ колкости за то, что я забочусь о вашемъ счастіи. Впрочемъ, вы совершенно свободны, я васъ не стѣсняю. Вы можете бѣжать, обвинчаться съ вашимъ Батмановымъ. Я давно вамъ не нужна. Слова мои давно не имѣютъ для васъ никакой цѣны.

На этомъ мѣстѣ Амалія Петровна остано-

лась — она очень разстроилась. Бетси замолчала и ничего уже не возражала матери, которая вскорѣ ушла въ свою спальню. Молодая дѣвушка, оставшись одна, сѣла было за фортепiano, но, взявши нѣсколько аккордовъ, остановилась: ее начало мучить раскаяніе; она подошла къ спальнѣ и осторожно взглянула въ замочную скважину. Амалія Петровна сидѣла задумавшись за своимъ письменнымъ столомъ.

Бетси рѣшила попросить у ней прощенія; нѣсколько минутъ она медлила; наконецъ собрала силы и вошла. Амалія Петровна почти не взглянула на нее; Бетси сѣла противъ матери.

— За что же вы, маман, разсердились на меня?— сказала она.

Амалія Петровна ничего не отвѣчала и только понюхала табаку.

— Пустой разговоръ, и вы огорчились; я думаю, говорить можно все.

— Все можно, — отвѣчала Амалія Петровна: — можете даже съ матерью браниться.

— Какъ же, маман, браниться? чѣмъ же вы меня ставите?

— Тѣмъ же, чѣмъ и ты меня.

— Я васъ всегда, маман, любила и уважала, — что жъ я такое сказала?

— Вы ничего не сказали, вы только говорите, что я сватаю васъ за Овцынина.

— Да развѣ это не правда, маман?

— Конечно, правда: я только удивляюсь, какъ вы больше не сказали.

— Мнѣ нечего больше сказать.

— Какъ нечего? Я бы даже совѣтовала вамъ сказать, что я васъ продаю и сбываю съ рукъ.

— Мнѣ и во снѣ этого не снилось, Богъ съ вами, — проговорила дѣвушка. На глазахъ ея навернулись слезы.

— Отчего жь вамъ не снилось? Вы сами такъ умны, такъ образованны, имѣете такой правильный взглядъ на вещи, что, кажется, я съ своими совѣтами вовсе вамъ не нужна — и будемте жить такъ. Для чего вамъ слушать меня? Я отжила ужь свой вѣкъ; конечно, я больше вашего видѣла, но это все такое старое, что не могу даже судить объ людяхъ.

Въ продолженіе всего этого монолога, Бетси болѣе и болѣе терялась: слезы у нея ручьемъ текли по щекамъ; она встала.

— Маман, простите меня, я виновата, — проговорила она, протягивая матери руки, но та сидѣла неподвижно.

— Чѣмъ же вы виноваты? — произнесла она холодно.

— Простите, маман, не сердитесь, — сказала еще разъ Бетси.

— Я не сержусь, — отвѣчала Амалія Петровна и позвонила.

Бетси тотчасъ же съѣла на дальній стулъ и торопливо отерла слезы.

Амалія Петровна пришедшему лакею велѣла накрывать на столъ и сама вышла изъ спальни. Долго молодая дѣвушка сидѣла въ неподвижномъ положеніи, но, наконецъ, тяжело вздохнувши, встала и ушла къ себѣ въ комнату, и здѣсь оставшись одна, снова залилась горькими слезами. Гнѣвъ ли матери, оскорбленное ли чувство симпатіи къ человѣку, кото-

раго всѣ порицали и котораго она, можетъ быть, любила, вызвали эти обильныя слезы — я не знаю, но только Бетси долго плакала, потомъ написала вышеупомянутую записку, позвала свою горничную и упросила передать ее Батманову. Обѣдать она не пошла. Въ это самое время пріѣзжалъ Батмановъ, но ему, какъ мы знаемъ, отказывали. Амалія Петровна еще ранѣе того распорядилась, чтобы его не принимали. Бетси ничего объ этомъ не знала: съ матерью она не видалась цѣлый день. Къ вечеру ей было доставлено письмо Батманова черезъ ту же горничную, которая пояснила, что къ нимъ приходилъ батмановскій лакей, цыный, изъ трактира, съ ихъ кучеромъ и поваромъ, что баринъ ему далъ пятьдесятъ рублей, велѣлъ угостить всю ихъ дворню и попросилъ передать письмо.

Вечеромъ Бетси написала и отправила къ Батманову еще записку:

«Вы неисправимый человекъ! я начинаю не шутя васъ бояться... искать меня не смѣйте, а пріѣзжайте въ четвергъ на горы, — тамъ устраивается катанье, и я буду. Въ другомъ мѣстѣ васъ не примутъ, — даже меня преслѣдуютъ за то, что я за васъ заступаюсь. Зачѣмъ вы затѣяли эту глупую исторію съ гадкимъ Капринскимъ?»

Капринскій, между тѣмъ, въ свою очередь, былъ очень доволенъ письмомъ Софьи Николаевны: онъ понялъ его совершенно въ свою пользу и рассудилъ самъ съ собой такимъ образомъ: — «она разлюбила Батманова, хочетъ его, вѣрно, пренебречь и отомстить ему тѣмъ, что полюбитъ меня. Можетъ быть, я ей давно нравлюсь, это ужасно его взбѣситъ, онъ цѣ-

лый годъ ухаживалъ и ничего не успѣлъ, а я, не хлопотавши, достигнулъ цѣли.» Съ этого рода пріятными надеждами пріѣхалъ Никандръ Иваычъ къ Софѣ Николаевнѣ.

— Вы узнали вашу незнакомку? — сказала хозяйка, подавая ему руку. Она была блѣдна и очень похудѣла.

— Я прежде имѣлъ честь знать, гдѣ вы изволите жить, — отвѣчалъ Капринскій.

— Мерсі, что не отказались... садитесь, — проговорила Наунова.

Капринскій сѣлъ и устремилъ на интересную вдову нѣжный взоръ.

— Что съ вами сдѣлалъ Батмановъ? — спросила она.

Капринскій пожалъ плечами.

— Если вы изволили слышать... я не понимаю, что такое... онъ сумасшедшій человѣкъ.

— Вы его очень ненавидите?

— Конечно-съ... какъ я ни мало дорожу его мнѣніемъ, но, сами согласитесь, это было въ обществѣ, хоть я и надѣюсь, что благородные люди увидятъ съ его стороны одно только глупое сумасшествіе.

— Нѣтъ, онъ не сумасшедшій; онъ имѣлъ цѣль, онъ хотѣлъ васъ навсегда уронить въ глазахъ всѣхъ.

— Что онъ это думалъ, съ этимъ я согласенъ, Софья Николаевна, потому что отъ его озлобленнаго ума ничего другаго ожидать нельзя; но я увѣренъ, что наше общество давно его поняло.

— Нѣтъ, Капринскій, вы еще молоды; вы не знаете общества: оно скорѣе проститъ человѣку все, кромѣ смѣшнаго. Во всей этой исторіи вы были смѣшны, и довольно... оно васъ презреть.

Капринскій сомнительно покачалъ головой.

— Но что же мнѣ было дѣлать? Представьте себѣ, если бы я пріѣхалъ на балъ, или куда нибудь, въ приличномъ видѣ, и вдругъ бы на меня кинулся сумасшедшій человѣкъ и сбилъ бы меня съ ногъ, — неужели бы общество не разсудило, что я невиноватъ?

— Оно до тѣхъ поръ вамъ не проститъ, покуда вы не расквитаетесь... Вы должны мстить...

— Я готовъ мстить, даже очень этого желаю, потому что меня самого это беспокоитъ, но какимъ образомъ?...

— Дайте ему сами пощечину, молча, ни слова не говоря.

— Но сами согласитесь, Софья Николаевна, это опять новая исторія, чего я желаю избѣгать, и полагаю, что мы, при нашихъ непріязненныхъ отношеніяхъ, нигдѣ съ нимъ не будемъ встрѣчаться.

— Найдите случай.

— Случай можно найти, но что изъ этого выйдетъ?... между нами произойдетъ опять глупая алярма, въ которой проиграю я, потому что онъ вдвое меня сильнѣе.

Софья Николаевна горько улыбнулась.

— Вы дайте пощечину и убѣгите, — сказала она.

— Вы, м-ме, шутите: убѣжать въ подобныхъ случаяхъ невозможно и бесполезно, потому что онъ ужасный человѣкъ... онъ рискнетъ на все, а мнѣ, признаюсь, умирать для удовольствія г-на Батманова не хочется... я считаю себя выше его; для него всякій скандалъ ничего не значитъ, потому что онъ объ этомъ только и думаетъ; но я ищу другаго...

Говоря послѣднія слова, Капринскій старался придать себѣ важный и солидный видъ, вовсе несвойственный ему.

Наунова вдругъ встала.

— Прощайте!—сказала она:—извините, что я васъ побезпокоила... я въ васъ ошиблась, я думала, что вы благородный, храбрый молодой человѣкъ, способный мстить вашему врагу; но вы... вы... даже не мужчина.

Никандръ Иванычъ покраснѣлъ.

— Софья Николаевна, я не отказываюсь отъ мести, но только придумываю, какимъ образомъ сдѣлать это удобнѣе и нельзя-ли приискать другаго средства.

— Другаго средства нѣтъ... если вы вызовете его на дуэль, — онъ васъ убьетъ. Заранѣе обдумывать нечего, будьте только готовы, а случай самъ придетъ.

— Я готовъ, — отвѣчалъ протяжнымъ голосомъ Капринскій.

Софья Николаевна нѣсколько минутъ пристально посмотрѣла на него.

— Bien obligée, — сказала она, протянувъ ему руку, которую Капринскій поцѣловалъ съ большимъ чувствомъ.

— Отчего я ранѣе не имѣлъ счастья пользоваться вашимъ драгоценнымъ знакомствомъ, Софья Николаевна!—сказалъ онъ.—Все это время я считаю погибшимъ для себя.

— Вы сами не хотѣли.

— Нѣтъ, тутъ были другія причины: ѣхать къ

вамъ я не рѣшался; но зналъ и понималъ васъ давно и душевно страдалъ за васъ.

— А что?

— Я говорю на счетъ Батманова.

— Вы знали наши отношенія?

— Онъ мнѣ все передавалъ.

— Что же онъ вамъ говорилъ?

— Все-съ, какъ обыкновенно между друзьями бываетъ. Онъ даже показывалъ мнѣ ваши письма, и показывалъ, конечно, съ насмѣшкой. Я готовъ былъ убить его въ эту минуту. Смѣяться и хвастаться любовью дамы — по моему — низко.

Вдова вспыхнула.

— Не говорилъ ли онъ вамъ чего-нибудь о нашемъ послѣднемъ свиданіи?

— Все говорилъ, и я, конечно, понималъ, что вы—жертва, и удивлялся, какъ вы, съ вашимъ умомъ, не можете понять этого человѣка... у него ничего нѣтъ завѣтнаго, онъ никакихъ благородныхъ чувствъ не имѣетъ...

— Я ошибалась въ немъ... онъ, я думаю, много вамъ на меня лгалъ: онъ ужасный лгунъ.

— Онъ лгунъ закоснѣлый, — подхватилъ Капринскій:—желая себя вездѣ выказать, онъ выдумываетъ и изобрѣтаетъ иногда то, чего совсѣмъ не бывало.

Бесѣда новыхъ знакомыхъ продолжалась еще часа два. Софья Николаевна замѣтно кокетничала съ Капринскимъ: она припомнила всѣ случаи, когда она его видѣла, полу-невѣрила ему, когда тотъ начиналъ ей рассказывать, какъ онъ думалъ объ ней непрерывно и какъ каждый день собирался къ ней при-

ѣхать и открыть ей истину про пріятеля. При прощаніи она напомнила ему объ мести.

Никандръ Иванычъ возвратился домой съ двумя совершенно противоположными чувствованіями: съ одной стороны, онъ былъ въ восторгѣ отъ молодой вдовы. Первый разъ въ жизни онъ имѣлъ такія лестныя и пріятныя отношенія съ одною изъ лучшихъ дамъ города. Но, съ другой стороны, она желала, чтобы онъ мстилъ Батманову: «это пустяки и рѣшительно невозможно! съ Батмановымъ опасно быть знакомымъ, а тутъ подставляй ему свой лобъ, — слуга покорный... Какія всѣ женщины фантазерки! Теперь я съ ней познакомился, это очень хорошо: ей непременно надобно растолковать, что она должна пренебречь этимъ человѣкомъ, и что, съ моей стороны, глупо рисковать на новую ссору, — это совсѣмъ не въ моемъ характерѣ. Батмановъ не кто-нибудь другой: онъ, съ перваго раза, одной своей наружностью, внушить мнѣ страхъ. Я боялся наперекоръ слово сказать ему, а теперь давай ему пощечину. Мнѣ даже въ общество, нѣкоторое время, не надобно выѣзжать, а то онъ, пожалуй, узнаетъ, что я рассказалъ про него въ нѣкоторыхъ домахъ, и опять придерется. А что она говоритъ, что онъ унижилъ меня въ глазахъ всѣхъ, — пустое! Казинъ за лошадей мнѣ больше непріятностей надѣлалъ, да прошло, давно всѣ и забыли. Жениться на ней было бы не дурно: Батмановъ справедливо ее хвалилъ, онъ знатокъ въ женщинахъ. Какъ ее можно сравнить съ Надеждой Алексѣевной? — та дрянъ противъ нея.»

VII.

Въ настоящую зиму, въ О.... были устроены, для удовольствія общества, горы, на^{мъ} которыхъ катались въ особо-остроумно-придуманныхъ небольшихъ саночкахъ. На эти саночки дамы, обыкновенно, садились, а кавалеры вставали на задокъ и имѣли возможность держаться. Вначалѣ, на горы ѣздили очень многіе, но потомъ вышло нѣсколько неприятныхъ исторій, такъ напримѣръ: подъ одной дѣвицей, на половинѣ горы, санки перевернулись, и она принуждена была скатиться внизъ головой. Другой разъ, неизвѣстно кто, въ продолженіе ночи, выкопалъ огромную яму и весьма искусно закрылъ ее сверху тонкимъ льдомъ: нѣсколько человекъ проѣхали благополучно; наконецъ, вздумалъ прокатиться Прохоровъ, человекъ почтенный, богатый и очень толстый и на бѣду еще вмѣстѣ съ женой, дамой тоже достаточно полной: ледъ не стерпѣлъ и проломился. Надобно себѣ представить удивленіе и смѣхъ зрителей, когда всеми уважаемые Прохоровы, очень хорошо катившіеся сверху, вдругъ провалились, или, лучше сказать, всеѣмъ пропали: на верху остались только резиновая галоша мужа и муфта супруги. Къ нимъ, конечно, бросились сейчасъ же, и едва ихъ вытащили; они были сконфужены и огорчены, и оба порядочно ушиблись: у самого Прохорова была разбита губа, а супруга повредила себѣ весь лѣвый бокъ. Будь это просто яма и они бы, ѣхавши, попали въ нее,— это бы еще ничего, но эта яма нарочно выкопана и, можетъ быть, собственно для нихъ была предназна-

чена, это — ужасно! Прохоровъ послѣ не могъ равнодушно вспомнить объ этомъ непріятномъ случаѣ и заклиналъ всѣхъ, кого хотя немного любилъ и уважалъ, не ѣздить на горы, потому что онѣ, по его словамъ, были какія-то мошенническія логовища. Отчасти убѣдительныя слова его, отчасти и другія происшествія сдѣлали то, что лучшая часть публики оставила совершенно горы, и на нихъ катались только на собственныхъ полушубкахъ различнаго званія и рода мальчишки; но и этихъ, обыкновенно, будочникъ всегда прогонялъ, приговаривая: «Я вамъ, черти этакіе.»

Передъ самой масляницей, пріѣхала изъ Москвы въ роднымъ нѣкая молоденькая вдова, княгиня Полина Ухванская, женщина, говорятъ, совсѣмъ львица. Въ одну недѣлю, она пріучила молодыхъ дѣвицъ и дамъ курить самыя крѣпкія папирсы и пить цѣлыми бокалами шампанское; затѣвала даже катанье тройками, съ тѣмъ, чтобы кучерами сидѣли дамы въ амазонкахъ и круглыхъ мужскихъ шляпахъ, а мужчины за дамъ, говоря, что это очень мило и оригинально, и что она щегольски править тройкою. Маленьки и мужья никакъ, впрочемъ, на это не согласились, находя, что подобное удовольствіе даже опасно для жизни. «Такъ что жъ, мы должны задыхаться въ вашихъ душныхъ лазахъ?» сказала Ухванская, топнувъ своей маленькою ножкой. — «По моему, лучше опять возобновить катанье на горахъ,» проговорилъ кто-то.

— А здѣсь есть горы? спросила княгиня: — *c'est charmant*, я безъ памяти люблю горы...

Сказано и сдѣлано: въ одинъ часъ, она подблала все молодое поколѣніе, и какъ ни вопіялъ Прохоровъ, катанье было назначено въ четвергъ. Нельзя, впро-

чемъ. сказать, чтобы съѣхавшееся въ двѣнадцать часовъ на горы общество было многочисленно, — это были: княгиня съ своею кузиною, которую она ужъ совсѣмъ съ толку сбילה; молодая дама въ почтенномъ положеніи съ мужемъ, не привыкшимъ никогда и ни въ чемъ ей отказывать; дама среднихъ лѣтъ, которой мужъ тоже ничего не запрещалъ, потому что даже не считалъ за нужное знать, гдѣ она, съ кѣмъ и что дѣлаетъ; пожилая дама съ четырьмя дочерьми, пріѣхавшая въ городъ доставить дѣтямъ удовольствіе и, главное, выдать ихъ замужъ, которая, вслѣдствіе этого, и ѣздила всюду, куда только ее пускали и гдѣ предполагала, что будутъ молодые люди; и наконецъ, гувернантка съ дѣтьми. Молодые люди были, отчасти, знакомые намъ, а именно: офицеръ, молодой человекъ въ очкахъ и еще одинъ молодой человекъ съ необыкновенно-курчавыми волосами, котораго прочіе называли Сержъ Газаевъ. Начали кататься: Ухванская въ щегольской шубкѣ, отдѣланной соболемъ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, съ папироской во рту, начала съ своею кузиною первая, и сбиралась уже скатиться седьмой разъ.

Пріѣхала Бетси, одна, безъ матери, и замѣтно разстроенная.

— Bon jour, chère Бетси, — быстро проговорила княгиня, пожимая ей руку. — Смотрите, Газаевъ, — отнеслась она къ курчавому юношѣ, сѣла въ санки, махнула хлыстомъ, свиснула и покатилась.

— Маменька ваша?... — отнеслась къ Бетси мать четырехъ дочерей.

— Она не такъ здорова, — отвѣчала Бетси.

— Я никакъ не рѣшаюсь скатиться, — проговорила

съ глубокимъ сожалѣніемъ молодая дама въ почтенномъ положеніи.

Подъѣхалъ Батмановъ; Бетси измѣнилась въ лицѣ. Михайло Матвѣичъ въ модномъ пальто, обвязанный пунцовымъ кашемиромъ, началъ взбираться по лѣстницѣ. Дама молодая, дама среднихъ лѣтъ и мать семейства, всѣ переглянулись между собой. На лицахъ всѣхъ пробѣжало неудовольствіе: мужъ молодой дамы тотчасъ сѣлъ рядомъ съ нею; мать подозвала къ себѣ всѣхъ дочерей и велѣла имъ стать ближе къ ней, говоря, что тутъ не такъ вѣтренно; Бетси одна осталась на прежнемъ мѣстѣ; Батмановъ вошелъ и слегка всѣмъ поклонился; на его поклонъ отвѣтили только мужчины и Бетси; онъ сѣлъ около нея.

— Какъ мало нужно для счастья человека! — началъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Что? — спросила Бетси, какъ бы не разслушавъ или не понявъ его словъ.

— Я сегодня всю ночь, все утро былъ такъ счастливъ, что готовъ заплатить за эти минуты полжизнию: мнѣ даже не вѣрится, и представляется, что все это сонъ.

— Отъ чего-же?

— Надеждами я мало избалованъ.

— Зачѣмъ такъ? это отъ насъ зависитъ: у меня, я не знаю, сколько надеждъ: пускай онѣ не удаются, я имъ вѣрю.

— Вы и я — два полюса.

— Зачѣмъ же вы такъ отдаляете себя: я думаю, напротивъ.

— Вы и себя и меня обманываете.

— Нѣтъ, я вѣрю въ васъ.

Въ это время, появилась Ухванская, раскраснѣвшаяся, едва переводя дыханіе отъ усталости, и опять уже приготовлялась было кататься, но замѣтила Батманова.

— Кто это?—спросила она офицера.

— Батмановъ, — здѣшній левъ, — отвѣчалъ тотъ.

— А... онъ недурень: отчего же его нигдѣ не видать?

— Его здѣсь все боятся и не принимаютъ.

— Право?... это очень мило. Поѣдемте со мной, становитесь — назадъ, сказала она, и снова усѣлась; кавалеръ помѣстился на задѣ.

— Adieu, mesdames! вскрикнула княгиня и покати-лась; но на половинѣ горы, будто ненарочно, толкнула кавалера: тотъ не устоялъ и кувыркою слетѣлъ съ горы, а она, заливаясь смѣхомъ, скатилась.

Все хохотали, даже самъ упавшій, хотя онъ немного и прихрамывалъ.

— Княгиня, просто, неудержима, — проговорилъ онъ всходя.

• Другіе члены общества начали разѣзжаться: молодая дама рѣшилась, наконецъ, прокатиться, вмѣстѣ съ мужемъ, но съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же уѣхать домой; мать семейства и дама среднихъ лѣтъ уже отправились. Главною причиною отъѣзда этихъ особъ было присутствіе Батманова, который, съ своей стороны, ни на кого не обращалъ вниманія и сидѣлъ около Бетси. Подъѣзжали еще два-три экипажа, но сидѣвшія въ нихъ дамы, посмотрѣвъ только издали, уѣзжали: причина этому была та же. Ухванская и ея кузина катались безпрестанно: послѣдняя, какъ ни старалась совладѣть съ собой, но всегда, съ половины

горы, начинала визжать, продолжая это до самого конца. Что касается до княгини, то она, по очереди, брала молодыхъ людей, ставила на задокъ своихъ саней и потомъ неожиданно сталкивала. Никто изъ нихъ не могъ удержаться, — остался одинъ только Батмановъ.

— Угодно? отнеслась къ нему княгиня. Батмановъ нехотя всталъ.

— Съ тѣмъ, чтобъ вы меня не сталкивали, — сказалъ онъ.

— Не знаю, я очень люблю сталкивать.

— А если вамъ не столкнуть меня? — произнесъ Михайло Матвѣичъ съ увѣренностью.

— Увидимъ, — отвѣчала княгиня: — вставайте.

Батмановъ подошелъ.

— Вы, должно быть, сильны, — проговорила она: — и потому должны держаться одной рукой, а другою курить... вотъ вамъ папирота.

Бетси смотрѣла на всю эту сцену съ боязливымъ участіемъ, напоминающимъ участіе средневѣковыхъ дамъ, когда тѣ присутствовали на турнирахъ, откуда ихъ возлюбленные выходили или со славою побѣдителя, или — съ безчестіемъ побѣжденнаго. Между тѣмъ Батмановъ, не отвѣчая княгинѣ, взялъ у ней папиросу и сталъ назади. Поѣхали: на половинѣ горы, Ухванская попробовала отдернуть его руку, но тщетно: рука какъ будто приросла: княгиня пыталась еще нѣсколько разъ, Батмановъ устоялъ, и, съѣхавши, подалъ дамѣ руку. — Молодые люди ему аплодировали, даже гувернантка одобрительно улыбнулась и проговорила: gut.

Бетси была въ восторгѣ, съ сіяющимъ лицомъ

встрѣтила она побѣдителя и глазами указала на прежде занимаемое имъ мѣсто. Батмановъ сѣлъ.

— У васъ просто желѣзныя руки, я свои объ нихъ всѣ изломала, — проговорила княгиня и, какъ бы съ досады, толкнула молодаго человѣка въ очахъ на гору: тотъ, конечно, никакъ не могъ удержаться, и покотился на ногахъ, но не устоялъ, и хлопнувшись на спину, прокатился, такимъ образомъ, до конца. Княгиня, ея кузина, Бетси и дѣти, вмѣстѣ съ гувернанткой, хохотали.

— Устойте, чтобы я не столкнула васъ, — сказала Ухванская, обращаясь къ Батманову.

— Нѣтъ, удержаться невозможно, а на ногахъ устою, — отвѣчалъ тотъ.

— Нельзя устоять, — замѣтилъ Газаевъ.

— Нѣтъ, устою-съ, — отвѣчалъ Батмановъ и всталъ.

— Посмотримъ, — проговорила княгиня и, насколько достало у ней силы, толкнула его. Онъ быстро покотился на ногахъ, нѣсколько времени качаясь изъ стороны въ сторону. Бетси замерла и вся превратилась въ зрѣніе. Батмановъ скатился благополучно. Аплодисментъ снова раздался.

— Это удивительно, вы молодецъ, — проговорила Ухванская: — постойте, я сама попробую скатиться на ногахъ, прибавила она, и тотчасъ же пустилась, но упала: шляпка ея свалилась, она ушибла руку, — впрочемъ ничего: встала, захохотала, и, какъ ни въ чемъ не бывало, поправивши себѣ волосы, взбѣжала на верхъ горы.

— Не могу больше, очень устала, довольно, — сказала она и сѣла. — Messieurs, — прибавила она: — мы всѣ

устали и озябли, принесите намъ шампанскаго: mesdames, я васъ не выпущу.

— Es ist mir unmöglich, проговорила гувернантка.

— Вы ступайте: дѣти намъ ненужны; они только послѣ болтаютъ. Я, кузина, Бетси, — вы останетесь, Бетси?

Бетси недоумѣвала, но Батмановъ взглянулъ на нее, и она согласилась. Офицеръ поѣхалъ за шампанскимъ.

— Мы должны, mesdames, раздѣлаться, — продолжала княгиня: м-г Батманову хочется сидѣть съ Бетси, и прекрасно — сидите; къ кузинѣ командируетесь вы — м-г въ очкахъ: вы, должно быть, ученый, любезничайте съ ней и даже можете поэкзаменовать ее, она ничего не знаетъ. Вы, Газаевъ, ко мнѣ и говорите со мной о любви.

Всѣ повиновались ей. Такимъ образомъ, Батмановъ остался опять съ Бетси вдали отъ прочихъ; княгиня громко начала допрашивать своего кавалера, сколько разъ и въ кого именно онъ былъ влюбленъ, и громко хохотала, когда тотъ не совсѣмъ впопадъ отвѣчалъ.

Кузина ей, изъ подражанія, тоже громко, говорила съ своимъ кавалеромъ что-то о любви. Батмановъ и Бетси начали разговаривать вполголоса.

— Какъ вы сильны! — сказала Бетси.

— Я силенъ, — отвѣчалъ Батмановъ.

— Я очень люблю, когда мужчина силенъ, — это ваша принадлежность.

— Вы думаете?

— Да... мужчина долженъ быть силенъ, храбръ и твердъ, — это необходимо: иначе онъ смѣшонъ...
Нравится вамъ княгиня?

— Нѣтъ.

— Почему? она очень мила.

— Слишкомъ бойка... у женщинъ тоже есть своя принадлежность — скромность.

— А что за женщина Наунова? Вы должны ее хорошо знать, — спросила нерѣшительно Бетси.

— Она очень зла.

— Неужели это правда?

— Да... теперь она подговариваетъ какихъ-то господъ затѣять со мной исторію.

— Съ вами? За что?

— Не знаю, такъ ей хочется.

— Зачѣмъ это, Батмановъ, вы дѣлаете?

— Я ничего не дѣлаю.

— Но если у васъ опять будетъ какая-нибудь непріятность?

— Изъ всѣхъ въ жизнь мою непріятностей я выходилъ благополучно... авось и¹ въ этомъ случаѣ не потеряюсь.

— Пренебрегите всѣмъ этимъ, Батмановъ, если не для себя, то для меня... — послѣднее слово Бетси произнесла почти шепотомъ.

— Извольте, я буду уступать, сколько возможно...

— Честное слово?

— Честное слово.

Явилось шампанское.

— Très bien, м-г, воскликнула Ухванская, и велѣла непременно откупорить бутылку со взрывомъ: пробка выскочила, княгиня первая подставила боваль, но вино разбушевалось и облило ее.

— Ничего, — говорила она, отряхивая платье: — я очень люблю эти пятна. За здоровье нашего пре-

краснаго общества!—произнесла она торжественно... М-г Батмановъ, какъ побѣдитель, долженъ пить первый, и непременно стаканами.

Батмановъ молча взялъ стаканъ и, не переводя духу, выпилъ его.

— Чудесно пьеть, — проговорила княгиня: — я никакъ не могу такъ скоро. М-г въ очкахъ, вы что же церемонитесь?

Подражательная кузина выпила тоже бокаль; княгиня заставила и Бетси, какъ та ни отговаривалась. Ухванская впрочемъ этимъ не удовлетворилась: она хотѣла, чтобы дамы еще выпили по бокалу. Бетси отказалась наотрѣзъ, — даже кузина совершенно не могла, и потому княгиня ограничилась тѣмъ, что налила мужчинамъ еще по стакану и себѣ бокаль.

— Не пейте, — проговорила Бетси своему кавалеру: но онъ уже выпилъ однимъ залпомъ.

— Превосходно пьеть, — воскликнула княгиня: — снѣге Бетси, перемѣнитесь кавалерами; — мой очень смиренъ.

— Я тоже смиренъ, — отвѣчалъ Батмановъ.

— Не думаю, — отвѣчала Ухванская: — но, впрочемъ, оставайтесь... Я своего, можетъ быть, какъ-нибудь одушевлею... выпейте еще вина, будете любезнѣе.

— Я теперь ужь сталъ любезенъ, — отвѣчалъ ей кавалеръ.

— О чемъ вы задумались? — спросила Бетси Батманова.

— Миѣ досадно на себя: — отъ чего я не могу быть такъ счастливъ и доволенъ собой, какъ эти господа, — отвѣчалъ онъ, указавъ глазами на прочихъ молодыхъ людей.

— Вы не должны имъ завидовать, вы выше ихъ.
Батмановъ горько улыбнулся,

— Половину жизни моей, — началъ онъ, — я прожилъ такъ... даромъ... не дѣлая ничего... и только проматывая свой умъ, сердце и состояніе... Я бѣденъ душой и средствами... Перспектива моя домотать остальное... Встрѣча съ вами, сами вы, — все это оживило меня... Были минуты, когда я начиналъ предаваться мечтамъ, начиналъ надѣяться на возможность любить и жить хоть сколько-нибудь по-человѣчески, но только это минутныя чувства — за будущее я не ручаюсь...

Весь этотъ монологъ Бетси прослушала внимательно.

— Вы для меня загадка, — сказала она.

— Не мудрено... я самъ себя не понимаю.

— Миѣ все кажется, что вы клеветеете на себя.
Батмановъ опять задумался.

— Пойдете ли вы за меня замужъ, если я къ вамъ посватаюсь? — спросилъ онъ, взглянувъ пристально на Бетси.

Она сконфузилась и проговорила тихимъ голосомъ: — исправьтесь.

— А если это невозможно, если миѣ суждено остаться на всю жизнь такимъ, каковъ я есть, — побойтесь вы сдѣлаться моей женой или нѣтъ?

— Не знаю, — отвѣчала дѣвушка.

— Mesdames, messieurs! воскликнула княгиня, вставая: — мы сегодня очень хорошо провели время... Поѣдемъ, кузина, намъ пора на блины къ Прохоровымъ... Merci за шампанское, оно очень вкусно... Adieu, Бетси.

Проговоря это, Ухванская уѣхала вмѣстѣ съ

кузиной, а за ними тронулись и другіе молодые люди. Батмановъ и Бетси сидѣли на прежнихъ мѣстахъ.

— Вы не хотите дать рѣшительнаго отвѣта на мой вопросъ? — началъ онъ.

— На этотъ вопросъ, Батмановъ, страшно отвѣчать... Мнѣ хотѣлось бы узнать васъ лучше и испытать васъ.

— Узнавайте — испытывайте... Испытаній я не боюсь, потому что упрямъ въ томъ, что задумалъ.

— Одною упрямства мало... Однако мы одни... прощайте...

— Когда жъ мы увидимся?

— Я напишу; исправьтесь, — проговорила Бетси и подала Батманову руку.

Сѣвши въ сани, она еще разъ оглянулась и кивнула ему привѣтливо головой.

Въ то время, какъ Батмановъ торжествовалъ на горахъ, Капринскій обнаружилъ ничѣмъ неизвинительную въ молодомъ человѣкѣ трусость. Въ продолженіе уже нѣсколькихъ дней, онъ сидѣлъ дома во избѣжаніе непріятной встрѣчи съ прежнимъ пріателемъ. Въ четвергъ, поутру, онъ получилъ отъ Софьи Николаевны записку, которой сначала обрадовался, но, прочитавъ, задумался.

«Сегодня катанье на горахъ, — писала Наунова, — тамъ будутъ всѣ: Батмановъ тоже будетъ съ своей Бетси. Вамъ непременно надобно дать ему теперь же урокъ. Ожидаю васъ отмстившимъ за себя и за меня.»

Нѣсколько времени Никандръ Ивановичъ ходилъ въ раздумьѣ: потомъ, торопливо раздѣлся, надѣлъ старый теплый халатъ, повязалъ голову, легъ въ

постель и велѣлъ посланнаго Софьи Николаевны позвать къ себѣ; тотъ явился. Это былъ огромнаго роста кучерь, весь заросшій черными волосами.

— Потихе, не стучи, — сказалъ Никандръ Ивановичъ слабымъ голосомъ, какимъ говорятъ тяжело-больные... — Какъ тебя, любезный, зовутъ?

— Терентій, — пробасилъ кучерь.

— Кланяйся, Терентьюшка, Софьѣ Николаевнѣ, и скажи ей, въ какомъ ты положеніи меня видѣлъ... Сегодня ночью чуть не умеръ, отвѣта написать даже не могу, ты передай ей все это... Передашь?

— Чаво-съ? — спросилъ кучерь, видно не имѣвшій способности понимать съ одного разу, что ему говорятъ.

— Можешь ли ты передать Софьѣ Николаевнѣ, что я боленъ.

— Гля-че.

— Что же ты скажешь?

— Чаво-съ?

— Ты видишь, что я теперь дѣлаю... что я теперь дѣлаю?

— Ничего ни дѣлайте.

— Не то, что ничего... я лежу... лежу я или нѣтъ?

Эти слова Никандра Ивановича почему-то показались кучеру очень смѣшны, и онъ, не церемонясь, захохоталъ.

— Знамо, что лежите, — проговорилъ онъ.

— Ну, такъ ты и скажи, что былъ у меня, я призывалъ тебя, и ты засталъ меня въ постелѣ... Другой день, братецъ, ничего не ѣмъ и не сплю...

Какъ только будетъ получше, — самъ прїѣду извиниться... Ты водку пьешь?

— Гля-че не пить.

— Ну, такъ въ другой разъ, когда придешь ко мнѣ, — я тебѣ поднесу, а теперь ступай.

Кучеръ пошелъ.

— Терентьюшка, подожди, милый, я лучше записку напишу, — крикнулъ Капринскій.

Терентій воротился и сталъ въ дверяхъ.

— Охъ, грудь стрѣляетъ... — говорилъ Никандръ Иванычъ, вставая и подходя къ письменному столу. — Ты, милый, подожди тамъ, въ прихожей, — отнесся онъ къ посланному, но тотъ стоялъ и не двигался. — Подожди въ прихожей, — повторилъ Капринскій.

Терентій, наконецъ, уразумѣлъ и вышелъ. Никандръ Иванычъ написалъ:

«Милостивая государыня,
Софья Николаевна!

«На прїятное письмо ваше съ душевнымъ прискорбіемъ долженъ васъ увѣдомить, что я, послѣ незабвеннаго свиданія съ вами, прикованъ жестокимъ воспаленіемъ во всемъ моемъ существѣ къ одру болѣзни. Не могу описать, какъ я мучусь, что не могу исполнить вашего приказанія; хотя умирающій человекъ и долженъ прощать врагамъ, но я извѣстному вамъ человекъ за его поступки съ вами не могу простить. Очень бы хорошо, если бы вы доставили мнѣ тѣ письма, которыя онъ писалъ къ вамъ, чтобы показать его у Жермаковыхъ въ настоящемъ свѣтѣ. Вы должны имъ пренебречь, потому что онъ надъ вами всегда смѣялся, а есть люди, которые съ благоговѣніемъ произносятъ ваше имя. Про-

стите изліянію моихъ чувствъ, — они невольно вылились изъ моей груди. Человѣкъ вашъ видѣлъ, въ какомъ я положеніи, и онъ вамъ скажетъ. Я теперь больной, покинутъ всѣми, и не желаю бы никого видѣть, кромѣ васъ; но на это счастіе не смѣю надѣяться.»

Отдавая посланному письмо, Никандръ Иванычъ опять улегся на постель, повторилъ снова прежнее приказаніе на словахъ и наградилъ его пятиалтыннымъ.

ГЛАВА VIII.

Неутомимая княгиня въ то же утро, которое я описывалъ, успѣла изобрѣсть еще новое удовольствіе — маскарадъ для членовъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ были въ маскахъ; но чтобы кто-нибудь не явился непринадлежащій къ обществу, то каждый пріѣзжающій долженъ былъ объявлять потихоньку свою фамилію одному почтенному и совершенно скромному старшинѣ. Это новое удовольствіе она проектировала на блинахъ у Прохоровыхъ, къ которымъ пріѣхала съ катанья. Бывшимъ тутъ дамамъ вообще понравилась эта мысль. Самъ всѣми уважаемый хозяинъ нашелъ эту затѣю болѣе приличною и пріятною, нежели катанье на горахъ. Вся бывшая у него публика единогласно избрала его въ тѣ молчаливые старшины, которому должны будутъ объявлять свои фамиліи посѣтители, а дамами взята была съ него клятва не измѣнять имъ и никому не гово-

рить ихъ именъ. Прохоровъ поблагодарилъ за сдѣланную ему честь и сказалъ, что оправдаетъ ихъ довѣріе и будетъ молчаливъ, какъ могила. Тотчасъ же были разосланы объявленія ко всѣмъ членамъ.

Амадія Петровна, получивъ эту повѣстку, встревожилась: въ маскарадѣ ей быть хотѣлось, но она съ дочерью, послѣ недавней размолвки, почти ни слова не говорила, и, наконецъ, когда и какой причинный костюмъ приготовить для себя и для Бетси въ такое короткое время? Пересиливъ себя, она позвала дочь и показала ей объявленіе. Бетси сначала прочитала его равнодушно, но потомъ обрадовалась.

— Мы поѣдемъ, маман? — спросила она.

— Я думаю, — отвѣчала мать.

— Поѣдѣте.

— Но въ чемъ же мы поѣдемъ?

— У меня костюмъ готовъ: я надѣну темное шелковое платье съ мантильей и поѣду.

— Тебя узнаютъ сейчасъ.

— Мнѣ все равно; я хочу только быть.

— Надобно придумать что-нибудь позамысловатѣе.

— Придумайте.

— Мы успѣемъ сдѣлать домино, — проговорила Амадія Петроена.

— Одинакія? — спросила Бетси.

— Зачѣмъ же одинакія? я надѣну, будто молоденькая, палевое, ты, подъ видомъ старухи, черное.

— Если мы будемъ ходить вмѣстѣ съ вами, — насъ узнаютъ.

— Отчего же узнаютъ?

— По походкѣ.

— Ты можешь отъ меня отойти, когда войдемъ въ залу.

— Я буду ходить съ Прохоровой, тогда насъ никакъ ужъ не узнаютъ.

— Хорошо, — отвѣчала мать: — я пойду готовить.

Амалия Петровна ушла; Бетси тотчасъ же написала Батманову записку:

«Вы желали меня видѣть: я сегодня буду въ маскарадѣ въ черномъ домино, на рукѣ у меня будетъ пунцовая лента; прѣзжайте, но такъ, чтобы васъ никто не узналъ; прѣзжайте попозже и не надолго, а то вы опять сочините исторію...»

Софья Николаевна, получивъ письмо Капринскаго, очень разсердилась: глаза ея опять начали наливатьсѣ кровью, но потомъ она расплакалась и легла въ постель. Принесли объявленіе о маскарадѣ, вдова тоже рѣшилась ѣхать, и, видно, имѣла для этого какую-то особенную цѣль, потому что въ ту же минуту послала свою горничную къ единственной въ городѣ портнихѣ — М-ше Сохиной, работавшей на все высшее О... общество, и велѣла узнать поподробнѣе, не присылали ли ей Жермаковы что-нибудь готовить къ маскараду для Бетси, а если присылали, то что именно. Горничная разузнала и доложила барынь, что отъ Жермаковыхъ приносили было передѣлывать изъ старыхъ платьевъ два домино: одно черное — для барышни, а другое палевое — для самой старухи, но что мадамъ только скроила, а шить не взялась, потому что она завалена работой, такъ

что теперь у ней, кромѣ своихъ ученицъ и мастерицъ, работаютъ подмастерья и нѣсколько мальчиковъ отъ знакомаго портнаго, но что, и при всемъ этомъ, врядъ ли справится къ вечеру съ заказами.

Батмановъ узналъ о маскарадѣ изъ письма Бетси. Къ нему самъ Прохоровъ запретилъ нести повѣстку. — «Это сокровище, а не женщина», говорилъ Мишель, перечитывая десять разъ записку. Но что, если, въ самомъ дѣлѣ, эти господа вздумаютъ меня не впустить? надобно будетъ сдѣлать исторію... но она этого не хочетъ.» Батмановъ рѣшился какъ-нибудь обмануть, и тотчасъ же началъ хлопотать о костюмѣ. Первоначально, онъ, подобно многимъ другимъ, отправился къ бывшему антрепренеру театра, но у того уже ничего не нашель, все было разобрано: послѣдній парикъ съ красными штанами былъ только-что отданъ кому-то за пять рублей серебромъ. Батмановъ началъ самъ сочинять нарядъ: онъ собственными руками распоролъ свой шелковый халатъ, и, съ помощію Сидора, сшилъ изъ него костюмъ — капуцина. У квартирной хозяйки были выпрошены черные шелковые чулки; туфли замѣнили башмаки; лицо свое Батмановъ предназначилъ прикрыть самодѣльною маскою изъ чернаго атласа.

Въ девять часовъ, въ маскарадъ начали съѣзжаться, а въ десятомъ зала уже была полна. Нельзя сказать, чтобы костюмы были разнообразны: изъ дамъ было очень много мышекъ и домино, а изъ мужчинъ — нѣсколько черныхъ плащей, два кучера, черкесь, красные штаны, но большая часть одѣты во фравахъ, шляпѣ и маскѣ. Одинъ только Прохоровъ стоялъ у у входа не замаскированный: къ каждой новопривз-

жей маскѣ онъ обращался съ вѣжливымъ, но серьезнымъ вопросомъ: «кто вы такіе?»—маска шептала ему на ухо свое имя; Прохоровъ, значительно улыбнувшись, протягивалъ руку по направленію къ залѣ и кланялся. Все шло хорошо; вошелъ капуцинъ.

— Ваша фамилія? — спросилъ Прохоровъ.

— Капринскій,— отвѣчала маска.

— Вы г-нъ Капринскій? — повторилъ старшина.

— Точно такъ, — отвѣчалъ пискливымъ голосомъ капуцинъ.

Прохоровъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ недоумѣнія, поклонился и протянулъ руку.

Съѣхавшіяся маски весьма интересовались другъ другомъ, каждый старался узнать кого-нибудь: подходили, заговаривали, и конечно, не-естественнымъ голосомъ, заглядывали подъ маски, осматривали даже руки, чтобы догадаться по кольцамъ. Удачны ли были догадки, или нѣтъ, но только всѣ узнаваемые кивали отрицательно головой и отходили. Одну только княгиню и ея кузину сейчасъ же всѣ узнали: первую потому, что она была неподражаемо-блистательно одѣта въ костюмъ Рогнѣды, въ которомъ она, какъ извѣстно было всему обществу, фигурировала въ одномъ изъ московскихъ маскарадовъ; кузину-же ея узнали вслѣдствіе того, что она хоть и на скорую руку, но была одѣта точь-въ-точь, какъ и княгиня, и ни на шагъ отъ нея не отходила. Черное домино, съ пунцовой лентой, ходило съ значительно-полной маской въ костюмѣ турчанки изъ персидскихъ шалей, а палевое—съ дамой въ русскомъ нарядѣ. Вошла еще дамская маска, и маска очень интересная, — въ родѣ гречанки; лицо ея было ста-

рательно закутано бѣлой вуалью. Она обошла всю залу и съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ смотрѣла на всѣ маски въ черныхъ домино; наконецъ, остановилась невдалекѣ отъ турчанки, съ которой было все то же черное домино съ пунцовой лентой на рукѣ, домино обернулось; гречанка кивнула головой и подошла къ нему.

— Bon soir, m-lle Бетси, — проговорила гречанка.

Домино покачало отрицательно головой.

— Два слова о Батмановѣ, — проговорила шепотомъ гречанка.

— Je ne vous comprends pas, — отвѣчало домино нерѣшительнымъ голосомъ.

Гречанка покачала головой.

— Сядемте здѣсь, — продолжала она, беря домино за руку, которое нѣсколько минутъ колебалось, но увидѣвъ, что турчанка въ жаркомъ объясненіи съ маской въ черномъ фракѣ, отошла и сѣла возлѣ гречанки.

Читатель, вѣроятно, догадался, что это были Бетси и Наунова.

— Я хочу васъ предостеречь, васъ жестоко обманываютъ, — сказала гречанка.

— Я не знаю, кто вы? — отвѣчала Бетси.

— Возьмите эти два письма и прочитайте въ уборной. Онъ, надняхъ, писалъ ихъ къ одной женщинѣ, — сказала Наунова и сунула двѣ записки въ руку Бетси, прибавивъ: — пойдемте со мной...

Домино и гречанка ушли изъ залы въ уборную.

Бетси тотчасъ же начала читать.

— Merci, — проговорила она, возвращая письма Софіи Николаевнѣ.

— Теперь вы узнали меня?

— Да, мерсі...

— Два слова еще: вы любите его?

— Нѣтъ.

— Скрываете: онъ вамъ нравится?

— Напротивъ, я смѣюсь надъ нимъ, — отвѣчала

Бетси.

— А я его ненавижу.

— Потому что вы его любили.

— Прежде — да, а теперь — нѣтъ. Онъ мнѣ ненавистенъ, — забудьте и вы его.

— Я никогда объ немъ и не думала.

— Не вѣрю.

Бетси ничего не отвѣчала и сѣла на диванъ.

— Adieu, — проговорила гречанка, пожала ей руку и ушла.

Молодая дѣвушка осталась одна, и долго бы, кажется, просидѣла на своемъ мѣстѣ, если бы въ уборную не явилась полная турчанка въ персидскихъ шальяхъ.

— Я сбилась съ ногъ, chère Бетси, искавши васъ: que faites-vous ici?

— Je m'arrange, отвѣчала Бетси и подала дамъ руку.

Объ онѣ вышли въ залу, въ которой уже начали танцовать.

— Угодно со мной танцовать, beau masque? — спросилъ капудинъ Бетси.

Она внимательно посмотрѣла на него, кивнула отрицательно головой и прошла далѣе.

— Чтѣ съ вами, Бетси, вы дрожите? — спросила турчанка.

— Я, должно быть, простудилась на хорахъ, — отвѣчала та.

— Ахъ, та сѣге, какъ вы неосторожны: надобно сказать Амаліи Петровнѣ...

— Ничего, не говорите, пройдетъ... Пойдемте въ тѣ комнаты, — отвѣчала Бетси, торопливо уводя турчанку изъ залы...

Въ сосѣдней комнатѣ къ нимъ подошелъ Прохоровъ съ высокимъ въ шляпѣ мужчиной, глухо-закутаннымъ въ шелковый плащъ.

— Головой парирую, что вы не узнаете, кто это? сказалъ онъ турчанкѣ.

М-ме Прохорова, — это была она, — внимательно осмотрѣла замаскированного, который молча ей поклонился.

— М-г Парузинъ, — проговорила она.

Маска покачала головой.

— Иванъ Кузмичъ!

— Ни тотъ, ни другой, — подхватилъ Прохоровъ.

— Г-нъ Розовъ, — сказала турчанка.

— Взгляните лучше на аграфъ плаща, — замѣтилъ скромный старшина.

Маска торопливо закрыла застѣжку, но м-ме Прохорова уже замѣтила: въ аграфъ былъ вставленъ огромный солитеръ, осыпанный кругомъ брильянтами.

— Ah, à présent je sais... давно ли здѣсь? — вскрикнула она.

Замаскированный продолжалъ отрицательно качать головой.

— Не скрывайтесь, знаю, и въ восторгѣ, что вижу васъ, — говорила Прохорова, подавая ему руку.

— Пойдемте, я удивлю вами другихъ, — сказалъ Прохоровъ, и увелъ маску въ залу.

Бетси, въ продолженіе всего этого разговора, не спуская глазъ, глядѣла на незнакомца.

— Кто это?—спросила она у спутницы.

— Не могу сказать.

— Je vous en prie.

— Не могу.

— Я знаю.

— Кто?

— Овцынинъ.

— Ну да.

— Я пойду его интриговать.

— Allez: знаете ли вы его тайны?

— Очень много, — отвѣчала Бетси.

Между тѣмъ, Прохоровъ отправился уже на свой постъ; плащъ стоялъ одинъ въ залѣ.

— Дайте мнѣ вашу руку, — сказала Бетси, подходя къ нему.

— Съ удовольствіемъ... но кто вы, прекрасная маска? — отвѣчалъ тотъ, подавая ей руку.

— Догадывайся... пойдемъ въ тѣ комнаты, я съ тобой хочу много говорить...

Они прошли въ диванную и сѣли.

— Давно ли ты пріѣхалъ?

— Я никуда не ѣздилъ отсюда.

— Не скрывайся, я тебя знаю, и сейчасъ же опишу тебя.

— Сдѣлайте милость...

— Ты здѣсь счастливѣе всѣхъ: ты богатъ, добръ, благороденъ.

— Вы мнѣ льстите, маска.

— Въ маскарадахъ не льстятъ, а говорятъ всегда правду... Слушай: тебя всё хвалятъ, тебя всё любятъ, но я хочу спросить тебя: ты самъ любишь?

— Я люблю всѣхъ.

— Ты не понялъ моего вопроса: я тебя спрашиваю, кто та счастливица, которую ты больше всѣхъ любишь?

— Этотъ вопросъ...

— Черезчуръ нескроменъ... ты мнѣ не хочешь довѣрить, но я сама тебѣ покажу примѣръ откровенности: хочешь узнать мою тайну?

— Очень...

— Я,— начала Бетси и остановилась: голосъ ея немного задрожалъ,— я — продолжала она,— люблю одного человѣка, но этого не знаетъ ни онъ, ни свѣтъ, ни близкіе мои, и здѣсь многіе думаютъ, что я влюблена въ другаго...

— Кто жь этому причиной?—спросилъ плащъ, или, откровеннѣе сказать, Овцынинъ, котораго начали, видимо, интересоваться слова маски.

— Я сама скрываю, меня удерживаетъ самолюбіе; мнѣ кажется, что онъ не любитъ меня: я бѣдна; не дурна собой, но и не красавица, а за нимъ ухаживаютъ всѣ, и онъ мнѣ еще ни разу не показалъ съ своей стороны никакого особаго вниманія.

— Вѣроятно это произошло отъ неувѣренности.

— Можетъ быть; но это дурно для него и для меня: теперь ему говорятъ обо мнѣ такіе люди, которые только унижаютъ меня въ его глазахъ своимъ участіемъ, — это мнѣ досадно!...

Овцынинъ конфузился.

— Я буду умолять васъ сказать мнѣ, кто вы? — проговорилъ онъ.

— Больше того, что я сказала тебѣ, ты не услышишь отъ меня: теперь твоя очередь...

Плащъ молчалъ.

— Говорите сейчасъ, или я буду раскаиваться въ своей откровенности.

— Я люблю одну дѣвушку, — началъ Овцынинъ не твердымъ голосомъ: — и давно сдѣлалъ бы предложеніе, если бы надѣялся на взаимность, ..

— Тебѣ отвѣтитъ взаимностью каждая дѣвушка. Кто она? опиши мнѣ ея наружность...

— Я не умѣю описывать, но она лучше всѣхъ, и я бы былъ очень счастливъ...

— Скажи хоть какой-нибудь одинъ признакъ ея.

— Какой же признакъ...

— Напримѣръ, брюнетка или блондинка она?

— Блондинка.

— А брюнетку ты забылъ?

— Брюнетку?!.... — повторилъ — Овцынинъ.

— Да. Наунову.

— Вы смѣтаетесь надо мной, маска.

— Ты не хочешь быть со мной вполне откровененъ, — скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, забылъ ты ее или нѣтъ?

— Забылъ.

— Прощай, не любопытствуй узнать, кто я: ты этого никогда не узнаешь; оставайся здѣсь и не преслѣдуй меня, — проговорила Бетси и оставила кавалера.

Войдя въ залу, она подошла къ Прохоровой.

— Я его ужасно заинтриговала, — сказала она. —
Je vous en conjure: cachez lui mon nom.

— Soyez tranquilles: il vous reconnaitra sans cette precaution.

— Mais je vous supplie, ne lui dites pas.

— Je ne dirai pas.

— Adieu... мы сейчас ѣдемъ... Если онъ намететъ на меня, — увѣрьте его, что меня нѣтъ въ маскарадѣ и что я больна.

Проговора эти слова, Бетси оставила турка и пошла искать мать. Ее остановилъ капуцинъ.

— Я васъ узналъ: гдѣ вы пропадали? — проговорилъ онъ.

— И я васъ узнала... Какъ вы смѣшны!...

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что вы ошиблись въ расчетѣ: Бетси не позволитъ себѣ быть вашимъ развлеченіемъ, — проговорила дѣвушка и быстро отошла.

Черезъ нѣсколько минутъ, черное домино и палевое уѣхали.

Батмановъ нѣсколько минутъ стоялъ, какъ окаменѣлый: онъ едва припомнилъ свое выраженіе въ письмѣ къ Науновой, и, по обыкновенію, сначала разсердился на Софью Николаевну, потомъ — на Бетси, а наконецъ — на всѣхъ и ушелъ въ буфетъ.

Въ маскарадѣ пріѣхала новая маска «татаринъ». Прохоровъ, по своей обязанности, сейчасъ же отнесся съ вопросомъ: «ваша фамилія?»

— Капринскій-съ, — отвѣчала маска вѣжливымъ тономъ.

Прохоровъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Капринскій уже здѣсь; вы, вѣроятно, его двойникъ, — отвѣчалъ онъ, пожимая плечами: — а потому не можете пройти.

— Помилуйте, Леонидъ Николаичъ... я Капринскій... позвольте мнѣ участвовать въ общемъ удоволь-

ствіи; я вель себя всегда прилично... послѣдній не-
пріятный случай... но вы сами знаете, что я тутъ
не виновать...

Эти слова Капринскій говорилъ уже совершенно
своимъ голосомъ: не узнать его было невозможно.

— Это дѣйствительно вы, г-нъ Капринскій, но,
стало-быть, подъ вашимъ именемъ кто-нибудь дру-
гой прошелъ; я обмануть и потому прошу васъ: вы
можете идти... Это ни на что не похоже, — про-
должалъ Прохоровъ, обращаясь къ сидѣвшимъ
около него двумъ мужскимъ маскамъ, одной очень
высокой, а другой очень толстой.— Я не знаю, что
эта молодежь себѣ позволяетъ: я напередъ увѣренъ,
что это шутка Батманова.

— Онъ здѣсь,—отвѣчала высокая маска:—сидитъ
въ буфетѣ, безъ всякаго костюма, и пьетъ.

— Но нельзя же, господа, допускать его такимъ
образомъ шутить надъ нами?

— А что съ нимъ теперь сдѣлаешь? пускай себѣ
пьетъ,—замѣтила толстая маска.

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, это невозможно,
и первый его поступокъ съ Капринскимъ былъ изъ
рукъ вонъ; но положимъ, это ужь прошло, кончено...
а сегодняшний случай... это обманъ, подлогъ...

— Я всегда говорилъ, что онъ взбалмошный че-
ловѣкъ и готовъ на всякую шалость, —проговорила
первая маска.

— Что такое, Александръ Григорычъ, шалость...
за шалость наказываютъ. Исторіи съ нимъ я заво-
дить не буду,—когда вошелъ,—будь: моя собствен-
ная вина, — что дѣлать, ошибея...

— Конечно, лучше отступить: если вы что-ни-

будь предприимете, такъ вы же проиграете; потому что ему терять нечего,—проговорилъ Иванъ Ивановичъ.

— Я полагаю, что его надобно вывести, рѣшилъ Александръ Григорьичъ.

— Нѣтъ, вывести зачѣмъ?... при этомъ выйдетъ неприятная сцена, для чего жь это; но я пойду, попрошу и васъ, и замѣчу ему!

— Нѣтъ, ужь ступайте одни, я не охотникъ съ нимъ объясняться, — возразила первая маска.

— Какъ же это такъ, господа; это дѣло общее; а вы, Иванъ Ивановичъ...

— Нѣтъ, благодарю покорно... мнѣ что за дѣло.

Прохоровъ пожалъ плечами и одинъ вошелъ въ буфетъ, гдѣ дѣйствительно увидѣлъ Батманова, который сидѣлъ близъ стола насупившись, и пилъ свой любимый глинтвейнъ.

— Мое почтеніе, г-нъ Батмановъ, — проговорилъ Прохоровъ. — Вы, кажется, приняли на себя другую фамилію?

— Что-съ?—спросилъ Батмановъ, не поднимая головы.

— Я говорю, что вами принятъ на себя псеμονимъ.

— Псеμονимъ и слова нѣтъ, а есть псевдонимъ, отвѣчалъ Батмановъ.

Прохоровъ покраснѣлъ.

— Я пришелъ не остроты говорить съ вами, но замѣтить, что вы себя ведете не совсѣмъ прилично.

— Слушаю-съ,— отвѣчалъ Батмановъ.

— Очень пріятно, что вамъ угодно меня слушать, и я долженъ вамъ еще, кромѣ этого, сказать, что на дальнѣйшее время мы примемъ, съ своей стороны, мѣры и не допустимъ себя обманывать.

— Слушаю-съ,— повторилъ опять Батмановъ.

— Опять повторяю, что мнѣ пріятно, что вы меня слушаете, тѣмъ болѣе что я уже, вѣроятно, имѣю честь въ послѣдній разъ съ вами видѣться — вамъ жить въ обществѣ неудобно.

— Слушаю-съ,—еще повторилъ Батмановъ, вставая и отдавая глубокой поклонъ Прохорову, который тоже ему поклонился, и проговоря: «до свиданія», вышелъ.

— Напѣлъ же я ему, — сказалъ онъ, входя въ залу:—ничего уже и не ствѣчалъ, а только говорилъ: «слушаю-съ». Ахъ, какой неприятный человѣкъ!... Затѣмъ, Прохоровъ подозвалъ къ себѣ лакея, выходившаго изъ буфета.

— Не велите буфетчику давать Батманову вина—слышишь? Иначе онъ потеряетъ мѣсто.

— Они ужь уѣхали домой-съ,—отвѣчалъ лакей.

— А... уѣхалъ... Вытурилъ, господа, уѣхалъ, —произнесъ Прохоровъ, обращаясь къ Ивану Ивановичу и Александру Григорьевичу.

Къ концу, маскарадъ очень одушевился: часу съ двѣнадцатаго вдругъ начали разносить, на огромныхъ подносахъ, виноградъ, мороженое, лимонадъ и прочія бальныя блага, но этого еще мало: явилось шампанское, и готовился для всѣхъ посѣтителей ужинъ.

— Что все это значить? на чей это счетъ?—спрашивала Прохорова.

— Любопытство порокъ! много будете знать, скоро состарѣетесь,—отвѣчалъ старшина.

Тайна, впрочемъ, скоро открылась: это угощалъ Овцынинъ, которому кто-то намекнулъ объ этомъ,

и онъ, по обыкновенію, съ большимъ удовольствіемъ взялся за эту мысль и тотчасъ же привелъ ее въ исполненіе. Когда было подано шампанское, — къ нему подошла м-ше Прохорова.

— Ваше, mon ami, здоровье, — сказала она: — теперь мы васъ не выпустимъ изъ города.

— Благодарю васъ: кто съ вами давеча стояла маска, скажите, Бога ради?

— А... я знала, что это васъ заинтересуетъ, — неужели же вамъ сердце не говорить, кто?...

— Я не смѣю догадываться...

— Однако догадываетесь; у меня давно была эта мысль, но я только сегодня кое-что замѣтила между вами, — увѣряю васъ, — это дѣлаетъ честь вашей скромности... Я такъ рада за нее какъ за родную дочь; и васъ можно поздравить, и вы не ошиблись въ выборѣ. У меня правило въ жизни: образованные и богатые люди должны жениться на образованныхъ и бѣдныхъ дѣвушкахъ, — говорила м-ше Прохорова, ходя взадъ и впередъ съ Овцынинымъ, который слушалъ ее внимательно.

— Исполните ли вы мое правило? — спросила она рѣшительно.

— Непремѣнно-съ.

— А когда?

— Завтра же.

— Безподобно.

Гречанка уѣхала домой, какъ только переговорила съ Бетси въ уборной.

Войдя въ свою спальню, Софья Николаевна скорѣе сорвала съ себя прекрасный костюмъ, чѣмъ сняла его, и бросилась въ кресла. Она была очень раз-

строена и нѣсколько минутъ, какъ бы стараясь пере-силить себя, удерживала дыханіе, но потомъ зарыдала. Прибѣжала горничная и подошла къ ней; молодая вдова обняла ее и продолжала рыдать

— Софья Николаевна, — перестаньте, сударыня, — говорила горничная.

— Аннушка, я все еще его люблю...

— Они сами въ васъ очень влюблены.

— Кто влюбленъ?

— Михайло Матвѣичъ.

— Кто, Батмановъ! — вдова захохотала страшнымъ смѣхомъ. — Онъ влюбленъ въ меня? ахъ, какъ я ненавижу его!... я задушила бы его своими руками, Аннушка.

— Какъ это, Софья Николаевна, что это вы изволите говорить! — бормотала горничная.

— Влюбленъ въ меня? — продолжала вдова... Онъ смѣялся надо мной, онъ дурачилъ меня, онъ говоритъ, что ему стыдно на мнѣ жениться, и я выслушала это съ моимъ самолюбіемъ равнодушно.

— Онъ, можетъ быть, самъ тоже разсердившись сказалъ это.

— А теперь онъ, разсердившись, влюбленъ въ другую?... Ахъ, какъ я его ненавижу!.. мнѣ тошно, мнѣ грустно, Аннушка... я не знаю, что со мной, мнѣ умереть хочется... А я любила его, очень любила, и одного только его въ цѣломъ мірѣ... За что же онъ меня не любитъ? Неужели я хуже его дрянной Бетси? Я бѣдна, а она развѣ богаче меня?

— Напишите, барыня, къ нему записочку!

— Никогда... довольно я унижалась... Пусть онъ цѣлый годъ вымаливаетъ у меня прощеніе, и тогда

я его не прощу, или нѣтъ... я бы его сейчасъ же простила... я до сихъ поръ люблю его...

— Вы бы къ папенькѣ съѣздили, Софья Николаевна.

— Не смѣю... онъ сердитъ на меня; онъ считаетъ меня погибшей, онъ прокликаетъ теперь меня, — говорила Софья Николаевна... Отчего я, Аннушка, продолжала она рыдая: — такъ несчастлива? Меня никто здѣсь не любитъ: былъ ли хоть одинъ человекъ, который бы посовѣтовалъ мнѣ, предостерегъ бы меня, — я одна и все одна... Кто пожалѣетъ теперь меня, когда я погублю себя, а я погублю себя, я теперь выйду за Капринскаго.

— Нѣтъ, барыня, не ходите, онъ очень нехорошъ изъ себя.

— Хоть бы онъ былъ чудовище, это все равно; но я хочу досадить Батманову. Онъ думаетъ, что я умираю отъ любви къ нему... ошибается... не отговаривай меня, ты не знаешь, сколько я страдала отъ этого человека, и думала, что онъ вознаградитъ всѣ мои мученія... Онъ долженъ былъ это сдѣлать, а ему только смѣшно. Поди, ложись спать, ты счастливѣе меня.

— Позвольте-съ, я завтра къ нимъ схожу... можетъ быть, они мнѣ что-нибудь и скажутъ.

— Не смѣй этого дѣлать... между нами теперь все кончено... я сказала себѣ это одинъ разъ навсегда, и исполню мое слово.

Софья Николаевна всю почти ночь проговорила съ своей горничной, принимаясь нѣсколько разъ плакать, и всѣ слова ея, какъ и вышеизложенныя, были исполнены чувства, но лишены всякой послѣдовательности.

Амалія Петровна едва только проснулась на другой день, какъ ей доложили, что пріѣхалъ управляющій. Она даже встревожилась и тотчасъ вышла въ свой кабинетъ. Дозоринъ былъ уже тамъ.

— Ты здѣсь, Егоръ Ѡмичъ? — спросила Амалія Петровна.

— Здѣсь, ваше высокородіе, по самымъ экстреннымъ дѣламъ, — отвѣчалъ съ усмѣшкой Дозоринъ, подавая госпожѣ письмо, которое она начала читать, но не окончила, по внутреннему волненію.

— Неужели это правда? — проговорила она.

— Собственная ихъ рука, ваше высокородіе, — отвѣчалъ управляющій: сегодня ночью прибывъ, я поутру былъ у нихъ, удостоился видѣть лично Семена Прокофьевича: они говорили со мной откровенно и вручили письмо.

— Какъ это странно! — проговорила Амалія Петровна.

— Ничего, ваше высокородіе, дѣло рукъ человѣческихъ.

— Но какимъ же образомъ онъ ужъ вдругъ?

— Черезъ лакеевъ все обдѣлалось, черезъ лакеевъ.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать?

— Объявить Лизаветѣ Дмитревнѣ...

— А если она не захочетъ и не послушаетъ меня?

— Надобно имъ надлежащее внушеніе сдѣлать, не маленькія, — разсудить могутъ.

— Что же я буду говорить?

— Вамъ надобно приказать, а не то что говорить: между родителями и дѣтьми разговоры пустое дѣло... Я, ваше высокородіе, своихъ трехъ дѣвочекъ выдалъ:

пикнуть у меня не смѣли, а теперь, слава Богу, живутъ, не смѣшатъ людей.

— Поди, скажи, чтобы ее позвали ко мнѣ.

— Желаю успѣха вашему высокородію, — проговорилъ Дозоринъ и вышелъ.

Вошла Бетси. Амалія Петровна приняла на себя холодную физіономію.

— Ты давно проснулась?

— Давно... я дурно спала.

— Я сейчасъ получила письмо отъ Овцынина.

Бетси вспыхнула.

— Онъ пишетъ на счетъ тебя: прочти.

Бетси машинально взяла письмо, прочитала, и опять положила передъ матерью.

— Что же мы будемъ отвѣчать?

— Я согласна, — отвѣчала Бетси.

Амалія Петровна посмотрѣла на дочь съ удивленіемъ.

— Ты согласна? — спросила она.

— Да.

— Онъ тебѣ нравится?

— Странный, мамаша, вашъ вопросъ... конечно, нравится.

Амалія Петровна недоумѣвала.

— Какъ же Батмановъ? Онъ будетъ въ отчаяніи.

— Съ чего это вы все думаете, — Батмановъ: я прошу васъ хоть въ эти минуты не произносить его имени, — мнѣ это очень непріятно.

— Я готова не только въ эти минуты, но всю жизнь мою не произносить его имени.

Бетси ушла.

Вошелъ опять управитель.

— Она согласна, — сказала Амалія Петровна.

Исполненіе вождельннаго желанія, кажется, не столько обрадовало, сколько испугало и удивило ее.

— Они будутъ ждать отвѣта, — сказалъ Дозоринъ.

— Сейчасъ напишу, — отвѣчала Амалія Петровна и написала.

— Встревожились, ваше высокородіе, — проговорилъ Дозоринъ.

— Да, — отвѣчала Амалія Петровна... — Хорошо ли мы дѣлаемъ?

— Хорошо, ваше высокородіе, вы теперь, по материнскимъ вашимъ чувствамъ, изволите беспокоиться, а ничего... себя-то вы, ваше высокородіе, навсегда успокоите.

— А если онъ меня не будетъ уважать.

— Кого же ему, ваше высокородіе, послѣ этого уважать, какъ не васъ! Онъ мнѣ лично сказалъ: «я, Егоръ Ѳомичъ, желаю не столько жениться на Лизаветѣ Дмитревнѣ, сколько породниться съ Амаліей Петровной». Онъ человекъ не хитрый и, можно сказать, добрый. Я голову на плаху вкладу, если онъ не выкупитъ ваше имѣніе; вамъ стоитъ только слово сказать: примѣры были передъ глазами, — кому онъ не давалъ денегъ!... смиренный да богобоязливый только не обиралъ его.

— Хорошо, если твое пророчество сбудется.

— Сбудется, мои всѣ слова сбываются; такая ужь легкая рука.

— Ты о состояніи моемъ ничего тамъ не говорилъ?

— Зачѣмъ говорить... и не спрашиваетъ никто.

— Ну, а деньги на свадьбу?

— Денегъ вамъ горы привезу: не забудьте вы меня, а я объ васъ на всякъ часъ думаю.

— Ступай.

Управитель отправился.

Г Л А В А IX.

Однажды, — это было уже въ Москвѣ, — часу въ одиннадцатомъ вечера, въ будуарѣ княгини Ухванской, съ которой мы познакомились въ О..., сидѣло нѣсколько мужчинъ. Будуаръ этотъ былъ верхъ вкуса, комфорта и роскоши: различныя украшенія и мебель были такъ разнообразны, такъ затѣйливо, такъ умно придуманы, въ такомъ красивомъ безпорядкѣ разставлены, что, кажется, въ полгода изученія невозможно было бы всего запомнить. Сама хозяйка полулежала на какомъ-то фантастически-изогнутомъ диванѣ. Она, на этотъ разъ, была какъ-то не такъ беззаботно весела, какъ въ наше первое свиданіе съ нею въ О... Въ лицѣ ея замѣтны были утомленіе и скука. Гости ея были: гусарскій офицеръ, высокій и стройный, который ближе всѣхъ сидѣлъ къ княгинѣ и даже облокачивался на одну съ ней подушку: онъ былъ ея кузенъ въ третьемъ колѣнѣ и вмѣстѣ съ нею воспитывался. Противъ княгини помѣщался мужчина пожилыхъ лѣтъ, котораго она называла барономъ, и который къ прочимъ гостямъ относился съ какимъ-то обязательнымъ тономъ и, выраженіемъ своего лица, какъ бы говорилъ имъ: «я, господа, не вы». Рядомъ съ нимъ сидѣлъ моло-

дой человекъ въ глухозастегнутомъ фракѣ и очень похожій на пуританина: онъ мало говорилъ, но болѣе всматривался и вслушивался; позади его и вдали отъ всѣхъ, прислонясь къ колоннѣ, стоялъ Батмановъ: одѣтъ онъ былъ съ явной замашкой на льва. Въ настоящую минуту, онъ ни на кого не обращалъ вниманія и любовался висѣвшею противъ него картиною. Лицо его было мрачно, чему еще болѣе способствовали окончательно запущенные борода и усы.

— Что вы такъ задумчивы, Батмановъ?—спросила княгиня, обращаясь къ нему.

— Я смотрю на картину, — отвѣчалъ онъ.

— Женщины всегда интересуются знать, о чемъ мужчина задумается,—замѣтилъ съ улыбкой баронъ.

— Онѣ думаютъ, что весь родъ человѣческой задумывается объ нихъ, — подхватилъ гусаръ.

— Да — я поэтому и спросила, — отвѣчала княгиня...—Вы не имѣете никакихъ извѣстій о Бетси?—отнеслась она опять къ Батманову.

Онъ улыбнулся.

— Я хотѣлъ спросить васъ.

— Она замужемъ... чудо какая милая дѣвушка... Ты, Симонъ, непременно бы влюбился въ нее... вы ее должны знать, баронъ: *c'est la fille de madame Germakoff*.

— Ah... vraiment, j'étais bien connu avec sa mère... elle était encore toute petite alors,—проговорилъ тотъ.

— Oui, c'est elle...—подхватила княгиня и опять обратилась къ Михайлу Матвѣичу:— васъ не мучитъ, Батмановъ, совѣсть?

Онъ молчалъ.

— А, еще позвольте, — m-me Фаунова?... Лау-

нова?... Вы знаете, что она чуть было замужъ не вышла.—Батмановъ только посмотрѣлъ на княгиню.

— Да какъ же! За вашего же пріятеля Капринскаго; поѣхала уже съ нимъ даже куда-то въ одномъ экипажѣ, но потомъ вдругъ что-то разсердилась на него, и высадила его на дорогѣ, такъ что онъ верстъ десять долженъ былъ пѣшкомъ идти... но и все-таки вы во всемъ этомъ виноваты.

Батмановъ усмѣхнулся.

— Вы, княгиня, такъ хорошо прислушались ко всѣмъ О-мъ сплетнямъ, что приписываете даже мнѣ то, чего я и самъ не знаю.

— Ахъ, Боже, Боже мой, вы не знаете. Нѣтъ, Батмановъ, вы ужасный человѣкъ! я все расскажу Ивинскому и онъ что-нибудь намъ напишетъ... Что вы такое пишете, драмы или романы? — продолжала она, обращаясь къ молодому человѣку въ глухо-застегнутомъ фракѣ.

— Я ничего не пишу, княгиня,—отвѣчалъ тотъ.

— Скрываетъ, ma bonne cousine, пишетъ, каждое утро пишетъ, — замѣтилъ гусарь.

— Ну, да это ничего: пишете ли вы, или нѣтъ, но все-таки должны написать романъ изъ жизни Батманова... Начните съ того, какъ онъ погубилъ двухъ молоденькихъ женщинъ, и потомъ хотѣлъ даже погубить третью, но та еще ему не дается...

— Всѣмъ вашимъ романамъ, началъ Батмановъ, обращаясь къ Ивинскому:—которые вы будете писать по свѣдѣніямъ княгини, смѣло можете дать заглавіе: «сплетни».

Хозяйка покачала головой.

— Если княгиня говоритъ,—вмѣшался пожилой

мужчина, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:—то, вѣроятно, знаетъ истинныя событія вашей жизни, и для васъ это, должно быть, лестно...

— Событія вашей жизни, баронъ, занимательнѣе, чѣмъ мои, — возразилъ Батмановъ...— Вы очень хорошо, я полагаю, можете написать драму изъ семейной жизни...

— Вы болѣе современный человѣкъ и потому должны болѣе нравиться публикѣ своими приключеніями,—проговорилъ нехотя баронъ, и отвернулся отъ Батманова...—Будутъ нынче публичныя лекціи?—отнесся онъ къ Ивинскому.

— Непремѣнно: онѣ уже объявлены, отвѣчалъ тотъ.

— Развеселитесь, Батмановъ, что вы все тамъ стоите? — отнеслась къ нему княгиня: — подите и сядьте сюда поближе, полноте сердиться!

— Я не сержусь, а тоскую, княгиня, — отвѣчалъ Батмановъ.

— О чемъ?

— О Москвѣ и объ васъ...

— Это какъ?

— На дняхъ я ѣду въ Сибирь.

— Въ Сибирь? надолго ли?

— Самъ не знаю.

— И даже не знаете, на долго ли... желаю вамъ...

— Кузина, упроси отца, чтобы онъ отпустилъ меня въ Пятигорскъ, — проговорилъ гусарь.

— Тебя?!... зачѣмъ?...

— Нужно... а зачѣмъ сама ѣздила?

— Я больна была.

— Я самъ тоже боленъ...

Батмановъ уѣхалъ раньше всѣхъ. Передъ отъ-

вздомъ хозяйка подала ему руку и проговорила: «уже совсѣмъ?»

— Совсѣмъ,— отвѣчалъ онъ и, слегка кивнувъ головой всѣмъ прочимъ, ушелъ.

По уходѣ его, всѣ пересмѣхнулись.

— Какъ мы жестоко шутили надъ молодымъ человѣкомъ!— началъ баронъ:— а это все вы, княгиня, виноваты.

— Онъ мнѣ очень надоелъ, ужасно дерзокъ... каждый день дежурить у меня часа по три, по четыре, и вздумалъ еще письма писать...

— Въ какомъ же родѣ, княгиня?— спросилъ Ивинскій.

— Я и сама не понимаю, въ какомъ... какъ будто бы предложеніе дѣлаетъ...

— Вы, кузина, влюблены другъ въ друга,— замѣтилъ гусаръ.

— Перестань болтать, я на него просто зла: онъ очень дерзокъ, я видѣла его всего одинъ разъ въ О.... на горахъ... вдругъ является здѣсь... разъ... два... и, наконецъ, каждый день...

— Интересно знать, что онъ пишетъ къ вамъ?— спросилъ оиать Ивинскій.

— Не помню хорошенько выражений... только очень глупо: я прочтала и тотчасъ изорвала.

— Что же васъ такъ особенно оскорбило, княгиня?— спросилъ пожилой мужчина.

— Предложеніе, баронъ: какой же онъ мнѣ женихъ, и что я ему за невѣста?

Баронъ усмѣхнулся.

— Эти господа больше смѣшны, чѣмъ досадны,— замѣтилъ онъ.

— Ужасно... какіе онъ мнѣ пресмѣшныя и непонятныя стихи сочинилъ — ужась, взялъ у меня потихоньку альбомъ, я почти не знала, и вдругъ приносить съ своими стихами, и говорить, что только съ нынѣшняго года, и то по моей милости, овладѣлъ имъ демонъ стихотворства; я вамъ покажу ихъ. М-г Ивинскій, потрудитесь подать со стола альбомъ.— Ивинскій подалъ; книгиня развернула и возвратила ему.— Читайте,—проговорила она, и читайте съ чувствомъ, вы сами поэтъ. — Ивинскій началъ:

День вечерѣлъ.... въ густой изъ липъ аллеѣ,
 Они въ условный часъ свиданія сошлись:
 Онъ былъ угрюмъ, она грустна, и вотъ блѣднѣя,
 И горькими, навзрыдь, слезами залившись,
 Она произнесла признанье роковое,
 И взоръ робѣющей участія молилъ:
 Напрасны слезы — молчанье гробовое
 Жестокій другъ упорно сохранилъ;
 Лишь только на его устахъ полуоткрытыхъ
 Улыбка странная скользнула, какъ змѣя,
 Но чувствъ, но думъ, глубоко скрытыхъ
 Въ душѣ его, по ней узнать было нельзя...
 И то вопросъ, кто болѣе страдалъ межъ ими,
 Она ли, бѣдная въ волненіи и въ слезахъ,
 Или спокойный онъ, съ страданьями иѣмыми,
 Съ улыбкой странною на пепельныхъ устахъ.

— Стихи дурны, тяжелы и неправильны, но мысль есть, и мысль известной школы,—проговорилъ онъ, кончивъ чтеніе.

— Не мучьте вы, Бога ради, меня вашими школами: стихи глупы и смѣшны; въ альбомахъ, обыкновенно, пишутся мадригалы.

— Въѣкъ мадригаловъ, княгиня, давно прошелъ, — замѣтилъ Ивинскій.

— Я совершенно согласенъ съ княгинею, — сказалъ баронъ.

— Мнѣ очень нравится: онъ, она, горькія слезы, пепельныя уста и змѣиная улыбка — безподобно! — сказалъ гусарь и захохоталъ.

Княгиня, наконецъ, объявила, что ей ужасно надоѣло говорить о Батмановѣ, и потому разговоръ склонился на другіе предметы. Ивинскій уѣхалъ ранѣе прочихъ.

Объ немъ тоже было произнесено нѣсколько замѣчаній.

— Что такое молодой Ивинскій пишетъ? — сказалъ баронъ: — здѣсь его называютъ ученымъ и литераторомъ, и я тоже называю, но рѣшительно не знаю, что онъ такое написалъ.

— Этого никто не знаетъ, — отвѣчалъ гусарь: — ему отецъ запрещаетъ выставлять свою фамилію; онъ, говорятъ, удивительно знаетъ философію.

— Задушили вы меня, господа, съ вашей литературой и философіей, давайте лучше сплетничать... что Мезеричъ совсѣмъ разошлась съ мужемъ?

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ, — отвѣчалъ баронъ, — но въ очень двусмысленномъ положеніи: она живетъ вверху, а онъ внизу.

— Ты, Симонъ, ухаживаешь еще за ней? — обратилась княгиня къ гусару.

— Нѣтъ, пересталъ, ее нигдѣ не видать...

— Bonne nuit, princesse, — проговорилъ баронъ, вставая.

— Adieu, не забывайте... поцѣлуйте за меня баронессу.

— Она сама хотѣла сегодня непременно быть у васъ, но занемогла,—отвѣчалъ баронъ и раскланялся.

— Солгаль,—проговорила хозяйка, по уходѣ его: —баронесса меня ненавидитъ и ревнуетъ; если только узнаетъ, что онъ былъ у меня сегодня, то ему сейчасъ же будетъ расправа.

— Неужели правда, что она его такъ держитъ подъ башмакомъ? — спросилъ cousin.

— Какъ ребенка.

— Я завтра же ей скажу.

— Скажи, пускай она намочетъ ему голову, онъ мнѣ наскучилъ.

Гусарь всталъ.

— Когда вы, кузина, въ меня влюбитесь?

— Когда самъ будешь отъ меня безъ ума.

— Я и то безъ ума.

— Обманываешь. Прощай, я спать хочу.— Она подала ему руку, которую тотъ поцѣловалъ и ушелъ.

Года черезъ полтора Батмановъ сдѣлался кореннымъ сибирякомъ. Онъ управляетъ дѣлами одной пожилой и очень богатой вдовы купчихи, живетъ у нея въ домѣ, ходитъ весь залитой въ брилліантахъ, носить черкесское платье, ѣздитъ по городу на кровныхъ рысаканъ и поитъ общество на-убой шампанскимъ.

Чѣмъ, подумаешь, не разрѣшалось русское разочарованіе!

1853.

Іюня 18.

<http://rcin.org.pl>

Писемскій. Сочиненія. Т. III.

19

ЛѢШІЙ.

(РАЗСКАЗЪ ИСПРАВНИКА.)

I.

Я былъ командированъ для производства одного уголовного слѣдствія въ Ковинскій *) уѣздъ вмѣстѣ съ тамошнимъ исправникомъ, котораго лично не зналъ, но слышалъ о немъ много хорошаго: всѣ почти говорили, что онъ очень добрый человѣкъ и распорядительный исправникъ, сверхъ того большій говорунъ и великій мастеръ представлять, какъ мужики и бабы говорятъ. Получивъ общее съ нимъ порученіе, я хотѣлъ самъ за нимъ ѣхать въ Ковинъ, но онъ меня предупредилъ и дожидался уже въ усадьбѣ Марковѣ, которая стоитъ на самомъ поворотѣ съ ковинскаго торговаго тракта на проселокъ, ведущій къ мѣсту нашего назначенія.

Только-что я вышелъ изъ повозки, онъ подошелъ ко мнѣ и проговорилъ оффиціальнымъ голосомъ:

---

*) Названіе вымышленное.

— Честь имѣю представиться: кокинскій земскій исправникъ.

Онъ былъ уже человекъ пожилой, но еще бодрый свѣжій и вообще имѣлъ наружность пріятную и умную. За его служебную вѣжливость, на которую, впрочемъ, давали мнѣ нѣкоторое право наши служебныя отношенія, я поспѣшилъ отвѣтить ему тѣмъ же и взаимно представился, чѣмъ онъ остался съ своей стороны кажется весьма доволенъ. Я спросилъ его, когда мы выѣзжаемъ.

— Я думаю, сейчасъ же: зачѣмъ золотое время терять!—отвѣчалъ онъ и тутъ же распорядился—мнѣ объ обывательскихъ, а себѣ велѣлъ закладывать свой тарантасъ.

Въ ожиданіи лошадей, мы сѣли съ нимъ на прилавокъ около избы.

— Давно вы служите?—началъ я.

— Давненько-съ... по вниманію дворянства, выбираюсь три трехлѣтія и второе шестилѣтіе.

— Хлопотлива ваша служба?

— Но безъ того-съ... привычка; сначала, когда поступилъ, такъ очень было дико: только-что вышелъ изъ военной службы, никого, ничего не знаю; первое время надъ бумагами покорпѣлъ, а тутъ, какъ пооглядѣлся, такъ понялъ, что, сидя въ судѣ, многого не сдѣлаешь, и маршъ въ уѣздъ, да съ тѣхъ поръ все и ѣзжу.

— А судъ какъ же?

— Въ судѣ что-съ? Всѣ эти суды, я вамъ доложу, пустое дѣло; ежели по правдѣ теперь сказать, такъ вѣдь только мы, маленькіе чиновники, которые по улицамъ-то вотъ <http://ain.org.pl> проселкамъ ѣз-

димъ,— дѣло-то и дѣлаемъ-съ, а прочіе только вѣдь и есть что предписываютъ, — повѣрьте, что такъ!

Пока мы разговаривали такимъ образомъ, около насъ собралась толпа мальчишекъ, Маленькій, худощавый, со включенными волосами, горбунъ притащилъ съ ведро величины дегтярницу и силлся на жерди поднять задокъ моей брички.

— Перестань, косолапый; достатки хребетъ сломаешь!— крикнулъ исправникъ.

— Ничаво, кормилецъ: може и смогу, —отвѣчалъ тотъ.

— Перестань, надорвешься!—крикнулъ опять исправникъ.— Матвѣй! смажь бричку. Гдѣ этому хрычу возиться тутъ!—сказалъ онъ хлопотавшему около тарантаса своему кучеру, парню лѣтъ двадцати-пяти, съ намавленной головою, въ красной рубашкѣ, въ плисовыхъ штанахъ и съ мѣдною сережкой въ ухѣ.

Матвѣй подошелъ.

— Что, дядя, видно, это не кузовья таскать? а на спинѣ, кажись, и подкладка есть... Не замай, пусть,—сказалъ онъ и молодцовато поднялъ задокъ брички, поставилъ дугу подъ жердь, однимъ взмахомъ руки сдернулъ колесо и началъ мазать.

— Здоровъ, паря,—проговорилъ горбунъ, глядя съ удовольствіемъ на кучера.

— Эй ты, горбатка! тройка, что ли, у тебя завелась? извозничать, что ли, началъ?—спросилъ его исправникъ.

— Нѣту-тка, сударь. Какая тройка! всего двѣ: одна-то кобылка, а другой меринокъ — почестъ-что жеребенокъ; всего весною три годка минуло.

— А третья чья же?

— Третья отъ дяди Захара пойдетъ.

— По охотѣ, что ли, везете?

— Какое, родимый, по охотѣ: время рабочее, самъ знаешь... какое по охотѣ!... отъ Егора Парменыча приказъ былъ, меня и Захара нарядилъ... какое ужъ по охотѣ!

— А Егоръ Парменовъ дома?

— Дома-тка, надо быть: дома утресь былъ.

— Для чего же барскими лошадьми не справляютъ подводъ: баринъ это разрѣшилъ, я вамъ толковалъ.

— Ты-то, кормилецъ, толковалъ, да гдѣ! все мы справляемъ.

Исправникъ нахмурился.

— Вы не повѣрите, сколько у меня битвы съ этими управителями. Только пладятъ себѣ въ карманъ; а чтобы барину угодить, такъ ѣдетъ на мужикѣ, — отнесся онъ ко мнѣ и потомъ крикнулъ: — Оедька!

Одинъ изъ мальчиковъ, повыше и поумнѣ лицомъ, подошелъ.

— Поди, позови ко мнѣ управителя. Знаешь, гдѣ онъ?

— Знаю, — отвѣчалъ мальчикъ.

— А гдѣ?

— Во хлигелѣ, — чай, поди, во хлигелѣ пьеть.

— Ну, такъ ступай и позови его сюда... валяй!

Мальчишка побѣжалъ вприскокку; за нимъ побѣжали двое и еще двое; осталась только лѣтъ трехъ дѣвчонка, которая заревѣла во все горло, приговаривая: «ушелъ, нянька ушелъ».

— А кто здѣсь управитель? — спросилъ я.

— Здѣсь управитель персона важная-съ, — отвѣчалъ исправникъ: — бывший камердинеръ господина и

вступившій въ законный бракъ съ мамзелью, исправлявшей нѣкоторое время при баринѣ должность мадамы, а потомъ прибылъ сюда отращивать себѣ брюхо и набивать карманъ; не знаю, чѣмъ кончится, я его поймалъ на одну штуку — кажется, что сломя ему голову. Не могу, сударь, видѣть этого лакейства, особенно когда они въ управители попадутъ.

— Стало-быть, вы думаете, что бурмистры изъ мужиковъ лучше? — замѣтилъ я.

— Невпримѣръ лучше-съ, — отвѣчалъ исправникъ: — я, скажу вамъ, наблюдалъ надъ этимъ много. Конечно, и изъ нихъ есть плуты, особенно который ужъ много силы заберетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы возьмите, сколько у него противъ лакея преимуществъ: хозяйственную часть онъ знаетъ во сто разъ основательнѣе, и какъ самъ мужикъ, такъ все-таки мужицкую нужду испыталъ, слѣдовательно большепосовѣстится обидѣть какого-нибудь бѣдняка; потомъ-съ: уваженья въ немъ больше, потому что никогда не былъ къ барину такъ приближенъ, какъ какой-нибудь лакей, который господина, можетъ быть, до послѣдней косточки вызналъ, — и, наконецъ, главное — нравственность! Я вамъ прямо скажу: всѣ эти господа камердинеры, дворецкіе, они съ малыхъ лѣтъ живутъ на свободѣ, въ городѣ, а городъ — баловникъ для людей; въ деревнѣ чего бы и въ голову не пришло, а тутъ какъ разъ научать. Онъ и трубку курить, и въ карты играть охотникъ, и шампанское пить умѣетъ: и выходитъ поэтому, что толку-то на дѣлѣ нѣтъ, а только форсъ держать, да еще какой, посмотрѣли бы вы! Ни одинъ господинъ не рѣшится надъ мужикомъ такъ валяничать, какъ ло-

маются эти молодцы. Я многимъ изъ нихъ пошибалъ головы.

— Какимъ же образомъ вы принимаете участіе въ ихъ управленіи?

— Да и самъ ужь не знаю, какъ это вышло: по службѣ-то, вѣдь, безпрестанно сталкиваешься съ этими молодцами, и я, какъ бывало прежніе исправники, не сближаюсь съ ними, а вхожу прямо въ переписку съ барамн и такой своей манерой добился теперь до того, что на всѣ почти имѣнія имѣю довѣренныя письма: и если я теперь какія-нибудь распоряженія дѣлаю, мнѣ никто изъ нихъ не тенеть въ зубы: «барину напишу,» — врешь! я первый напишу.

— Вамъ, я думаю, и всѣ помѣщики благодарны?

— Ну, не всѣ-съ. Впрочемъ, — продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: — многія важныя особы, когда сюда пріѣзжаютъ, со мной знакомятся, ласкаютъ меня, благодарятъ... Я даже, милостивый государь, имѣю нѣсколько собственноручныхъ писемъ отъ князя Дмитрія Владимірыча, бывшаго московскаго генераль-губернатора, удостоился потомъ чести быть лично съ нимъ знакомымъ и пользовался ихъ покровительствомъ. Чего жъ мнѣ больше? Я быюсь не такъ, чтобы ужь особенно изъ-за денегъ. Дѣти у меня, благодаря Бога и по милости этого моего хорошаго знакомства, всѣ ужь пристроены, на своихъ мѣстахъ, и не только что отъ меня ничего не требуютъ, но еще мнѣ же помогаютъ. Если вамъ откровенно сказать, такъ я и служу больше по привычкѣ; силы еще есть, начальству, вижу, пріятна моя служба, потому что, кто ни будетъ на моемъ мѣстѣ, другой, неопытный, такъ невдругъ еще привыкнетъ; на первыхъ порахъ, какъ

бейся, а того не сдѣлаетъ, что я... Привычка-съ!... Вонъ катитъ, полюбуйтеся: какой гогъ-магогъ,— заключилъ исправникъ, указывая глазами на идущаго управителя, который съ перваго же взгляда давалъ въ себѣ узнать растолстѣвшаго лакея: лицо сальное, охваченное бакенбардами, глаза маленькіе, черные и безпрестанно бѣгающіе, надъ которыми шли густыя брови, сросшіяся на переносѣ. Одѣтъ онъ былъ презентабельно и, какъ требовало время года, совершенно по-лѣтнему: въ сѣромъ казинетовомъ пальто, въ пике-жилетѣ, при часахъ и золотой дѣпочкѣ, съ золотымъ перстнемъ на грязной рукѣ и въ соломенной шляпѣ, которую онъ, подойдя къ намъ, приподнялъ и расшаркался.

— Приказаніе получилъ явиться къ вамъ!—отнесся онъ къ исправнику.

— Здравствуйте, батюшка Егоръ Парменычъ! по-видаться съ вами захотѣлось; сами вы ужъ заспѣсивѣлись и глазъ не кажете,—отвѣчалъ исправникъ.

Управитель переступилъ съ ноги на ногу.

— Сбирался еще до присыла вашего, да такъ полагаю, зная усердіе ваше, что дѣламъ изволите заниматься, а очень было бы пріятно, еслибы осчастливили меня и пожаловали ко мнѣ чаю или кофейку откусать или закусить бы чего-нибудь: дѣло дорожное.

Исправникъ взглянулъ на меня.

— Съ удовольствіемъ бы, да не охотникъ я до закусокъ-то,—сказалъ онъ.

— Ужъ это точно, справедливо изволили сказать про себя. Чѣмъ только вы живы, мы тому удивляемся! Этакое <http://ruin.org.pl> постыдъ, какъ вы, я и въ Петер-

бургѣ не видывалъ, хотя и тамъ господа тоже очень воздержны на пищу, — проговорилъ управитель, и потомъ, видя, что исправникъ ничего ему не возражаетъ, продолжалъ вздохнувъ: — все это, я полагаю, отъ вашей заботливости происходитъ. Вотъ хоть бы и нашъ господинъ, — проходитъ онъ, какъ не безъизвѣстно вамъ, должности большія и часто, бывало, когда еще при особѣ ихъ состоялъ, если получаютъ они какое-нибудь повышеніе или награжденіе, поздравивъ ихъ, одѣвалъ поутру, они только головкой помотаютъ: «Эхъ, говоритъ, Егоръ Парменовъ, повышенію я радъ, да и заботъ прибавится.» И точно-съ: и сна, посмотришь, лишатся, и пищи ужъ меньше употребляютъ... очень тоже старательны къ службѣ.

— Что и говорить! — возразилъ исправникъ съ усмѣшкою: — ты не только что на господинъ, и по себѣ можешь судить это.

— Именно могу, Иванъ Семенычъ. Если сравнить свое положеніе съ простымъ мужикомъ, такъ увидишь большую разницу: какая ему забота! Отпашетъ онъ свою полосу, натреплется тюри, да и спать; а ты, напримѣръ — пять запашекъ однихъ: все надобно присмотрѣть; конскій заводъ, сплавные дѣла, четыре тяжбныхъ дѣла на рукахъ, межеванье теперь идетъ; а неприятностей-то сколько получишь! Иногда какая-нибудь пасконная бабенка, за которую двухъ грошей дать нельзя, и та тебя такъ разстроитъ, что ничему не радъ. Все это въ воображеніи имѣешь: какой тутъ сонъ или пища! ничего на умъ не пойдетъ.

При послѣднихъ словахъ исправникъ взглянулъ

на управителя пристабно; тотъ остановился и началъ глядѣть по сторонамъ.

— Приказанья больше никакого не будетъ?—спросилъ онъ помолчавъ.

— Да приказанье такое: ты все прежней своей методы не оставилъ,—подводы мужиками справляешь! Я ужь объ этомъ барину писалъ и отвѣтъ получилъ.

— Я, признаться, и самъ объ этомъ господину описывалъ. Неужелп же, Иванъ Семенычъ, я смѣлъ бы имѣть противъ васъ какое-нибудь сопротивленіе, если бы силъ моихъ только хватало; сами изволите знать, половина запашки идетъ на барскихъ лошадяхъ — сморены такъ, что кожа да кости. Вдругъ баринъ найдетъ, куда я тогда поспѣлъ?

— А у мужика развѣ лошадь не въ работѣ? она больше твоихъ барскихъ работаетъ.

— У нихъ лошади особенныя: сносливыя, — ихнимъ лошадямъ ничего; а наши кони нѣжные; ихъ должно беречь пуще зеницы ока.

— Зачѣмъ же самъ-то по праздникамъ на тройкахъ гоняешь?

— Миѣ, сударь, нельзя не выѣхать: должность моя такая, что я долженъ ѣздить.

— Экая у тебя должность славная,— все по праздникамъ! вотъ этта ѣздилъ въ Введенское на храмовой праздникъ, къ Скарлованскому Федору Діеву на новоселье, къ вонышевскимъ мужикамъ на Никольщину... Отличная у тебя должность! хоть бы и намъ такую.

— На сосѣдствѣ безъ знакомства не проживешь; безъ этого ужь нельзя: самъ принимаешь къ себѣ, такъ и меня тоже просить.

Горбунъ привелъ своихъ двухъ лошадей, которыхъ онъ, весьма справедливо, называлъ уменьшенными именами, потому что въ каждой изъ нихъ было немного болѣе двухъ аршинъ росту; вслѣдъ за нимъ велъ и дядя Захаръ свою; она была въ томъ же родѣ, только гораздо худѣе и вся обтерта. Горбунъ началъ-было закладывать.

— Не можете ли вы довѣхать со мною въ тарантасъ? брнчку вашу здѣсь оставимъ: сюда же вернемся, — сказалъ миѣ исправникъ.

Я согласился.

— Эй вы, не надо! ведите лошадей домой, — проговорилъ онъ мужикамъ.

— На томъ те спасибо, кормилецъ, — проговорилъ горбунъ и, снявъ шапку, поклонился въ поясъ.

Захаръ тоже, хотя не такъ скоро и не сказавъ ничего, но приподнялъ шапку и поклонился. Оба мужика повели лошадей назадъ. Меринокъ горбуна, кажется, былъ радъ не менѣе своего хозяина, избѣжавъ необходимости везти: онъ вдругъ заржалъ и лягнулъ задомъ.

— Эка, паря, веселый какой! — проговорилъ ласковымъ голосомъ горбунъ, и повелъ коней въ поле.

Дядя Захаръ иначе распорядился: онъ вывелъ свою худощавую лошаденку на половину улицы, снялъ съ нея узду и, проговоря: «ну, ступай, одеръ экой!» — что есть силы стегнулъ ее поводомъ по спинѣ. Та, разумѣется, побѣжала; но онъ и этимъ еще не удовольствовался, а нагналъ ее и еще разъ хлестнулъ.

— Эй, ты, длинновязый, за что ты лошадь бьешь? — вскрикнулъ исправникъ.

— Что, бачва?

— Зачто ты бьешь лошадь?

— Я, бачва, не бью ее, а такъ только шугнуль.

— Я тебѣ дамъ, шугнуль! этакой лошадиный живодерь! Каждый годъ, сударь мой, лошади двѣ заколотить... Только ты у меня загни эту лошадь, я съ тобой справлюсь.

— Ништо бы ему! кормилецъ, справедливо башь, — отозвался, подошедшій и ставшій около насъ, съ сложенными руками, рыжій мужикъ: — этакой озорникъ на эту животинку, что и Боже упаси!

Управитель на всю эту сцену глядѣль съ насмѣшливою улыбкою.

— Звѣрь безчувственный, и тотъ больше понимаетъ, чѣмъ этотъ народъ, — заговорилъ онъ: — сколько имъ отъ меня внушеній было, — на головѣ зарубилъ, что блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ... ничего въ толкъ не берутъ!

— Не всѣ такіе, — хотъ бы изъ нашего брата, Егоръ Парменычъ, — возразилъ рыжій мужикъ: — може во всей вотчинѣ одинъ такой и выискался. Вотъ, горбунъ — такой же мужикъ, а по другому живетъ: самъ куса не съѣстъ, а лошадь накормитъ; и мы тоже понимаемъ, у скота языка нѣтъ: не пожалуется, — что хошь съ ней, то и дѣлай.

— Понимаете вы! ничего вы не понимаете, — кто васъ знаетъ хорошо!

— Твое дѣло: какъ знаешь, такъ и бай; а намъ Захарва не увазь: худой человекъ, худой и есть, — не похвалимъ.

Подали тарантасъ. Мы начали съ исправникомъ усаживаться. Егоръ Парменовъ немного струсилъ.

— Батюшка Иванъ Семенычъ, что вы изволите тѣсниться,—отнесся онъ къ намъ: — если вамъ угодно, я сейчасъ же велю господскихъ лошадей изготовить, самую лучшую тройку велю заложить.

— Спасибо! дождемъ какъ-нибудь... пошелъ!—отвѣчалъ исправникъ.

Мы тронулись.

— Я того очень опасуюсь... не подумайте вы чего-нибудь,—говорилъ управитель, хватаясь за край тарантаса и идя за нами: — въ капризу моему не отнесите. Мы никогда этимъ на потяготимся. Только мнѣ давеча не сказала, потому такое распоряженіе и вышло. Смѣю ли я что-нибудь! Какъ это возможно! у насъ и отъ помѣщика есть приказъ, чтобы чиновниковъ не останавливать. Сдѣлайте милость,—продолжалъ онъ: — пріосганытесь на минуту, а тѣмъ временемъ, какъ лошадей закладываютъ, пожаловали бы ко мнѣ... Если васъ, Иванъ Семенычъ, не смѣю попросить чего-нибудь откушать, такъ, можетъ, господинъ губернаторскій чиновникъ не откажутъ мнѣ въ этой чести. Мы высоко должны цѣнить ваше вниманіе: если вы къ намъ милостивы не будете, чтожь мы послѣ этого значимъ? — ничего!

— Нѣтъ, братъ, теперь некогда... Трогай живѣе!—крикнулъ исправникъ.

Кучеръ взмахнулъ кнутомъ и какъ-то особенно присвистнулъ; лошади разомъ хватили, такъ что Егоръ Парменовъ отлетѣлъ въ сторону и едва устоялъ на ногахъ.

II.

Проѣхать надобно было верстѣ тридцать проселкомъ. Мы трусили, гдѣ только можно, и все-таки ѣхали очень медленно. У меня изъ головы не выходилъ управитель.

— Вы говорили, Иванъ Семенычъ, что управителя этого поймали на какую-то штуку, — сказалъ я, желая вызвать исправника на прежній его разговоръ.

— Поймалъ, милостивый государь, есть такой грѣхъ, — отвѣчалъ онъ съ самодовольствомъ. — Казусъ этотъ замѣчательный. Если хотите, я вамъ расскажу. Только ужь, вы извините, я начну издалека скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

— Сдѣлайте одолженіе, — сказалъ я.

Исправникъ откашлялся, понюхалъ табаку и началъ:

— Есть, у меня, сударь, въ уѣздѣ, на самой почти границѣ, волость, подъ названіемъ Погорѣлки, — дичь страшная, лѣсовикъ раменной: на верхушку дерева посмотришь, такъ шапка съ головы валится. На всемъ этомъ протяженіи всего и стоятъ только три деревнюшки да небольшой приходецъ въ одно дѣйствительство, и все это, извольте замѣтить, и деревнюшки, и лѣсныя дачи, принадлежатъ одному господину съ Марковымъ. Ну и здѣсь, какъ вы видите, народъ небожій, а тамъ еще простѣе: смиренница такая, что не только дѣлъ какихъ-нибудь, а разсыпъ, кажется, въ любой деревнюшкѣ кучу золота на улицѣ, поставь палочку, да скажи, чтобъ

не трогали, такъ версты за двѣ обходить стануть. Въ начальныя десять лѣтъ моей службы я почти-что и не бывалъ тамъ: незначѣмъ! Вдругъ въ управители прїѣзжаетъ этотъ хватъ, является ко мнѣ съ письмомъ отъ барина. Поговорилъ я съ нимъ: вижу, парень неглупый, должно быть, грамотный, — говоритъ бойко. Одно только мнѣ не понравилось въ немъ, какъ и вы, можетъ быть, замѣтили, — глаза его: никакъ, сударь, онъ ни на кого не можетъ смотрѣть прямо: все у него эти буркалы бѣгають, — и не то, чтобы онъ косъ былъ, а такъ какъ-то, просто плутоватый взглядъ; сейчасъ видно, душонка не чиста. Впрочемъ, я обласкалъ его для перваго раза, но взялъ себѣ за правило — наблюдать за нимъ строго. Онъ не промедлилъ-съ выкинуть штуку такого рода, что написалъ барину, будто бы по имѣнію все въ страшномъ безпорядкѣ, все запущено, разорено, и такимъ, сударь, манеромъ представилъ прежняго стараго бурмистра, мужика хорошаго, что совсѣмъ-было погубилъ того; я это узнаю стороною и, конечно, понялъ его канальскую выдумку: до меня-де было все мерзко да скверно, а какъ сталъ я управлять, такъ все пошло прекрасно. Ну, думаю, голубчикъ, не знаю, какъ при тебѣ пойдетъ, а вотъ тебѣ на первыхъ порахъ слѣдуетъ дать сдачи, чтобы ты не завирался, и тотчасъ же пишу къ барину письмо совсѣмъ въ другомъ духѣ и объясняю прямо, что донесенія новаго управителя вовсе несправедливы, что по имѣнію, какъ досконально извѣстно мнѣ по моей службѣ, никакихъ не было особыхъ злоупотребленій, и что оно управлялось такъ, какъ дай Богъ, чтобы управлялось каждое заглазное

имѣніе, и выѣстѣ къ тому присоединяю, не то, чтобы прямо, а такъ стороной, давшію мою сенгенцію, которую и вамъ высказалъ, что я, съ своей стороны, считаю совершенно безвыгоднымъ замѣнять бурмистровъ изъ мужиковъ управителями, ибо они въ хозяйственныхъ распорядженіяхъ очень неопытны, да и по нравственности своей не могутъ быть вполне благонадежны. Послѣ моего письма, слышу, прислали Егору Парменову съ верху зуботычку, и зуботычку порядочную; мнѣ тоже письмо собственноручное отъ помѣщика: благодаритъ меня за участіе, проситъ на будущее время, если что замѣчу, то и самъ могу отмѣнить, или, по крайней мѣрѣ, увѣдомилъ бы его. Сталъ меня Егорка побаиваться; но, не взирая на это, плутни его вижу на каждомъ шагу: то нападетъ онъ на мужика, который побогаче, — я заступлюсь, — то сдѣлаетъ съ купцами сдѣлку и запродастъ хлѣбъ не въ пору за полцѣны, — я опять поймаю и найду другихъ покупщиковъ. Вдругъ разъ доноситъ господину, что конскіе двory пристоялись, и что онъ уже подрядилъ новые за три тысячи серебромъ, а я пишу барину, что двory требуютъ только небольшой поправки, и что три тысячи серебромъ за такіе двory въ здѣшнемъ мѣстѣ—цѣна неслыханная, — ему опять плюха. Игралъ я съ нимъ въ эту игру года четыре, точно кошка съ мышью: поотпущу его немного, дамъ обнюхать какую-нибудь плутню, и только бы ему сплутовать, а я его и цапъ. Сбирался-было, признаюсь, нѣсколько разъ написать барину письмо рѣшительное, но все какъ-то останавливался: какъ, думаю, еще примется; по услугѣ его ему, можетъ быть, многое прощается, пхнія дѣла,

кто ихъ знаетъ; жду, что будетъ дальше, — и можете себѣ вообразить, каковъ шельма этотъ чело-вѣкъ: пять лѣтъ я, милостивый государь, не зналъ его главной продѣлки и открылъ какъ-то ужь случайно. Какъ прежде я вамъ докладывалъ объ этой Погорѣловской волости... вдругъ доходятъ до меня слухи, что Егоръ Парменовъ начинаетъ туда ѣздить каждую недѣлю, и что-де тамъ барскую запашку за-велъ, флигель выстроилъ и назвалъ Новоселкомъ. Что такое, думаю, это значитъ? Если ради выгодъ барскихъ, такъ тамъ выгодъ большихъ не у чего соблюсти, и первое, что, признаться, пришло мнѣ въ голову: мужиковъ, думаю, каналья, хочетъ стѣснить. По Маркову и по другимъ селеніямъ я часто наѣзжаю и воли ему не даю, а тамъ, въ захоlustьѣ, дѣлаетъ, что хочетъ. Началъ и я ѣздить въ Погорѣлки, въ новую эту усадьбу: какъ этакъ, знаете, невдалекѣ, верстахъ въ пяти, въ шести, ѣду, такъ ужь непременно заверну. Онъ меня ловить, какъ молодой мѣсяць, и покуда я тамъ, точно адъютантъ мой, такъ по стопамъ моимъ и слѣдуетъ. Однако же, я урывками, ущипками спрашиваю мужиковъ: что-де и какъ, и нѣтъ ли какихъ отъ управителя притѣсненій? Нѣту-тка, любезненькій, грѣха на душу не возьмемъ, никакихъ намъ отъ Егора Парменыча притѣсненій нѣту-ти, а еще противъ прежняго лучше стало. Задалъ онъ мнѣ, милостивый государь, этимъ задачу; вижу, что тутъ что-нибудь кроется, а пой-мать не знаю на чемъ. Заѣзжаю я разъ въ этотъ флигель ночевать; дѣло было въ субботу, а на дру-гой день, по воскресному дню, поѣхалъ къ приходу помолиться. Егоръ Парменовъ тутъ же, и не от-

стаетъ отъ меня; я въ своемъ тарантасѣ, а онъ верхомъ. Прїѣзжаемъ-съ: ну, я, по званію своему, знаете, сталъ впереди; Егоръ Парменовъ немного сбоку, или такъ, что почти рядомъ со мною, и двѣ вещи дѣлаетъ: либо Богу усердно молится, либо обернется ко мнѣ и начнетъ на ухо шептать разные этакіе пустяки, и я очень хорошо понимаю, съ какими мыслями онъ это дѣлаетъ: молится, изволите видѣть, чтобы мнѣ угодить, потому что я люблю богомольныхъ, а со мною шепчется, чтобы мужикамъ дать тонъ: вотъ-де я съ исправникомъ на какой ногѣ. Въ половинѣ обѣдни, только-что запѣли херувимскую, вдругъ около меня что-то стукнуло, застонало, потомъ зарыдало. Я обернулся, смотрю, народъ столпился; спрашиваю, что такое?

«— Кликуша, — говорятъ, — батюшка, кликуша!

«— Откуда?»

«— Изъ Дмитрева, говорятъ, — изъ самой этой, знаете, дальней деревни по волости.

«— Ну, такъ чтожь, говорю я, помочь надобно! — «Ничего, родименькій: прикрыли ужь; только-бы не измѣшать. «Повѣрье у нихъ, знаете, этакое: коли ужь случился съ кѣмъ припадокъ, такъ не надо трогать, а только прикрыть. Однако, я на это не посмотрѣлъ: велѣлъ вынести ее на паперть и самъ вышелъ. Смотрю—дѣвушка молодая, лежитъ вверхъ лицомъ, слезы градомъ, сама всхлипываетъ. Были со мною въ дорогѣ гофманскія капли, далъ я ей, почти-что насильно разинулъ ротъ и влилъ, — почувствовалась. Начала-было опять проситься въ церковь — я не пустилъ, а позвалъ сейчасъ изъ ихъ деревни мужика и велѣлъ отвести ее въ домъ къ священнику.

Егоръ Парменовъ тоже вышелъ за мною и что-то очень семерить; я съ нимъ не говорю. Надобно вамъ сказать, что кликушъ этихъ въ простонародіи бываетъ много-съ, и они, по-своему, толкуютъ, что это отъ порчи дѣлается, а господа другіе понимаютъ, что это одно только притворство, шалость, а въ самомъ дѣлѣ ни то, ни другое, — просто истерика, какъ и съ нашими барынями бываетъ! душа вѣдь тоже и у нихъ есть!.. Другая, которая понѣжиѣ, почувствительнѣе, житьишко, можетъ быть, плохое: то свекоръ въ дугу гнетъ, то свекровь поѣдомъ ѣстъ, а можетъ и мужъ поколачиваетъ: вотъ она недѣлю-то недѣльски тоскуетъ, тоскуетъ, придетъ въ церковь, начнетъ молиться, расчувствуется, а тутъ еще ладаномъ накурено, духота, ну и шлепнется. Много я этакихъ примѣровъ видѣлъ. Впрочемъ, эта новая кликуша, какъ-то, и самъ не знаю отчего, больше другихъ меня заинтересовала. Какъ только обѣдня кончилась, выхожу я изъ церкви; вижу—впереди идетъ сельскій мужикъ, по прозванію «братикъ» поговорку онъ, знаете, такую имѣлъ, съ кѣмъ бы ни говорилъ: съ бариномъ ли, съ мужикомъ ли, съ бабой ли, съ мальчишкой ли, всѣмъ приговариваетъ: «братикъ»; а мужикъ этакой правдивый: если ужъ что знаетъ, такъ ужъ не потантъ, да и лишняго не прибавитъ. Нагоняю я его, поздоровался съ нимъ.

«— Пойдемъ, говорю, Савельичъ, въ сторону: переговоры мнѣ съ тобою надо.

«Отошли мы съ нимъ.

«— А что, я говорю, кликуша эта при мачихѣ, что ли, живетъ?

«— Какое, братикъ, при мачихѣ... при родной ма-

тери! Устинью кривую, чай, знаешь?—отвѣчалъ онъ мнѣ.

«— Ну, не совсѣмъ: слыхать-то слыхалъ, что баба хорошая, а не видалъ.

«— Ну да, братикъ, старуха умная, домовитая: разумомъ-то будетъ, пожалуй, противъ хорошаго мужика, особенно по здѣшнему мѣсту.

«— Отъчего жъ съ дѣвкой сдѣлалось?

«— Много, братикъ, болтають—обереги Богъ всякаго человѣка, — доподлинно я не знаю: за что купилъ, за то те и продаю.

«— Извѣстно, говорю, что ты сторона: испортили, что ли, ее?

«— То-то, братикъ, не испортили! Кабы отъ человѣка шло, можетъ, и помогли бы; а тутъ хуже того.

«— Что же такое хуже того? — спрашиваю я.

«Братикъ мой, знаете, этакъ пріостановился немного, подумалъ, потомъ вдругъ мнѣ на ухо говорить:

«— Лѣшій, говоритъ, ее, братикъ, полюбилъ.

«— Какъ, говорю, лѣшій полюбилъ?

«— Полюбилъ, говоритъ, тамъ какъ знаешь, такъ и суди; а бають, что полюбилъ; нынѣшнимъ лѣтомъ таскалъ ее: мѣсяца четыре пропадала, — это ужъ я завѣрное знаю.

«— Да какъ же, братецъ, таскалъ? Я что-то этого не понимаю.

«— Я самъ тоже, братикъ: кто ихъ знаетъ! мало ли что врутъ въ народѣ. Я опять те скажу: за что купилъ, за то и продаю; а болтають много: всего и не переслушаешь.

«Исторія, думаю, начинается заманчива.

«— Какъ же, говорю, она опять дома очутилась?

«— Богъ ихъ, братикъ, знаетъ! намъ всего сказывать не стануть, а мать проговорила, будто въ сѣни ее подкинули въ безчувствѣ; а какъ тамъ въ правду было, не знаю: самъ при этомъ дѣлъ не былъ.

«Толкую-съ я, такимъ манеромъ, съ мужикомъ, вдругъ Егоръ Парменовъ какъ изъ-подъ земли выросъ.

«— Вы, ваше высокоблагородіе, говоритъ, эту нашу изъ Дмитрева больную дѣвку изволили къ священнику послать?

«— Точно такъ, говорю, любезный.

«— А я, сударь, говоритъ, осмѣлился перемѣнить ваше приказаніе и отправилъ ее домой.

«— Напрасно! для чего ты это сдѣлалъ?

«— Потому что-съ время теперь, говоритъ, праздничное: къ матушкѣ-попадѣ и безъ того много народа идетъ, и родственники тоже наѣхали: побоялся, чтобы не было имъ какого безпокойства отъ больной, — да и той на народъ зазорно.

«— Ну, ладно: коли ужъ такъ распорядился, такъ дѣлать нечего, будь по твоему,—говорю я ему, а самъ съ собою думаю: «шалышь, любезный, у тебя тутъ что-то недаромъ, какая-нибудь плутня да кроется».

«Въ это время подали мой тарантасъ; я сажусь, онъ тоже усаживается на своего коня. Дай, думаю, по горячимъ слѣдамъ поразспрошу его: не проболтаетъ ли чего-нибудь.

«— Эй, кричу, Егоръ Парменычъ! полно тебѣ трястись на сѣдлѣ: садись со мною въ тарантасъ.

«Онъ принимаетъ это съ большимъ удовольствіемъ. Поѣхали мы съ нимъ. Народу идетъ тма и въ селѣ и по дорогѣ, кланяются намъ, другой еще гоны за три шапку ломитъ; я тоже кланяюсь, а Егоръ Парменычъ мой какъ мышъ на крупу надулся и только слегка шапочкою поводитъ. И досадно-то, и смѣшно было мнѣ смотрѣть на него, каналью.

«— А что это, говорю, Егоръ Парменычъ,— какъ объѣхали мы весь народъ,— что это такое за кликуша? и отъ чего это съ ними бываетъ?

«— Это-съ, говоритъ, бываетъ не проста: это по колдовству.

«— Да какъ же, говорю, братецъ, какъ оно и въ чемъ состоитъ?

«— А такъ-съ, говоритъ, здѣсь этой мерзости очень много. Здѣсь народъ прехитрый: даромъ что онъ свиньей смотритъ, а такой докуменщикъ,—я то выдумаетъ, чего намъ и во снѣ не снилось.

«— Да кто же это именно колдуетъ, на кого поклепъ-то идетъ? — спрашиваю я.

«— Клеплютъ больше на старыхъ бобылокъ; и точно-съ: превредныя! пную и не узнаешь, а она дѣлаетъ, что хочешь: и тоску на человѣка наведетъ, или такъ, примѣрно, чтобы мужчина къ женщинѣ или женщина къ мужчинѣ пристрастіе имѣли, — все въ ея власти; и не то, чтобы въ пищѣ или питьѣ что-нибудь дала, а только по вѣтру пустить — на пять тысячъ верстъ можетъ дѣйствовать.

«Выслушалъ я всю эту его болтовню, и еще меня большее сомнѣніе взяло. Знаю, что этакой плуть и не въ колдуній, а во что-нибудь и поважнѣе не сразу повѣрить, а тутъ такъ действительно утверждаетъ.

Началь я ему пристально въ рожу смотрѣть и потомъ вдругъ спрашиваю:

«— А что, говорю я, эта сегодняшняя дѣвушка: отчего она выкликала?»

«Вижу—его немного подернуло; но плутъ, будто бы ненарочно, сейчасъ вынулъ платокъ, обтеръ лицо и отвѣчаетъ:

«— Признаться, говоритъ, я и не знаю хорошенько; своихъ много хлопотъ, такъ и не спрашивалъ, — а думаю, тоже съ порчи: домъ у нихъ получше другихъ, она изъ себя этакъ красивая, такъ, можетъ быть, кто -нибудь отъ зависти взялъ да и сдѣлалъ съ нею это.

«— Да какъ же,—возразилъ я: — ты что-то мнѣ неладно говоришь; съ дѣвкою этою приключилось не отъ того. Я знаю, что ее дѣшій воровалъ, она, слышно, пропадала долгое время. Зачѣмъ же ты меня обманываешь?—А самъ все ему въ рожу гляжу и вижу, что онъ отъ послѣднихъ моихъ словъ позеленѣлъ, даже и въ языкѣ позамялся.

«— Какъ, говоритъ, пропадала?»

«— Да такъ же и пропадала, какъ пропадаютъ.

«— Ничего, сударь,—говоритъ,—я не знаю,—а у самого голосъ такъ и дрожить.—Отъ васъ только въ первый разъ, говоритъ, и слышу, и очень вамъ благодаренъ, что вы мнѣ сказали.

«— Не стоитъ, говорю, благодарности. Только зачѣмъ же ты меня-то морочишь? Кто тебѣ повѣритъ, чтобы ты, такой печный управитель, и будто бы не зналъ, что дѣвка изъ ближайшей вотчины сбѣгла? Клепешь, братъ, на себя.

«Закрестился, забожился.

«— Провалиться, говорить, мнѣ на этомъ мѣстѣ, если мнѣ кто-нибудь объ этомъ доводилъ. Самп позволите видѣть, говорить, какой народецъ здѣсь: того и жду, что, пожалуй, что-нибудь хуже того сдѣлають и отъ меня скроють. Я все здорovie свое съ ними потратилъ. Дѣлать, видно, нечего: буду писать къ барину и стану просить себѣ смѣны. Коли въ мужикахъ на столько страху нѣтъ, что по сторонамъ вездѣ болтають, а отъ меня утаивають, какой ужъ я послѣ этого управитель!...—И понесъ, знаете, въ этомъ родѣ околесную и все наговариваетъ мнѣ на мужиковъ и то и сѣ: что будто бы они и меня браятъ и собираются на меня подать прошеніе губернатору; я все слушаю и ничего ему не возражаю. Въѣзжаемъ наконецъ въ новоселковское поле.

«— Ну, говорю, Егоръ Парменычъ, прощай!

«— Куда это вы, сударь?

«— Такъ, говорю, надобно заѣхать тутъ недалеко,—а между тѣмъ самъ рѣшилсѣ ѣхать прямо въ Дмитревское.

«Онъ, шельма, должно быть, проиикъ мое намѣреніе.

«— Я было, батюшка, къ вамъ съ просьбицей.

«— Что такое?

«— Да нельзя ли, говорить, вамъ со мною въ нашу подгородную усадьбу съѣздить. Тамъ, говорить, теперь идетъ у меня запродажа пшеницы, такъ, чтобы послѣ какихъ-нибудь озадковъ не было и чтобы мнѣ отъ помѣщика моего не получить неудовольствія: лучше, говорить, какъ на вашихъ глазахъ дѣла сдѣлаются, — и вамъ будетъ безъ сумнѣнія, да и мнѣ спокойнѣе.

«Это, изволите видѣть, онъ ладилъ отвести меня версгъ на семьдесятъ отъ Погорѣлокъ, а тамъ, покуда въ другой разъ наѣду, такъ можно успѣть обдѣлать все, что надо.

«— Нѣтъ, говорю, Егоръ Парменычъ, извини меня на этотъ разъ, сомнѣнія отъ меня не опасайся, продавай съ Богомъ, а мнѣ теперь некогда,—прощай!

«Онъ видитъ, дѣлать нечего-съ, вышелъ у меня изъ тарантаса, сѣлъ на своего коня и поскакалъ во всѣ лопатки къ Новоселкамъ. Я тоже велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе: но, знаете, проселокъ: все лѣсомъ, рытвины, колени, корни — того и гляжу, что либо ось пополамъ, либо дорога лопнетъ. Ну, думаю, чортъ его дери, «пошелъ, говорю, тише!» **Вдемъ** мы маленькою рысцою; вдругъ слышу, кто-то скачетъ за нами; обернулся я, гляжу: верховой, и только-что насъ завидѣлъ, сейчасъ въ лѣсъ своротилъ и хотѣлъ, видно, объѣхать кустами. «Стой, кричу я, кто ѣдетъ?» Не отвѣчаютъ. «Стой, говорю, и подѣзжай ко мнѣ: я — исправникъ; а не то, говорю, велю пристяжную отстегнуть, нагонимъ — хуже будетъ.» Выѣзжаетъ изъ лѣсу молодецъ, лошадь вся въ мылѣ; оказывается, что Николашка, кучеръ Егора Парменова и любимецъ его, малой-плутина, учился въ часовые мастера — ничему не выучился, присланъ былъ по пересылкѣ, и прочее.

«— А, говорю, Николаша, здравствуй! куда это путь держишь?

«Парень замылся.

«— Я такъ-съ... ничего-съ... по своимъ дѣламъ.

«— Да по какимъ по своимъ дѣламъ?

«— Да, говоритъ, посланъ-съ въ деревни.

«— Какія тутъ деревни! дорога только въ Дмитревское.

«— Въ Дмитревское, да-съ; я въ Дмитревское и посланъ, говоритъ.

«— За чѣмъ въ Дмитревское?

«Опять переминается.

«— Посланъ-съ, говоритъ.

«— Да за чѣмъ?

«— Нарядить-съ, говоритъ, мужиковъ.

«— Ну, такъ, говорю, не надобно, не ѣзди: я самъ сейчасъ въ Дмитревское ѣду и наряжу; а ты поѣзжай домой.

«— Нѣтъ, говоритъ, сударь, я не смѣю этого сдѣлать.

«— Мнѣ, говорю, любезный, все равно, смѣешь ли ты, не смѣешь ли это сдѣлать, а я тебя приказываю, и дѣлай по моему: поѣзжай домой, скажи Егору Парменову отъ меня, что я тебя не пустилъ, и прибавь еще, что покуда я въ Дмитревскомъ, онъ ни тебя и никого другаго не посылалъ бы туда, да и самъ бы не ѣздилъ.

«— Да какъ же, сударь, — говоритъ онъ мнѣ, знаете, съ такою дерзостью, — по какому же это случаю такое ваше приказаніе? Я, говоритъ, человѣкъ подчиненный: съ меня спросятъ.

«— А по такому, говорю, случаю, что капризъ на меня нашелъ; а если вы не послушаетесь, такъ «эй! говорю, Пушкаревъ!» своему, знаете, разсылному, отставному унтеръ-офицеру, который всѣ приказанія двумя нотами выше исполняетъ, «мы теперь, говорю, ѣдемъ въ Дмитревское, и если туда кто-нибудь изъ новоселковскихъ явится, хоть бы даже самъ управи-

тель, такъ распорядись. Пушкаревъ мой, знаете, только кекнулъ и поправилъ усы.

«— Слушаю-съ, говоритъ, ваше благородіе, — и тутъ же сейчасъ, оборотившись къ парню, прибавляетъ: «Не разговаривай, говоритъ, любезный, маршъ!» Я тоже говорю—маршъ! Парень мой постоялъ не долго, почесалъ голову и поѣхалъ въ обратную; а мы своей дорогою. Въ Дмитревское я попалъ тогда еще въ первый разъ. Надобно сказать-съ, что захолустьевъ и дичи, по своей службѣ, много видывалъ, но этакихъ печальныхъ мѣстъ, какъ эта деревня, не встрѣчалъ: стоитъ въ лощинѣ, кругомъ лѣсъ, и не то — что такою хороши́й лѣсъ, а какой-то паршивый: елоха и осина на-голо, развѣ кое-гдѣ изрѣдка попадетя сосенка; а сама деревня ничего: обстроена чистенько, и поля распаханы, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. У захолустнаго, знаете, мужика хоть выгодъ и меньше, да какъ-то все спорѣе. Пословица справедлива-съ: выгодно жить на бору да близко къ кабаку. Спрашиваю домъ Аксиньи кривой. Показываютъ. Вхожу въ избу: сидитъ старуха съ однимъ глазомъ и тчетъ.

«— Ты Аксинья?

«— Я, батюшка.

«— Ну, здравствуй, говорю; я, говорю, пріѣхалъ къ тебѣ потолковать. Знаешь, кто я?

«— Какъ, кормилецъ, не знать: кажись, асправникъ

«— Ну, исправникъ, такъ исправникъ, и ладно, коли знаешь. Сегодня я былъ у вашего прихода и видѣлъ твою дочку: что это она у тебя хвораетъ?

«— Хвораетъ, говоритъ, родименькій, не то, чтобы лежнемъ лежала, а временемъ шибко ухватывается.

«— Да что это, отъ чего съ нею?»

«— Не вѣдаю, кормилецъ, такъ тебѣ сказать, ни чего не вѣдаю.

«— Полно, говорю, старуха: какъ ты не вѣдаешь! вѣдь она у тебя сбѣгала?»

«— Ну, кормилецъ, коли извѣстенъ, такъ баять нечего: сбѣгать сбѣгала. Помилуй, не засади ты ее куда-нибудь у меня, не загуби ты досталь моей головушки, — отвѣчаетъ она, а сама мнѣ въ ноги.

«— Ничего я, говорю, ей не сдѣлаю, а ты вотъ что лучше мнѣ скажи: ради чего она у тебя сбѣгала? не было ли у ней любовника, не сманивалъ ли ее кто?»

«— Ой, родимый, какой у дѣвушки любовникъ! никогда, важись, я ее въ этомъ не замѣчала. По нашей сторонѣ дѣвушки честныя, ты хоть кого спроси, а моя ужь давно: до двадцати годковъ дожила, не игрывала хорошенько съ парнями-то! Вотъ тоже на праздникахъ, когда который этакъ пошутить съ ней, такъ чѣмъ ни попало и свиснетъ. «Не балуй, — говоритъ, — я тебя не замаю.» Вотъ она какая у меня была; на это, по моему, приходитъ нечего.

«— Постой, говорю, старуха, если ты такъ говоришь, такъ слушай: я пріѣхалъ къ тебѣ на пользу, дочку твою я вылечу, только ты говори мнѣ правду; не скрывай ничего, рассказывай съ начала: какъ она у тебя жила, не думала ли ты противъ воли замужъ ее выдать, что она дѣлала и какъ себя передъ побѣгомъ вела, какъ сбѣжала и какъ потомъ опять къ тебѣ появилась? — все подробно, съ самаго начала.

«Старуха этакъ поохала, повздыхала и начала рассказывать:

«— Ой, батюшка,—говорить,—поначалу такъ было дѣло: послѣ покойника остались мы въ хорошемъ дому: однихъ улыковъ было сорокъ — сколько денегъ выручали, самъ сосчитай; да и теперь то же; вѣстимо, что не противъ прежняго, а все Бога гнѣвить нечего... всего по крестьянству довольно; во вдовствѣ правлю полное тягло, безъ отягощенья. Жила она у меня, моя доченька, не хвастаясь тебѣ сказать, въ холѣ и довольствѣ, а баловать ее не баловала, держала все на глазахъ. Ну, самъ посуди, коимъ вѣкомъ одно дитятко нажито, только и свѣту и радости, что въ ней; къ работѣ нашей, крестьянской она съ малыхъ лѣтъ была ловкая, легкая: на полосѣ ли, на жнитвѣ ли, все первая, противъ всѣхъ впереди идетъ. Бывало, миѣ и сусѣди все смѣялись. «Ну,—говорять,—Аксинья, въ себя ты дочку принесла: больно ужъ вы къ работѣ шустры, недаромъ у васъ денегъ много.» Все ее, кормилецъ, ко миѣ примѣняли тѣмъ, что я и по сей день работаща — всякое дѣло у меня въ рукахъ проворится. О, Царица небесная! съ нады-то и говорить разучилась. Стала моя дѣвушка на возрастъ приходить; ну и женишки тоже были, и много было, но все какъ-то опасалась. Все имѣла большое желаніе выдать ее въ домъ къ одному экономическому мужичку, не тѣмъ, чтобы нашу вотчину обѣгала или порочила, а только то, что самъ старикъ съ покойникомъ моимъ былъ большой благопріятель и ко миѣ тоже навзжалъ. Дружелюбіе между нами было старинное. Егоръ Парменычъ, дай Богъ ему здоровья, не принуждалъ очень: кто этакъ намекаетъ

на мою Марѳушку, онъ только скажетъ: «Устинья, — говоритъ: — дочку просятъ, припасайся.» Ну, опосля, извѣстно, сходишь къ нему, поклонись чѣмъ-нибудь, — ну, и отмѣнить. Такъ мы, кормилецъ, и жили до самыхъ тѣхъ поръ, какъ завели здѣсь барскую запашку. Всю нашу деревню Егоръ Парменычъ повѣстилъ на задѣлье. Мое дѣло одинокое, пошла я къ нему. «Кормилецъ, — говорю, — Егоръ Парменычъ, какъ мнѣ прикажешь, не оставишь ли ты меня въ оброкѣ? мужичка у меня въ домѣ нѣтъ: кѣмъ мнѣ тебѣ задѣлье править?» — «Ничего, — говоритъ, — старуха, я тебя не обижу; мужика мнѣ съ тебя не надо, а пусть задѣлье править дочка.» — «Кормилецъ, — говорю я, — гдѣ дѣвчонкѣ это справить! дѣло ей непривычное, молодое; ты станешь спрашивать многого; ну, какъ она тебѣ не угодить, для меня будетъ нехорошо; а если ты ужъ такъ порѣшился, такъ лучше я тебѣ работника выставлю.» — «Дура, — говоритъ: — ты баба: работникъ будетъ тебѣ отяготителенъ, да и мнѣ не къ рукамъ: запашку, — говоритъ, — я здѣсь дѣлаю больше лѣнную, а со льномъ, сама ты знаешь, мужику не возиться; съ дочки твоей я лишняго не спрошу: что поработаетъ, то и ладно.» Ублажилъ онъ меня, кормилецъ, этими словами; поперечить ему тоже не посмѣла. Прихожу домой и говорю Марѳушкѣ: «на задѣлье, — говорю, — тебя, Марѳушка, требуетъ: какъ ты насчетъ этого полагаешь?» Она поохотилась. «Ничего, — говоритъ, — мамонька, стану бѣгать; ничего: отъ насъ много дѣвокъ пойдетъ.» Тѣмъ мы съ ней и порѣшили. Начала она у меня ходить. Ну и сперва заботно было: все я ее спрашивала, не тяжело ли, говорю,

голубонька, тебѣ тамъ?» — «Нѣтъ, мамонька, какое тяжело! на экомъ народѣ тяжело! дома въ одиночку больше умаешься.» А у меня, кормилецъ, все какъ-то сердце болѣло; съ половины, кажись, лѣта, али съ Успенковъ, стала я примѣчать, что съ моей дѣвкой что-то не то: все словно въ задумкѣ, изъ себя тоже худѣеть. Начала я опять ей говорить. «Полно, — говорю, — дурочка, не замаѣй, — говорю, — работницу найму; гдѣ тебѣ задѣлье вести! ишь ты какая стала! такая ли ты была у меня прежде?» Такъ осерчается, кормилецъ. «Что я, — говорю, — дворянка, что ли? денегъ-то у тебя, что-ли, много: съ работницами проклажаться!» Выждала я еще недѣли съ двѣ; вижу, что ничего къ лучшему нѣтъ. Придетъ съ барщины и прямо въ темный чуланъ ляжетъ: на своей работѣ сина пороха не переложить, — все лежитъ. Ну, я тоже спрашиваю: «Что ты, дѣвонька?» — «Такъ, мамонька, что-то не по себѣ», только одинъ отвѣтъ и былъ, а какъ придутъ барскіе дни, слова мнѣ не скажетъ, соберется и уйдетъ прежде всѣхъ. Стало у меня сердце болѣть, чего ни передумала; тоже, какъ и твое дѣло, кормилецъ, сперва намекала, нѣтъ ли у ней чего на сердцѣ, не мужчинка ли ее какой приманиваетъ: дѣвушка, думаю, на возрастѣ, тамъ же всякъ часъ наѣзжаютъ дворовые ребята, народъ озорникъ, прямо те сказать, дѣвушники; сама своими глазами, думаю, ничего не вижу, а другихъ, хоть бы и сусѣдей, спросить объ этакомъ дѣлѣ стыдно. Взяла я, кормилецъ, не сказавъ ей ничего, прямо пошла къ Егору Парменычу. Такъ и такъ, говорю, Егоръ Парменычъ, я не молодая-молодка: одной мнѣ при домѣ справляться спина трещитъ; задѣлье я те

справлю наймомъ, а дочку ты освободи мнѣ. Онъ вдругъ, сударь мой, осерчалъ. «Вы-ста,—говорить,—шельмы этакія, только знаете, что отъ барскаго дѣла отвиливаются.» Я, говорю, сударь, отъ барскаго дѣла не отвиливаюсь и, какъ прежде сказала: хошь работника за дѣвку выставлю, а ей, вся твоя воля, задѣльничать не приходится. «Ну, да, какъ же, — говорить: — много-ста будетъ, какъ стану я каждую дуру тѣшигъ! пошла-ста вонъ и не надоѣдай мнѣ, коли своей пользы не понимаешь!» Я нейду: стою въ своемъ. Онъ, кормилецъ, затопалъ, затопалъ надо мной, пѣна у рта: у меня такъ сердечушко и замерло: того и гляжу, что прибѣгъ; раза три заманивался, а ужъ брани да руганья и числа нѣтъ, сколько было, едва изъ хлигера жива вышла... Иду по усадьбѣ да горючими слезами обливаюсь; вдругъ мнѣ навстрѣчу его супружница, съ маленькимъ сыномъ, разряженная этакая, расфранченная.

«— Здравствуй, говорить, голубушка! о чемъ ты это плачешь?»

«— Такъ и такъ, говорю, сударыня, и рассказала ей все мое горе.

«— Ахъ, Боже мой, говорить, для чего же Егорушка, говорить, не хочетъ тебѣ сдѣлать въ этомъ удовольствіи. Онъ что-нибудь тебя не понялъ. Я, говорить, ему поговорю объ тебѣ.

«Я ей повдонилаась.

«— Противности, говорю, сударыня, отъ меня никогда никакой не было, а что всякой матери, хоть бы и крестьянкѣ, свое дитяtko болѣзно. Если, говорю, Егоръ Парменычъ станетъ ее у меня въ задѣлье тянуть и не освободитъ ее, такъ я, говорю,

пойду къ исправнику: вся его воля, что хочетъ, то со мною и дѣлаетъ.

«— Ничего, говоритъ, душенька, не будетъ; будь покойна, я твое дѣло сдѣлаю,—сказала она и ушла.

«А я, признаться, взяла да и пообождала маленько въ усадьбѣ, въ скотной, и слышала такъ, отъ горничной дѣвушки, что у нихъ за меня большой разговоръ былъ. Она, голубушка, дай ей Богъ здорovia, такъ его, слышь, ругала, такъ ругала, всѣмъ выкорила и въ глаза наплевала. Прихожу я опосля этого домой и говорю дочкѣ. Она мнѣ, батюшка, опять всупротивку стала говорить. Душенька-то у меня ужъ наболѣла и безъ того; взяла меня на ее такая злость, что не стерпѣла я, кормилецъ, ухватила ее и почала бить, всю избу вытаскала за космы; чѣмъ она пуще просить: «мамонька, мамонька!» а меня пуще досада рветъ, ругаю ее по пески, и все, знаешь, къ нечистому посылаю. Реветь мся дѣвка послѣ этого ровно два дни; стало мнѣ ее хошь бы и жаль: сбѣгала я потихоньку къ приходу, купила ей тутъ у одного мужичка-торговца кумачу на рубаху и принесла; она — ничего, взяла и словно повеселѣла, а въ сумерки и говоритъ мнѣ:

«— Отпусти, говоритъ, мамонька, меня на поѣдки сходить къ дядѣ Ѳомѣ. .

«— Ступай, говорю, только не засиживайся долго.

«— Нѣту, говоритъ, не надолго сбѣгаю.

«Нарядилась она въ нарядъ хорошій, надѣла теплый полушубочекъ и ушла. Жду я ее: пропѣли первые пѣтухи, — нейдетъ, пропѣли вторые — нѣтъ!

«Эка воръ-дѣвка: вѣрно, тамъ ночевать осталась,» думала я и пошла, кормилецъ, сама за ней.

«Подхожу, смотрю, — на посѣдкахъ ужь и огонь погашенъ; едва достучалась; отворяетъ мнѣ дверь дѣвушка ихняя, дочь хозяйская.

«— Что тебѣ, тетонька? — говоритъ.

«— Да я, говорю, за Марeutкой пришла; что это, я говорю, за ночевка такая? зачѣмъ это ночевать унимаете?

«— Нѣту, говоритъ, тетонька, она ушла,

«— Полно, что за шутки такія: ушла! гдѣ ей, говорю, быть! домой не бывала, а ушла!

«— Вотъ-те Христось, тетонька, ушла, говоритъ.

«Ну, думаю, согрѣшила грѣшная!... «Разбойница этакая, говорю, кто у васъ сегодня былъ? не было ли дворовыхъ ребятъ?»

«— Нѣту, говоритъ, тетонька, никого не бывало: только двѣ дѣвушки да твоя Марea, — только и было.

«Разбудила я стариковъ, потолковали мы съ ними, погоревали, поохали, не знаемъ, что такое; обѣжала я всѣ другія избы по деревнѣ, — нѣтъ нигдѣ, нигдѣ и не бывала. Протосковала я всю ноченьку, а на другой день, дѣлать неча, пошла въ усадьбу къ управителю, заявила ему.

«— Какъ бы, батюшка Егоръ Парменычъ, хоть бы ее поискать, говорю.

«— Гдѣ-ста мнѣ ее тебѣ искать! много васъ у меня! ищи сама какъ знаешь.

«И говорить больше не сталъ.

«Такъ, кормилецъ, опосля того пропала да пропала. Всѣ-то ноженки отбѣгала, ищучи ее и по селамъ, и по деревнямъ; всѣ лѣса, почестъ, выходила, — ни слуху, ни духу ниотколѣ нѣтъ, такъ и положила, что сдѣлала надъ собой что-нибудь! Те-

перь вотъ дѣло прошлое, въ тѣ поры никому не открывалась, а на сердцѣ все держала, что это отъ побоевъ моихъ и побранки съ ней приключилось. Прошло такимъ дѣломъ времени много; отъ тоски да отъ маяты стала и сама еле ноги таскать... Взяла я себѣ для охоты сироту-дѣвушку: сидимъ мы съ ней вечеркомъ, я на голбчикѣ лежу, а она прядетъ. Слышу я, кормилецъ, въ сѣняхъ что-то стукнуло, словно кольцомъ кто брякнулъ.

«— Кто это, говорю, Палагеюшка, выдь-ка глянь: ровно стучится кто.

«— Это, говоритъ, баунька, овцы!

«— Полно, говорю, какія овцы! выдь погляди: не съѣдятъ.

«Засвѣтила она лучину, пошла и опять вѣвжала сейчасъ въ избу.

«— Баунька, — говоритъ, — у насъ кто-то въ сѣняхъ лежитъ.

«-- Такъ ты бы, говорю, окликала.

«— Нѣтъ, баунька, я боюсь.

«Слѣзла съ голбца, пошла сама: глянь, моя Марюшка лежитъ плашмя поперекъ сѣней. Заголосила я, завопила, бросилась къ ней, притащила ее въ избу, посадила, стала спрашивать, — ничего не баетъ, только руками показываетъ, что молвы нѣтъ. Я-было ей, чтобъ поужинала: молочка было налила. яишенку сдѣлала, — только головкой мотаетъ, а самое такъ и бьетъ, какъ на прутъ. Уложила я ее, родимый, на печку, окутала еще сверху и всю ночь надъ ней просидѣла. Похудѣла, голубушка, такъ, что и не глядѣлъ бы! Ну, думаю, воля Божія; были бы кости, а мясо будетъ; хоша, по милости Божіей,

жива осталась! На другой день спровѣдали наши мужики, стали ко мнѣ находить, спрашиваютъ и говорятъ мнѣ такъ:

«— Ты, говорятъ, Аксинья, дѣвку не балуй, а накажи ее міромъ, чтобы другимъ повадки не было.

«— Ну-ка, кормилецъ, ваково мнѣ было слушать эти ихъ рѣчи!

«— Братцы-мужички, говорю я имъ, противъ міра я неспорица и не потатчица моей дочкѣ, кабы она была здорова и кабы я доподлинно знала, что она худое сдѣлала.

«Вдругъ наѣзжаетъ самъ Егоръ Парменычъ. Узналъ онъ мое дѣло и говоритъ:

«— Пальцемъ, говоритъ, не смѣйте дѣвку трогать; она ни въ чемъ не виновата; а насчетъ молвы тоже не принуждайте! она, говоритъ, и по лицу видно, что языка лишилась.

«Я его слушаю, а сама съ собою думаю: какъ, думаю, насчетъ молвы не принуждать! и начала ее возить къ знахарямъ, по лекаркамъ, служила надъ ней молебны, а сама все приступаю къ ней!

«— Полно, говорю, дурочка, принудь себя, пробай что-нибудь.

«Отъ этого ли, кормилецъ, али отъ чего другаго, вдругъ она проговорила: ѣсть попросида! Я всплеснула рукамп и начала Богу молиться; она тоже зарыдала, и Господи! какъ зарыдала, и начала поговаривать немного да немного, а потомъ и все, какъ прежде бывало. Обождая съ сутки двои, стала я ее спрашивать:

«— Скажи я, говорю, Марѳушка, что съ тобою дѣлалось и гдѣ ты была?

«— А вотъ что, говоритъ, мамонька, скажу я тебѣ правду истину: меня, говоритъ, лѣшій таскалъ.

«Я такъ и обомлѣла: наше мѣсто свято, тоже отъ старины идетъ слухъ про это; не въ первый разъ онъ это въ околodкѣ дѣлаетъ: дѣвокъ таскивалъ; одна такъ некакъ совсѣмъ такъ и пропала; только то, что на нашей памяти не чуть было этого. И пришла мнѣ, кормилецъ, на разумъ опять моя побранка, какъ я тогда грѣшнымъ дѣломъ, въ сердцахъ-то, все къ нему посылала. Это хоть бы и съ другими привлючалось тоже отъ маткиныхъ нехорошихъ словъ; а мы, дуры-бабы, будто поопасимся?... не то, что взрослыхъ, а и младенцевъ почасту: «чортъ бы тя побралъ, лѣшій бы тя взялъ»; хорошихъ словъ говорить не умѣемъ, а эти поговорки всѣ на языкѣ.

«— Какъ это, говорю, голубушка, онъ тебя утащилъ?

«— А такъ, говоритъ, мамонька: шла я съ бесѣдокъ, вдругъ на меня словно вихорь набѣжалъ, подхватилъ какъ на руки, перекреститься я не успѣла, онъ и понесъ меня, несъ... несъ — все дичью.

«— Что же, говорю, дѣвонька, ты тамъ-то дѣлала, гдѣ жила, что пила, ѣла?

«— Не спрашивай, говоритъ, мамонька, меня про это: противъ этого мнѣ сдѣланъ большой запретъ. Пила и ѣла я тамъ хорошо, а если хоша еще одно слово тебѣ скажу больше того, что я те баяла, такъ тѣмъ же часомъ должна моя жизнь покончиться.

«Не стала я ее, батюшка, больно принуждать: може, думаю, и правда.

«— Какъ же, говорю я, ты домой-то попала?

«— Тѣмъ же, говорить, мамонька, вихремъ; принесли да бросили въ сѣни, — а тутъ что было, не помню.

«Только-то мнѣ, кормилецъ, и сказала; до сегодня больше ничего отъ нея добиться не могу, вижу только, что всякій часъ въ тоскѣ: работы али пищи и не спрашивай! —

«Выслушалъ я, знаете, старуху.

«— Давно ли же, говорю, съ нею припадкиначались дѣлаться?

«— Припадки съ ней, батюшка, начались дѣлаться съ перваго же воскресенья. Пошла съ нею къ обѣдни, тутъ ее впервые и ухватило: хлястанулась на полъ и начала выкликать.

«Надобно сказать, что при всемъ этомъ нашемъ разговорѣ присутствовалъ и дуракъ мой Пушкаревъ; выслушавъ старуху, онъ вдругъ вздумалъ власть свою полицейскую и удалъ свою военную передъ ней показывать.

«— Ну, говорить, баушка, мы дочку твою лечимъ; у насъ отличное отъ этого есть лекарство: березовая лапша.

«Старуха такъ и заревѣла.

«Я сталъ ее унимать, а онъ, болванъ, продолжаетъ свое.

«— Гдѣ же, говорить, у васъ этотъ лѣшій? сказывай! Я его за воротъ притащу и тысячу палокъ дамъ, такъ скажетъ, кто такой и какого званія.

«— Это, сударь, какъ сказать, замѣчаетъ ему Аксинья: — ну какъ, говорить, не притащишь?

«— Притащимъ, не безпокойся, отвѣчаетъ тотъ: — у насъ, говорить, ваше благородіе, обращается

ко мнѣ: — въ полку одинъ солдатъ тоже сталъ колдуномъ прикидываться. Стояли мы тогда по деревнямъ. Онъ поймаетъ въ лѣсу корову, намажетъ ей языкъ мыломъ: та — и ну метаться, какъ благая: прибѣжитъ на дворъ, языкъ шероховатый, слюны много, валомъ-валить пѣна. А бабы: «ахъ, ахъ! тѣлонька! что сдѣлалось съ тѣлонькой?...» А онъ тутъ и прикатить. «Что, — говоритъ: — голубушки, на дворѣ, что ли, у васъ не здорово? Дай-ка я, — говоритъ — попользую.» — «Попользуй, кормилецъ, попользуй, поилецъ.» Онъ сдеретъ съ нихъ рублей пять, промочетъ языкъ щелокомъ, и вылечитъ корову! Вотъ вѣдь ихніе колдуны какіе! и дѣшій здѣшній какой-нибудь изъ этихихъ.

«— Не знаю, служивый, какъ у васъ было, — продолжаетъ возражать старуха: — а здѣсь не то: вы, може, сегодня ночуете, такъ самъ послушаешь: голоситъ кажынную, почестъ, ночь, иидо на дворъ боязно выдти.

«— Да вѣдь это, тетка, — говорю я, — филинъ птица.

«— Баяли, кормилецъ, многіе это намъ бають, а только нѣтъ, родимый, не птица; филиновъ у насъ мальчишки давливали, съ полъ-года одинъ жилъ, никакого голоса не далъ, а ужъ этотъ противъ птицы ли, на весь околотокъ чуть, какъ голоситъ.

«Что станешь дѣлать, не переувѣришь ихъ!

«— Ну, говорю, старуха, много ты говорила дѣла, да много и вздору намолола: пошли-ка лучше ко мнѣ дочку: я съ ней поговорю; авось она мнѣ больше правды скажетъ. Сможетъ ли она придти?

«— Сможетъ, кормилецъ, для-ча не смочь: пролежалась теперь.

«— Пошли, говорю, ее ко мнѣ, а сама не приходи: мы съ ней побесѣдуемъ вдвоемъ.

«Пушкареву тоже велѣлъ выйти. Пришла ко мнѣ дѣвка-съ; оглядѣлъ ее внимательно: пріятная изъ лица, глаза голубые, на выкатѣ, сама бѣлая и, что удивительно, съ малолѣтства въ работѣ, а руки нѣжныя какъ у барыни.

«— Здравствуй, говорю, красавица.

«— Здравствуйте, говоритъ, сударь.

«— Садись, говорю, чѣмъ стоять.

«— Ничего-съ, говоритъ, постою.

«— Полно, говорю, вѣдь ты больна: устанешь; садись!

«Сѣла она этакъ поодаль, поглядываетъ на меня изъ подлѣбья.

«— Чѣмъ это ты, говорю, больна? что такое съ собой бываетъ?

«— А бываетъ, сударь, привалитъ у сердца, въ головѣ сдѣлается этакой бахмурь, въ глазахъ потемнѣетъ, а опосля и сама ничего не помню-съ.

«— Отчего это съ тобой сдѣлалось?

«— Изволили, чай, слышать, отвѣчаетъ, а сама еще болѣе потупилась.

«— Это, говорю, что лѣшій-то тебя таскалъ?

«— Да-съ, говоритъ, съ самой съ той поры и начало хватывать.

«— Слушай, говорю, Мареушка, ты, я вижу, дѣвушка умная: скажи мнѣ, какъ по твоему, лгать грѣхъ али нѣтъ?

«— Какъ, сударь, не грѣхъ! вѣстимо, что грѣхъ.

«— Такъ какъ же, говорю, знать ты это знаешь, а сама лжешь, и не въ пустякахъ какихъ-нибудь, а

призываешь на себя нечистую силу. Ты не шути этимъ: грѣха этого тебѣ, можетъ быть, и не отмо- лить. Все, что ты матери плела на лѣшаго, какъ онъ тебя вихремъ воровалъ и какъ послѣ подкинулъ, — все это ты выдумала, ничего этого не бывало, а если и сманивалъ тебя, такъ какой-нибудь человѣкъ, и тебѣ не слѣдъ его прикрывать.

«— Ничего я, сударь, окромя, что мамонькѣ гово- рила, ничего я не знаю больше!—А у самой, знаете, слезы такъ и текутъ.

«Бился я съ ней по крайней мѣрѣ съ полчаса: все думалъ лаской взять.

«— Будь, говорю, Мареушка, со мной откровенна; вотъ тебѣ клятва моя, я старикъ, имѣю самъ дѣтей, на вѣтеръ словъ говорить не стану: скажи мнѣ только правду, я твой стыдъ дѣвичій поберегу, даже матери твоей не скажу ничего, посоветую хорошее и дамъ тебѣ лекарства.

«Ничего не беретъ, уперлася въ одномъ: «знать не знаю, вѣдать ничего не вѣдаю,» такъ что даже разсердила меня.

«— Ну, говорю, Мареа, ты, я вижу, не боишься Божьяго суда, такъ бойся моего: я твое дѣло сторо- ной раскрою, тогда ужъ не пеняй.

«Молчить.

«Отпустилъ я ее; досадно немного: солнце ужъ садилось, день, значить, потерянь. Вхвать — пожа- луй и дороги не найдешь. Остался и у Устиньи но- чевать, напился чаю и только хотѣлъ улечься въ свой тарантасъ, вдругъ подходитъ Пушкаревъ.

«— Ваше благородіе, лѣшій, говоритъ, заправду началъ кричать; не угодно ли послушать?

«Заинтересовало это меня: слыхалъ я объ этихъ лѣшихъ,— слыхалъ много, а на опытъ самъ не имѣлъ. Вышелъ я изъ своего договища въ калиткѣ, и точно-съ, на удивленіе: гулъ такой, что я бы не повѣрилъ, если бы не своими ушами слышалъ: то ржетъ, на-примѣръ, какъ трехъ-годовалый жеребенокъ, то вдругъ захохочетъ, какъ человекъ, то перекликаться, аукаться начнетъ, потомъ въ ладоши хлопаетъ, а по зарѣ, знаете, такъ во всѣ стороны и раздается.

«Храбрецъ мой Пушкиревъ стоитъ только да бормочетъ про себя: «Эка поганая сторонка!» Да и со мной, воображеніе, что ли, играетъ: самъ очень хорошо понимаю, что это птица какая-нибудь, а между тѣмъ морозъ по кожѣ пробѣгаетъ. Послушалъ я эту музыку, но такъ какъ день-то-деньской, знаете, утомился, легъ опять и сейчасъ же заснулъ богатырскимъ сномъ. На другой день проснулся часу въ девятомъ, кличу Пушкирева, чтобъ велѣть лошадей закладывать. Является онъ ко мнѣ.

«— Ваше благородіе, говоритъ, у насъ неблагополучно.

«— Что такое?

«— Дѣвка-то опять пропала!

«— Какъ, говорю, пропала! земская, говорю, полиція, мы съ тобой здѣсь, а она пропала: ты чего смотрѣлъ?

«— Я, ваше благородіе, говоритъ, всю ночь не спалъ, до самой, почестъ, зари песъ этотъ гагайкадъ: до сна ли тутъ! всю ночь, говоритъ, сидѣлъ на сѣновалѣ и трубку курилъ, ничего не слыхалъ.

«Иду я на улицу-съ; мужиковъ, бабъ толпа, толгуютъ промежь собой и приходятъ попрежнему на

лѣшаго. Авсинья мечется, какъ полоумная, по деревнѣ, все ищетъ, знаете. Сдѣлалось мнѣ на этого лѣшаго не въ шутку досадно: это ужь значитъ изъподъ носу у исправника украсть. Сдѣлалъ я тутъ же по всей деревнѣ обыскъ, разослалъ по всемъ дорогамъ гонцовъ, — ничего нѣтъ; ѣду въ Марково: тамъ тоже обыскъ, Егоръ Парменычъ дома, юлитъ передо мной.

«— Что-такое, говорить, значитъ? что такое случилось?»

«Я ему ни слова не говорю, перебилъ все до снѣга пороха, однако, чего искалъ, не нашелъ.

«Ну, — думаю: — за это дѣло надобно приниматься другимъ манеромъ.

«Былъ у меня тогда въ Михайловской сотнѣ сотскій, прерасторонный мужикъ: лѣтъ пятнадцать въ службѣ, знаете, понаторѣлъ, и, кромѣ того, если въ какомъ дѣлѣ порастолкуешь да припугнешь нешного, такъ и не обманетъ. Пріѣхавъ въ городъ, вызываю я его къ себѣ.

«— Слушай, говорю, Калистратъ: въ Погорѣловской волости мостъ теперь строятъ натурой: ты командирешься присматривать туда за работами, — это дѣло тебѣ само по себѣ; а другое: тамъ, изъ Дмитревскаго, дѣвка пропадаетъ во второй ужь разъ, и приходятъ, что будто бы ее лѣшій воруетъ. Это, братецъ, пустяки!

«— Пустяки-съ, говорить, сударь, безъ сомнѣнія, что пустяки.

«— Ну, стало-быть, ты это понимаешь, и потому, бывъ тамъ, не зѣвай, и расспрашивай, кого знаешь, что и какъ. Если слухъ будетъ, сейчасъ же наврой

ее и ко мнѣ представь. Сверхъ того, въ этомъ дѣлѣ Егоръ Парменычъ что-то плутуетъ, держи его покуда на глазахъ и узнавай, гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Однимъ словомъ, или сыщи мнѣ дѣвку, или по крайней мѣрѣ обтопчи ея слѣдъ и провѣдай, какъ и отчего и съ кѣмъ она бѣжала. Самъ я тоже буду узнавать и если что помимо тебя дойдетъ до меня, значить ты плутуешь; а за плутни, самъ знаешь, что бываетъ.

«— Понимаемъ, сударь, говорить, не первый годъ при васъ служимъ; только какъ донесеніе приважете дѣлать?»

«— Донесеніе, говорю, если что важное откроешь, такъ сейчасъ же, а если нѣтъ, то какъ кончится работа, тутъ и донесешь.

«— Слушаю-съ, говоритъ онъ, и отправился.

«Жду недѣлю, жду другую —ничего нѣтъ; между тѣмъ выѣхалъ въ уѣздъ и прямо во второй станъ. Опредѣлили тогда мнѣ молодого становаго пристава; онъ и самъ позашалился, и дѣла позапуталъ; надобно было ему пару поддать; пріѣзжаю, начинаю свое дѣло дѣлать, вдругъ тотъ же Пушкаревъ приходитъ ко мнѣ съ веселымъ лицомъ.

«— Ваше благородіе, дмитревская, говоритъ, дѣвка, что сбѣжала, явилась.

«— А, говорю, доброе дѣло! гдѣ ты узналъ это?

«— Матка пришла сюда съ ней въ станъ, къ вамъ просятся!

«— Давай ихъ сюда!

«Обрадовался, знаете. Входитъ ко мнѣ Аксиныя, покуда одна.

«— Здорово, старуха!

«— Здравствуйте, кормилецъ!

«— Что, дочку нашла?

«— Нашла, родимый!

«— Какимъ манеромъ: опять лѣшій подкинулъ?

«— Какое, ваше высокоблагородіе, лѣшій! дѣло совсѣмъ другое выходитъ. На васъ только теперь и надежда осталась: не оставьте хоша вы насъ, сиротъ, вашей милостью.

«— Идетъ, говорю, только ты много не разглагольствууй, а говори прямо дѣло.

«— Нѣтъ, сударь, може, вы мнѣ и не повѣрите; оспросите ее самое, она сама собой должна заявить; я ее нарочно привела.

«— Ладно, говорю, позовите дѣвку.

«Входитъ худая этакая, изнуренная.

«— Ну, дѣвица красная, очень радъ тебя видѣть; сказывай, гдѣ ты это пропадала; только смотри, не лги, говори правду.

«— Нѣтъ, сударь, говоритъ, пошто лгать! недляча мнѣ теперь лгать: ни себя, ни другихъ не покрою.

«— Конечно, говорю, рассказывай, кто тебя сманилъ? и гдѣ ты была во второй и въ первый разъ?

«— Въ первой, говоритъ, разъ, сударь, жила я на чердакѣ въ господскомъ домѣ, въ Марковѣ, а второй проживала у погорѣльскаго лѣсника,

«— Какъ, говорю, въ господскомъ домѣ? какъ ты туда попала?

«Молчитъ.

«— Изъ дворовыхъ ребятъ, что ли, тебя кто за-тащилъ туда?

«Потупилась, знаете, такъ покраснѣла.

«— Никакъ нѣтутка-сь, говоритъ.

«— Такъ не сама же ты туда зашла! зачѣмъ и для чего?»

«— Гдѣ, сударь, самой! не сама.

«— Такъ кто же? говори наконецъ!»

«Молчить.

«— Что жь молчишь? вмѣшалась мать:— сама, говоритъ, пожелала господину исправнику заявить, а теперь не баешь. Бай ему все. Егоръ, сударь, Парменычъ, управитель нашъ, загубилъ ея дѣвичій вѣкъ. Рассказывай, воровка, какъ дѣло-то было; что при-тихла!»

«— Рассказывай, говорю, Марѳуша: здѣсь только мать твоя да я; оба тебѣ добра желаемъ. Егоръ Парменычъ, что ли, тебя сманилъ?»

«Еще пуще моя дѣвка покраснѣла и потупилась въ самую землю.

«— Онъ-съ, — говоритъ со вздохомъ.

«— Для чего же это, я говорю, онъ тебя сманивалъ? пригуляла, что ли, ты сънимъ?»

«Опять молчить. Я посмотрѣлъ на матку: та стоитъ пригорюнившись, и на мои слова кивнула мнѣ головой, и прямо говоритъ:

«— Пригуляла, кормилецъ,— таить передъ тобой чего, пригуляла, страмовщица этакая! Кабы не мое материнское сердце, изорвала бы ее въ куски... Дѣвка песь—больше ничего, — губительница своя и моя!... То мнѣ, кормилецъ, горько, въ кого она, варварка, родилась, у кого брала эти примѣры да науки!»

«Дѣвка въ слезы, а старуха и пошла трезвонить. Мать-съ,—обидно и больно, какъ дѣти худо что дѣлаютъ. Я самъ отецъ: по себѣ сужу; только откровенно вамъ сказать, въ этотъ разъ стало мнѣ больше

дочку жаль. Вижу, что у ней слезы горькія, неприторныя.

«— Перестань, говорю, сбрыхъ: стараго не воротишь; дѣвкѣ не легче твоего. Не слушай, говорю, Мареуша, матери, разговаривай со мной: полюбила, что ли, ты его?

«— Да, сударь.

«— Очень любила?

«— Очень, сударь, большое пристрастіе мое къ нему было.

«— Какъ же, говорю, ты такая хорошенькая — и влюбилась въ такую скверную рожу? Деньгами, что ли, онъ тебя соблазнилъ?

«— Нѣту-тка, сударь! дѣло мое дѣвичье: пошто мнѣ деньги? На деньги бы я николи не пошла, если бы не пристрастка моя къ нему.

«Я только, знаете, пожалъ плечами, — вотъ, думаю, по пословицѣ, понравится сатана лучше яснаго сокола, и главное, мнѣ хотѣлось узнать, какъ у нихъ все это шло, да и фактами желалъ запасться, чтобъ ужь Егорку цапнуть ловчѣе. Сталъ я ее дальше разспрашивать — только тупится.

«— Что же ты, говоритъ ей мать опять: — коли дѣло дѣлали, такъ рассказывай!

«— Ничего, говоритъ, мамонька, не стану я говорить: какъ, говоритъ, мнѣ про мою стыдобушку самой баять! Ничего я не скажу, — а сама, знаете, опять навзрыдъ зарыдала.

«Никогда, сударь мой, во всю мою жизнь, во всю мою полицейскую службу, такихъ слезъ не видывалъ. Имѣлъ я дѣло съ ворами, мошенниками настоящими, и многіе изъ нихъ передо мной раскаивались;

но этакого, знаете, стыда и душевнаго раскаянія, какъ у этой дѣвки, не встрѣчалъ: вообразить, на-примѣръ, она себѣ не можетъ свой проступокъ, и это, по моему, признакъ очень хорошій. Я вотъ и по дѣламъ замѣчалъ: котораго такъ начнешь разспрашивать, стыдить, а ему ничего, только и говорить: «моя душа въ грѣхѣ, моя и въ отвѣтѣ», — тутъ ужь добра не жди, значить человѣкъ потерянный; а эта дѣвушка, вижу, не изъ такихъ. Больше ее разспрашивать мнѣ даже стало жаль.

«— Ну, говорю, Марушка, коли не можешь, такъ и не говори,— и велѣлъ, знаете, выйти ей въ сѣни— будто освѣжиться отъ слезъ, — а Аксинья мигнула, чтобы пріосталась

«— Что, говорю, старуха, хоть ты не знаешь ли, что у нихъ было?

«— Выпытывала я, кормилецъ, изъ нея: баяла она мнѣ много; не знаю, все ли правда!

«— Какъ и когда и какимъ это манеромъ, говорю, онъ ее соблазнилъ?

«— Вотъ видишь, говоритъ, онъ и напередъ того на праздникахъ тамъ, али бо-што, часто ко мнѣ на-ѣзжалъ, иной разъ ночку и двѣ ночуетъ; я, вотъ, хоть убей на мѣстѣ, ничего въ замѣтку не брала, а онъ, слышь, по ея 'рѣчамъ, и въ тѣ поры еще большія ласки ей дѣлалъ.

«— А тутъ, говорю, на барщину, потребовали!

«— Ну, да, родимый, тутъ барщина эта подошла: свиданія у нихъ стали частыя. Онъ ее, слышь, кормилецъ, все въ одиночку на работу посылалъ, то въ саду заставитъ полоть, либо пшеницу тамъ обжа-стать, баню истопить, бѣлье вымыть, а самъ все

къ ней заходитъ, будто надсматривать; хозяйка его тѣмъ лѣтомъ прытко хворала, и онъ, будто, такое имѣлъ намѣренье: «какъ, говоритъ, супружница моя жизнь покончитъ, такъ, говоритъ, Марѳеушка, я на тебѣ женюсь; баринъ мнѣ невѣстою не постоитъ: кого хочу, того и беру.» Самъ, знаешь, хитрый человѣкъ: хощь кого на словахъ уговорить да умаслить; а она что еще? теперь-то разума немного, а въ тѣ поры и подавно... Не была бы она у меня, кормилецъ, такая, кабы не этотъ человѣкъ! Не въ кого быть такой, — хоть бы про себя самое мнѣ сказать: съ-молода была сердцемъ любчива, а чтобы насчетъ худаго— нѣтъ у насъ такихъ въ роду.

«— Это такъ, говорю, старуха, про это и толковать нечего; только мнѣ хочется знать, зачѣмъ онъ ее увозилъ и какъ онъ это сдѣлалъ.

«— Увезъ онъ ее, кормилецъ, одно дѣло то, что я отъ задѣляя ее отвела, пошугала тоже маненько: видить, на моихъ глазахъ ему дѣлать нечего больше было; а другое: не знаю, може, ея слова справедливы, а може и нѣтъ, она мнѣ баяла, что до самаго сбѣга ея промежь ихъ была одна сухая любовь... Пучеглазый его Николашка кучеръ съ самой весны живмя жилъ въ нашей деревнѣ: все, знаешь, за охотой ходилъ; мѣста, вишь, у насъ больно хороши для охоты. Черезъ него онъ ей вѣсточку и далъ, чтобы вечеромъ къ нимъ на ободворки вышла. Съ посядовъ-то она, кормилецъ, къ нимъ и прибѣжала, а они, сударикъ, ее будто отъ холода и уговорили выпить цѣлый стаканъ винища, — крѣпкаго винища... Дѣвкѣ непривычной много ли надо: сразу обезпамятѣла! Что у нихъ тутъ было, не знаю; волей али

неволей, только усадили они ее въ сани да въ усадьбу и увезли, и сначала онъ ее, кормилецъ, поселилъ въ барскомъ кабинетѣ, а тутъ, со страху, что ли, какого, али такъ, перевелъ ее на чердакъ, и стала она словно арестантка какая: что хотѣлъ, то и дѣлалъ; а у ней самой, кормилецъ, охоты къ этому не было: съ первыхъ дней она въ тоску впала и все ему говорила: «экое, говоритъ, Егоръ Парменычъ, ты надо мною дѣло сдѣлалъ; отпусти ты меня къ мамонькѣ; не май ты ни ее, ни меня.» Онъ обѣщалъ ей кажинный разъ л все обманывалъ; напоследокъ она ему говоритъ: «если ты меня изъ моей заперти не выпустишь, такъ я, говоритъ, либо въ окошко прыгну, либо что надъ собой сдѣлаю.» Этихъ словъ онъ, кормилецъ, поопасился: «хорошо говоритъ, Марѣушка, я тебя къ матери привезу; только ты ничего не рассказывай, а притворись лучше нѣмой, а если, паче чаянія, вакова пора не мѣра, станутъ къ тебѣ шибко приступать пли сама собой проговоришь какъ-нибудь, такъ скажи, говоритъ, что тебя дѣшій воровалъ, вихремъ унесъ, а что тамъ было, ты ничего не помнишь. Кто бы тебя, говоритъ, ни сталъ спрашивать, хоша я самъ али какой чиновникъ, не сговаривай: стой въ одномъ; а нето будетъ хуже: сама пропадешь да и мнѣ не уйти.» Дальше, кормилецъ, что было, самъ знаешь. Послушаться она его точно послушалась, только сердцемъ начала больно тосковать, а съ тоски этой, вѣстимо, и припадки стали приключаться; въ церковь Божию сходить хочется, а выстоять не можетъ. «Много разъ, говоритъ, мамонька, сбиралась тебѣ всю правду открыть, только больно стыдно было.»

«— По какому же чорту, — спрашиваю я, — она опять съ нимъ убѣжала?

«— Тоже не своей волей: въ тѣ поры, какъ ты къ намъ наѣхалъ и началъ развѣдывать, онъ той же ночью влѣзъ къ ней въ чуланчикъ въ слуховое окно и почалъ ее пугать: такъ и такъ, говоритъ, наѣхалъ исправникъ и онъ ты завтра посадитъ въ кандалы и пошлетъ въ Сибирь на поселенье! а коли хочешь спастись, сбѣги опять со мной: я, говоритъ, спрячу тебя въ такое потаенное мѣсто, что никто николи тебя не отыщетъ. Отъ страху да отъ глупости опять пошла по его стопамъ. Посадилъ онъ ее этимъ разомъ къ дѣснику въ сторожку. Напала на нее пуще того тоска несосвѣтима, двѣ недѣли только и знала, что исходила слезамъ; отпускать онъ ее ни какъ не отпускалъ, приставилъ за нею караулъ крѣпкій, и какъ ужъ она это спроворила, не знаю, только ночью отъ нихъ, кормилецъ, тайкомъ сбѣжала и блудилась по дѣсу, не пимши, не ѣмши двоихъ сутокъ, вышла аяли къ Николѣ-на-Гриву, верстъ за тридцать отъ нашей деревни. Спасибо, что знакомый мужичекъ довезъ. Словно полоумная пришла шовалилась мнѣ въ ноги и все открыла, что те ба-яла. Какъ хошь, кормилецъ, вѣрь или не вѣрь, а я словечка не прибавлю.

«— Вѣрю, говорю, и даю тебѣ честное слово, что я съ вашимъ губителемъ, Егоромъ Парменовымъ, распоряжусь отлично: я давно до него добираюсь!

«— Нѣтъ, кормилецъ, отвѣчаетъ мнѣ старуха: — я не то что къ тебѣ съ жалобой, али тамъ, чтобы ему худо чрезъ насъ было; говорить неча: сама дура-дѣвка виновата. — не оправляю я ее! ты только

тѣмъ, родимый, заступись, чтобъ онъ насъ прижимать шибко не сталъ.

«Между тѣмъ, знаете, является и сотскій, котораго я командировалъ, и такимъ манеромъ я, чтобы и его испытать, да и матку съ дочкою повѣрить, ихъ сейчасъ въ особую комнату, а его къ себѣ.

«— Что, говорю, братецъ, скажешь хорошенькаго?

«— Дмитревская дѣвка, говоритъ, ваше благородіе, нашлась, сама пришла къ матери.

«— Гдѣ же это она была и пропадала? спрашиваю я, будто самъ, знаете, ничего еще не знаю.

«— Была-съ невдалекѣ: по лѣсу шлялась, съ управителемъ прибаловала. Онъ ей самъ и пристанодержательствовалъ въ тотъ и этотъ разъ.

«— Полно, говорю, братецъ, не можетъ быть.

«— Вѣрно, ваше благородіе: онъ на эти дѣла преловкій; это не первая-съ.

«— Не первая, говорю, значитъ онъ ходокъ?

«— Ходокъ-съ. Я по вашему приказу обтопталъ всѣ его слѣды,—отвѣчаетъ мнѣ сотскій и началъ, знаете, насчитывать: и въ Марковѣ — Палагея да Марья, и въ Варгунихѣ — солдатка Ѳекла, и на мельницѣ — мельничиха, и такъ далѣе. ●

«— Что же, говорю, жена-то его: чего смотритъ?

«— До жены не доводятъ, а коли гдѣ сама что замѣтитъ, потачки не дасть: строго спроситъ.

«Я только плюнулъ. Дѣлай онъ это, каналья, гдѣ-нибудь въ бойкихъ мѣстахъ, — чортъ его дери! а тутъ, знаете, народъ нравственный въ этомъ отношеніи: онъ эту моду завелъ, а съ его примѣру, пожалуй, и другіе начнутъ. Однакожь, чтобъ на словахъ сотскаго не раскусить цустишки, подъ разными

предлогами, объѣхалъ я всѣ эти показанныя мѣста, ласками да шуточками повыспросилъ, что мнѣ нужно было: оказалось, что все правда, и только-что потомъ я вернулся въ станъ, вдругъ докладываютъ, что Егоръ Парменовъ пріѣхалъ и желаетъ меня видѣть. Милости, говорю, просимъ. Входитъ, расшаркивается. Здравствуйте, говорю, молодой человѣкъ! какъ ваши дѣла и обстоятельства?

«— Да что, говоритъ, сударь, дѣла мои плохія: я такъ и такъ наслышенъ, что меня оговариваетъ бѣглая дмитревская дѣвка, аки бы я самъ ее сманивалъ и тамъ будто бы прочее другое.

«— Да, говорю, Егоръ Парменычъ, есть такое дѣльце.

«— Сдѣлайте милость, батюшка, говоритъ, я, говоритъ, пріѣхалъ просить вашего снисхожденія. Позвольте мнѣ противъ этого имѣть свое оправданіе: это все дѣлается не что иное, какъ по злобѣ противъ меня; на первый разъ точно-съ, какъ эта дѣвка сбѣжала, я, по молодости ея лѣтъ, заступился даже за нее передъ вотчиной, но ей и матери сказалъ такъ, что если будетъ въ другой разъ, такъ не помилую. Она этому не вняла: сдѣлала еще разъ, а теперь, чтобы имѣть увертку, чего лучше, — свали на меня, да и баста. Если она говоритъ, что я ее сманивалъ: одинъ я этого сдѣлать не могъ, не въ карманѣ же мнѣ было ее держать! Пусть она покажетъ, кто ее, по моему приказу, держалъ, да тѣхъ людей и спросить: что они скажутъ, тогда и раскроется, кто правъ и кто виноватъ. Про самое старуху всякій вамъ скажетъ: маята моя пзо всей вотчины, хуже всякаго потеряннаго мужика, — хитрая,

злобная, грубая; а дочка тоже-съ, яблоко отъ дерева недалеко падаетъ, съ двѣнадцати лѣтъ пошла, можетъ быть, на всѣ четыре стороны. Коли ужъ послѣ этого этакимъ людямъ станутъ вѣру давать, такъ лучше не жить на бѣдомъ свѣтѣ.

«Слушаю я его и едва только себя сдерживаю: значить, у человѣка совѣсть потеряна, лжетъ нагло и хоть бы въ одномъ словѣ заикнулся, — какъ по писаному катаетъ.

«— Что же, говорю, Егоръ Парменычъ, такъ ужъ очень эту дѣвушку ты порочишь? какая-нибудь Палагея марковская, солдатка Фекла изъ Варгунихи, или тамъ мельничиха не лучше ея.

«Онъ немного сконфузился, но на секунду-съ, и опять какъ ни въ чемъ не бывало.

«— Я ее, сударь, говоритъ, не порочу противъ другихъ: она или другія прочія, всѣ мнѣ равны.

«— Полно, говорю, Егоръ Парменовъ, петли мѣшать, фигли-мигли выкидывать: я вашей братьи говоруновъ черезъ свои руки тысячи пропустилъ! по слову разберу, что солгалъ и что правду сказалъ. Тебѣ меня не обмануть: я все знаю.

«— Я, сударь, заюлилъ онъ: — не ради обмана, а только припадаю къ вашимъ стопамъ: вотчина начинается противъ меня строить разныя выдумки, заступы я себѣ ни отъ кого не вижу, не замарайте меня, маленькаго человѣка, на вѣки предъ господиномъ, а за добродѣтель вашу я благодарность чувствовать могу, хоть бы изъ денегъ, что ли, али вещами какими не потягощусь, а еще за благодареніе сочту.

«Я усмѣхнулся, и вздумалось мнѣ, знаете, съ нимъ, мошенникомъ, маленькую шутку съиграть.

«— Если, говорю, Егоръ Парменычъ, ты сталъ такимъ манеромъ говорить, такъ дѣло, значить, принимаетъ другой оборотъ; какъ бы съ этого ты началъ, такъ мы, можетъ быть, давно бы все и покончили.

«— Не смѣль-съ, сударь, говорить; откровенно вамъ доложу, человекъ я отъ природы робкій, иной разъ, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, и подступиться къ вамъ не смѣешь: съ вами говорить не то, что съ кѣмъ-нибудь, — ума вы необыкновеннаго, а мы люди самыхъ маленькихъ понятій.

«— Это, говорю, что! — это присказки; а ты мнѣ говори сказку, какъ и что будетъ отъ тебя?

«— Я бы, сударь, говорить, спросилъ васъ самихъ назначеніе сдѣлать. Вы чиновникъ не маленький: назначать я вамъ не могу, а долженъ только удовлетворить съ удовольствіемъ, чего сами потребуете.

«— Хорошо, братецъ, я отъ этого не прочь, изволь, говорю я, только вотъ видишь что: совѣсти моей до сей поры я еще не продавалъ, слѣдовательно мнѣ на первый разъ за пустяки ее уступить не слѣдуетъ — десяти цѣлковыхъ не возьму.

«— Какъ возможно-съ — десять цѣлковыхъ! совѣсть — вещь драгоцѣнная, — возражаетъ онъ мнѣ.

«— Не то, что, говорю я, совѣсть ужь драгоцѣнная, а за твое, напимѣръ, дѣло можно взять тысячекъ сто на ассигнаціи.

«Его, знаете, такъ и попятило: и смѣется, и поблѣднѣлъ, и не знаетъ, какъ понять мои слова.

«— Какъ, сударь, говорить, сто тысячъ!

«— А что же такое? говорю я.

«— Очень много-съ, говорить, этакихъ денегъ у меня и въ рукахъ не бывало, мнѣ и не сосчитать.

«— Ничего, говорю, вмѣстѣ сосчитаемъ; не обочту, не бойся.

«— Оно точно-съ; только, сударь, помплуйте; сумма-то ужь эта ни съ чѣмъ несообразна.

«— Отчего жь несообразна? у тебя, я думаю, въ варманѣ лежитъ около того, а чего неостанетъ, я и въ долгъ повѣрю.

«— И сотой части, сударь, около того нѣтъ. Шутить надо мной изволите; я не больше того, какъ въ шутку принимаю ваши слова.

«— То-то и есть, любезный, началъ ужь я ему говорить серьезно: — хорошо, что ты скоро догадался. Неужели же ты думаешь, что я изъ-за денегъ стану съ тобой заодно плутовать и мошенничать?

«И началъ ему потомъ высчитывать вся и все: всѣ ему его добрыя дѣянiя представилъ, какъ въ зеркалѣ; но... какъ бы вы думали, милостивый государь... у него достало духу отъ перваго до послѣдняго моего слова во всемъ запереться: по его понятiю, правѣй челоуѣка на свѣтѣ нѣтъ! Хоть бы маленькое раскаянiе въ томъ, что дурно дѣлалъ! Толковалъ, толковалъ съ нимъ такъ, что въ горлѣ пересохло, наконецъ выслалъ отъ себя и съ первой же почтою написалъ барину письмо, съ подробнымъ изложенiемъ всѣхъ обстоятельствъ. Что будетъ на это письмо, не знаю-съ, а жду отвѣта съ большимъ нетерпѣнiемъ.»

III.

Слѣдствіе мы производили около двухъ недѣль. Передъ самымъ потомъ отъѣздомъ, исправникъ пришелъ ко мнѣ съ торжествующимъ лицомъ.

— Что это, Иванъ Семенычъ, вы сегодня что-то очень веселы? — замѣтилъ я ему.

— Да-съ, веселенекъ, отвѣчалъ онъ: — сегодня я получилъ письмо отъ барина Егора Парменова, которое душевно меня порадовало.

— Какого же содержанія? — спросилъ-было я.

— Ну, ужъ этого я теперь вамъ не скажу, а вы сами увидите, когда поѣдемъ назадъ черезъ Марково, — сказалъ онъ, и во всю дорогу, несмотря на мои расспросы, ничего мнѣ не объяснилъ, а, пріѣхавъ въ Марково, велѣлъ собрать сходъ.

Егоръ Парменовъ сейчасъ явился къ намъ, блѣдный, худой, такъ что я его едва узналъ.

— Батюшка Иванъ Семенычъ, — отнесся онъ прямо къ исправнику: — позвольте мнѣ съ вами два слова наединѣ сказать.

— Да зачѣмъ же наединѣ? — возразилъ ему тотъ: — если тебѣ что нужно, такъ говори и при господинѣ чиновникѣ. Секретовъ у меня съ тобою не было, да и быть не можетъ.

— Это дѣла-съ собственныя мои, домашнія, такъ какъ я получилъ отъ господина моего письмо, съ большими къ себѣ и женѣ моей выговорами, — за что и про что, не знаю: только и сказано, чтобъ я сейчасъ же исполнилъ какое отъ васъ будетъ приказаніе. Разрѣшите сударь, Бога ради, какъ и что

такое? я однимъ мнѣніемъ измучился пуще, Богъ знаетъ, чего.

— Приказаніе мое я объявлю тебѣ на сходкѣ, отвѣчалъ исправникъ.

— Сходка готова; только мнѣ до сходки желалось бы знать ваше распоряженіе, — проговорилъ Егоръ Парменовъ.

— А коли готова, такъ и пойдёмъ, — сказалъ исправникъ и пошелъ.

Я послѣдовалъ за нимъ, Егоръ Парменовъ тоже. Проходя мимо флигеля, въ которомъ тотъ жилъ, исправникъ обернулся къ нему и сказалъ:

— Потрудись, Егоръ Парменычъ, (зайти и за женою: надобно, чтобы и она тамъ была.

— Да она-то тамъ зачѣмъ же нужна-съ!

— Да такъ ужь, такъ надобно.

Егоръ Парменовъ пожалъ плечами, пошелъ во флигель, но скоро вернулся.

— Нельзя ли, батюшка, жены не требовать: женщина она непривычная, на сходкахъ мужицкихъ не бывала. Сдѣлайте-съ такую Божескую милость, освободите ее, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, любезный, нельзя, — такое ужь дѣло идетъ — нельзя, — возразилъ хладнокровно исправникъ.

Егоръ Парменовъ вздохнулъ, махнулъ рукою и пошелъ опять во флигель.

— Иванъ Семенычъ, не жестоко ли это? замѣтилъ я ему.

— Ничего-съ! она вотъ услышитъ и распорядится съ супругомъ лучше всѣхъ насъ.

Мы вошли въ сборную избу, гдѣ ужь была цѣлая толпа мужиковъ. <http://rcin.org.pl>

— Здравствуйте, братцы!—сказалъ исправникъ.

— Здорово, бачка! здорово, кормилецъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Какъ живете-можете?

— Помаленьку, кормилецъ! Какъ твое благополучіе?

— Тоже помаленьку: живу да хлѣбъ жую.

— И дай-те Господи много лѣтъ жпть да здравствовать, — сказали мужики, всѣ въ одинъ голосъ.

— Спасибо, ребята, —отвѣчалъ Иванъ Семенычъ и потомъ, оглядѣвъ толпу, прибавилъ: — а что, Петръ Ивановъ здѣсь?

— Здѣсь, сударь, — отвѣчалъ изъ толпы, выступивъ немного впередъ, какъ лунь сѣдой старикъ, который, по своей почтенной наружности, былъ какъ отлетный соболю между другими мужиками.

— Ну что, старина, каково твое здоровье? поправляется ли?

— Ништо, сударь; не противъ прежняго, а все надо Бога благодарить. Съ нынѣшняго лѣта начнаю напольную работу поработывать.

— Это-съ, рекомендую вамъ, —отнесся ко мнѣ исправникъ: — прежній здѣшній бурмистръ, старикъ добрый, богомольный, начетникъ священнаго писанія.

— Благодарствую, что хвалить изволишь, а ужъ какое наше читанье: въ книгѣ видимъ одно, а дѣлаемъ другое.

— Больно ужъ ты тогда барскимъ-то гнѣвомъ огорчился.

— Что дѣлать-то, сударь, —отвѣчалъ старикъ съ грустной улыбкой: — хлѣба мы, вѣдь, ужъ оченно...

что маненько не по насъ, сейчасъ и въ ропоть... къ мірскому-то большую привязку имѣемъ.

— Ну, а писать-то можешь еще? не разучился?—спросилъ исправникъ.

— Пишу еще; земскимъ я теперь отъ управителя поставленъ: письма-то много.

— Какъ земскимъ?—спросилъ Иванъ Семенычъ.— Я этого и не зналъ. Это, значить, онъ тебя ужь совсѣмъ своимъ подначальнымъ сдѣлалъ.

— Не знаю, сударь: его дѣло и его разумѣнье; только то, что должность эта мнѣ маненько не по лѣтамъ. Онъ, вонъ, ужь и самъ въ очки смотритъ, а я, пожалуй, годовъ на тридцать постарше его,—отвѣчалъ старикъ.

— А что, братцы,—началъ Иванъ Семенычъ, послѣ минутнаго молчанія, обращаясь къ мужикамъ: — какъ вы думаете и желаете, не лучше ли бы было, если бы вами опять началъ управлять Петръ Ивановъ, а Егора Парменова въ смѣну?

При этомъ объявленіи старикъ остался совершенно спокоенъ; у мужиковъ на всѣхъ почти лицахъ отразилось удовольствіе, и всѣ они переглянулись между собою.

Рыжій мужикъ, спорившій съ Егоромъ Парменовымъ въ тотъ нашъ проѣздъ, первый заговорилъ:

— Это бы, ваше высокородіе, лучше не надо быть, — въ глаза и за глаза скажемъ: Егору Парменычу противъ Петра Иваныча не начальствовать.

— Это ты, братецъ, говоришь одинъ,—возразилъ исправникъ: — а что скажетъ міръ? говорите, братцы, всѣ вдругъ, какъ вы думаете?

— А что, бабца, міромъ-то скажемъ: за Петра

Иваныча мы о кромѣ только Бога молили, а отъ Егора Парменыча временемъ, пожалуй, жутко бываетъ! — послышалось разомъ нѣсколько голосовъ.

— Одинъ въ дѣлѣ, по разсудку, спросить. обдаетъ — вотъ-те и порядки всѣ, — добавилъ рыжій мужикъ.

На эти слова вошелъ Егоръ Парменовъ, вмѣстѣ съ женою своею, которая точно была премодная; собою недурна; одѣлась она, вѣроятно, для внушенія къ себѣ вящаго уваженія, въ шелковое платье и даже надѣла шляпку, а въ рукахъ держала зонтикъ; вошла она прямо и довольно дерзко обратилась къ исправнику:

— Что такое вамъ угодно отъ меня?

— Сейчасъ, милостивая государыня, — отвѣчалъ тотъ, и, ставъ по срединѣ избы, вынулъ изъ бокового бармана письмо.

— Это я, — началъ онъ: — читаю письмо вашего господина: — «Милостивый государь, Иванъ Семенычъ! Приношу вамъ мою чувствительную благодарность за увѣдомленіе о безпутствахъ моего управителя, — Егора Парменова. Оставить его въ настоящей должности я считаю вреднымъ для себя и для имѣнія, и потому покорнѣйше прошу, по добротѣ вашей, принять участіе и немедленно сдѣлать распоряженіе о назначеніи въ управляющіе болѣе благонадежнаго, по усмотрѣнію вашему, человѣка; онъ же, какъ обманувшій мое довѣріе, долженъ поступить заурядъ въ число дворовыхъ людей.»

Егоръ Парменовъ, поблѣднѣвшій, какъ преступникъ въ минуты объявленія ему судебного приговора,

прислонился только къ стѣнѣ, а жена его зарыдала, — но, впрочемъ, проговорила:

— Что такое вы писали!... Мы сами тоже будемъ господину писать: можетъ быть, будетъ что-нибудь и другое!

— Пишите, сударыня; и я желаю отъ души вашему мужу оправдаться, — возразилъ Иванъ Семенычъ. — Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ты меня, Егоръ Парменычъ, впоследствии не обвинилъ, что я на тебя что-нибудь нагаль или выдумалъ, такъ вотъ, братцы-мужички, что я писалъ къ вашему барину, — и затѣмъ, вынувъ изъ кармана черновое письмо, прочиталъ его во всеуслышаніе. Въ письмѣ этомъ было написано все, что онъ мнѣ говорилъ.

— Солгалъ ли я, выдумалъ ли я тутъ что-нибудь? — заключилъ онъ, обращаясь къ мужикамъ.

Управительница взглянула на мужа такъ, что мнѣ сдѣлалось страшно за него.

— Ничего этого и въ помышленіяхъ моихъ не бывало; я и съ-молоду этими дѣлами не занимался, а не то, что по теперешнимъ моимъ заботамъ. Выдумать на челоуѣка по злобѣ можно все, — возразилъ было онъ.

Нѣкоторые изъ мужиковъ усмѣхнулись.

— Ну какъ, Егоръ Парменычъ, не бывало! — сказалъ опять рыжій мужикъ, видно, заклятый въ душѣ врагъ его: — доказывать-то на тебя не смѣли, а може, бывало и больше... гдѣ лаской, а гдѣ и другимъ бралъ...

— Вмѣсто Егора Парменова, заговорилъ опять исправникъ, — я назначаю, по вашему желанію, Петра Иванова. <http://rcin.org.pl>

— Желаемъ, бачка, всё мы того желаемъ.

— Стало, быть дѣлу такъ. Ты, Егоръ Парменовъ, изволь сдать всё счеты и отчеты руками, а ты, Петръ Ивановъ, прими аккуратное; на себя ничего не принимай: самъ послѣ отвѣчать будешь.

— Прощайте, братцы! прощай, Егоръ Парменовъ! не пеняй на меня: сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ, — заключилъ Иванъ Семенычъ, и мы съ нимъ вышли и тотчасъ же выѣхали.

IV.

Годъ спустя пришелъ ко мнѣ изъ Кокинскаго уѣзда мужичекъ, предобродушный на лицо и немного пьянъ, поклонился сначала отъ исправника и началъ просить о своемъ дѣлѣ, котораго, какъ водится, не съумѣлъ растолковать.

— Да ты чей? — спросилъ я его.

Онъ сказалъ: оказалось, что марковского господина. — Кто у васъ — Петръ Ивановъ нынче управителемъ? — сталъ я его спрашивать.

— Нѣту, родименькой, отвѣчаетъ онъ: — Петръ Иванычъ — дай ему Богъ царство небесное — побывшился; теперь не Петръ Иванычъ — другой.

— Кто же такой?

— Изъ нашихъ же, бачка, мужичковъ. Баринъ ладилъ было такъ, что изъ Питера наслатъ, али тамъ нанять кого, да Иванъ Семенычъ зартачился: вы, говорить, кого хотите тамъ выбирайте, а я, говорить, своего поставлю, — своего и посадилъ.

— Ну, а прежній, — спросилъ я: — гдѣ управитель, который до Петра Иванова былъ?

— Прeжній-то?

— Да, прeжній.

— О... это *лшій-то*... какъ его по имени-то, пeсь дралъ, и забылъ ужь.

— Егоръ Парменовъ,—подхватилъ я.

— Такъ, такъ, бачка, Егоръ Парменовъ... тутъ же, при усадьбѣ, живетъ.

— Отчего же онъ *лшій-то*?

— Прозванье ужь у насъ ему, кормилецъ, такое идетъ: до дѣвокъ до бабъ молодыхъ былъ очень охочъ. Вотъ, тоже этакъ, дѣвушку изъ Дмитрева отъ матки науводъ увелъ, а опосля, какъ отпустилъ, и велѣлъ ей на лшяго сговорить. Исправникъ тогда объ этомъ дѣлѣ спозналъ — наѣхалъ: ну, такъ будь же ты, говоритъ, и самъ *лшій*; такъ, говоритъ, братцы-мужички, и зовите его *лшимъ*. А мы, дураки, тому и рады: съ правителей-то его *твмъ* времечкомъ смѣнили,— посмѣлѣй стало... *лшій* да *лшій*... такъ *лшимъ* и остался.

— Гдѣ же теперь эта дмитревская дѣвка?

— При маткѣ, бачка, при матери живетъ.

— Замужъ не вышла?

— Ну гдѣ, родимой, гдѣ ужь!... Хошь и мужички, а обѣгаемъ этого: парнишку тоже принесла: matka ладила-было подкинуть, такъ Марeутка-то не захотѣла: сама, говоритъ, выпою и выкормлю. Такая дикая теперь дѣвка стала, слова съ народомъ не промолвить. Все богомольствуесть... по богомольямъ ходить.

— Ну, а жена Егора Парменова гдѣ?

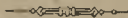
— При немъ, бачка, живетъ; тоже по немъ и ее *лшачихой* дразнятъ.

— А ее-то за что же?

— Сердцемъ-то она ужь больно люта, да на руку дерзка; теперь ужь води-то ни надъ кѣмъ нѣтъ, такъ съ мужемъ батальствуютъ; до того дерутся да лаются, что въ избѣ-то ужь мѣста мало: на улицу выбиваются,— прямые *лшиіе!*...

Августа, 22.

1851.

ФАНФАРОНЪ

(ЕЩЕ РАЗСКАЗЪ ИСПРАВНИКА).

I.

Губерніей управлялъ князь***. Четвергъ былъ моимъ докладнымъ днемъ. Въ одинъ изъ нихъ, на половинѣ моего доклада, дежурный чиновникъ возвѣстилъ:

— Помѣщикъ Шамаевъ!

— Просите, — сказалъ князь.

Я, по обыкновенію, отошелъ за ширмы; названная фамилія напомнила мнѣ моего кокинскаго исправника, который тоже прозывался Шамаевъ. «Ужь не сынъ ли его?» подумалъ я.

Вошелъ высокій мужчина, довольно полный, но еще статный, среднихъ лѣтъ; въ осанкѣ его и походкѣ видна была какая-то спокойная увѣренность въ собственномъ достоинствѣ; одѣтъ онъ былъ, какъ одѣвается нынѣ большая часть богатыхъ помѣщиковъ, — щеголевато и съ шикомъ, поклонился развязно и проговорилъ первую представительную фразу

на французскомъ языкѣ. Князь просилъ его садиться и началъ съ того, съ чего бы началъ и я:

— Не родственникъ ли вы кокпискаго исправника Шамаева?

— Я его родной племянникъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ князь, всегда очень любезный и находчивый въ пріемъ незнакомыхъ посѣтителей: — позвольте мнѣ начать съ того, что вашею почтеннаго родственника мы любимъ, уважаемъ, дорожимъ его службой и боимся только одного, чтобъ онъ насъ не оставилъ.

Шамаевъ поклонился.

— Мнѣ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ онъ: — остается только благодарить за лестное мнѣніе, которое вы имѣете о моемъ дядѣ, и который, впрочемъ, дѣйствительно заслуживаетъ этого, потому что опытенъ, честенъ и дѣятеленъ.

— Именно, — подтвердилъ князь.

На этомъ мѣстѣ разговоръ, кажется, могъ бы и пріостановиться; но Шамаевъ съумѣлъ перевести его тотчасъ на другой предметъ.

— Какъ хорошъ видъ изъ квартиры вашего сіятельства; здѣсь этимъ немногіе дома могутъ похвастаться, — сказалъ онъ, взглянувъ въ окно.

— Да, — отвѣчалъ князь: — особенно теперь ярмарка; площадь такъ оживлена.

— Мнѣ кажется, ваше сіятельство, эта ярмарка скорѣе можетъ навести грусть, чѣмъ доставить удовольствіе, — замѣтилъ Шамаевъ.

— Почему жъ вы такъ думаете?

— Она такъ малолюдна, бѣдна.

— Что жь дѣлать?... Все-таки она удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ.

— Для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей достаточно нѣсколькихъ лавокъ и двухъ базарныхъ дней въ недѣлю; назначеніе ярмарокъ должно быть болѣе важно: онѣ должны оживлять край, потому что даютъ сподручную возможность мѣстнымъ обывателямъ сбывать свои произведенія и пускать въ движеніе свои капиталы, наконецъ обмѣнъ торговыхъ проектовъ, соглашеніе на новыя предпріятія... но ничего подобнаго здѣсь нѣтъ.

— Здѣшняя губернія, — возразилъ князь: — ни по своему положенію, ни по своей производительности, не можетъ имѣть такого важнаго торговаго значенія, чтобы вызвать ярмарку въ подобныхъ размѣрахъ.

— Напротивъ, ваше сіятельство, — возразилъ въ свою очередь Шамаевъ: — здѣшняя губернія могла бы имѣть огромное торговое значеніе. Край здѣшній я знаю очень хорошо, и онъ въ этомъ отношеніи представляетъ чрезвычайно любопытный фактъ для наблюденія. Одна его половина, которую я называю береговою, попреимуществу должна бы быть хлѣбопашною: поля открытыя, земля удобная, средство сбыта — Волга; а выходить не такъ: въ нихъ развито, конечно въ слабой степени, фабричное производство, тогда такъ въ дальнихъ уѣздахъ, гдѣ лѣсныя дачи идутъ на неизмѣримое пространство, строить только гусянки, нагружаютъ ихъ дровами, гонятъ, Богъ-знаетъ, въ какую даль, сбываютъ все это за ничтожную цѣну, а часто и въ убытокъ приходится вся эта операція; дома же, на мѣсть, сажени дровъ

не сожгутъ, потому что нѣтъ почти ни одной фабрики, ни одного завода.

По этимъ словамъ Шамаева я заключилъ, что онъ долженъ быть капиталистъ-помѣщикъ, который затѣваетъ какое-нибудь значительное торговое предпріятіе и поэтому пріѣхалъ объясниться съ управляющимъ губерніей. Князь былъ тоже, кажется, моего мнѣнія, потому что сейчасъ-же поспѣшилъ Шамаеву предложить сигару, который, въ свою очередь, закуривъ ее, тоже не замедлилъ угадать цѣнность ея происхожденія.

— Причина этому, ваше сіятельство, — мы владѣльцы, потому что мы все-таки еще любимъ жить по старинѣ: въ насъ совершенно нѣтъ ни коммерческаго духа, ни предпріимчивости. Всѣ мы очень похожи на одного жида, котораго я зналъ въ Варшавѣ, который нажилъ огромное состояніе и подъ старость лѣтъ сума сошелъ: не зналъ ни счету деньгамъ, ни употребленія, а только сидѣлъ въ своей кладовой и дрожалъ, чтобы его не обокрали... Такъ и мы сидимъ у своихъ дачъ, очень богатыхъ, надобно сказать, и у своихъ шкатулокъ, у кого онѣ есть, и боимся рискнуть двадцатью-пятью рублями серебромъ, или срубить при порубкѣ лишнее бревно; ну какъ, думаешь, лѣсъ-то и не выростетъ больше?

— Въ этомъ случаѣ кому-нибудь одному надобно показать примѣръ, — сказалъ князь.

— И я такъ полагалъ, ваше сіятельство, и даже взялся быть этимъ примѣромъ, и былъ жертвой. Сначала я думалъ дѣлать на акціяхъ, какъ дѣлается это въ другихъ мѣстахъ; однако, у меня ихъ на сто цѣлковыхъ не раскупили. И на это не посмотрѣлъ;

имѣя какихъ-нибудь двѣсти душъ, устраивалъ два самыхъ удобныхъ, по мѣстнымъ средствамъ, завода: сначала шло очень хорошо, а потомъ, при первыхъ двухъ-трехъ неудачахъ, не имѣя запасныхъ капиталовъ, не выдержалъ, — и со страшнымъ убыткомъ долженъ былъ бросить, тѣмъ болѣе, что постигло меня ничемъ незамѣняемое несчастье: лишился жены, заниматься самъ ничѣмъ ни могъ.

Говоря послѣднія слова, Шамаевъ поднялъ глаза къ небу, вздохнулъ, потупился и нѣсколько времени молчалъ.

— Я, ваше сіятельство, — началъ онъ потомъ, вставая и не совсѣмъ твердымъ голосомъ: — хоть до сегодняшняго моего представленія и не имѣлъ чести быть вамъ знакомъ, но, наслушавшись о вашемъ добромъ и благородномъ сердцѣ, рѣшаюсь прямо и смѣло обратиться къ вашему милостивому покровительству.

— Что такое? — спросилъ князь.

— Такъ какъ теперь, ваше сіятельство, я не имѣю никакого особеннаго занятія; а малютки-спроты (при этомъ Шамаевъ опять вздохнулъ)... спроты мои, малютки, продолжалъ онъ: — требуютъ уже воспитанія и невольно вынуждаютъ меня жить въ городѣ съ ними, и такъ какъ слышалъ я, что ваканція старшаго чиновника особыхъ порученій при особѣ вашего сіятельства свободна, потому желалъ бы занять эту должность, и съ своей стороны смѣю увѣрить, что оправдаю своей службой довѣріе вашего сіятельства.

Князь, какъ большая часть мягкихъ и добрыхъ людей, былъ почти неспособенъ отказывать просьбамъ, особенно такъ прямо и смѣло высказаннымъ, какъ

высказалъ свою Шамаевъ, но въ то же время онъ былъ настолько опытенъ и остороженъ въ службѣ, чтобы не поддаться-же сразу челоуѣгу, совершенно не зная, кто онъ и что онъ такое.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ подумавъ: — но я это мѣсто уже предполагалъ замѣнить другимъ и если только онъ не будетъ желать, то...

Шамаевъ поклонился.

— Стало быть, ваше сіятельство, я могу имѣть нѣкоторую надежду?

— Очень, очень, — отвѣчалъ князь раскланиваясь.

Шамаевъ еще разъ, и довольно низко, поклонился и вышелъ.

Князь позвалъ меня.

— Что это за господинъ, не знаете ли вы? — спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что не знаю.

— Но, вѣроятно, его кто-нибудь знаетъ здѣсь въ городѣ, кого бы я могъ спросить?

Я отвѣчалъ, что всего лучше спросить его дядю, исправника, который, конечно, его хорошо знаетъ и скажетъ правду.

— Прекрасно, сказалъ князь: — вы ѣдете въ Кокинь, попросите Ивана Семеныча моимъ именемъ сообщить вамъ объ его племянникѣхъ всѣ подробности, какія вы найдете нужными, и все это передайте мнѣ, а тамъ увидимъ.

II.

Черезъ недѣлю я поѣхалъ въ Кокинь.

Ивана Семеновича не было въ городѣ. Я написалъ ему записочку; онъ пріѣхалъ.

— Я къ вамъ, Иванъ Семенычъ, съ порученіемъ,—началъ я.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ онъ.

— Во-первыхъ, передъ моимъ отъѣздомъ сюда, къ князю являлся вашъ родственникъ, — штабъ-рот-мистръ Шамаевъ.

— Слушаю-съ, — повторилъ Иванъ Семеновичъ.

— Во-вторыхъ, продолжалъ я: — онъ просится на мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій. Иванъ Семеновичъ почесалъ затылокъ.

— Въ-третьихъ, князь поручилъ мнѣ разспросить васъ о немъ, какъ можно подробнѣе; вы, конечно, хорошо его знаете.

Иванъ Семеновичъ потеръ лобъ.

— Какъ не знать: очень хорошо знаю; только, какъ вамъ рассказывать: правду ли говорить, или нѣтъ?

— Разумѣется, правду; а то хуже,— князь узнаетъ стороной; этимъ вы и себя скомпрометируете, да и меня подведете.

— Конечно, —отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Ахъ ты, Боже ты мой! Боже ты мой милостивый! — говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собой: — немало я съ этимъ молодцомъ повозился: и сердилъ-то онъ меня, и жаль-то мнѣ его, потому что, какъ ни говорите, сынъ роднаго брата: этого ужъ изъ сердца не вырвешь, — кровь говоритъ.

Нѣсколько времени мы молчали.

— Ну-съ, почтеннѣйшій Иванъ Семенычъ, я жду, — сказалъ я наконецъ.

— Да что, сударь! не знаю, съ чего вамъ на-

чать, — отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ. — Прежде всего, — продолжалъ онъ: — я хочу вамъ сказать объ его отцѣ, моемъ старшемъ братѣ, который былъ прекраснѣйшій человекъ: учился, знаете, отлично въ Морскомъ корпусѣ; въ отставку вышелъ капитаномъ втораго ранга, — словомъ умница былъ мужчина. Каждое слово его имѣло вѣсъ: хозяинъ былъ такой, что такого другаго въ жизнь мою я ужъ больше и не встрѣчалъ; всѣ эти нынѣшніе модные господа агрономы гроша передъ нимъ не стоятъ. Отъ какихъ-нибудь ста душъ усадьба у него отдѣлана была какъ игрушечка; что за домикъ, что за флигеля для прислуги, какіе дворы скотные, небольшія теплички, оранжерея, красный дворъ мощный, обсаженный подстриженными липками, — рѣшительно картинка, садись да рисуй! Скотоводство держалъ большое-сѣ, и поэтому земля была удобрена, пропахана какъ пухъ; все это, знаете, при собственномъ глазѣ; рожь иные годы самъ-пятнадцать приходила, а это по нашимъ мѣстамъ не у всѣхъ бываетъ; выѣздъ у него, знаете, былъ хоть и деревенскій, но щегольской; люди одѣты всегда чисто, опрятно; разъ пять въ годъ онъ непременно ночью объѣздить по всѣмъ избамъ и осмотритъ, чтобы никто изъ людей не валялся на полушубкахъ или на голомъ полу, и чтобы у всѣхъ были войлочные тюфяки, — вотъ до какихъ тонкостей доходилъ въ хозяйствѣ! Рѣдкостный, можно сказать, былъ помѣщикъ; это я говорю не потому, что онъ мнѣ родной братъ, а это скажетъ вамъ всякій, кто только зналъ его. Женлся онъ по страсти, взялъ дочку бывшаго губернскаго предводителя; состоянія за ней большаго не было, впро-

чемъ, братъ за состояніемъ и не гнался: какое дали, и за то спасибо. Года въ два онъ такъ поправилъ мужиковъ, что любо дорого, и часто мнѣ покойникъ, ходя этакъ со мной по усадьбѣ, говаривалъ:

«— Вотъ, братъ Иванъ, говоритъ, видишь, какъ я себя устроилъ. Кажется, все недурно, и какъ разсчитываю, по теперешнимъ моимъ средствамъ, такъ хоть семь человѣкъ дѣтей будетъ, всѣхъ смогу поднять и воспитать не хуже себя.

«Однако, видно, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; супруга его вышла... не знаю, какъ вамъ и сказать объ этой женщинѣ: осудить ее — чтобы не взять грѣха на душу, да и похвалить, пожалуй, не за что. Была бы она дама и неглупая, а ужь добрая, такъ очень добрая: но здраваго смысла у ней какъ-то мало было; о хозяйствѣ и не спрашивай; не понимала ли она, или не хотѣла ничѣмъ заняться, только даже обѣдать приказать не въ состояніи была; деревенскую жизнь терпѣть не могла; а рядиться, по гостямъ ѣздить, по городамъ бы жить, или этакъ года бы, напримѣръ, черезъ два, съѣздить въ Москву, въ Петербургъ, и прожить тамъ тысячь десять, — къ этому въ начальные годы замужества была неимовѣрная страсть; только этимъ и бредила; ну, а братъ, какъ человѣкъ разсчитливый, понималъ такъ, что въ одномъ отношеніи онъ привыкъ уже къ сельской жизни; а другое и то, что какъ тамъ ни толкуй, а въ городѣ все втрое или вчетверо выйдетъ противъ деревни, кромѣ того, — усадьбу оставить такъ, — и доходъ съ имѣнья будетъ не тотъ.

«— Въ городѣ, душа моя, говорилъ онъ ей: —

перевхатъ не хитро; но ты вспомни, что состояніе наше не шереметьевское: какъ этакъ начнешь помахать туда да сюда, такъ и концы съ концами не сведешь; придется занимать, а я въ жизнь мою, говорить, ни у кого копѣйкой не одолжался.

«Словомъ, не ѣхаль-съ изъ деревни. Такъ слезы, обмороки, болѣзни — притворныя, или нѣтъ, ужь не знаю.

«— Вы, говоритъ, заѣдаете мой вѣкъ, я не такъ воспитана, я, говоритъ, человѣческаго лица здѣсь не вижу...

«И такъ далѣе. Большія, слышу, стали выходить между ними изъ-за этого семейныя непріятности; такъ-что я, чтобы какъ-нибудь да поладить, началъ брату, издалека конечно, совѣтовать, чтобы онъ хоть должность, что ли, какую-нибудь себѣ прискалъ и, какъ полагаю, даже успѣлъ бы его убѣдить въ этомъ; однако, на пятый ужь почти годъ ихъ супружества, она родила сына, этого самаго, котораго вы видѣли и котораго въ честь дѣда съ материнской стороны наименовали Дмитріемъ. Ну, думаю, слава Богу, не поразсѣются ли хоть этимъ? И дѣйствительно: точно переродилась женщина; въ восторгѣ, что сдѣлалась матерью, сама захотѣла кормить младенца; всѣ ночи не спитъ съ нимъ; что чуть-чуть ребенокъ побольше разревется, въ городъ скачи за докторомъ. Я тогда еще не служилъ, жилъ въ деревнѣ, и мы часто видались. Ну, сначала, я вижу, брату пріятно было смотрѣть на эту материнскую нѣжность; а тутъ, пожалуй, намъ съ нимъ стало и не нравиться. Едва успѣла отъ груди отнять, какъ стала его пичкать болюшками: къ чему

мальчишка ни потянется, всего давай; таращится на огонь, на свѣчку, — никто не смѣй останавливать; онъ обожжетъ лаленку, зареветъ, а она сама пуще его въ слезы; сцарапаетъ, напрымѣръ, папенькину чашку, — худа ли, хороша ли, все-таки рублей пять стоитъ, но онъ ее о полъ, ничего: — очень мило. Съ няньками тоже возня, безпрестанно мѣняетъ; та не умѣла занять ребенка, другая сердито на него смотритъ, третья собой нехороша. Мальчишка едва папу съ мамой выговариваетъ, давай гувернантку; ну, а это еще нынче легко: есть и няньки, и гувернантки недорого; а въ это время трудно было и найти; а ужъ коли нашелъ, такъ давай большую цѣну. Братъ однако ее и въ этомъ потѣшилъ, нанялъ, ни много ни мало, за восемьсотъ рублей французенку, — рябая этакая дѣвка, изъ себя нехорошая, но умная и, главное дѣло, — хитрая; сразу смекнула, въ чемъ дѣло, и давай вмѣстѣ съ маменькой баловать Митеньку: ну и неподобно, значить; «не гувернантка, а другъ дома», рассказываетъ всѣмъ; другу дома, стало быть, надобно платить вмѣсто восьмисотъ тысячу. Между тѣмъ мальчишка подрастаетъ, собой дѣлается прехорошенькій и довольно острый на словахъ, но шалунъ и рѣзвый, какъ вы только можете себѣ представить. Восьмой годъ пошелъ, а за книгу лучше и не сажай, по-французски болтаетъ бойко, а русскую грамоту читаетъ — черезъ пень колоду валить, пишеть каракулями, объ ариметикѣ и помину не было, врядъ ли и считать-то умѣлъ, но зато лакомиться, франтить — мастеръ! Цѣлое утро будетъ сидѣть и не пошевелится, только завей ему волосы. Братъ

было пробовалъ сначала говорить, да гдѣ тутъ? Она прямо ему сказала: «если ты будешь, — говорить, — кричать на Митеньку, такъ я не перенесу этого и безвременно лягу въ могилу.» И не лгала въ этомъ случаѣ: я самъ былъ свидѣтелемъ подобной сцены. Подавали водку, только этотъ мальчуганъ, всего еще ему было не болѣе четырехъ лѣтъ, побѣждалъ, въ минуту налилъ съ краями ровно рюмку, да залпомъ всю и выпилъ. Братъ, это увидѣвши, взялъ его, такъ больше, для шутки, за ухо: «вотъ тебѣ, — говорить: — вотъ тебѣ, рано еще начинаешь,» и такъ, знаете, легонько потянулъ его. Боже ты жой, какъ онъ рывкнетъ и побѣждалъ къ матери.

«— Что такое? что такое?»

«Онъ реветъ да кричитъ:

«— Ой, папаша, ой, папаша меня прибилъ.

«Унимаютъ, конфектъ обѣщаютъ, ничего не беретъ и, должно быть, отъ слезъ да отъ водки-то поблѣднѣлъ этакъ, и дыханье у него захватило; и прошло, конечно, сейчасъ же; но надобно было видѣть, какая съ маменькою сдѣлалась истерика: глаза остолбенѣли, рыдаетъ, плачетъ, насъ обоихъ бранить; видимъ, что она сама невольна надъ своими чувствами. Изъ этой кроткой, можно сказать, женщины точно тигрицей какой сдѣлалась; и это, сударь, каждый разъ повторялось, какъ только что коснется до Митеньки.»

Тутъ Иванъ Семеновичъ пріостановился немного.

— Слабовать, видно, характеромъ былъ вашъ братъ, или ужь очень любилъ свою супругу, — замѣтилъ я ему.

— Любилъ онъ, конечно, ее любилъ, — отвѣчалъ

онъ: — но не слѣпо; въ другихъ случаяхъ, какъ я вамъ и докладывалъ, не все дѣлалъ по ней; а что до характера его касается, такъ совершенно напротивъ, — въ этомъ отношеніи онъ былъ настоящій семьянинъ: твердый, настойчивый, любилъ порядокъ: смолоду привыкъ, чтобы все дѣлалось по немъ, а тутъ ничего не могъ сдѣлать... Эхъ, милостивый государь, — продолжалъ Иванъ Семеновичъ, повачавъ головою: — я могу вамъ при этомъ повторить слова того же покойнаго моего брата: «супружество, — говаривалъ онъ, — есть корабль, который чтобъ провести благополучно между всѣми подводными камнями, лодману нужна не только опытность, но и счастье.» Не знаю, конечно, успѣлъ ли бы онъ впоследствии повести по-своему, потому что Богъ въку долгаго не далъ.

— Померъ онъ?

— Да-съ, дѣйствовали ли на него эти душевныя непріятности, которыя онъ скрывалъ больше на сердцѣ, такъ-что изъ постороннихъ никто и не зналъ ничего, пли ужъ время пришло, — ударъ хватилъ: сидѣлъ за столомъ, упалъ, ни слова не сказалъ и умеръ. Этотъ проклятый параличъ какая-то у насъ общая помѣщичья болѣзнь; отъ лѣнивой жизни, что-ли, она происходитъ; ѣдятъ-то много, а другой еще и выпиваетъ; а моціону нѣтъ, кровь-то и накапливается.

— Что же, какъ вдова осталась? — перебилъ я, желая перейти къ главному сюжету разсказа.

— Очень была огорчена, — продолжалъ Иванъ Семеновичъ.

«— Одинъ, — говоритъ, — Митенька только привя-

вааетъ меня къ землѣ, а если бы это не было, такъ и жить бы безъ моего друга не хотѣла.

«Меня покойникъ назначилъ попечителемъ до совершеннолѣтія малолѣтка. Выждалъ я первое время, но потомъ слышу, что французенка отъ Мити отходитъ, поссорилась съ маменькой. Въ чемъ это, думаю, у нихъ вышло? впрочемъ, та, отошедши, заѣзжаетъ ко мнѣ. Спрашиваю ее:

«— Что такое у васъ?»

«— Помилуйте, говорить, Иванъ Семенычъ, я въ столькихъ домахъ жила, мнѣ **вездѣ** дѣтей поручали въ полное распоряженіе, и нигдѣ еще я не употребляла во зло этой довѣренности, но, вы сами знаете, какой же я была гувернанткой въ домъ Настасьи Дмитріевны? Я скорѣе была рабой ея Митеньки, и видятъ Богъ, что силъ моихъ больше не доставало. Этотъ мальчикъ до того ужъ простеръ свою дерзость ко мнѣ, что на дняхъ нарочно облилъ все мое новенькое платьѣ деревяннымъ масломъ, и я просила Настасью Дмитріевну позволить мнѣ только поставить его въ уголь; она и этого не хотѣла сдѣлать и мнѣ же насказала самыхъ обидныхъ колкостей.

«Я покачалъ головой. Что прикажете дѣлать съ подобной маменькой? Ёду къ ней, и первое ея слово:

«— Замѣчаете ли вы, братецъ, какъ Митенька у меня растетъ? Не правда ли, какой красавчикъ?»

«И говорить это, знаете, при самомъ мальчикѣ, который тутъ стоитъ, и которому, какъ замѣтно по лицу, очень пріятны эти слова; носенокъ такъ вверхъ и деретъ.

«— Вижу, говорю, сестрица, и радуюсь; но вѣдь

это что же? Ростъ Богъ даетъ всѣмъ, а теперь, по моему, главное надобно подумать о воспитаніи его. Гувернантка отъ васъ отошла, учителя тоже никакого нѣтъ, не пора ли его пристроить въ казенное заведеніе?

«— Ахъ, нѣтъ, говоритъ, братецъ, я теперь и думать объ этомъ не смѣю: вы не повѣрите, какъ онъ слабъ здоровьемъ; прежде я должна его здоровье еще поправить.

«Я усмѣхнулся: малый, какъ кровь съ молокомъ, здоровѣе меня.

«— Я, говорю, сестрица, не вижу, чтобы онъ былъ особенно слабъ или нездоровъ, это пустяки, тебѣ такъ мерещится, и не знаю, извѣстно ли тебѣ, что покойный братъ его записалъ въ морской корпусъ, куда онъ, вѣроятно, скоро и будетъ принятъ; а потому я совѣтовалъ бы отправить его въ Петербургъ, хоть куда приготовить немного.

«Вся поблѣднѣла отъ этихъ словъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, братецъ, я рѣшительно не хочу отдать его въ корпусъ: при его комплекціи... тамъ такая строгость!

«— Да что же такое, говорю, моя милая, комплекціа и строгость! Тамъ воспитываются дѣти по-нѣжнѣй и получше нашихъ съ тобою.

«— Низачто на свѣтъ: долженъ будетъ поступить въ военную службу, куда-нибудь зашлютъ, пошлютъ въ сраженіе, убьютъ: у меня при одномъ воображеніи объ этомъ дѣлается лихорадка.

«— Это еще сраженія; говорю, сударыня, далеко, теперь надобно похлопотать, чтобы онъ не остался безграмотнымъ недорослемъ

«— Братецъ,— перебила она: — позволь мнѣ тебя просить предоставить мнѣ самой думать о воспитаніи моего сына. Худа ли, хороша ли, но я мать, и ты, какъ мужчина, не можешь понять материнскихъ чувствъ. Я рѣшилась во всю мою жизнь не разставаться съ нимъ; въ этомъ мое единственное блаженство. Теперь я наняла для него гувернера.

«Меня это ужъ взорвало, знаете.

«— Желая, говорю, тебѣ, сударыня, наслаждаться этимъ блаженствомъ. Съ твоими гувернерами смотри только, не вынянчай себѣ на шею болвана.

«— Равнымъ образомъ, братецъ, болванами могутъ быть и ваши дѣти,— говоритъ она мнѣ наоборотъ, чтобы уколотъ меня.

«Уѣзжаю я. Гувернеръ, говорятъ, пріѣхалъ, французъ какой-то. У насъ въ городѣ пробылъ двое сутокъ и все это время въ нашемъ дрянномъ трактиришкѣ, съ двумя выгнанными приказными, пилъ и игралъ на бильярдѣ; и тѣ его на прощанье отдули кіями, потому что онъ проигрался, напилъ, наѣлъ, а расплатиться нечѣмъ. Славный, вижу, малый, но такъ какъ невѣстушка на меня извольтъ сердиться — ни сама не ѣздитъ, ни пишетъ, ни людямъ не велитъ заходить,— стало быть я ничего не могъ сдѣлать. Однако черезъ годъ или меньше послѣ этого времени, вдругъ она пріѣзжаетъ ко мнѣ съ Митенькой, которому, замѣтьте, уже лѣтъ четырнадцать стукнуло. Очень радъ, конечно.

«— Я, говоритъ, братецъ, Митеньку въ гимназію везу.

«— Доброе, говорю, дѣло; нынче въ гимназіяхъ очень хорошо учатъ. А что же, прибавляю, гувернеръ твой?

«— Ахъ, говоритъ, братецъ, не говорите мнѣ про этого человѣка. Это чудовище какое-то! Какъ я за нимъ вначалѣ ни ухаживала — лелѣяла его, можно сказать, онъ ничего этого не оцѣнилъ. Вообрази, мой дружокъ, онъ Митю, который именно какъ младенецъ еще невиненъ, началъ по ночамъ возить съ собой на мужицкія поѣдки. Я какъ узнала, такъ и обмерла; и какъ, надобно сказать, ребенокъ кротокъ и благороденъ: — онъ никакъ мнѣ про своего учителя не хотѣлъ открыть этого.

«Я разсмѣялся.

«— Славный, говорю, наставникъ.

«— Ужасный, говоритъ, братецъ, человѣкъ! Но это еще не все: ты посмѣйся, онъ даже мнѣ вздумалъ дѣлать куры.

«— Вотъ видишь ли, говорю, сестрица: ты тогда на меня сердилась, а, значить, я говорилъ правду. Хорошіе гувернеры дороги, да къ тебѣ, въ деревню, и не поѣдутъ; а шарлатаны эти добру не научатъ.

«— Вижу, говоритъ, голубчикъ мой, все теперь вижу и потому рѣшилась отдать Митю въ гимназію, пускай тутъ учится; наймемъ квартиру, и сама съ нимъ буду жить.

«— Зачѣмъ же сама-то жить? Это ужъ, говорю, по моему и лишнее бы.

«— Отчего же, говоритъ, дружокъ мой, лишнее? Чей же, говоритъ, надзоръ можетъ быть лучше, какъ не самой матери?

«— Это такъ, говорю, только не твой, моя милая сестрица; я знаю напередъ: Митенька, напимѣрь, залѣнитъ въ классъ идти; а ты, вмѣсто того, чтобы принудить его, еще сама его оставишь, будешь

ко всѣмъ учителямъ ѣздить да кланяться; а онъ на это станетъ надѣяться, а потому учиться-то не будетъ и станетъ шалить.

«— Что это, братецъ, ты всегда былъ для меня какимъ-то злымъ пророкомъ; Богъ съ тобой! Я этого переѣннить не могу, такъ ужь рѣшилась!

«— Ваше дѣло, говорю: какъ знаете, такъ и дѣлайте.

«Отправились. Живутъ тамъ. Мой старшій сынъ Петруша, ровесникъ Дмитрію-то, тоже тогда въ гимназіи учился. Спрашиваю его, когда этакъ на каникулы пріѣзжаетъ:

«— Каково племянничекъ подвизается?

«— Да что, говоритъ, папенька, все въ третьемъ еще только классѣ: два года не перешелъ.

«— Что же, говорю, способностей, что ли, у него нѣтъ или лѣнится?

«— Нѣтъ, какое, говоритъ, способностей нѣтъ, ничего не занимается, потому что некогда: все по маскарадамъ да по баламъ маменька возить, танцуетъ какъ большой, одна шуба, говоритъ, у него, папенька, лучшая во всей гимназіи — хорьковая, съ бобровымъ воротникомъ, у дпректора эгакой нѣтъ; на виць-мундиръ сукно меньше какъ въ двадцать рублей не носить, а штатскаго-то платья сколько! Все въ сюртукахъ да во фракахъ щеголяетъ. Лошадь у него отличная, чухонскія санн съ полостью, и, когда въ гимназію ѣдетъ, всегда самъ править.

«Вотъ тебѣ и собственный надзоръ маменькинъ, думаю; хорошъ! Ну, однако, съ теченіемъ времени Петруша мой кончаетъ своимъ порядкомъ курсъ и поступаетъ въ Демидовское и пишетъ мнѣ, между прочимъ, что Дмитрій Никитичъ тоже не хочетъ

учиться въ гимназiи и поступаетъ въ Демидовское изъ четвертаго класса; самолюбіе, знаете, разыгралось! Не хочется отъ сверстниковъ отстать; только дурно, что прямо не принимаютъ, надо напередъ приготовить. Нанимаютъ ему маменька самаго лучшаго профессора за тысячу рублей. Ради этихъ расходовъ, большая часть имѣнія закладывается. Годъ проходитъ, тысяча заплачена; но наступаетъ экзамень, и малый нашъ хоть бы въ одномъ предметѣ выдержалъ. Демидовское, значитъ, негодится; переѣзжаютъ въ Москву въ университетъ поступать; ждемъ, не будетъ ли тамъ толку, но и тамъ не понравилось. Получаю я отъ нея протчаянное письмо; пишетъ, что Митенька учиться больше не желаетъ, потому что ходилъ въ университетъ вольнымъ слушателемъ и что все ужъ узналъ, чему тамъ учать, а что теперь намѣренъ поступить въ военную службу, въ гусары. «Представьте, братецъ, мое ужасное положеніе», — прибавляетъ она, — «чего всегда прежде опасалась, то должно исполниться; только и надежда на Бога да на васъ. Не напишете ли вы Митенькѣ письмо, не отсовѣтуете ли вы ему идти въ военную службу, а поступить въ депутатское собраніе?»

«Подумалъ я, поразсудилъ, потолковалъ съ женою. «Что же, думаемъ, отсовѣтывать, для чего и для какой дѣли!» — и отвѣтилъ ей такимъ образомъ, что, по желанію твоему, милая сестрица, я не пишу Дмитрію, ибо это совершенно бесполезно. Онъ отъ самаго своего рожденія никого и ни въ чемъ еще не послушался; а за намѣреніе его идти въ военную службу надобно благодарить Бога, потому что тамъ его, по крайней мѣрѣ, повывуштруютъ и по-

растрясуть ему матушкины ватрушки; но полагалъ бы только съ своей стороны лучшимъ — поступить ему въ пѣхоту, такъ-какъ въ кавалеріи служба дорога; записывать же его въ депутатское собраніе, — значить, продолжать баловство и давать ему бить баклуши. Думалъ, что за это письмо она, по обыкновенію разсердится; однако нѣтъ. Нежданно, негаданно прикатила сама изъ Москвы, заѣзжаетъ ко мнѣ и говорить, что, возложивши упованіе на Господа Бога, она рѣшилась отпустить Митю въ службу и потому ѣдетъ съ нимъ въ Малороссію, гдѣ и думаетъ пожить, а «такъ какъ», говорить, «имѣніе остается безъ всякаго надзора, то умоляю тебя, другъ мой, принять его въ свое распоряженіе». Я только развелъ руками.

«— Безразсудная, говорю, ты женщина, сестрица. Зачѣмъ же ты сама-то ѣдешь за этакую даль въ твои лѣта? И какъ ты будешь жить съ сыномъ-юнкеромъ, и гдѣ: по деревнямъ, что ли, съ нимъ, или въ казармахъ? Знаешь ли ты, какого рода эта жизнь?»

«Заткнула уши и слушать не хочетъ. Просидѣла какъ на иголкахъ одинъ вечеръ и куда-то скрылась, больше ужъ и не видалъ; а сказывали, что цѣлымъ обозомъ уѣхала куда-то за Москву. Имѣнье однакожъ принялъ и потомъ, видѣвши большія во всемъ запущенія, только, знаете, хотѣлъ было немного поустроить, — не тутъ-то было: черезъ мѣсяць какой-нибудь получаю отъ нихъ письмо, умоляютъ, чтобы прислалъ тысячу рублей серебромъ. Что угодно, пишутъ, могу изъ имѣнья продать; только, Бога ради, не остановить, потому что безъ этого Митеньку въ

полкъ не принимаютъ. Дѣлать нечего; взялъ и продалъ лучшую отхожую ихъ пустошь, выслалъ имъ тысячу рублей. Думаю, по крайней мѣрѣ теперь поугомонятся. Ничего не бывало; какъ начали, сударь мой, почти чрезъ каждую почту жарить меня:

«Безцѣнный братецъ, многоуважаемый дядюшка: вышлите денегъ, соберите оброки, или займите гдѣ-нибудь». Только въ томъ и письма состоятъ. Выслалъ еще раза два; терпѣніе наконецъ лопнуло, написалъ имъ предерзкое письмо. «Вѣроятно вы» — пишу имъ — «не умѣете считать, что ожидаете оброкъ, когда они получены мною уже за цѣлый годъ впередъ; а если вы, мои милые, думаете, что въ вашей усадьбѣ, или въ какой-нибудь изъ деревень вашихъ открыты золотые рудники, такъ вы ошибаетесь. Нѣтъ у меня про васъ больше денегъ.» Осердились. Получаю на это отвѣтъ отъ одного ужъ племянника, очень вѣжливый, но холодный. Извиняется, что обезпокоили меня управленіемъ имѣнія, и потому его нынѣ поручаютъ своему старостѣ. Ну, думаю, мнѣ же лучше: кума съ возу, куму легче. Прошло такимъ дѣломъ года четыре — ни слуху, ни духу отъ моей родненьки; только одинъ разъ прогуливаюсь я по нашему базару, вдругъ, вижу, идетъ мнѣ на встрѣчу ихъ ключница, Марья Алексѣевна, въ своей, по обыкновенію, заячьей китайской шубкѣ, маленькой косынкой повязанная: любимая, знаете, изъ всѣхъ людей покойнымъ братомъ женщина, и въ самомъ дѣлѣ, этакая преданная всему ихъ семейству, скопидомка большая въ хозяйствѣ, неглупая и очень непрочь поговорить и посудить о господахъ, съ кѣмъ знаетъ, что можно.

«— Марья Алексѣевна, говорю, мое вамъ по-
чтенье.

«Она подошла ко мнѣ и, какъ водится, поцѣло-
вала меня въ плечо.

«— Зачѣмъ и про что изволили пожаловать къ
намъ въ городъ?

«— Запасовъ, сударь, говоритъ, кой-какихъ при-
ѣхала закупить: чаю, кофею, сахару для дому.

«— Да что, сама, что ли, вздумала чайничать
да кофейничать?

«— Никакъ нѣтъ, сударь, для госпожи, гово-
рить.

«— Какъ для госпожи? Барыня развѣ здѣсь?

«— Какъ же, сударь, говоритъ, мѣсяца полтора,
какъ прибыли.

«— Хорошо, говорю, а мнѣ и вѣсточки не да-
дите.

«— Не можемъ, сударь, этого ничего знать, го-
ворить, воля господская.

«— Надолго ли же, говорю, приѣхала сестра?

«— Да надо полагать, что на житье изволили
прибыть.

«— Что за причина этому, и какъ она съ сво-
имъ Митенькой рѣшилась разстаться?

«Марья Алексѣевна только покачала головой.

«— На это, говоритъ, было большое желаніе
Дмитрія Никитича, такъ какъ они поступили уже
въ офицерскій чинъ, стали маменьку просить, чтобъ
чѣмъ жить тамъ при нихъ и проживаться, лучше
ѣхать въ деревню и скопить что-нибудь для нихъ,
но барыня и послѣ этихъ словъ еще, по своей при-
вязанности, долго не рѣшались; а потомъ ужь, видѣв-

ши, что отъ нихъ стало большое настояніе, сдѣлать не понхнему не хотѣли, поѣхали-съ. Не съ теперешнихъ, батюшка Иванъ Семенычъ, поръ, прибавляетъ она: — всякое слово Дмитрія Никитича законъ для Настасьи Дмитревны было, сами изволите знать.

«— Какъ не знать, говорю, только въ этотъ разъ, пожалуй, она и хорошо сдѣлала, что послушалась. Тамъ, я думаю, въ этой кочевой жизни не мало намаялась.

«— Не безъ того, сударь: много было слуховъ, и до васъ, можетъ, доходили. Когда густо, а когда и пусто. Полковые господа — молодые! При деньгахъ, такъ запотроевъ много, а нѣтъ, такъ денекъ другой въ кухнѣ и огня не разводять: готовить нечего, сами куда-нибудь въ гости уѣдутъ, а старушка дома сидитъ и терпитъ; но, какъ я, по моему глупому разуму, думаю, такъ онѣ и этимъ бы не потяготились, тѣмъ, что теперь, какъ все это на нашихъ глазахъ, такъ онѣ въ разлукѣ съ нимъ больше убиваются. Если которая почта отъ Дмитрія Никитича писемъ нѣтъ, такъ мы, ей-богу, не знаемъ, что и дѣлать: такъ плачутъ, такъ плачутъ, что, Господи, откуда у нихъ только эти слезы берутся. Разстраиваютъ свое здоровье, ни на что не похоже.

«Жалко мнѣ стало мою невѣстушку, слушая эти рассказы.

«— Не хорошо, говорю, очень не хорошо... Да что она на меня все сердится, что-ли?

«— Ахъ, нѣтъ, сударь, говорить, какъ изволите вы знать ея ангельскую доброту, на кого онѣ мо-

гутъ сердиться? Скорѣе, осмѣлюсь вамъ доложить, онѣ полагаютъ, что вы на нихъ гнѣваетесь.

«— Ну, такъ вотъ что, говорю, Марья Алексѣевна, когда ты пріѣдешь домой, кланяйся ей отъ меня и скажи, что я завтра пріѣду.

«— Ахъ, батюшка Иванъ Семенычъ, сдѣлайте такую Божескую милость; ужъ я и не знаю, какъ онѣ вамъ рады будутъ. Утѣшите вы ихъ, поразсѣйте хоть немного; ну что съ нами однѣми— какіе разговоры? Все одна да одна, голубушка моя, не глядѣла бы на нее.

«Поѣхалъ я на другой день. Еще когда подѣзжалъ къ усадьбѣ, у меня замерло сердце: представьте себѣ, послѣ этакого устройства, какое было при братѣ, вижу я, что флигеля развалились, садъ заглохъ, аллея эта срублена, сломана, а съ дома тесъ даже ободранъ, которымъ былъ обшитъ; внутри не лучше: въ залѣ штукатурка обвалилась, полъ качается: сама хозяйка помѣстилась въ одной маленькой комнатѣ, потому что во всѣхъ прочихъ холодъ страшный. Мнѣ обрадовалась, бросилась на шею, прослезилась.

«— Такъ-то, говорю, сестрица, вотъ и вы возвратились; я пріѣхалъ провѣдать васъ.

«— Благодарю, дружокъ мой; благодарю, благодѣтель мой, что вы меня вспомнили, или, нѣтъ, погодите... не хочу съ вами ни говорить, ни слушать васъ, а напередъ покажу вамъ письмо Митеньки, которое вчера только получила.

«И такъ, знаете, проворно соскочила съ дивана къ комоду, отпираетъ, у самой руки дрожатъ, подала наконецъ.

«— Каково братецъ, краснорѣчіе, слогъ-то какой! умница онъ у меня.

«— Очень, говорю, хорошо.

«А чего очень хорошо, ничего особеннаго нѣтъ, обыкновенное письмо молодаго человѣка: описываетъ разные пустяки; почеркъ больше этакой ученической.

«— По письму еще вы, братецъ, не можете судить, продолжала она: — а если бы вы его самого видѣли! Этакой восхитительной наружности мужчину вообразить трудно; что за ловкость, что за обращеніе! Принять въ самыхъ лучшихъ домахъ; любимъ всѣми, уважаемъ. Дмитрія нѣтъ, танцы не составляются, потому что барышни съ другими кавалерами танцовать не хотятъ. Онъ пріѣхалъ, — все оживо: старичковъ въ карты усадить, молодежь у него сейчасъ затанцуетъ. И я вотъ нѣсколько потомъ разъ замѣчала: все, что есть въ обществѣ солиднаго, умнаго, все это за Дмитриемъ ходить по слѣдамъ и ловить его каждое слово.

«Слушаю ее и внутренно усмѣхаюсь.

«— Это, говорю, сестрица, хорошо; только какъ служба-то у него — исправно-ли идетъ?

«— Ахъ, братецъ, говорить, про службу вы ужъ мнѣ лучше и не говорите. Я боюсь одного, что онъ на этой службѣ все здоровье растеряетъ. Что жъ, говорить, конечно цѣнять, очень цѣнять. Генераль пріѣзжалъ ко мнѣ передъ самымъ отъѣздомъ сюда. «Настасья Дмитриевна, говорить, чѣмъ мы васъ можемъ благодарить, что сынъ вашъ служить у насъ въ дивизіи! Это примѣрный офицеръ; какъ только у меня выбудетъ старшій адъютантъ, я сейчасъ его

беру къ себѣ, и это будетъ во всей арміи первый адъютантъ.»

«— Слава Богу, если такъ все хорошо идетъ, говорю.

«А самъ почти навѣрное знаю, что на дѣлѣ совершенно не то, и, признаюсь, невольно задумался, до чего можетъ доводить слѣпая материнская любовь. Во всемъ другомъ, напримѣръ, женщина всегда была довольно правдивая, а тутъ явно лжетъ, выдумываетъ, чтобъ какъ-нибудь своего Митеньку пораскрасить. Обѣдать съли мы втроемъ: попадья у нея была еще тутъ въ гостяхъ: Гляжу: мнѣ положена ложка серебряная, а у нихъ у обѣихъ деревянныя. «Что такое, думаю, неужели трехъ серебряныхъ ложекъ не достало?» Спросить было совѣстно, промолчалъ. Однако послѣ обѣда, вышедши прогуляться, вижу, что Марья идетъ изъ погреба.

«— Что это, мать моя,—говорю ей: — у васъ деревянные ложки ужъ стали къ столу подавать?»

«— Что, сударь Иванъ Семенычъ, говоритъ, намъ дѣлать, былъ-было у насъ при Никитѣ Семенычѣ домикъ, какъ полная чаша, а теперь вотъ барынина ложечка, что вы изволили кушать, да двѣ чайныхъ, больше и не спрашивайте, только и есть серебра.

«— Куда жъ оно дѣвалось? У брата было пропасть серебра.

«— Пуда три было, если не больше; все туда въ полкъ увезено. И кто говоритъ, что въ употребленіи, а другіе сказываютъ, что продано, или тамъ заложено.

«— Славно, — говорю, и усадьбу-то довели хорошо,

нечего сказать. Каналья этотъ староста, кабы воля моя была, я бы съ нимъ раздѣлся.

«— Нѣтъ, говоритъ, Иванъ Семеновичъ, тамъ какъ вамъ угодно, вся воля ваша есть, а только на старосту изволите приходите напрасно, на все были приказы отъ самого Дмитрія Никитича, только и пишутъ: ничего не жалѣй, да денегъ мнѣ вышли. Ранжереи проданы, по ихъ письму, мельница тоже-съ, съ дому тесъ — и тотъ, по ихъ приказанію, сколоченъ и проданъ.

«Взорвало меня, знаете.

«— Такъ что, говорю, твоя старая-то дура, бабыня, сидитъ да думаетъ и позволяетъ этому оболтусу все зорить и губить? Доживетъ, что на старости дѣтъ ѣсть будетъ нечего: съ голоду помретъ.

«— Сами, сударь, видимъ, говоритъ, что не умно дѣлаютъ, даромъ что госпожа. Вотъ хоть бы и по нашей братьѣ посудить, что ужъ мы, темные люди; у меня у самой дѣтки есть; жалостливо, кто говорить, да все ужъ не на эту статью: иной разъ потѣшишь, а другой разъ и остановишь, какъ видишь, что не ладно. А у нашей Настасьи Дмитриевны этого не жди: дѣлайся все по командѣ Дмитрія Никитича, а будто спасибо да почтенье большое?

«— А что-же? говорю.

«— Небольшое, сударь; больше бы имъ надобно маменьку свою жалѣть. Старушка пріѣхала сюда въ этакой морозъ въ одномъ старомъ салопишеѣ, на ножкахъ ботиночекъ не было, а валеные сапоги, какъ у мужичка; платье, что видите на ней, только и есть, къ себѣ ужъ и не зовите лучше въ гости: не въ чужь пріѣхать. Не дорогаго бы стоило

искупить всё эти вещи, да видно и на то не хватило: на дѣло такъ нѣтъ у насъ, а на пустяки тысячи выдаютъ.

«— Грустно, говорю, Марья, грустно мнѣ слушать это.

«— Ахъ, сударь Иванъ Семенычъ, развѣ легко намъ это рассказывать. Посмотрѣли бы вы, какъ вся дворня, отъ мала до большаго, всё мужички горькими обливаются слезами, вспоминая стараго барина, хотя, конечно, грѣхъ сказать и про Дмитрія Никитича, чтобы они этакіе были строгіе или ужь чрезмѣру взыскательные.

«— Что же, говорю, простъ, что ли, онъ, или, между нами сказать, глупъ?

«— Какое, сударь, глупы; подите-ка, какой говорунъ; на словахъ города берутъ, а на дѣлѣ, пожалуй, и ваше слово — слабъ разсудкомъ. Покойникъ вашъ братецъ, изволите, я думаю, помнить, не любилъ много говорить, да много дѣлалъ; а они всёмъ другое дѣло; а до денегъ, осмѣлюсь вамъ доложить, такой охотникъ, что, кажется, у нихъ только и помысловъ, что какъ бы ни быть да денегъ добыть. Теперь собираются жениться, и сказываютъ, что часто этакъ хвастаютъ: «женюсь, говоритъ, непременно на красавицѣ и на богачкѣ».

«— Какъ же, говорю, много про него припасено!

«И не сталъ больше спрашивать: хорошаго, видно, не услышишь. Ночевавши ночь, собираюсь домой, только вижу, что моя Настасья Дмитриевна какъ-то переминается и наконецъ говоритъ:

«— Братецъ, говоритъ, не можете ли вы мнѣ одолжить займы полтораста рублей? Мнѣ теперь

крайняя нужда; а я, говорить, какъ только соберу оброки, сейчасъ вамъ выплачу.

«— Слушай, говорю, сестра, ты знаешь, у меня денегъ у самого немного, но такъ какъ я вижу, что ты дѣйствительно въ крайности, то я тебѣ дамъ полтора ста рублей съ однимъ условіемъ, чтобы ты изъ нихъ гроша не посылала Дмитрію, а издержала все на себя. Посмотри, до чего ты себя довела, и на что похоже ты живешь: у тебя, какъ говорится, ни ложки, ни плошки нѣтъ; въ домъ того и гляди, что убьетъ тебя штукатурка; сама ты въ рубищѣ ходишь.

«Зарыдала.

«— Изволь, говорю, взять у меня денегъ и непременно устрой себя и около себя.

«— Непременно, говорить, дружокъ мой, устрой. Мнѣ самой становится тяжело такъ жить.

«Далъ ей полтора ста цѣлковыхъ и, поѣхавши домой, раздумался. «Не утерпѣть, думаю, она — поѣдится съ Митенькой». Съ этими мыслями и завернулъ къ почтмейстеру. «Сдѣлайте, говорю, милость, если будетъ моя невѣстка посылать къ сыну денегъ, увѣдомьте меня»; и я не ошибся въ своемъ предположеніи. Въ первую же почту тотъ даетъ мнѣ знать, что отправлено сто-сорокъ серебромъ. Для себя только десять цѣлковыхъ оставила. Такъ это меня взорвало. Сейчасъ же поѣхалъ къ ней. Она — знаетъ ужъ кошка, чье мясо съѣла: какъ увидѣла меня, такъ и поблѣднѣла.

«— Братецъ, голубчикъ мой, говорить, я передъ тобой виновата, но что же дѣлать? Онъ въ такой теперъ нуждѣ, что невозможно его не поддержать.

Я здѣсь перебыюсь какъ-нибудь, много ли мнѣ надо?

«— Слушай, говорю, Настасья Дмитриевна; я оборвалъ себя и отдалъ тебѣ свои послѣднія деньги на твою нужду. Ты меня обманула и съ этихъ поръ ты о гривеникѣ займы не заикайся мнѣ; живи какъ хочешь; у меня про твоего вѣтрогона Дмитрія Никитича банкъ не открытъ: бездонную кадку не нальешь!»

На этомъ мѣстѣ Иванъ Семенычъ опять пріостановился.

— Фу, усталъ даже, — проговорилъ онъ и потомъ, помолчавъ нѣкоторое время, снова продолжалъ:

«Года черезъ полтора, знаете, этакъ пріѣхалъ я изъ округа, усталъ; порастрясло, конечно; вдругъ докладываютъ, что какой-то офицеръ ко мнѣ пріѣхалъ. Я было сначала велѣлъ извиниться и сказать, что не такъ здоровъ и потому принять не могу, однако онъ съ моимъ посланнымъ обратно мнѣ приказываетъ, что онъ мнѣ родственникъ и весьма желаетъ меня видѣть. Дѣлать нечего, принимаю. Входитъ молодой офицерикъ, стройный, высокій, собой хорошенькій, мундиръ съ иголки, сапоги лакированные, въ лайковыхъ перчаткахъ, надушень, напомаженъ.

«— Вы, говоритъ, дядюшка, вѣроятно не узнали меня?

«— Да, говорю, извините меня; припоминаю немного, но боюсь ошибиться.

«— Я, говоритъ, такой-то, Дмитрій Шамаевъ.

«— Ахъ, Боже мой, Митенька! невольню, знаете, вскрикнулъ и потомъ, поодумавшись, говорю: — из-

вините, говорю, милый племянничекъ, что такъ васъ попрямному назвалъ.

«— Помилуйте, дядюшка, говоритъ, напротивъ, мнѣ это очень пріятно; это показываетъ, что вы не утратили еще ко мнѣ вашего родственнаго расположенія, которымъ я всегда такъ дорожилъ и цѣнилъ.

«— Очень, говорю, вамъ благодаренъ, что вы такъ меня разумѣете. Надолго ли, говорю, пріѣхали побывать въ наши мѣста?

«— На двадцать восемь дней, говоритъ, дядюшка.

«— Что же такъ мало? Матушка, я думаю, глаза проглядѣла, васъ ожидая, а теперь въ это-кое короткое время и наглядѣться на васъ не успѣетъ.

«— Что жъ дѣлать! говоритъ, дядюшка, долго-ли, коротко-ли, все разстаться придется. Повидаюсь съ ней, поустрою хоть нѣсколько имѣніе.

— Да-съ, говорю, милый Дмитрій Никитичъ, и это не мѣшаетъ: имѣнье ваше будетъ скоро никуда негодно, такъ вы его разорили.

«Онъ вздохнулъ, знаете, пожалъ плечами и говоритъ:

«— Что жъ, дядюшка, говоритъ, дѣлать! Теперь я самъ сознаю мои ошибки, но кто же въ молодости не имѣлъ ихъ? Отъ маменьки въ этомъ отношеніи я не имѣлъ никакихъ наставленій; напротивъ, еще онѣ ободряли всѣ мои глупости; но, проживши и испытавши на опытѣ, иначе начинаю смотрѣть на вещи.

«Тутъ входитъ моя жена.

«— Ну-те-ка, говорю, молодой человекъ, узнаете ли, кто это такая дама?

«— Какъ же, говоритъ, не узнать добрую, милую тетушку, которая всегда мнѣ такія красивыя конфеты дарила!

«Жена его тоже сейчасъ узнала, привѣтствовала, и стали они перекидываться между собою словами: супруга моя, напримѣръ, удивляется, какъ онъ ее узналъ, потому что она, вотъ видите, очень постарѣла, а онъ, наоборотъ, даетъ такой тонъ, что, если ему и трудно было узнать ее, такъ это потому собственно, что она похорошѣла... Говорятъ они такимъ манеромъ, а я между тѣмъ присматриваюсь къ моему племянничку и думаю самъ съ собою: «что же ужь очень я напалъ на него и представлялъ его себѣ совсѣмъ пустымъ человекомъ. Малый хоть куда: говорить умненько, складненько». Далѣе, потомъ-съ, послѣ обѣда сошлись въ моемъ кабинетѣ. Я сѣлъ въ кресло вздремнуть немного, вдругъ сквозь сонъ этакъ слышу, что гость мой ходитъ по комнатѣ и что-то съ жаромъ говоритъ; открываю я глаза, прислушиваюсь: рассказываетъ онъ, что будто бы тамъ, гдѣ они стоятъ, живутъ все богатые помѣщики и живутъ отлично, и что будто бы тамъ жениться на богатой невѣстѣ такъ же легко, какъ выпить стаканъ воды. Эти слова его, знаете, и напомнили мнѣ, что говорила о немъ Марья.

«— Не знаю, говорю, милый мой Дмитрій Никитичъ, какъ нынче, а прежде я тамъ тоже бывалъ, живутъ такъ же, какъ и мы грѣшные: есть богатые, есть и бѣдные; и богатая невѣсты, слышно, выходятъ больше или за богатыхъ, или за чиновныхъ,

а на вашу братью — небогатыхъ субалтернъ-офицеровъ не очень что-то смотреть.

«— Ну, нѣтъ-съ; нынче тамъ не такъ-съ, — возражаетъ онъ мнѣ. — Нынче, если вы понравились дѣвушкѣ, то она, будь у ней хоть милліонъ, полюбя васъ, выйдетъ за васъ замужъ.

«— Можетъ быть-съ, говорю, только вотъ прежде надобно понравиться чѣмъ-нибудь.

«Онъ прошелся этакъ по комнатѣ, усмѣхнулся.

«— Уважаю васъ, дядюшка, говорить, какъ почтеннаго дядю, спорить съ вами я не смѣю, тѣмъ болѣе, что про себя лично въ этомъ случаѣ мнѣ рассказывать довольно щекотливо, а замѣчу одно, что тамошнія женщины всѣ прекрасно образованы, очень богаты и потому избалованы. Встрѣчая молодого человѣка, если онъ имъ нравится, онѣ знать не хотятъ, богаты ли вы, бѣдны, чиновны или нѣтъ.

— «Ну, вотъ видите, говорю я, вы рассказываете намъ точно про какую-нибудь новооткрытую Америку; все тамъ не по нашему дѣлается.

«— Вамъ, я вижу, дядюшка, это вается смѣшно и неправдоподобно, но я могу доказать примѣрами: въ прошломъ году у насъ женился майоръ и взялъ сто тысячъ чистогану — это ужъ фактъ!

«— Такъ майоръ же, говорю, а не прапорщикъ.

«— Позвольте-съ, — перебиваетъ онъ меня: — если вамъ угодно успѣхъ этотъ отнести къ чину майора, такъ вотъ вамъ другіе два примѣра: предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, и одинъ нашъ прапорщикъ, даже юнкеръ, оба бѣдняки, женились и получили въ приданое: первый небольшое состоянїе съ десятью

тысячами серебромъ годового дохода, а второй хватилъ полмилліона. Конечно, они оба хорошаго очень рода, молодцы, шегольски говорятъ по-французски, но и только; кромѣ этого, въ нихъ ничего особеннаго нѣтъ: прапорщикъ даже очень недалекъ; а уиѣли понравиться дѣвушкамъ.

«— Дай Богъ, конечно, говорю, этакого счастья всякому, но только вотъ видите ли, Дмитрій Никитичъ, что я въ жизнь мою наблюдалъ: васъ охотниковъ жениться на богатыхъ невѣстахъ смѣло можно считать тысячами, а богатыхъ невѣстъ десятками, такъ на всѣхъ, пожалуй, и не достанетъ.

«— Зачѣмъ же на всѣхъ? на счастливецѣ въпадаетъ! Но... если удастся нѣкоторымъ, то почему не искать и каждому? Возьмите вы молодого чело-вѣка въ моемъ положеніи, и скажите мнѣ откровенно, чѣмъ другимъ я могу поправить мою карьеру; а поправить ее мнѣ очень нужно: я очень небогатъ, но, и по моему воспитанію, и по тому кругу, въ которомъ я жилъ, по всему этому я привыкъ жить порядочно.

«— Какая вамъ, говорю, еще надобно карьера? Служите усерднѣе, вы красивы изъ себя, молоды, здоровы, чело-вѣкъ, какъ понимаете себя, образованный; выслужитесь: карьера сама собою придетъ со временемъ.

«— А денежные средства? — возражаетъ онъ мнѣ.

«— Что же, возражаю я ему въ свою очередь, денежные средства? По моему, ваши денежные средства вовсе не дурны: жалованья вы получаете около трехъ сотъ рублей серебромъ, имѣнье... хоть вы и разстроили его, но постройте немного, — и одной оброчной

суммы будете получать около шести сотъ серебромъ; изъ этихъ денегъ я бы на вашемъ мѣстѣ триста рублей оставилъ матери: вамъ грѣхъ и стыдно допускать жить ее въ такой нуждѣ, какъ жила она эти два года. Извините, я говорю прямо.

«— Все это, дяденька, я очень хорошо самъ знаю, но въ такомъ случаѣ, говорить, я не могу служить.

«— Отчего же не можете? У васъ будетъ шесть сотъ рублей годоваго дохода: на эти деньги очень, кажется, можно жить молодому офицеру.

«Онъ вдругъ засмѣялся.

«— Шесть сотъ рублей, говорить, для кавалерійскаго офицера! Нѣтъ, говорить, дядюшка, видно, вы совершенно не знаете службы.

«— А когда, говорю, мало вамъ въ кавалеріи, переходите въ пѣхоту, служба вездѣ все равна.

«— Если бы и такъ... — отвѣчаетъ онъ мнѣ на это: — такъ и въ такомъ случаѣ мнѣ нечѣмъ будетъ жить.

«— Да что же такое? вспылилъ ужъ, знаете, я: — все вамъ мало, да мало, а спросили бы вы: какъ служилъ вашъ отецъ и я? Жалованья мы получали вдвое меньше вашего, изъ дома ни копѣйки, кромѣ развѣ матушка тихонько отъ отца пришлетъ бѣлья, а мы однако прослужили: я двѣнадцать лѣтъ, а братъ пятнадцать.

«— Если такъ разсуждать, такъ вы, конечно, говорить, дядюшка, правы; но вы забыли, что нынче не тѣ ужъ времена и не такое мы съ дѣтства получаемъ воспитаніе. Кто говорить! еслибъ я выросъ въ деревнѣ, ничему бы не учился!.

«(Онъ-то, изволите видѣть, многому учился, думаю я; однакожь слушаю).

«— Роскоши бы, продолжаетъ, не видалъ, въ обществѣ не былъ принятъ, это другое дѣло, я бы стоялъ тамъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, ѣлъ бы кашу да говядину съ картофелемъ, пилъ бы водку — и прекрасно! Но это для меня ужъ невозможно. Тамъ у насъ недѣля не проходитъ безъ бала.

«— Эхъ, говорю, Дмитрій Никитичъ, танцуя цѣлый вѣкъ не проживешь.

«— Кто жъ, говоритъ, дядюшка, съ этимъ спорить? Неужели вы думаете, что я въ этихъ балахъ вижу цѣль моей жизни. Вовсе нѣтъ! Я хочу только жить между людьми, равными мнѣ, и въ обществѣ, хоть сколько-нибудь образованномъ; но предположимъ, что я поступлю буквально по вашему совѣту, т. е. ничего не буду предпринимать и смиренно удовольствуюсь доходами съ имѣнья; въ такомъ случаѣ, какъ я и прежде вамъ объяснилъ, службу я долженъ оставить и слѣдовательно поселиться въ деревнѣ, въ нашей прекрасной Бычихѣ; но что жъ потомъ я стану дѣлать? Въ чемъ и какого рода могутъ быть у меня развлечения? Ѣздить по деревнямъ на бесѣды да въ села на базары!

«— Кто васъ, говорю, заставляетъ ѣздить по бесѣдамъ? Занятія можно найти: хозяйничайте; а если захотите развлечься, зимой поѣзжайте въ губернской городъ; у насъ здѣсь веселятся больше по городамъ.

«— Благодарю васъ, дядюшка, покорно на вашихъ городскихъ удовольствіяхъ, говоритъ онъ и кланяется мнѣ въ поясъ. — Бывалъ я прежде, продолжаетъ, былъ и теперь проѣздомъ въ вашемъ губер-

скомъ собраніи. Что это такое, помилуйте, только что не горятъ сальныя свѣчки, да не подають квасу: скука, натянутость во всемъ, какъ на купеческой вечеринкѣ, и что всего милѣе: я, на примѣръ, въ маскарадѣ ангажирую одну дѣвушку, она мнѣ вдругъ прямо говоритъ: «Pardou, m-g, я съ незнакомыми не танцую.» Я отвернулся и не сталъ больше говорить. Это, чертъ знаетъ, что такое! Она видѣла, что я въ мундирѣ. Какъ, тетушка, скажете вы, оправдаете поступокъ этой дѣвицы, или нѣтъ?— обращается онъ къ женѣ моей; а та, знаете, чтобъ немного побѣсить его:

«— Что жъ? говоритъ:— она, вѣрно, не хотѣла съ вами танцовать.

«Онъ только на это пріосанился и ничего не сказалъ.

«— Ну, какъ, говорю, не хотѣла; она просто глупо поступила.

«— Не глупо, говоритъ, дядюшка, а это дичь какая-то. Но тамъ, Боже ты мой, что это за женщины! Знакомы вы, или не знакомы: она сейчасъ васъ опривѣтствуетъ, пойдетъ съ вами одна подъ руку въ садъ, въ поле; сама вызоветъ васъ на интересный разговоръ, — и все это свободно, умно, ловко! Вы, дядюшка, улыбаетесь; вамъ, какъ чловѣку пожилыхъ лѣтъ, можетъ быть, смѣшны мои слова, но я говорю справедливо.

«— Нѣтъ-съ, говорю, я не тому, а очень вы хвалите тамошнія мѣста; видно, тамъ зазнобушка есть, такъ и кажется все въ иномъ свѣтѣ.

«— Ну, дядюшка, говоритъ, что это за слово — зазнобушка, очень ужъ оно не благозвучно; и потомъ:

подумавши, прибавляетъ: дѣйствительно, говоритъ, я имѣю тамъ виды на одну дѣвушку.

«— Что жь, и жениться думаете?»

«— Конечно-съ, тѣмъ болѣе, что это такая партія, о которой я не смѣлъ бы подумать, если бы не случай.

«— Дай Богъ, говорю, Дмитрій Никитичъ, только смотри, есть поговорочка, которую твой покойный отецъ часто говаривалъ: «дѣвушки хороши, красныя пригожи; ахъ, откуда же берутся злыя жены?»

«— Эта поговорка, говоритъ, дядюшка, никоимъ образомъ не можетъ отнестись ко мнѣ!

«— Не хвастай, говорю, понравится сатана — лучше яснаго сокола; въ тѣхъ мѣстахъ женщины на это преловкія, часто вашу братью, молоденькихъ офицеровъ, надувають; а если ты думаешь жениться, такъ выбери-ка лучше здѣсь, на родинѣ, невѣсту; въ здѣшней палестинѣ мы о каждой дѣвушкѣ знаемъ — и семейство ея, и родъ-то весь, и состояніе, и характеръ, пожалуй.

«— Очень вамъ благодаренъ, говоритъ, дядюшка, за вашъ совѣтъ и вполне увѣренъ, что вами руководствуетъ желаніе мнѣ добра, но вы меня совсѣмъ не поняли. Обмануться я не могу потому, что я женоюсь съ расчетцемъ. Нынче ужь, говоритъ, дядюшка, надъ любовью смѣются, а всѣмъ надобно злата, злата и злата. Точно такъ и я. У меня все предусмотрѣно: кромѣ ея прекраснаго воспитанія, ума, доброты ангельской, кромѣ, наконецъ, обыкновеннаго приданаго, у ней миллионное наслѣдство — въ дѣлѣ. Много ли у васъ такихъ невѣстъ?»

— Въ дѣлахъ-то, пожалуй, — смѣюсь я ему, — и у нашихъ лежатъ милліоны, да дѣла-то вещь темная...

«— А вотъ какая, говоритъ, дядюшка, темная вещь, это мнѣ говорилъ одинъ тамошній стряпчий-законникъ, который на этихъ дѣлахъ зубы пріѣлъ. Онъ говорилъ, что на охотника за это дѣло сейчасъ можно дать двѣсти тысячъ.

«— Хорошо, говорю, значитъ, дѣло. Только когда и скоро ли оно кончится?

«— Въ этомъ-то, говоритъ, и фортель весь заключается: старикъ засидѣлся въ деревнѣ, облѣнился; ему страшно подумать тронуться въ Петербургъ, и дѣло такимъ образомъ стоитъ, не двигается; но если оно попадетъ въ руки человѣка съ энергіей, такъ ему будетъ недурно. Вотъ видите, говоритъ, дядюшка, какъ у меня далеко все расчитано... Стало быть, я не слѣпой обожатель!

«— Вашу, говорю, что у васъ все расчитано, а на дѣлъ-то, мнѣ кажется, такъ васъ либо надуваютъ, либо дурачатъ.

«— Время-съ, говоритъ, все это покажетъ.

«— Конечно, говорю, время покажетъ...

«И ужь мнѣ, знаете, сталъ надоѣдать этотъ споръ.

«— Кончимъ, говорю, мой милый Дмитрій Никитчъ, наши пренія, которыя ни къ чему не поведутъ. Мнѣ тебя не убѣдить, да и ты меня тоже не переувѣришь; останемся каждый при своемъ.

«Такъ мы съ нимъ и поспорили; вижу, что мои замѣчанія ему не очень понутру: нахмурился, ушелъ и съ полчаса ходилъ молча по залу. Вечеромъ, однако, пріѣхала одна дама съ дочерьми, онъ, сейчасъ съ ними познакомился и сталъ любез-

ничать съ барышнями, сълъ потомъ за фортепiano, очень недурно имъ сыгралъ, спѣлъ, словомъ, — опять развеселился. Послѣ ужина, впрочемъ, сталъ прощаться, чтобъ ѣхать домой. Я останавливаю его ночевать.

«— Нѣтъ ужь, говоритъ, дядюшка, отпустите меня: я пріѣхалъ на такое короткое время, надо съ матушкой побыть.

«— А, въ такомъ случаѣ, говорю, не смѣю останавливать, поѣзжайте.

«— У меня, впрочемъ, говоритъ, дядюшка, до насъ просьба есть.

«— Согрѣшилъ! думаю, вѣрно хочетъ денегъ просить. Какая же это просьба? говорю не совѣмъ ужь такимъ пріятнымъ голосомъ.

«— Я, говоритъ, дядюшка, желаю остальную свободную часть имѣнья заложить, и какъ это завивить отъ здѣшнихъ судовъ, такъ нельзя ли вамъ похлопотать, чтобъ мнѣ скорѣе это сдѣлали?

«— Это, говорю, Дмитрій Нивитичъ, ты такимъ-то манеромъ думаешь устраивать имѣнье?

«— Невозможно, говоритъ, дядюшка, при такомъ случаѣ, какъ женитьба, о которой я вамъ говорилъ; не могу же я быть совершенно безъ денегъ.

«— Послушай, говорю, Дмитрій Никитичъ, исполни ты, хоть одинъ разъ въ жизни, мою просьбу и повѣрь, что самъ за то послѣ будешь благодарить: не закладывай ты имѣнья, а лучше перевернись какъ-нибудь. Залогъ для хозяевъ, которые на занятые деньги покупаютъ имѣнья, благодѣтеленъ; но заложить и деньги прожить, — это хомутъ, въ которомъ рано ли, поздно ли, ты затынешься. О тебѣ я не

говору: ты мужчина, проживешь какъ-нибудь; но я боюсь за мать твою, ты оставишь ее безъ куса хлѣба.

«— Помилуйте, дядюшка, неужели, говорить, я не понимаю священной обязанности сына!

«— Вѣрю, говорю, другъ мой, что понимаешь, но скажу тебѣ откровенно, потому что желаю тебѣ добра и вижу въ тебѣ сына моего роднаго брата, что ты еще молодъ, мотовать и вѣтренъ.

«— Очень грустно, дядюшка, слышать, что вы меня такъ понимаете, возражаетъ онъ мнѣ.

«— Ну, мой милый, говорю, хоть сердись на меня, хоть нѣтъ; а я говорю, что думаю, и не буду тебѣ содѣйствовать въ залогъ имѣнья: дѣлай помимо меня, а я умываю руки.

«На эти слова мои онъ расшаркался и уѣхалъ. Впрочемъ я, рассчитавъ, знаете, что скоро ему къ отъѣзду, и какъ бы въ родѣ того, чтобъ заплатить визитъ, ѣду къ нимъ. Подъѣзжаю и вижу, что дорожная повозка у крыльца ужъ стоитъ: укладываются; спрашиваю:

«— Гдѣ барыня?

«— Въ спальнѣ у себя, не такъ здорова.

«— А молодой баринъ?

«— У нихъ сидятъ-съ.

«Вхожу. Она сидитъ на постели, а онъ у окошка. Я чуть не вскрикнулъ: представьте себѣ, въ какіе-нибудь эти полтора года, которые я ее не видалъ, изъ такой полной и крѣпкой еще женщины, вижу худую, сморщенную, беззубую старушонку. «Ахъ, ты, Боже мой! думаю и все это сдѣлалось отъ разлуки съ Митенькой.»

«— Мать ты моя, говорю, сестрица, что это съ тобой сдѣлалось? тебя узнать нельзя.

«— Все больна, говорить, братецъ, это время была. Митенька-то мой, братецъ!

«— Знаю, говорю, сестрица, мы съ нимъ знакомы. Молодецъ у тебя сынъ; мы съ женой не любовались имъ, какъ онъ былъ у насъ, говорю ей, чтобы потѣшить ее.

«— Слава Богу, говорить, батюшка!

«А сама взглянула на образъ и перекрестилась. Такъ что-то даже жалко сдѣлалось ее въ эту минуту.

«— Ёдетъ ужъ, говорить, братецъ, а я здѣсь остаюсь,— проговорила, знаете, этакимъ плачевнымъ голосомъ, да и въ слезы.

«— Что же, говорю, сестрица, дѣлать! сынъ,— не дочь, не можетъ сидѣть все при васъ.

«— Вы, говорить, маменька (вмѣшивается Дмитрій) вашими слезами меня наконецъ въ отчаяніе приводите. Если вамъ угодно, я исполню ваше желаніе, останусь здѣсь: брошу службу, брошу мою выгодную партію; но ужъ, въ такомъ случаѣ, не пеняйте на меня. Я долженъ погибнуть совершенно, потому что или сопьюсь, или что-нибудь еще хуже изъ меня выйдетъ.

«— Я, Митенька, другъ мой, ничего, ей-богу, ничего. Я такъ только поплачу; нельзя же, говорить, не поплакать!

«— Поплакать, говорю, сестрица, можно, да ты плачешь-то не по-людски. Родительская любовь, моя милая, должна состоять въ томъ, чтобы мы желали видѣть дѣтей нашихъ умными, хорошими людьми,

полезными слугами отечества, а не въ томъ, чтобы они торчали предъ нами.

«Между тѣмъ, какъ я такимъ манеромъ разсуждаю, онъ вдругъ всталъ. Она какъ увидѣла это, такъ и помертвѣла: а плакать, однако, не смѣетъ и шепчетъ мнѣ:

«— Батюшка братецъ, мнѣ бы благословить его хотѣлось.

«— Ну чтожь, говорю, это хорошо. Маменька ваша, говорю, Дмитрій Никитичъ, желаетъ васъ благословить.

«Онъ мнѣ вдругъ мигаетъ, и тоже шепчетъ.

«— Нельзя ли, говоритъ, дядюшка, чтобъ не было этого благословенія, а то опять слезы и истерики. Ей-богу, я измучился, силъ моихъ ужь нѣтъ.

«— Ну, что дѣлать, говорю, братецъ, нельзя старуху этимъ не потѣшить.

«Даль ей образъ, всталъ онъ передъ ней на колѣна, слезы вижу и у него на глазахъ; благословила его, знаете, но какъ только образъ-то принялъ у нея, зарыдала, застонала; онъ ту же секунду драла... въ повозку, да и маршъ; остался я, дѣлать нечего, при старухѣ.

«— Помилуй, говорю, сестрица, что ты такое дѣлаешь!

«— Батюшка братецъ, говоритъ, не могу я безъ него, моего друга, жить.

«Да какъ заладила это: «не могу я безъ него жить», плачетъ день, плачетъ другой... я было ее къ себѣ, въ городъ, лекаря пригласилъ, тотъ съ недѣлю посматрѣлъ и говоритъ: если ее оставить въ

этомъ положеніи, такъ она съ ума сойдетъ». Какъ послѣ этого прикажешь съ ней быть?

«— Что же вы, говорю, сестрица, такъ ужъ убиваетесь? Поѣзжайте, когда такъ, за нимъ.

«Не смѣю, батюшка братецъ. Ну, какъ ему это будетъ непріятно?

«— Что это, говорю, за вздоръ — непріятно! Что это тебѣ пришло въ голову, — поѣзжай!

«А самъ между тѣмъ, къ нему, молодцу, написалъ особое письмо. Пишу, что «мать ваша, Дмитрій Никитичъ, не можетъ жить безъ васъ и ѣдетъ къ вамъ, но она имѣетъ, къ удивленію моему, страшное опасеніе, что вамъ это будетъ непріятно, чего, конечно, надѣюсь, не встрѣтитъ, ибо вы сами хорошо должны знать, какъ много вы еще должны заплатить ей за всю ея горячую къ вамъ любовь...» и такъ далѣе, знаете, написалъ умненькое этакое письмо съ заковычками небольшими: хотѣлось ему объяснить, что онъ обязанъ къ матери быть благодаренъ и почтителенъ. Старуха моя, какъ только я утвердилъ ее въ этой мысли, точно ожила: сама укладывается, собирается, мнѣ только-что не въ ноги кланяется. Уѣхала наконецъ и вскорѣ потомъ пишетъ: благодаритъ за участіе и объясняетъ, что Митенька обрадовался ей безъ души и что еще большая для нея радость та, что общее ихъ желаніе исполняется: онъ женится на красавицѣ и богачкѣ. Я сначала и повѣрилъ, а потомъ люди ихъ стали болтать, что, когда она туда прибыла, такъ онъ ей нанялъ особую, маленькую квартиру и что ни къ невѣстѣ, ни къ ея роднѣ даже и не представлялъ и что будто бы даже старуха и на свадьбу не была приглашена и

что ужь послѣ сама молодая, узнавши, что у ней есть свекровь, поѣхала и познакомилась, и что тесть и теща ему за это очень пеняли. Какъ это ни скверно съ его стороны, однако отвергать не могу: мать-де стара, да бѣдна, не такъ, можетъ быть, образована, какъ нынѣшнія дамы, такъ и стыдно. Фанфаронъ, и большой фанфаронъ, какъ вы это увидите и изъ послѣдующей его жизни. Этакихъ господъ, надобно сказать, не одинъ онъ на свѣтѣ. Чего бы кажется должно совѣститься, деньги, напимѣръ, брать въ долгъ да не платить, — имъ ничего. А что, по нашему, вздоръ: въ старой бы шинелькѣ если ему пришлось пройти по улицѣ, такъ со стыда сгорить, прятаться за углы станеть, чтобы только его не увидѣлъ кто-нибудь... Сколько прошло потомъ времени послѣ женитьбы моего Дмитрія Никитича, теперь ужь хорошенько не помню. Только прогремѣла наконецъ у насъ по уѣзду такая молва, что бычихинскій баринъ вышелъ въ отставку и изволилъ съ маменькой и съ молодой супругой прибыть въ свое помѣстье и очень-де шибко принимаются за хозяйство. Я, знаете, на правахъ дяди, ожидаю, хоть бы и визита себѣ, — не ѣдутъ; мнѣ немножко это и обидно. Думаю: видно, въ самомъ дѣлѣ племянникъ разбогатѣлъ, когда и знать не хочетъ. Однако получаю съ нарочно-посланнымъ отъ него письмо, въ которомъ приносятъ тысячу извиненій, что до сихъ поръ самъ не былъ и жены не представилъ; причина тому та, что, прѣхавши въ усадьбу, не нашелъ ни одной годной для выѣзда лошади. «Препятствіе это, милый племянникъ», — отвѣчаю я ему: — «весьма очень легко устранить». И съ этимъ же, знаете, посланнымъ по-

сылаю за ними карету шестерикомъ, чтобы и они спокойно доѣхали да и себя чтобы тоже не уронить. «На-мо! — говорю, — «знай нашихъ!» Приѣзжаютъ-съ. Онъ ужъ въ штатскомъ платьѣ, щеголь этакой, раздобрѣлъ немного, усы, бакенбарды, осанка этакая, какъ и вы, можетъ быть, замѣтили, графская — залюбование, по наружности, мужчина. Она очень еще молоденькая, довольно высокая, стройная, собой хорошенькая, только худа что-то очень и вообще какая-то воздушная: дунешь, вѣжется, такъ она упадетъ, не то, что вотъ наши барышни — коренастыя, краснощекія. Нѣмочкой она мнѣ показалась на первый разъ. Одѣта, конечно, по послѣдней модѣ, такъ-что у моей супруги глаза даже разгорѣлись; всю ночь послѣ мнѣ толковала, какое на ней все это дорогое и со вкусомъ. Рекомендуетъ онъ ее намъ.

«— Прощу, говорить, дядюшка и тетушка, почитать мою жену такимъ же родственнымъ расположеніемъ, которымъ и я всегда пользовался отъ васъ.

«Она тоже проситъ полюбить.

«Мы говоримъ, что это наша обязанность.

«— Не скучаете ли вы, говорю, сударыня, въ деревнѣ, въ нашихъ мѣстахъ?

«— Нѣтъ-съ, говорить, съ мужемъ и дѣтьми зачѣмъ скучать?

«— А дѣти ваши велики? спрашиваетъ жена моя.

«— Старшему, говорить, два года, а младшему шесть мѣсяцевъ.

«— Сами кормите?

«— Нѣтъ, говорить, перваго я сама кормила, но потомъ была больна, и втораго докторъ мнѣ запретилъ: такъ это мнѣ грустно!

«— Вотъ, говоритъ (вмѣшался ужь это племянникъ), тетушка и дяденька, побраните для перваго знакомства вашу племянницу, — хандрить часто: что немного не по себѣ, а она ужь, Богъ знаетъ, что воображаетъ... никакъ и ничѣмъ себя не хочетъ поразсѣять.

«Я посмотрѣлъ, знаете, на нее: цвѣтъ лица кажется бы блѣдный, а между тѣмъ румянецъ, какъ два врѣзанные розовые листа, играетъ. «Ну, пожалуйста, — думаю, — судя по этому, есть отчего и похандрить»; однако не высказалъ этого, а напротивъ еще говорю:

«— Нехорошо, говорю, молодой дамѣ о болѣзни думать.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, я не думаю, а, ей-богу, говоритъ, иногда себя очень плохо чувствую.

«И такъ далѣе бесѣдуемъ. Но такъ какъ они, хоть и не первый годъ женаты, а для насъ все еще будто молодые, и потому я затѣялъ для нихъ обѣдѣцъ; кое-кого изъ знакомыхъ позвалъ. Съѣхались тѣ. Вижу, мой Дмитрій Никитичъ себя держитъ свысока. Что-то насчетъ стола заговорили, и онъ тотчасъ же намъ началъ рассказывать: какой нынче долженъ быть порядочный, какъ онъ выразился, столъ, перечислилъ названія кушаньямъ, — все иностранная, такъ что мы, его слушающіе, этакихъ и не слыхивали, и все это, знаете, очень подробно, — точно самъ поваръ! Потомъ объ экипажахъ коснулся разговоръ. Онъ сталъ доказывать, что если ужь покупать экипажи, такъ никакъ не менѣе восьмисотъ рублей серебромъ, потому что такой экипажъ будетъ

гораздо выгоднѣе дешеваго, прослуживши десять, пятнадцать лѣтъ безъ починки, и вслѣдъ за этимъ началъ смѣяться надъ нѣкоторыми нашими помѣщиками, которые собираютъ экипажцы дома, хозяйственно.

«— Кто, говорю я ему на это, Дмитрій Никитичъ, не знаетъ, что коляска въ восемьсотъ рублей серебромъ лучше, чѣмъ дома собранная въ двѣсти рублей ассигнаціями; да вѣдь всякій по одежкѣ протягиваетъ ножки; надобно напередъ, чтобы восемьсотъ-то рублей въ карманѣ были.

«— О, дядюшка, что это за вздоръ: велики деньги восемьсотъ рублей!

«Словомъ, я вижу, что онъ немного корчитъ изъ себя барича; къ супругѣ своей въ то же время очень внимателенъ, безпрестанно, знаете, обращается къ ней на французскомъ языкѣ. Она ему также отвѣчаетъ по-французски. Я-то не понимаю, а только жена мнѣ послѣ сказывала, что она это, какъ называется, произноситъ совершенно какъ француженка. Далѣе потомъ вышли какъ-то и мы, и гости все наши въ залу. Онъ, увидѣвши тугъ фортепіано, вдругъ говоритъ моей женѣ:

«— Такъ какъ я знаю, тетушка, что вы любительница музыки, такъ не угодно ли вамъ заставить жену мою сыграть что-нибудь; она, говоритъ, концерты давала.

«Супруга моя, конечно, начала просить. Она было сначала отпѣкивалась, говоритъ, что давно не играла; однако упросили. Стѣла и сыграла штучки двѣ хорошо, очень хорошо, и бойко, и съ чувствомъ; потомъ романсъ сыграла, а онъ спѣлъ. Я и понялъ,

что онъ хочетъ пылъ въ глаза пустить образова-
ніемъ, знаете, своей супруги; ну и это еще ничего, —
извинительно. При разставаньѣ я говорю, что я и
жена на слѣдующей недѣлѣ постараемся имъ запла-
тить визитъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, не извольте вы
безпокоить ни себя, ни тетушку, потому что у меня
теперь хаосъ; все ломается и передѣлывается. Я
буду васъ просить, когда все это приведется въ по-
рядокъ, и тогда надѣюсь, что въ состояніи буду
принять васъ прилично.

«— Какъ хочешь, говорю, намъ все равно, но
что же такое ты передѣлываешь: домъ что ли?

«— Все, говоритъ, дядюшка: всю усадьбу под-
нимаю съ подошвы.

«— Ну, доброе дѣло; только не спѣшилъ бы, а
исподоволь бы все устраивалъ: это будетъ и де-
шевле, и прочнѣе.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, я не такого ха-
рактера: я люблю, чтобы у меня все кипѣло.

«И въ самомъ дѣлѣ, видно у него закипѣло. Люди
безпрестанно ѣздятъ въ городъ, то матеріаловъ за-
купить, то мастеровыхъ нанять. Къ намъ заходятъ
тоже, спрашиваю ихъ:

«— Баринъ, я говорю, видно, при деньгахъ?

«— При деньгахъ-съ, отвѣчаютъ мнѣ.

«— Слава Богу, думаю, радуюсь. Наконецъ онъ
и самъ является и, только-что поздоровался, сейчасъ
же подводитъ меня къ огню.

«— Не угодно ли, говоритъ, дядюшка, взглянуть
на новопуокъ моихъ.

«Гляжу. Стоитъ новомодная коляска и щегольскихъ четверня вороныхъ лошадей.

«— Не дурны кони? спрашиваетъ.

«— Да, говорю; у кого же ты это купилъ?

«— У Архипова-съ, говоритъ.

«Я невольно, знаете, пожалъ плечами. У Архипова точно, надобно сказать, отличный конскій заводъ, но дѣло въ томъ, что у него, какъ я знаю, меньше трехъ-сотъ серебромъ лошади нѣтъ.

«— Что же, говорю, Дмитрій Никитичъ, ты платилъ за нихъ?

«— Вздоръ, говоритъ, дядюшка просто шаль, — полторы тысячи цѣлковыхъ за четверку.

«— Деньги хорошія, говорю, и полторы тысячи цѣлковыхъ: не очень дешево.

«— Помилуйте, дядюшка, возражаетъ онъ мнѣ: — да вы разсудите: лошади все кровныя, одна другой вершкомъ ни выше, ни ниже, масть въ масть; а какъ съѣзжены, вы посмотрѣли бы! Мнѣ вчера только привели ихъ, сегодня я заложилъ и поѣхалъ. По-вѣрьте мнѣ, говоритъ, дядюшка, я кавалеристъ и въ лошадяхъ знатокъ; стоитъ мнѣ только эту четверку въ Москву свести, я за нее меньше четырехъ тысячъ серебромъ не возьму.

«— Можно взять и меньше, говорю я на это, и тутъ же къ слову спрашиваю: — а что это, Дмитрій Никитичъ, говорю, какой у тебя кучеръ? я что-то его не знаю. Изъ женннаго имѣнія, что ли?

«— Нѣтъ, говоритъ, это нанятой, чудный малый; одна посадка, посмотрите, чего стоитъ... толстякъ-то какой!

«— Что же ты, говорю, ему платишь?

«— Десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

«— Да, говорю, десять же однако цѣлковыхъ!... цѣна петербургская; а кажется, для деревни это лишнее. У покойнаго отца твоего хорошій былъ кучеръ и къ лошадямъ очень привязанный.

«— Ну, что это, дядюшка, за кучеръ? Ему на косульницахъ ѣздить, а не на кровныхъ лошадяхъ. Онъ къ этимъ львамъ и подойти не посмѣетъ, да и дуракъ какой-то! Я ему велѣлъ возить солому да воду въ хлѣвъ.

«Не хотѣлъ его тутъ оспаривать, потому что онъ ужъ не молоденькій офицеръ, а женатый, мужъ, семьянинъ.

«— А я, говоритъ, дядюшка, къ вамъ съ требованіемъ обѣщаннаго визита; мнѣ ужъ теперь не стыдно принять васъ въ свой домишко.

«— Будемъ, говорю, когда прикажешь, тогда и будемъ.

«— Я бы, говоритъ, въ будущую пятницу васъ просилъ; оно немножко и кстати, потому что что-то такое въ родѣ именинъ моей жены.

«— Очень, говорю, кстати. Если бы я зналъ, я бы и безъ зову пріѣхалъ.

«— Тетушка тоже, говоритъ, будетъ?

«— Будетъ, говорю.

«— Стало быть, эта статья рѣшенная, продолжаетъ онъ: — но мнѣ бы еще хотѣлось пригласить кой-кого изъ городскихъ, и потому прощайте.

«— Для чего же тебѣ это хочется? спрашиваю я.

«— Такъ, говоритъ, дядюшка, — нельзя же: могутъ случиться дѣлишки по судамъ; лучше, какъ по-

закормишь; изъ сосѣдей нѣкоторые пріѣдутъ, такъ ужь вмѣстѣ.

«— Что-же это такое: обѣдъ, что-ли, будетъ у тебя?»

«— Нѣтъ, такъ, позывочка; нельзя же не сблизиться. Между нами сказать: нынѣшнимъ предводителемъ, кажется, не очень довольны; чрезъ годъ балотировка, мало ли что можетъ случиться.

«— Это, значить, ты въ предводители думаешь?»

«— Да не то, чтобы я думалъ, а если дворянству угодно будетъ предложить мнѣ эту честь, не буду смѣть отказаться.

«Я взялъ да, знаете, ему и поклонился низенько.

«— Въ такомъ случаѣ, говорю, не оставьте, батюшка Дмитрій Никитичъ, вашей предводительской милостью вашего бѣднаго родственника-исправника.

«Смѣется.

«— Только, говоритъ, дядюшка, пожалуйста, чтобъ это осталось между нами. Тутъ ничего еще опредѣленнаго нѣтъ, и я такъ говорю съ вами, какъ съ родственникомъ.

«— Смѣю ли, говорю я, маленькій человѣчекъ, что-нибудь говорить, когда вы не приказываете.

«— О, говоритъ, дядюшка, вѣчно поддѣнете меня и шпильку мнѣ поставите; лучше, говоритъ, не забудьте пятницы.

«— Слушаю-съ, говорю, ваше высокородіе, слушаю-съ.

«Пришла потомъ пятница. Отправляемся мы съ супругой, а за нами, смотримъ, почти полгорода; всѣ почти чиновники, худые и хорошіе. Пріѣзжаемъ мы этой гурьбой. Домъ, вижу я, отдѣланъ такъ, что узнать нельзя противъ прежняго: все это выбѣлено,

вычищено, рамы въ три стекла, столъ ужь накрытъ огромнѣйшимъ глаголемъ, и на немъ, знаете, вазы серебряныя съ шампанскимъ, хрустальныя вазы съ фруктами; лакеи въ бѣлыхъ галстукахъ, бѣлыхъ жилетахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, короче сказать, такъ парадно, хотъ бы и отъ тысячи душъ. Хозяинъ тоже по формѣ — во фракѣ, встрѣчаетъ насъ въ залѣ и ведетъ въ гостиную. Мы, какъ водится, поздравляемъ племянницу съ днемъ ангела; а она, бѣдненькая, едва сидитъ, такъ блѣдна и худа, что ужасъ.

«— Что это, говорю, милая племяненка, вы все, кажется, хвораете; хотъ бы для именинъ своихъ эту дурную вашу привычку оставили.

«Усмѣхнулась.

«— Богъ бы съ вами, дядюшка, съ моими именинами; не очень я имъ рада, говоритъ мнѣ это негромко.

«Значитъ, это празднество ей не очень по душѣ, но, переговоривъ съ нею, дѣлаю, разумѣется, поклонъ прочимъ гостямъ. Глядь, это все наши уѣздные богатые помѣщики, уѣздовъ съ трехъ, кажется, собраны, и когда онъ это успѣлъ объѣхать ихъ и познакомиться съ ними, не понимаю, и такъ какъ, знаете, отъ нашего брата земскаго исправника до этихъ большихъ баръ большой скачекъ, такъ я и удалился въ наугольную; гдѣ нахожу мою старушку-сестрицу. Сидитъ она, знаете, въ блондовомъ чепцѣ, въ шелковомъ платьѣ, пречопорная и, какъ видно, очень довольная. Здравуюсь я съ ней, она вдругъ отвѣчаетъ мнѣ:

«— Здравствуй, мой родной, здравствуй! и какимъ-то этакимъ, знаете, обязательнымъ тономъ.

«Мнѣ это, признаюсь, показалось нѣсколько

и досадно. Видѣвши, что тутъ кой-кто сидитъ изъ гостей, захотѣлось мнѣ ей и понапомнить кое-что.

«— Какъ я радъ, говорю сестрица, что я въ вашей Бычихѣ нахожу не развалны, а все устранивается и приводится въ новый видъ,— начинаетъ походить на прежнюю Бычиху, какъ была она при покойномъ братѣ.

«Она поняла мои слова и сейчасъ же гораздо спустила важности.

«— Да, мой дружокъ, слава Богу, слава Богу, говоритъ.

«— Да, продолжаю я: — должна благодарить Бога, тѣмъ болѣе, какая у тебя прекрасная невѣстка! Не ошибся Дмитрій Никитичъ въ выборѣ: и сама по себѣ, да и состояніе, кажется,— одно другому отвѣчаетъ.

«— Слава Богу, слава Богу, повторяетъ она. — Я день и ночь, говоритъ, молю Творца за милости ко мнѣ. Хотя, конечно, Митя былъ такой женихъ, что ему много предстояло партій блистательныхъ и богатыхъ, но эта дороже всѣхъ, потому что по сердцу.

«— Богъ съ ними, съ богатыми и блистательными, какія бы еще вышли; лучше намъ не надобно, говорю я.

«Пока мы такимъ манеромъ со старухой бесѣдовали, кушать просятъ. Садимся. Обѣдъ, по нашимъ мѣстамъ, оказывается превосходный, только птичьяго молока нѣтъ. Уха изъ мѣрныхъ стерлядей, этотъ модный потомъ ростбифъ; даже трудно понять, гдѣ онъ досталъ этакой говядины: въ нашихъ мѣстахъ рѣшительно нельзя такой найти, вѣроятно послалъ нарочнаго въ Ярославль. Вина, которыхъ я хоть и

не пью, но вижу, что съ золотыми да съ съ серебряными головками, значить, не нашинскія; шампанскимъ просто обливаютъ; мужчины, кажется, по бутылкѣ на брата выпили. Послѣ обѣда, конечно, картежи. Онъ изъ вѣжливости составилъ тремъ своимъ знатымъ гостямъ партію въ преферансъ, по двугривенному фишка, и въ двѣ пульки проигралъ около ста цѣлковыхъ. Наконецъ кончилось торжество, часовъ въ девять развѣхалась вся эта братія. Меня съ женой не пускаютъ, оставили ночевать, но я, видѣвши, что хозяинъ утомился:

«— Не церемонься, говорю, Дмитрій Нивитичъ, ступай отдохни.

«— Да, говоритъ, дядюшка, пойдете въ кабинетъ; я одѣнусь во что-нибудь попросторнѣе.

«— Хорошо.

«Пошли мы. Онъ, какъ только вошелъ, сбросилъ съ себя фракъ и кинулся на диванъ.

«— Ахъ, говоритъ, дядюшка, какъ я измучился сегодня: съ пяти часовъ утра я не присѣлъ; до сихъ поръ куска во рту не бывало, а теперь ужъ и ѣсть ничего не могу.

«— Вижу, говорю, мой милый, вижу: впрочемъ, что же,— своя охота.

«— Нельзя, говоритъ, дядюшка; нынче въ свѣтѣ обѣдъ играетъ важную роль: обѣдомъ составляются связи, а связи послѣ денегъ самая важная вещь въ жизни; обѣдами наживаются капиталы, потому что приобрѣтается кредитъ. Обѣдъ! обѣдъ! это такая глубокомысленная вещь, надъ которой стоить подумать. Однако, скажите-ка лучше мнѣ: порядочно все было у меня?

«— Чего же, говорю, лучше?

«— А поваръ, говорить, дядюшка, какъ вы находите, недуренъ?

«— Очень хорошъ, говорю; бракъ, что ли, у кого?

«— Фи, дядюшка, повара брать! это, по моему, все равно, что надѣтъ чужой фракъ: это значитъ всенародно признаться, что, господа, я ѣмъ, какъ ѣдятъ порядочные люди, только при гостяхъ; какъ же это возможно? Я не могу себѣ представить жизни безъ хорошаго повара. Насчетъ этого есть очень умная фраза: «скажи мнѣ, какъ ты ѣшь, а я тебѣ скажу, кто ты.»

«— Что жь, онъ у тебя, вѣрно, нанятой? спрашиваю я.

«— Нанятой.

«— А вотъ этотъ камердинеръ твой, что входилъ сюда, тоже, кажется, нанятой?

«— Нанятой тоже. Васъ, я вижу, дядюшка, нѣсколько удивляетъ, что у меня все нанятые люди: но что же мнѣ дѣлать? Никого своихъ нѣтъ! Говорили, что эта ключница Марья Алексѣевна у насъ *очень хорошая*; а на дняхъ я заставилъ ее подварить наливку, и она приготовила величайшую дрянъ, тогда какъ я могу пить только такія наливки, которыя густы какъ ликеръ. Богъ знаетъ, что за прислуга была у отца; одинъ другаго хуже: глупые, неопрятные, лѣнливые; ну, а я признаюсь, не могу этого сносить, это ножъ острый для меня.

«— Прихотничаешь, говорю, Дмитрій Никитичъ. Впрочемъ, если средства есть, такъ отчего же и не потѣшить себя и не сдѣлать, какъ нравится?

«Онъ молчитъ. А мнѣ все, знаете, хочется выпытать изъ него, форситъ ли онъ только, или въ самомъ дѣлѣ богатъ, но прямо сказать какъ-то неловко, и потому я рѣшился шупать его съ боковъ. Немного помолчавъ, опять навожу на этотъ предметъ:

«— Ты, я говорю, тогда, Дмитрій Никитичъ, какъ еще офицеромъ въ отпускъ прѣвзжалъ, такъ говорилъ, что имѣнье твоей теперешней супруги въ дѣлѣ: выиграно оно или нѣтъ еще?

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, тянется еще.

«— Что жъ, говорю, хлопотать надобно. Смотри, не пропусти сроковъ.

«— Успѣю еще, не уйдетъ оно отъ меня. Теперь мнѣ, главное, хочется устроить себя здѣсь поосновательнѣе.

«— Въ чемъ же, говорю, именно будетъ состоять твое устройство?

«— Да какъ вамъ сказать, говоритъ, прожектовъ у меня въ головѣ много, потому что хоть и вы мнѣ говорили, и многіе другіе, что покойный мой отецъ былъ хорошей хозяйинъ, но виновать, не вижу этого рѣшительно ни въ чемъ. Если у него и было хозяйство, то маленькое, ничтожное, женское, какъ говорится.

«— Какое же это мужское-то хозяйство? спрашиваю я.

«— А вотъ-съ напимѣръ, начинается онъ, — усадьба Бычиха, съ полевыми, лѣсными, сѣнокосными дачами и угодьями, на пространствѣ необозримо, — въ одинъ день не обойдешь; но какой же, позвольте васъ спросить, доходъ отъ нея? Никакого, вромѣ расхода; намолотится хлѣба, наготовится соломы, на-

косится сѣна, и все это, повидимому, въ громадныхъ размѣрахъ, но посмотришь въ концу года, все это уничтожится дворней, которая ничего не дѣлаетъ лошадьми, на которыхъ невозможно выѣхать, и ко-ровами, отъ которыхъ пятнадцать пудовъ въ годъ масла не получается. Какъ хотите, дядюшка, подоб-ный хозяйственный расчетъ смѣшонъ.

«— Что же дѣлать, говорю, мой любезный, Дми-трій Никитичъ? скотина держится потому, что хлѣбъ не станетъ родиться. Въ здѣшней полосѣ землю не удобришь, такъ и сѣмянъ не соберешь, а дворные люди въ прислугѣ.

«— Не сорокъ же человекъ, дядюшка, какъ, на-примѣръ, въ моей дворнѣ, изъ которыхъ у меня ни одного нѣтъ въ прислугѣ.

«— Это ужь, говорю, твое распоряженье, а они очень могли бы быть въ прислугѣ; ну, а прочіе въ этомъ числѣ, конечно, старый да малый, тутъ я ду-маю, старые слуги и служанки твоего отца или ихъ дѣти, куда ихъ дѣвать? или потомъ мужикъ какой-нибудь безсемейный отъ старости, или за хворостью обѣднѣеть, его берутъ въ дворню; вотъ вѣдь какъ дворни большія составляются: почти по необходи-мости.

«— Стало быть, дядюшка, это богадѣльня?

«— Какъ хочешь, говорю, называй, только не тяготись дворней. Это, по моему, грѣхъ; не разбога-тѣешь этимъ.

«— Однако, говорить, дядюшка, при двухъ-стахъ душахъ, богадѣльня на 40 человекъ велика. Впро-чемъ, я о полевоиъ хозяйствѣ упомянулъ только для прилѣра, чтобы показать вамъ, какъ оно при отцѣ

было безрасчетно; я на него и вниманья не буду обращать, не стоит труда; пусть оно идетъ, какъ шло, лишь бы денегъ отъ меня не требовало, но у меня другое въ виду: здѣсь золотое дно—фабричное производство, вотъ здѣсь въ чемъ капитальная сила имѣнья заключается.

«— У отца твоего, говорю, былъ кирпичный заводъ, была и мельница, ты же все это уничтожилъ.

«— Ну, что, дядюшка, объ этомъ вздорѣ говорить: кирпичный заводъ, на которомъ пять тысячъ кирпичу выдѣлывалось, и мельница, приносящая въ годъ сто рублей и сто разъ въ годъ ломавшаяся! тутъ можетъ быть устроено что-нибудь посерьезнѣе!

«— Что же такое, говорю, посерьезнѣе?

«— Сію секунду-съ объясню, отвѣчаетъ онъ мнѣ съ этакимъ одушевленіемъ, такъ-что даже всталъ съ дивана и началъ ходить по комнатѣ. — Извѣстно ли, говорить, вамъ, протениѣйшій дядюшка, что у меня двѣ тысячи десятинъ лѣсу? это вѣдь капиталъ, согласны съ этимъ? Но какіе же проценты по лучаюсь этого капитала, не угодно ли вамъ знать? Ни больше, ни меньше, какъ со старыхъ моихъ сапоговъ.

«— Что же дѣлать, говорю, сплавовъ здѣсь нѣтъ.

«— О, Боже мой, сплавовъ! Мнѣ и не нужно сплавовъ. Ко мнѣ на домъ всѣ пріѣдутъ и купятъ; извольте замѣтить, что у меня двѣ тысячи десятинъ. Въ здѣшней полосѣ лѣсъ растетъ до своей нормальной величины 25 лѣтъ; слѣдовательно, если я разобью свою дачу на 25 просѣкъ, то каждый годъ могу, безконечное число лѣтъ, вырубать 80 десятинъ лѣсу и свободно сжечь его для какого-угодно вамъ фабричнаго дѣла.

«— Это, говорю, такъ; но на фабричное дѣло, лю-

безный Дмитрій Никитичъ, надобно прежде положить капиталъ.

«— Будутъ-съ капиталы! всякому купцу, который думаетъ завести фабрику около Москвы, гдѣ онъ долженъ будетъ платить по четыре рубля серебромъ за сажень дровъ, конечно, выгоднѣе будетъ устроить фабрику у меня въ имѣніи, гдѣ я поставлю ему за рубль серебра сажень, или лучше сказать, я не дамъ этого никому, я самъ устрою заводъ,— стеклянный, хрустальный, бумажный, какой вздумается, и напередъ знаю, что буду получать огромные барыши.

«— Ну барыши еще впереди, ягнать по осени считаютъ; а прежде всего смотри, понимаешь ли ты хоть сколько-нибудь самъ эти дѣла?

«— Это вздоръ; за пятьсотъ, шестьсотъ цѣлковыхъ въ годъ вы можете нанять превосходнаго фабриканта, химика, машиниста, какого только вамъ надо! Вотъ бы что, дядюшка, отцу моему слѣдовало давно затѣять, такъ имѣніе бы стоило чего-нибудь.

«Слушаю я его, и такого-то, знаете, тумана напустилъ онъ мнѣ въ глаза этимъ разговоромъ! говорить, пожалуй, ладно и неладно. Ъхавши домой, переговариваю я объ этомъ съ моей супругой.

«— Изъ нашего Дмитрія Никитича, говорю я, вышелъ какой-то прожекторъ.

«— Да, отвѣчаетъ она мнѣ, только всѣ его эти прожекты, кажется, Еленѣ Петровнѣ (т. е. его супругѣ) очень непріятны, потому что когда въ гостинной онъ тоже объ этомъ рассказывалъ, такъ она ему при всѣхъ сказала: «Дай Богъ, — говорить, — чтобы все это было такъ выгодно, какъ ты, Ми-

тенька, рассчитываешь»; а онъ, сконфузившись, не нашелся на это ничего сказать, а только подошелъ и поцѣловалъ ее въ голову.

«— Не знаю, говорю, подождемъ, что будетъ дальше.

«Дальше, однакожь, предпріятія его шире и шире распространяются. Заводъ устраивается хрустальный, подъ присмотромъ англичанина, который нарочно изъ Москвы нанятъ; въ судѣ онъ у меня знаете билетъ заявлялъ, тутъ я его и видѣлъ. Одѣтъ чисто, богатый, должно быть; и ужь недешево, конечно, взялъ. Но заводъ еще не все; слышу я о многомъ и другомъ; слышу, что Дмитрій Никитичъ почтовую станцію снялъ; мосты тогда строились по большому тракту, два или три моста, довольно капитальные, тѣ взялъ на подрядъ; подбился ко всѣмъ этимъ, знаете, тузамъ, которые у него кушали, и выпросилъ у нихъ залоговъ; у двухъ купцовъ нашихъ вывернулъ какъ-то свидѣтельства на дома. Ко мнѣ было, знаете, адресовался съ той же просьбой, однако я говорю, что человекъ я мнительный, торговыхъ дѣлъ не понимаю, да и имѣнія свободнаго нѣтъ. Отошелъ, знаете, отвертѣлся кое-какъ. На зиму онъ вздумалъ въ городъ къ намъ переѣхать. Сказываетъ мнѣ объ этомъ.

«— Милости, говорю, просимъ, мы рады; компанія намъ будетъ.

«— Помѣщеніе, говоритъ, дядюшка, только меня затрудняетъ.

«— Что же, говорю, помѣщеніе... Найми старого судьи домъ — свѣтленькій, чистенькій и-теплый очень.

«— Фу, дядюшка, что жь вы говорите! Гдѣ жь

я помѣщаюсь съ моей семьей въ этихъ конурахъ? Нѣтъ ужъ, говорить, я хочу свой выстроить, или лучше сказать, рѣшился купить эти погорѣлыя стѣны на площади... Мѣсто тутъ прекрасное; отдѣлаю ихъ, какъ мнѣ надо.

«— Не совѣтоваль бы, говорю, тебѣ, Дмитрій Никитичъ, ни строить, ни покупать здѣсь дома, потому что здѣсь въ домахъ, какъ самъ пересталъ жить, такъ капиталъ и мертвый.

«— Что же такое? Когда будетъ не нуженъ, тогда продамъ.

«— Нѣтъ, говорю, не продашь, не скоро ты найдешь здѣсь покупателя.

«— Въ такомъ случаѣ будетъ ходить у меня въ залогахъ, а въ наемъ отдамъ подъ какой-нибудь трактиръ или харчевню, по контракту, лѣтъ на десять, вотъ вамъ и проценты съ капитала.

«И только-что переговорилъ такимъ манеромъ со мной, смотрю, стѣны ужъ куплены, и постройка пошла, а мѣсяца въ четыре и домъ готовъ. Я иногда, гуляя, заходилъ посмотрѣть, какъ строится, и вижу, что чортъ знаетъ что такое. Все это черновое основаніе никуда негодно: стѣны погорѣлыя, значить, растрескались, но ихъ не только что не переклади, даже желѣзомъ не связали, а все только замазали. Но за то, какъ на-чисто пошла работа, Дмитрій Никитичъ ничего не жалѣеть и самъ съ утра до ночи присматриваетъ. Прелесть, какъ отдѣлали по наружности. Посмотрѣть — маленькій дворецъ; потомъ, конечно надобно меблировать домъ: деревенская мебель, очень хорошая и тоже новая, не годится, выписывается особенная изъ Петербурга.

Какъ, знаете, этакому баричу, какъ господинъ Шамаевъ, таскать мебель изъ деревни въ городъ и изъ города въ деревню — скучно очень! Впрочемъ, это еще и такъ и сякъ походило на что-нибудь, но чѣмъ онъ меня поразилъ, такъ это — умеръ тутъ у насъ соборный протопопъ, очень богатый, ученый и одинокій. Всю движимость онъ назначилъ чтобъ продать, а деньги въ церковь. Въ числѣ этой движимости была довольно большая библіотека и этотъ, какъ по ученому называется, минералогическій кабинетъ. Въ уѣздномъ судѣ составилъ аукціонъ. Захожу я туда полюбопытствовать, кто что купилъ, однако аукціонъ ужъ кончился; но я заглянулъ въ опись и вижу, что библіотека и минералогическій кабинетъ остались за штабъ-ротмистромъ Шамаевымъ. Господи помилуй, думаю: зачѣмъ это ему? и потомъ встрѣтившись съ нимъ:

«— Батюшка, говорю, Дмитрій Никитичъ, давно ли вы изволили въ ученые записаться, что библіотеками и кабинетами заводитесь?

«— Да, дядюшка, говоритъ, купилъ, купилъ.

«— Для какой же это, я говорю, надобности? Изъ камней ты, вѣроятно, и назвать ни одного не умѣешь, а играть ими какъ игрушками — старъ для этого; въ библіотекѣ тоже, по моему, не нуждаешься. Сколько я тебя здѣсь ни знаю, ты, кромѣ газетъ, врядъ ли какую-нибудь книгу и развертывалъ.

«— Что жъ вы меня, дядюшка, говоритъ, такимъ профаномъ считаете? Небольшая хорошенькая библіотека въ домѣ очень не лишнее, а каменья эти въ красивыхъ шкапчикахъ поставлю я въ моемъ ка-

бинетъ, тоже очень будетъ мило, а главное дешево: за все про все какіе-нибудь триста цѣлковыхъ.

«Я только махнулъ рукой, вижу, не перерезаешь его; на все у него свои расчеты. Вскорѣ послѣ этого начинается его переѣздъ въ городъ, и вы, можетъ быть, не повѣрите, а, ей-богу, ни одинъ губернаторъ, не то что ужъ изъ обѣдненькихъ, а изъ богатыхъ, такимъ парадомъ не пріѣзжалъ. Трактъ имъ проѣзжать шелъ, надобно сказать, мимо моего дома, и я цѣлое утро сидѣлъ и любовался. Исторія начинается, представьте вы себѣ, съ того, что два кучера подъ уздцы ведутъ его четверню вороныхъ въ попонахъ, гривы заплетены, хвосты тоже; кучера — все это, вѣроятно, по его приказанію, — въ плисовыхъ поддевахъ, въ сломленныхъ какихъ-то шапочкахъ; дагѣ экипажи городскіе везутъ подъ чехлами, потомъ кухня слѣдуетъ, и тоже съ умысломъ, конечно, посуда вся эта открыта и разложена въ плетеныхъ корзинахъ. Смотрю, что такое очень ужъ во внутренности у ней блеститъ? и послѣ мнѣ ужъ объяснили это, что-де у Дмитрія Никитича посуда не луженая, какъ у насъ грѣшныхъ, а серебряная внутри. За этимъ слѣдуетъ-съ въ родѣ польской брики съ поварами, съ горничными, мальчишками: затѣмъ тарантасъ съ дѣвичьимъ штатомъ и наконецъ самъ Дмитрій Никитичъ съ своей семейкой въ дормезѣ шестерномъ на разгонныхъ, какъ онъ называлъ, вятскихъ лошадакахъ. Переѣхавши такимъ образомъ, онъ задалъ намъ сначала парадное новоселье; а потомъ и пошли обѣдецъ за обѣдцемъ, вечерокъ за вечеркомъ. И что вѣдь досадно, знаете: все это

дѣлалось, по моему наблюденію, не отъ доброты: гостепріимства и радушья въ немъ совершенно не было: въ деревнѣ сосѣдей, которые побѣднѣе, не принималъ даже; изъ маленькихъ чиновниковъ тоже, — придуть къ нему, рюмки водки не подастъ, не посадить; а за то ужъ кто немного повыше, ничего не пожалѣетъ. Кто бы изъ губерніи ни пріѣхалъ, этакъ повиднѣй или къ губернатору поближе, сейчасъ обѣды съ шампанскимъ и трюфлями. Прислали разъ изъ Петербурга по одному дѣлу чиновника очень не изъ важныхъ, а этакого, состоящаго при департаментѣ. Я, по обязанности моей, явился къ нему, выхожу и вижу, что Дмитрій Никитичъ мой подѣхалъ.

«— Ты, я говорю, мой милый, зачѣмъ?

«— Къ старому знакомому, дядюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ.

«И вижу, что лжетъ.

«Потомъ заѣзжаетъ ко мнѣ.

«— Пріѣзжайте, говоритъ, сегодня на вечерокъ.

«— Что такое у тебя сегодня? спрашиваю.

«— Ничего особеннаго; третьяго дня позвалъ кой-кого... въ карты поиграемъ, отвѣчалъ онъ.

«И опять вижу, что лжетъ и дѣлаетъ этотъ вечеръ для чиновника.

«— Супруга твоя, говорю, Дмитрій Никитичъ, послѣднее время ходитъ, а у тебя все эти вечера.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, не совсѣмъ еще послѣднее время.

«Повѣхалъ я: вмѣсто «въ карты поиграемъ» оказывается балъ съ музыкой. Племянницы нѣтъ въ гостиной, сидитъ одна только старуха.

«— А молодая хозяйка, спрашиваю, гдѣ?

«— У себя, говоритъ, дружокъ мой, въ комнатѣ, прихворнула что-то.

«— Мудрено ли, говорю, въ ея положеніи прихворнуть?

«Вышелъ трубку себѣ спросить. У него, знаете, на вечерахъ заведено было по модному — сигары и папиросы курить, а трубки убирались въ заднія комнаты; только вижу я, что горничныя что-то суются, а больше всѣхъ Марья Алексѣевна. Спрашиваю ее:

«— Что вы тамъ бѣгаете?

«— Чего, сударь, отвѣчаетъ она: — молодой барынѣ время приспѣло.

«Вотъ тебѣ и сюрпризъ!

«Возвращаюсь я въ гостиную и нахожу, что сыновъ съ матушкой преспокойно совѣщаются, кого съ кѣмъ въ карты посадить.

«— Дмитрій Никитичъ! говорю, — не стыдно ли тебѣ въ то время, какъ ты долженъ стоять предъ образомъ и молиться, у тебя эти пиры да банкеты проклятые!

«— Что же дѣлать?—говоритъ,—дядюшка, никакъ этого не ожидалъ. Впрочемъ, что же? домъ у меня большой, акушерка пріѣхала.

«— Ничего, говоритъ, дружокъ мой Митенька, не безпокойся,— успокоиваетъ его маменька:— только надобно, чтобы никто изъ постороннихъ не зналъ: а Богъ милостивъ, Леночка всегда легко это переносить.

«Такъ мнѣ, знаете, оба они показались противны, что я не въ состояніи былъ даже вечера досидѣть, уѣхалъ. Между тѣмъ, на Дмитрія Никитича что-то стали съ нѣкоторыхъ поръ взысканьца поступать по

судамъ частью еще старыя — полковыя, а частью и здѣшнія. Заводъ по слухамъ идетъ шибко и въ большомъ объемѣ, только, изволите видѣть, отъ англичанина, а нашъ молодецъ всего въ восьмой части; лѣсъ губится, какъ только возможно: вмѣсто одной, по предположенію, просѣки въ годъ, валятъ по пяти, мужиковъ, съ этой заготовкой и подвозкой дровъ, отъ хлѣбопашества отвели, платятъ имъ за это чистыми деньгами, они эти деньги пропиваютъ. Выстроенные мосты тоже не принимаютъ: по свидѣтельству оказалось, что вмѣсто желѣзныхъ болтовъ вбиты деревянные; мастеровыхъ по разнымъ постройкамъ больно плохо раздѣлываютъ: кому пять, кому десять рублей не додается. Купецъ у насъ тутъ есть, всякой всячиной изъ свѣстныхъ припасовъ торгуетъ пріятель мнѣ немножко, пріходитъ разъ ко мнѣ.

«— Я, говоритъ, Иванъ Семенычъ, къ тебѣ съ жалобой.

«— Что такое? говорю.

«— Да вотъ видишь, говоритъ, твой племянничекъ задолжалъ у меня въ лавкѣ на тысячу рублей, да и не платится; посылалъ было этто къ нему парня со счетомъ, такъ далъ только двадцать пять рублей, а малаго-то разругалъ, да велѣлъ еще прогнать. Это, вѣдь, говоритъ, не хорошо!

«— Какое, говорю, хорошо!

«— То-то,—говоритъ,—поговори ты ему, а не то я и въ полицію на него пойду.

«Говорю я объ этомъ Дмитрію Никитичу.

«— О, дядюшка, это такая скотина, отвѣчаетъ онъ мнѣ: — что представить трудно. Я очень сожалѣю, что у него кредитовался, потому что у него

все дрянъ — гиплое и тухлое. Я теперь все буду изъ Ярославля выписывать.

«— Это, говорю, какъ ты хочешь, дѣлай, да старое-то надобно отдать.

«— Подождетъ; у меня денегъ теперь нѣтъ. Отдамъ, когда будутъ.

«По этому разговору у него, значить, нѣтъ денегъ. Но тѣмъ временемъ, извольте замѣтить, губернаторъ къ намъ на ревизію собирается. Какъ ему такой случай пропустить! и тутъ же, не выходя изъ моей комнаты, вдругъ мнѣ говорить.

«— Я, говорить, дядюшка, ѣхалъ къ вамъ не за этими пустяками, а за дѣломъ посерьезнѣе. Гдѣ вы, говорить, губернатора думаете принять?

«— Квартира, говорю, у головы отведена, приготовлена.

«— Ахъ, говорить, дядюшка, какъ же это возможно? въ этакой грязи принять начальника губерніи... Это неприлично, невѣжливо. Я хочу его просить остановиться у меня. Человѣкъ онъ мнѣ знакомый, очень милый, и вамъ, говорить, дядюшка, будетъ не лишнее; все-таки у роднаго племянника остановится.

«— Если, я говорю, для меня, такъ не хлопочи.

«— Ничего, говорить, дядюшка, не мѣшаетъ; только вотъ досадно, что я теперь совершенно безъ денегъ: эти торговые обороты обобрали меня на время совершенно. Не можете ли вы одолжить, на мѣсяць или на два пятьсотъ, шестьсотъ цѣлковыхъ?

«— Нѣтъ, говорю, Дмитрій Никитичъ; хоть зарѣжь, теперь у меня въ домѣ только десять рублей серебромъ, а если ты занимаешь для приѣма губер-

натора, такъ не совѣтую; безъ тебя дѣло сдѣлается; никого не удивишь.

«Онъ мнѣ ничего на это не сказалъ и только понадулся на отказъ въ деньгахъ. Ну, я думаю, что отложить свое намѣреніе на этотъ разъ, однако нѣтъ-съ. Встрѣчаю я губернатора обыкновенно на границѣ; спросилъ онъ меня о чемъ слѣдуетъ и говорить потомъ:

«— А что, говоритъ, Дмитрій Никитичъ Шамаевъ въ городѣ, или нѣтъ?

«— Въ городѣ, говорю, ваше превосходительство.

«— Везите меня, пожалуйста, прямо къ нему. Онъ меня просилъ остановиться у него, и я не хочу ему отказать въ этомъ; онъ такъ обязателенъ,— говоритъ онъ мнѣ и потомъ обращается къ своему чиновнику, который съ нимъ ѣхалъ: — Вообразите, говоритъ, у жены собачка, которую и вы знаете, померла нынче зимой; Дмитрій Никитичъ какъ-то былъ въ это время у насъ, и вдругъ, не знаю ужъ гдѣ могъ достать, презентуетъ намъ превосходнѣйшую левретку и, что мнѣ очень совѣстно, чрезвычайно дорогую; знатоки цѣнятъ ее во сто цѣлковыхъ.

«Прослушалъ все это я, и везу, куда мнѣ было приказано; но вышло такъ, что Дмитрій Никитичъ встрѣчаетъ насъ, вмѣстѣ съ городничимъ, еще на чертѣ города, повторяетъ свой зовъ, губернаторъ благодаритъ и приглашаетъ его съ собой въ коляску; поѣхали по городу. Мы, чиновники, руки по швамъ, прильпе языкъ къ гортани моей; а Дмитрій Никитичъ нашъ сидитъ съ губернаторомъ рядомъ да поговариваетъ, и вижу, что ему это чрезвычайно

лестно. Тутъ, конечно, обѣдъ-съ. На другой вечеръ балъ, человѣкъ сорокъ было, но изъ чиновниковъ, замѣтьте, только предводитель и я-съ, больше никого не звалъ, а все набралъ помѣщиковъ побогатѣе, пріятелей, знаете, своихъ, какъ онъ ихъ называлъ... Очень мнѣ интересно знать, откуда онъ денегъ добылъ. Начинаю узнавать стороной, и по справкамъ оказывается, что умолилъ, укланялъ свою супругу отдать ему приданные брилліанты для погашенія какого-то экстреннаго дѣла, которые вмѣсто того заложилъ, да на эти деньги и справилъ пиръ. А между тѣмъ на той же, кажется, почтѣ получается изъ губернскаго правленія указъ объ описи имѣнія штабсъ-ротмистра Шамаева за неплатежъ опекунскому совѣту. Я поѣхалъ сообщить ему эту новость; только дома, говорятъ, нѣтъ — въ Петербургѣ-де уѣхалъ.

«— Какъ, говорю, въ Петербургѣ уѣхалъ, — и не простившись? а барыни гдѣ?

«— Старая, говорятъ, барыня не такъ здорова, тоскуетъ о Дмитріѣ Никитичѣ.

«Ну, Богъ съ ней, думаю, пускай ее тоскуетъ; мнѣ ужъ наскучило ее въ этомъ горѣ утѣшать и прошелъ къ Алень Петровнѣ.

«— Что это, говорю, Дмитрій Никитичъ укатилъ въ Петербургъ: ради чего собрался такъ скоро?

«— По дѣлу, говорятъ, дяденька, уѣхалъ.

«— Дѣла, кажется, всѣ у него здѣсь; развѣ, говорю, по вашему наследственному иску, о которомъ онъ прежде говаривалъ?

«— Да, говорятъ, по этому.

«— Какого же рода, говорю, это наследство, скажите мнѣ, пожалуйста.

«Она этакъ усмѣхнулась.

«— Право, говорить, дяденька, я и не знаю хорошенько. Слышала, что намъ какое-то идетъ довольно большое наслѣдство; папенька сначала хлопоталъ о немъ, а потомъ бросилъ. Дмитрій Никитичъ, когда на мнѣ женился, сталъ папенькѣ говорить, чтобы онъ продалъ ему эту тяжбу; папенька и говорить: «Продавать я тебѣ не хочу, а хлопочи. Выиграешь, такъ все твое будетъ».

«— И Дмитрій Никитичъ надѣется выиграть?

«— Непремѣнно; онъ очень въ этихъ случаяхъ легковѣренъ.

«— Черезчуръ ужь, говорю, легковѣренъ. Въ его лѣта и при его семействѣ это, пожалуй, и не простительно. Я давно, говорю, милая племяненка, хотѣлъ поговорить съ вами и спросить васъ: скажите мнѣ откровенно, богаты вы, или нѣтъ?

«— Тоже, говорить, дяденька, не знаю. Если, какъ Дмитрій Никитичъ увѣряетъ, такъ богаты, а если...

«И не докончила, знаете.

«— Послушайте, говорю, Елена Петровна, я съ вами буду говорить еще откровеннѣе: когда Дмитрій на васъ женился, обстоятельства его были очень разстроены; откуда онъ потомъ взялъ денегъ?

«— Ахъ, дяденька, говорить, какъ откуда! Онъ за мной приданое получилъ тридцать тысячъ серебромъ.

«— И на эти деньги онъ, конечно, и помахивалъ и, конечно, ужь ихъ поубавилъ!

«— Поубавилъ? (смѣется). Врядъ ли не всё издержалъ!

«— Зачѣмъ же, я говорю, вы свои деньги, имѣя уже дѣтей, давали такъ транжирить?»

«— Ахъ, дяденька, да что же я понимала? вышла за него семнадцати лѣтъ, была влюблена въ него до безумія, каждое слово его считала закономъ для себя. Вы лучше скажите: какъ онъ папеньку уговорилъ? У насъ три сестры выданы, и онъ ни одному еще зятю не отдѣлилъ приданныхъ денегъ, а Дмитрію Никитичу до копѣйки всё отдалъ. Онъ его какъ-то убѣдилъ, что ѣдетъ въ Москву покупать подмосковную съ хрустальнымъ заводомъ, показывалъ ему какія-то письма; вмѣстѣ все они рассчитывали, какъ это будетъ выгодно. Съ этимъ мы въ Москву и ѣхали.

«— Отчего же, говорю, не купили? зачѣмъ дѣло стало?»

«— Да мы никакой подмосковной и не видали, отвѣчаетъ она. — Дмитрій Никитичъ, пріѣхавъ, нанялъ огромную квартиру, познакомилъ меня съ очень многими, сталъ давать вечера, заставлялъ меня безпрестано ѣздить въ театръ, въ собраніе, а папенькѣ написалъ, что все куплено, и старикъ до сихъ поръ воображаетъ, что у насъ семьдесятъ душъ подъ Москвой и заводъ. Теперь, какъ я начну писать къ папенькѣ, такъ онъ и умоляетъ, чтобъ я не проговорила какъ, — такой смѣшной!

«— Не смѣшной онъ, говорю, сударыня, а досадный, губитъ себя и свое семейство. Блажь какая-то у него все еще въ головѣ.

«— Именно, говоритъ, дяденька; о себѣ я не забочусь; что бы тамъ докторъ ни говорилъ, а я очень хорошо знаю, что мнѣ не долго жить.

«— Къ чему же, говорю, моя милая Елена Петровна, такія мрачныя мысли имѣть? Въ ваши лѣта о смерти и думать еще не слѣдуетъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, дяденька, у меня есть вѣрное предчувствіе.

«И сама заплакала. Потомъ вдругъ, помолчавъ немного, беретъ меня за руку; слезы градомъ:

«— Дяденька, говоритъ, если я умру, не оставьте моихъ сиротъ и будьте имъ второй отецъ! Папенька далеко. Митя прекрасный, умный и благородный человѣкъ. Но онъ мало о дѣтяхъ будетъ думать.

«— Полноте, говорю, сударыня, что это за глупыя фантазіи.

«Ну, и знаете, утѣшаю ее, какъ умѣю, однако она весь вечеръ почти проплакала и послѣ этого разговора еще болѣе съ нами сблизилась, почти каждый день видалися: то она у насъ; либо мы у нея. Отъ Дмитрія Никитича — проходитъ мѣсяць, проходитъ другой, проходитъ третій — ни строчки; въ домъ, замѣтите, не оставилъ ни копѣйки. Она мнѣ говоритъ объ этомъ.

«— Что мнѣ, говоритъ, дяденька, дѣлать?

«— Дѣлать, говорю, то, что возьмите у меня пятьдесятъ цѣлковыхъ,

Далъ ей; а дальше не знаемъ какъ и жить будемъ, хотя продавать экипажи; однако вдругъ совершенно неожиданно, присылаютъ сказать, что Дмитрій Никитичъ пріѣхалъ и желаетъ меня видѣть. Ъду. Нахожу его въ семьѣ своей между супругой, дѣтьми и матушкой, съ очень довольнымъ лицомъ, въ щегольскомъ этакомъ халатѣ — китайской, что-ли, матеріи,

бархатомъ весь отдѣланный, точно какъ вотъ, знаете, на модныхъ картинкахъ видалъ. Обнялись мы съ нимъ, подѣловались. Ну, сначала то и се: когда выѣхалъ? когда пріѣхалъ? Маменькѣ, конечно, при семъ удобномъ случаѣ нельзя не похвалить сына.

«— Ужь именно, говоритъ, Митенька жизни не щадить для своего семейства. Послѣ всѣхъ петербургскихъ хлопотъ скакалъ день и ночь, чтобы поскорѣе съ нами увидѣться:

«Что и говорить, думаю, про твоего Митеньку! А самъ, знаете, осматриваю комнату и вижу, что наставлены ящики, чемоданы, предъ дѣтьми цѣлый столъ игрушекъ,— дорогія, должно быть: колясочки этакія, кувлы на пружинахъ; играютъ они, но такъ какъ старшему-то было года четыре съ небольшимъ, успѣли одному гусару ужъ голову отвернуть.

«— Это, я говорю, видно, подарочки дѣтямъ, Дмитрій Никитичъ?

«— Да, говоритъ, позвольте...

«Всталъ, знаете, и подаль мнѣ какой-то ящикъ.

«— Не угодно ли, говоритъ, взглянуть?

«Открываю, вижу бритвенный приборъ: двѣнадцать англійскихъ бритвъ, серебряная мыльница, бритвенница, ящикъ чернаго дѣрева, серебромъ кругомъ выложенъ.

«— Какъ вамъ, дядюшка, это нравится?

«— Хорошъ, говорю.

«— Очень, говоритъ, хорошъ, изъ англійскаго магазина. А такъ-какъ, къ удовольствію моему, онъ вамъ приглянулся, а потому не угодно ли принять его въ подарокъ?

«— Что это, говорю, Дмитрій Никитичъ, какъ

не совѣстно тебѣ? Да ты, говорю, и меня-то конфузишь. Это вещь сто-рублевая; а мнѣ тебя такимъ подаркомъ отдарить, пожалуй, и силъ не хватитъ

«— Ну, говоритъ, дядюшка, этого нельзя сказать: я вамъ столько обязанъ, что мнѣ долго еще не отдариться. Вотъ вы, говоритъ, и въ теперешнее отсутствіе мое обязали мою жену. Повѣрьте, говоритъ, все это чувствую и умѣю цѣнить.

«Убѣдилъ меня такимъ манеромъ: принялъ я.

«— Когда ужъ о подаркахъ рѣчь зашла, продолжалъ онъ: — какъ, говоритъ, обращаясь къ супругѣ своей: — похвастайся и ты, другъ мой, и покажи, какіе тебѣ привезъ.

«Она взглянула на меня и потупилась, однако велѣла горничной подать. Приносятъ: первое — шляпка; я такихъ, ей-богу, и не видывалъ ни прежде, ни послѣ: точно воздушная, а цвѣты—совершенно какъ живые, такъ бы и понюхалъ; тутъ бурнусъ очень какой-то нарядный, кусковъ пять или шесть матерій разныхъ на платье. Осматриваю я все это.

«— Хорошо, говорю, очень хорошо.

«— А вотъ, говоритъ, кой-что и для дома, дядюшка: вотъ, говоритъ, очень любопытныя вещи.

«И самъ своими руками раскрываетъ одинъ изъ ящичковъ. Я сначала и не понялъ, что такое: какія-то тарелочки, вазочка, умывальникъ.

«— Это, говоритъ, дядюшка, нынче изобрѣли; изъ бумаги все дѣлаютъ. А вотъ говоритъ: тоже новое изобрѣтеніе.

«И опять открылъ другой ужъ ящикъ.

«— Это, говоритъ, глицеринная жель, а потомъ

бронзпрованная, для драпировки великолѣпная, не отличишь отъ золота и, если бы вы знали, какъ все это дешево — просто даромъ.

«— Неимовѣрно дешево, поддакиваетъ ему маменька и потомъ продолжаетъ:—а что же ты, говорить, Митенька, подарокъ мнѣ не хочешь показать!

«— Покажите, говорить, маменька.

«Старуха сама, знаете, пошла и съ торжествомъ приносить бархатную мантилью и шелковый капотъ, совѣймъ сшитый. Я все, конечно, хвалю.

«— Да, дяденька, вы вотъ все хвалите, а женѣ все не нравится, замѣчаетъ онъ.

«— Почему же ты думаешь, говорить та, — что не нравится? Я говорю только, что лишнее; у меня и безъ того много платьевъ.

«— Мало ли, много ли, а все-таки вы должны меня поцѣловать, возражаетъ онъ и беретъ ее, знаете, за руку и цѣлуетъ.

«— Это все хорошо, говорю, Дмитрій Никитичъ; только ты вотъ покупокъ-то накупилъ, а въ опекунскій совѣтъ, чай, не навѣдался. Имѣнье твое, говорю, описано, и всѣ ужь бумаги отосланы.

«— Навѣдывался, говорить, дядюшка, только заплатить не успѣлъ. Небольшая сумма, — восемь сотъ девять рублей серебромъ, съ первую же почтой вышлю отсюда.

«— То-то, говорю, не забудь какъ-нибудь.

«А между тѣмъ этимъ своимъ прїѣздомъ онъ опять защекоталъ мое любопытство. Смертельно хочется узнать, въ какихъ онъ обстоятельствахъ.

«— Ты, Дмитрій Никитичъ, процессъ-то; видно, выигралъ? говорю я ему, оставшись съ нимъ вдвоемъ.

— И нѣтъ, и да, дядюшка; двинулъ, покрайней мѣрѣ, и сдалъ одному господину хлопотать, отвѣчаетъ онъ мнѣ и какъ-то замылъ этотъ разговоръ.

«Но на эти почти самыя слова входитъ человекъ и проситъ у него на что-то денегъ. Онъ вынимаетъ бумажникъ, развертываетъ. Смотрю, полнехонекъ набить.

«— Ого, сколько у тебя государственныхъ-то! невольно, знаете, воскликнулъ я.

«— Да, говоритъ, деньжонки есть.

«И съ этими словами начинаетъ выкидывать ассигнаціи, серіи, банковые билеты; тысячь на десять серебромъ выкинулъ.

«— Откуда, говорю, любезный, столько прибрѣлъ?

«— По разнымъ сдѣлкамъ, отвѣчаетъ, получилъ. У насъ всегда, говоритъ, будутъ деньги, потому что мы знаемъ, гдѣ онѣ водятся, да и дома ихъ не держимъ долго взаперти, не такъ, какъ вотъ нашъ почтенный дядюшка (это значитъ я), который, говорятъ, накопилъ кубышку и закопалъ ее въ землю; а мы сейчасъ все въ ходъ пускаемъ: вотъ эти тоже не засидятся долго дома, только теперь надобно обдумать, какъ бы съ ними поумнѣй и повыгоднѣй распорядиться.

«— Да, говорю, надобно ужъ разсчитать какъ-нибудь получше. Отъ обѣдовъ да отъ вечеровъ, ты хоть и разсчитываешь на нихъ, а врядъ ли получишь какіе-нибудь барыши, кромѣ убытка!

«— Нѣтъ ужъ, говоритъ, дядюшка, баста, будетъ, выучили. Никто изъ этихъ господъ куска хлѣба теперь не увидитъ. Я ихъ пошлю, бормилъ; они видѣли,

какъ я живу; а когда меня встрѣтила нужда, такъ они мнѣ въ тридцати цѣлковыхъ имѣли духу отказать.

«— Это ужь, говорю, въ свѣтѣ такъ ведется; скажи-ка лучше мнѣ, что ты въ самомъ дѣлѣ думаешь дѣлать на эти деньги?

«— Имѣнье, говоритъ, хочу пріискать и купить; заводъ уничтожу, англичанина этого прогоню, потому что онъ только ладить, какъ бы себѣ карманъ набить, и стану, говоритъ, хлѣбопашествомъ заниматься. Хлѣбъ пахать — этотъ доходъ всегда вѣрный.

«— А я бы, говорю, Дмитрій Никитичъ, совѣтовалъ тебѣ не то: имѣнье ты покупай, это хорошо, но только оброчное; усадьба у тебя есть прекрасная, чего тебѣ еще больше заводить хлѣбопашества...

«И говорю ему, знаете, такимъ манеромъ, потому что съ хлѣбопашествомъ, думаю, онъ начнетъ опять какія-нибудь выдумки, которыя такъ только выдумками и останутся у него, а толку ничего не выйдеть.

«— Я думаю, говоритъ, такъ и сдѣлать.

«— А если, говорю, ты это думаешь, такъ я, пожалуй, тебѣ и имѣніе приищу; у меня есть подобное на примѣтѣ.

«— Хорошо, говоритъ, дядюшка, очень вамъ благодарень буду.

«Такъ мы съ нимъ на этомъ и положились. Однако случилось у меня тутъ очень много дѣлъ; кромѣ того, губернаторъ въ другой уѣздъ командировалъ разбойниковъ ловить, такъ что я мѣсяца три дома и не бывалъ. Возвращаюсь потомъ и вдругъ слышу, что Дмитрій Никитичъ мой ужь съ покупочкой. И

какого же рода эта покупочка вышла-сь? Нѣсколько лѣтъ назадъ, появился у насъ одинъ господинъ въ уѣздѣ, по фамилии Курка, выходець, должно быть, какой-нибудь, не русскій, маленькій, сутулый, обликъ лица какой-то свиной, глаза узенькіе, — все внизъ смотреть, волосы черные, густые, стриженные, точно ермолка на головѣ; но умная и претонкая штука, оборотами тоже различными занимается, какъ и нашъ Дмитрій Никитичъ, только гораздо повыгоднѣй для себя. Купилъ онъ тутъ за безцѣнокъ пятнадцать душъ съ большими, впрочемъ, угодыми, къ которымъ еще присоединилъ и развелъ тутъ скотный дворъ, — животинъ триста началъ держать, чтобы дѣлать сыры, сырнѣй заводъ устроилъ. Но, какъ дальновидный плутъ, въ половинѣ этакъ, знаете, лѣта, сообразивши, что ни сѣна, ни хлѣба въ тотъ годъ не родится, пригласилъ Дмитрія Никитича къ себѣ въ гости, показалъ ему во всемъ блескѣ свое хозяйство, да и предложилъ купить. Тотъ сейчасъ же изъявилъ готовность и за семь тысячъ приобрѣлъ. Я съ перваго раза, конечно, понялъ всю эту продѣлку, но говорить ужъ не сталъ, — не поможешь. Затѣмъ наступаетъ, сударь мой, у насъ въ губерніи голодъ. Хлѣбъ поднялся до двухъ съ полтиной пудъ, сѣно пятналтыннѣй и двугривенный, соломы ржаной и яровой десять, двѣнадцать рублей овинъ, да еще и не найдешь. У Дмитрія Никитича въ новомъ имѣніи съ 1 октября ни хлѣба, ни корму; значитъ, надобно на все денежки; а денежки Дмитрію Никитичу на другое нужны. Приѣхалъ тогда въ городъ одинъ богатый московскій баринъ, охотникъ до скачекъ лошадиныхъ, устроилъ у насъ бѣгъ; Дмитрію Никитичу конечно нельзя

утерпѣть. Сейчасъ же завелъ двухъ рысаковъ, гоняется, держитъ съ тѣмъ пари и, конечно, всегда проигрываетъ, потому что у того лошади съ московскаго бѣга — наѣзженные. Обѣдцы и вечера, хоть и закаивался, продолжаютъ идти прежнимъ порядкомъ. Ну, и пока мы такимъ манеромъ пріятно съ нимъ зиму проводимъ, новокупленнымъ нашимъ коровкамъ не такъ было, видно, весело: всю зиму, по новому изобрѣтенію, кормили ихъ чѣмъ-то въ родѣ пареныхъ щепокъ, а подъ ноги стлали, вмѣсто соломы, тоже по новой выдумкѣ, — ельнику. Какъ пришла веснаматка, ни одна изъ трехъ-сотъ животинъ и со двора не идетъ, едва столкали; а чуть какъ съ зимняго-то голоду отавы хватили, сначала одна ножки вздернула, потомъ другая, и сильнѣйшій падежъ, такъ-что я не успѣлъ даже вызвать ветеринара, въ недѣлю — ни одной животины. А вслѣдъ же за этимъ хлопъ извѣстіе, что имѣнье въ опекунскомъ совѣтѣ продано; онъ и не думалъ посылать недоимки, о которыхъ я ему говорилъ, забылъ. Вотъ онъ какой печный и коммерческій человѣкъ. **Ву** я къ нему, онъ въ отчаяніи.

«— Дядюшка, говорить, я разорился... я погубилъ все семейство... всѣ пойдутъ теперь по міру,

«Кричитъ, этакъ, на весь домъ, хватаетъ себя за волосы, кидается на диванъ, бѣгаетъ по комнатѣ.

«Бѣдная Елена Петровна сидитъ съ нимъ, плачетъ; старуха тоже въ отчаяніи, потому что Митенька встревоженъ, такъ боится, чтобъ не заболѣлъ.

«Сталъ было я его уговаривать.

«Полно, говорю, Дмитрій Никитичъ, бѣсно-

ваться. Пожалѣй ты хоть сколько-нибудь свою супругу и мать.

«Ничего не слушаетъ, а тутъ еще... надобно же, впрочемъ, такое стеченіе непріятныхъ обстоятельствъ... приносятъ вдругъ письмо къ Еленѣ Петровнѣ отъ отца, въ которомъ онъ ее почти бранитъ. Во-первыхъ узналъ, что подмосковной его обманывали, а главное за процессъ, который, оказывается, что Дмитрій Никитичъ по полной отъ тестя довѣренности хлопотать, продать и заложить, не будь глупъ, возьми да и продай одному адвокату за десять тысячъ все право. Эти-то самыя денежки изъ Петербурга и привезъ. «Я,— пишетъ старикъ:— довѣрялъ ему хлопотать для себя, а не продавать родоваго достоянія въ чужія руки.» И заключаетъ тѣмъ, что пишетъ дочери: «если ты, говоритъ, навѣчно не хочешь лишиться моего родительскаго благословенія, такъ брось своего мужа и прѣзжай съ дѣтьми ко мнѣ; иначе онъ васъ всѣхъ погубитъ.» Что дѣлать въ этомъ случаѣ бѣдной женщинѣ? Мужа, какой бы онъ ни былъ, все-таки она любитъ и любить истинно, а съ другой стороны отецъ, который, видно, старикъ съ гоноромъ. Къ несчастію, все это время она была опять беременна и такъ все это ее поразило, что въ ту же ночь разрѣшилась не благополучно, мертвымъ младенцемъ. Ну, а такой случай и здоровыя женщины не всѣ переносятъ, а ей много ли надо: мѣсяца два потомилась и Богу душу отдала. Это новое несчастіе срѣзало его, какъ говорится, окончательно, и онъ совершенно упалъ духомъ. Съ полгода никуда не вздилъ и къ себѣ никого, кромѣ меня, не принималъ. А дѣла между

тѣмъ пошли все хуже и хуже: денегъ ни копѣйки, модные экипажи и щегольскія четверки сплыли за полцѣны въ разныя руки; домъ въ городѣ отовладѣли кредиторы, и такимъ образомъ дошло до того, что принужденъ былъ переѣхать въ свое имѣнье на пятнадцать душъ съ почти-слѣпой отъ слезъ матерью и съ троици малютками, гдѣ и живетъ теперь. Распустилъ кой-кого изъ людей на оброки, да отдалъ свои угодыя въ кортомы, только и доходу въ томъ-съ. И такая теперь бѣдность, что я какъ-то, по веснѣ, заѣзжалъ къ нему въ эту его маленькую усадѣбку, такъ и не глядѣлъ бы; но больше всего насадили мое сердце эти трое несчастныхъ сиротокъ, бѣгаютъ безъ всякаго присмотра по улицѣ съ ребятишками, оборванные, неумытые. До сихъ поръ никакъ не могу отъ него добиться, чтобы онъ выхлопоталъ имъ метрическое свидѣтельство и прочіе документы, чтобы какъ-нибудь ихъ въ казенныя-то заведенія можно было похлопотать. Въ настоящемъ положеніи дать ему мѣсто — истинное благодѣяніе. Разкажите князю все, что я вамъ говорилъ, и попросите, чтобы онъ явилъ эту милость. Хоть, по крайней мѣрѣ, для семейства», — заключилъ Иванъ Семеновичъ.

— Очень хорошо, сказалъ я: — но вотъ въ чемъ, Иванъ Семенычъ, маленькое затрудненіе: какъ мнѣ говорить объ его бѣдности, когда онъ являлся къ князю одѣтымъ по послѣдней модѣ?

Иванъ Семеновичъ усмѣхнулся.

— Знаю-съ, отвѣчалъ онъ: — въ прошломъ мѣсяцѣ послѣднее имѣньишко заложилъ и сдѣлалъ себѣ гардеробъ. Такой ужъ у насъ съ нимъ характеръ:

хоть въ желудкѣ и щелкѣ, а на себѣ всегда будетъ шелкѣ.

III.

Возвратившись, я пересказалъ князю все, что слышалъ, я передалъ просьбу Ивана Семеновича. Шамаеву дано было мѣсто. Но не больше какъ черезъ годъ у меня опять случился докладъ, и опять дежурный чиновникъ возвѣстилъ: «Старшій чиновникъ особыхъ порученій Шамаевъ».

— Подождать, сказалъ князь нахмурившись, и потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: — вашъ общій съ Иваномъ Семенычемъ протеже славный чиновникъ вышелъ.

— Что такое? спросилъ я.

— Ужасъ, что такое, отвѣчалъ князь: — онъ исполнялъ у меня порученія не больше полугода, и самыя пустыя, но первый же его шагъ состоялъ въ томъ, что онъ всѣмъ уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ началъ предписывать, и когда я ему замѣтилъ это, онъ мнѣ пренаивно объяснилъ, въ оправданіе свое, что, бывъ представителемъ моимъ въ уѣздѣ, онъ считалъ себя въ правѣ это дѣлать. Потомъ наконецъ, какъ хотите, собираетъ тамъ чиновниковъ, говорить имъ торжественныя речи. Ко мнѣ обыкновенно пишетъ, по всѣмъ дѣламъ, коротенькія, дружественныя записочки, безграмотныя, безтолковыя, и я хоть не формалистъ, но въ то же время, помилуйте, эти бумаги останутся при дѣлахъ, и преемникъ мой, увидѣвши ихъ, будетъ имѣть полное

право сказать: «что за чудакъ былъ губернаторъ, который съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій велъ дружескую переписку по дѣламъ?» И въ заключеніе всего, послалъ помимо меня въ Петербургъ негнѣпѣйшій проектъ объ измѣненіи полиціи, который, конечно, не давши ему никакого хода, возвратили ко мнѣ; однако не менѣе того, все-таки видѣли, какого гуся я держу около себя.

Проговоря эти слова, князь задумался. Видно, что онъ былъ очень сердитъ на Шамаева и соби-рался съ духомъ его распечь.

— Г-нъ Шамаевъ! проговорилъ онъ, наконецъ подойдя къ дверямъ.

Шамаевъ вошелъ, и первый началъ.

— Я, ваше сіятельство, явился донести вамъ, что всѣ возложенныя на меня порученія мною кон-чены.

— Знаю-съ, отвѣчалъ князь: — знаю даже, что вы вашу служебную дѣятельность распространили за предѣлы прямыхъ вашихъ обязанностей. Вотъ вашъ проектъ, продолжалъ онъ, подавая Шамаеву толстую тетрадь. — Во-первыхъ, вы не должны были его по-сылать помимо меня; а во-вторыхъ, чтобы писать о чемъ-нибудь проекты, надобно знать хорошо самое дѣло и руководствоваться здравымъ смысломъ, а въ вашемъ ни того, ни другаго нѣтъ.

Шамаевъ покраснѣлъ.

— Изъ словъ вашего сіятельства и изъ послѣд-нихъ предписаній я вижу, что не успѣлъ угодить вамъ моей службой; впрочемъ, сколько имѣлъ усердія и по способностямъ моимъ... — началъ было онъ.

— По вашимъ способностямъ, перебилъ князь: — я нахожу, что служба чиновника особыхъ порученій слишкомъ тѣсна и ограничена.

Шамаевъ еще больше вспыхнулъ.

— Завтрашній день я буду имѣть честь представить вашему сіятельству прошеніе объ отставкѣ, сказалъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ князь.

Шамаевъ слегка поклонился и гордо вышелъ.

Въ тотъ же день вечеромъ былъ концертъ пріѣхавшихъ изъ Москвы цыганъ. Я поѣхалъ, Шамаева нахожу тамъ же. Послѣ концерта затѣяли ужинъ съ цыганами, на расходы котораго составилаь подписка; Шамаевъ былъ однимъ изъ первыхъ подписавшихся. А потомъ, какъ водится, начался кутежъ; онъ, очень грустный, задумчивый и, повидимому, не раздѣлявшій большого удовольствія, однако на моихъ глазахъ раскупорилъ бутылки три шампанскаго, и, когда послѣ ужина Аксюша, предметъ всеобщаго увлеченія, закативши подъ самый лобъ свои черные глаза, и съ замирающимъ отъ страсти голосомъ, пропѣла: «Душа ль моя, душенька, душа ль, милъ сердечный другъ» и когда при этомъ одинъ господинъ, достаточно выпившій, до того исполнился восторга, что выхватилъ изъ кармана цѣлую пачку асигнацій и бросилъ ей въ колѣна, и когда она, не ограничившись этимъ, пошла съ тарелочкой собирать посильную дань и съ прочихъ, Шамаевъ не задумавшись бросилъ ей двадцать рублей серебромъ.

— Фанфаронъ! фанфаронъ! повторилъ я мысленно, глядя на него, слова Ивана Семеновича.

По извѣстіямъ, дошедшимъ до меня въ послѣднее

время, Шамаевъ выбранъ директоромъ одной изъ такъ блистательно идущихъ акціонерныхъ компаній, и выбранъ собственно для спасенія дѣла. Надо полагать, что поправитъ и спасетъ его.

1854 г.
Марта 27.

ВИНОВАТА ЛИ ОНА?

ЗАПИСКИ.

I.

Мнѣ было двадцать два года. Я перешелъ на четвертый курсъ математическаго отдѣленія *). Освоившись съ факультетомъ, мнѣ очень легко стало заниматься: свободнаго времени начало у меня оставаться очень довольно, но куда его дѣвать? и чѣмъ наполнить, даже въ многолюдной Москвѣ, небогатому и одинокому студенту? Я жилъ одинъ, знакомыхъ не имѣлъ никого, и единственнымъ моимъ развлеченіемъ было часа по два, по три ходить по Тверскому бульвару и Богъ знаетъ чего не передумать. Однажды я встрѣтилъ молодаго человѣка, который прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Не знаете ли кого-нибудь изъ вашихъ товарищей, кто бы приготовилъ меня въ университетъ?

Я посмотрѣлъ на него пристально; на видъ ему было лѣтъ восемнадцать, одѣтъ онъ былъ небрежно, въ приемахъ его видна была безпечность. Лицо выразительно и съ глубокимъ оттѣнкомъ меланхоліи.

— Если вамъ угодно, я могу это взять на себя, отвѣчалъ я.

— Пожалуйста, мнѣ надобно приготовиться изъ математики. Вы какого факультета?

— Математикъ.

— Это хорошо, а вы почему возьмете за урокъ? Этотъ прямой вопросъ меня сконфузилъ.

— Обыкновенную цѣну — рубль серебромъ, — отвѣчалъ я.

Молодой человекъ подумалъ.

— Хорошо, это я могу дать. Ваша фамилія? — проговорилъ онъ.

Я сказалъ, онъ мнѣ назвалъ свою, далъ адресъ квартиры и просилъ придти на другой день въ 7 часовъ вечера.

— Вы живете одни или съ семействомъ? — спросилъ я.

— Съ матерью, есть и сестры, — отвѣчалъ онъ. Мы разстались.

Я возвратился домой, очень довольный этой встрѣчей: мнѣ давно хотѣлось имѣть урокъ — не для денегъ, которыхъ, хотя было у меня и немного, но доставало на мои умѣренныя желанія, но мнѣ желалось учить, хотѣлось имѣть право передавать другому свои знанія, убѣжденія, а того и другаго было въ моей головѣ довольно въ запасѣ.

На другой день я отправился еще за полчаса до назначеннаго срока. Домъ, который отыскалъ по

адресу, былъ барскій; стоялъ онъ на дворъ, по бокамъ тянулись огромныя каменныя прислуги, кругомъ почти цѣлый кварталъ обхватывала желѣзная рѣшетка. Я долго путался въ огромныхъ сѣняхъ, наконецъ вошелъ въ бель-этажъ въ главныя двери. Лакей въ ливреѣ на вопросъ мой: «здѣсь ли живетъ Леонидъ Николаичъ Ваньковскій?» отвѣчалъ довольно грубо: «ступайте на самый верхъ, направо.» Наверху въ передней я никого не нашелъ, въ залѣ тоже; изъ сосѣдней комнаты слышался разговоръ, я началъ кашлять, выглянула молодая дѣвушка. Я поклонился ей.

— Вамъ, вѣрно, брата Леонида нужно?—проговорила она и ушла назадъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ мой ученикъ.

— *Bon soir*, пойдите въ кабинетъ, — проговорилъ онъ, подавая мнѣ руку.

Мы вошли въ довольно большую комнату, которая, видно, дѣйствительно была нѣкогда богатымъ кабинетомъ, но въ настоящее время представляла страшный беспорядокъ: стѣны подъ мраморъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были безбожно исколочены гвоздями, въ углу стоялъ красивый, но съ изломанною переднею рѣшеткою каминъ; на картинѣ масляной работы висѣла шинель. Хозяинъ спалъ на кушеткѣ, на которой еще лежали неубранныя простыня и подушки. Мягкая мебель, обитая бархатомъ, была нереломана и изорвана. На огромномъ краснаго дерева столѣ лежали кипами бумаги, книги и ноты. Мы сѣли около этого стола.

— Съ чего жь мы начнемъ?—заговорилъ я серьезнымъ тономъ наставника.

— Съ чего хотите, — отвѣчалъ ученикъ небрежно.

— Я желалъ бы, — продолжалъ я въ томъ же тонѣ: — прежде испытать, въ какой мѣрѣ вы знакомы съ математикою, и просилъ бы позволить мнѣ проэкзаменовать васъ.

— Хорошо.

— Первую часть ариметики, вѣроятно, вы знаете?

— Знаю.

— А вторую?

— Кажется, знаю; впрочемъ, можетъ быть, и забылъ.

Я взялъ листъ бумаги и хотѣлъ написать задачу, но оказалось, что, изъ дюжины торчавшихъ въ чернилицѣ перьевъ, ни одно не писало, да и чернилъ почти не было.

— У васъ перья не совсѣмъ въ порядкѣ, — замѣтилъ я.

— Да; я самъ не умѣю чинить; вотъ вамъ карандашъ, — отвѣчалъ ученикъ, поднимая съ полу карандашъ и подавая мнѣ его.

Для перваго испытанія я задалъ ему сложеніе десятичныхъ дробей; онъ взялъ и положилъ съ какою-то насмѣшливою улыбкою листъ предъ собою, подумалъ немного, провелъ нѣсколько линій карандашемъ по бумагѣ и, отодвинувъ ее отъ себя, проговорилъ:

— Нѣтъ, не знаю, позабылъ.

Я задалъ ему сложеніе простыхъ дробей, но онъ и въ тѣхъ спутался; потомъ объ алгебрѣ признался, что совсѣмъ ее не знаетъ, а геометріи не много. Я принялся экзаменовать его въ геометріи, на повѣрку вышло, что и въ геометріи нуль. Я нахмурился.

— Вы очень слабы въ математикѣ; съ вами надобно проходить съ начала, — сказалъ я.

— Лучше съ начала, а то все перезабылъ.

— Стало быть, мы начнемъ со второй части ариметики, — рѣшилъ я.

Ваньковскій, въ знакъ согласія, кивнулъ головой. Я былъ убѣжденъ, что съ нимъ слѣдовало бы начать съ первой части ариметики, но высказать ему это мнѣ на первый разъ было совѣстно.

Въ продолженіе часа я толковалъ съ увлеченіемъ и въ это время, какъ окончательно хотѣлъ объяснить пріемъ дѣленія дробей, ученикъ мой во все горло зѣвнулъ и спросилъ меня:

— Вы курите?

Мнѣ сдѣлалось стыдно за себя и досадно на него.

— Курю, — отвѣчалъ я.

— Хотите трубку, или сигару?

— Позвольте трубку.

Леонидъ всталъ, наложилъ мнѣ самъ трубку, а себѣ закурилъ сигару и, когда я хотѣлъ снова обратиться къ толкованію, онъ сказалъ:

— Будетъ, больше часа прошло, не хочется что-то сегодня.

Я пожалъ плечами.

— Вамъ надобно очень много заниматься, чтобы выдержать экзамень, — произнесъ я съ удареніемъ.

— Займусь, — я хочу на юридическій.

— Все равно; надобно выдержать экзамень изъ всѣхъ предметовъ, — отвѣчалъ я.

— Что тебѣ, Лида? — спросилъ Леонидъ, обращаясь къ дверямъ.

— Вы здѣсь будете пить чай, или туда придете? — раздался женскій голосъ.

Я обернулся; это была прежняя дѣвушка.

— Туда придемъ,—отвѣчалъ Леонидъ.

Дѣвушка скрылась. Я взялся за фуражку.

— Куда же вы? Посидите, пойдете, я познакомлю васъ съ нашими.

Я положилъ фуражку; онъ провелъ меня въ гостиную. Въ большихъ креслахъ сидѣла высокая, худощавая дама, лѣтъ сорока пяти; рядомъ съ нею помѣщался, должно быть, какой-нибудь помѣщикъ, маленькій, толстенькій, совсѣмъ бѣлокурый, съ жиденькими, сильно нафабранными усами, закрученными вверхъ, съ лицомъ одутловатымъ и подозрительно-краснымъ. Лидія разливала чай, оболо нея сидѣли чопорно, на высокихъ дѣтскихъ креслахъ, двѣ маленькія дѣвочки.

Ученикъ мой подвелъ меня къ дамѣ и отрекомендовалъ. «Матушка моя», отнесся онъ ко мнѣ.

Г-жа Ваньковская кивнула мнѣ слегка головою и, проговоря съ обязательною улыбкою: «очень пріятно познакомиться,» указала мнѣ глазами на ближайшій стулъ.

Я сѣлъ.

— Вы давно въ университетъ?—спросила она меня.

— Четвертый годъ.

— Имѣете батюшку, матушку?

— Имѣю-съ мать.

— Какъ, я думаю, ей пріятно, что вы въ университетъ, я это сужу по себѣ: мнѣ очень хочется, чтобы Леонидъ поступилъ поскорѣй въ студенты,—проговорила г-жа Ваньковская. — Онъ, я думаю, ничего не знаетъ,—прибавила она, взглянувъ на сына.

Леонидъ ничего на это не возражалъ, а только нахмурился и сѣлъ за чайный столъ около сестры.

— Это не такъ трудно: если займется, такъ скоро приготовится, — отвѣчалъ я.

— Вы, пожалуйста, будьте съ нимъ построже, у него прекрасныя способности, только онъ очень лѣнивъ: это говорили всѣ его учителя, — сказала г-жа Ваньковская и, найдя, конечно, что достаточно облакала меня, обратилась къ помѣщику:

— Какія у васъ прекрасныя лошадки, Иванъ Кузьмичъ, я всегда ими люблюсь.

— Очень пріятно слышать, — отвѣчалъ тотъ.

— Премиленькія, небольшія, а очень красивенькія.

— Вятки-съ.

— А, такъ это вятки! я и не знала.

— Вятки-съ. Онѣ у меня возятъ воду и воеводу. Я на нихъ въ городъ ѣзжу и въ дорогахъ верстъ по семидесяти дѣлаю не кормя.

— Какъ это много! Онѣ, я думаю, очень устаютъ?

— Нѣтъ-съ, ничего. Эта порода снослива: имъ часа два дайте вздохнуть и опять ступай смѣло на семьдесятъ верстъ; только чтобъ горячихъ не напоить.

— Зачѣмъ же вы въ городъ всегда шагомъ ѣздите? сказалъ вдругъ Леонидъ, взглянувъ насмѣшливо на Ивана Кузьмича.

— Здѣсь нельзя шибко ѣздить, Леонидъ Николаичъ, возразилъ тотъ. — На мостовой снѣгъ хуже песку; здѣсь одинъ Кузнецкій проѣхать на рысяхъ, такъ лошадь надорвешь.

— Другіе же ѣздятъ?

— Отъ другихъ и мы не отстанемъ, давайте вашихъ коурыхъ, потягаемся!

— Стану я съ вами тягаться; я васъ на одной верстѣ обгону на двѣ версты.

— Шутите, а я бы съ вами поспорилъ.

— Что тутъ спорить: всѣ знаютъ, что у васъ лошади дрянъ и вы жалѣете ихъ больше себя.

— Ну ужъ это, Леонидъ Николаичъ, вы ошибаетесь; у меня хоть лошади недорогія, а не дрянъ, и я не жалѣю ихъ ихъ, и ѣзжу, гдѣ можно.

Этотъ споръ Леонида, кажется, былъ очень непріятенъ матери.

— Лидя! что же чаю?—отнеслась она къ дочери.

— Сейчасъ, отвѣчала Лидія и сама подала матери чашку.

Та прихлебнула, сдѣлала гримасу и проговорила.

— Опять сладко; никакъ ты не можешь примѣниться къ моему вкусу.

— Позвольте, я разбавлю.

— Оставь ужъ,—возразила Ваньковская; въ голосъ ея слышалась досада.

Лидія немного сконфузилась и пошла къ чайному столу.

— А Ивану Кузьмичу чаю? сказала мать.

— Онъ готовъ, отвѣчала дочь, указывая глазами на стаканъ чаю, стоявшій на краю стола.

— Винавать-сь, перебилъ Иванъ Кузьмичъ, быстро вставая и беря стаканъ и, какъ-то особенно расшаркавшись передъ Лидой, пробормоталъ ей что-то. Она съ своей стороны ничего не отвѣчала.

Мнѣ и Леониду подаль чай лакей. Леонидъ закурилъ себѣ сигару и подаль другую мнѣ. Я отказался.

— Что же ты, Леонидъ, Ивану Кузьмичу не предложишь трубку, сказала мать.

Леонидъ нахмурился.

— Хотите? спросилъ онъ Ивана Кузьмича.

— Прошу васъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Подай сюда трубку, сказалъ Леонидъ человѣку.

Я между тѣмъ сталъ внимательно смотрѣть на молодую дѣвушку, которая поила маленькихъ сестеръ чаемъ. Чѣмъ болѣе я въ нее вглядывался, тѣмъ болѣе она мнѣ нравилась. Она была далеко не красавица, но въ то же время въ ней было что-то необыкновенно милое и доброе, что невольно влекло къ ней съ перваго раза. Чайный столъ наконецъ былъ убранъ, разговоръ какъ-то не клеился; мать говорила вполголоса съ Иваномъ Кузьмичемъ; Лидія Николаевна сѣла за работу; мой ученикъ молчалъ и курилъ. Я хотѣлъ было уйдти домой, но Леонидъ всталъ, раскрылъ стоявшую тутъ рояль и, не обращая ни на кого вниманія, сѣлъ и началъ играть. Я невольно сталъ вслушиваться; въ игрѣ его, кромѣ мастерскаго пріема, слышалось что-то энергическое, задумчивое. Молодая дѣвушка, умышленно или нѣтъ, не знаю, пересѣла рядомъ со мною. Леонида слушали внимательно всѣ: Иванъ Кузьмичъ придалъ лицу грустное выраженіе, мать потупилась, даже маленькія дѣвочки перестали между собою болтать.

— Какъ братъ хорошо играетъ, сказала мнѣ Лидія Николаевна.

— А вы любите музыку?

— Очень.

— А сами музыкантша?

— Да... но нѣтъ, я гораздо хуже его играю.

Леонидъ вдругъ на половинѣ пьесы остановился, всталъ, сѣлъ около меня и опять нахмурился.

Въ остальную часть вечера Иванъ Кузьмичъ принимался нѣсколько разъ любезничать съ Лидіей Николаевной; она болѣе отмалчивалась. Леонидъ безпрестанно говорилъ ему колкости, на которыя онъ не только не отвѣчалъ тѣмъ же, но какъ будто бы даже не понималъ ихъ.

Возвратившись домой, я все думалъ о моихъ новыхъ знакомыхъ; болѣе всѣхъ мнѣ понравилась Лидія Николаевна и Леонидъ. Старшая Ваньковская, Марья Виссаріоновна, какъ назвалъ мнѣ ее Леонидъ, произвела на меня какое-то неопредѣленное впечатлѣніе, а этотъ Иванъ Кузьмичъ плоховатъ. И что онъ такое тутъ? Родня, знакомый, женихъ?

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ Ваньковскими, жизнь моя сдѣлалась какъ-то полнѣе. Всѣ вечера, послѣ уроковъ, я проводилъ у нихъ. Говоря откровенно, я, самъ того не замѣчая, влюбился въ Лидію Николаевну. Каждый день я болѣе и болѣе съ мучительнымъ нетерпѣніемъ началъ ожидать шести часовъ, чтобы отправиться въ завѣтный домъ на Смоленскомъ рынкѣ, и всю дорогу меня занимала одна мысль — дома ли Лидія, или куда-нибудь уѣхала? увижу я ее или нѣтъ? Проходилъ я обыкновенно прямо къ Леониду въ кабинетъ и въ продолженіе часа, занимаясь съ нимъ, все преслушивался: не долетитъ ли до меня звукъ ея

голоса. Я зналъ ея походку, чувствовалъ шелестъ ея платья и потомъ, когда мы, кончивъ занятія, входили въ гостиную, — если не было ея тамъ, мной овладѣвала невыносимая тоска: я садился, задумывался и ни слова не говорилъ: но она входила, и я оживалъ, дѣлался вдругъ веселъ, болтливъ. Не знаю, замѣчалъ ли это кто-нибудь, но только Лида была ко мнѣ очень ласкова: вообще молчаливая, со мной всегда заговаривала первая и всякій разъ, когда я собирался уходить домой, говорила мнѣ вполголоса: «куда вы? посидите, еще рано!»

Марья Виссаріоновна — добрая женщина, но рѣшительно не умѣетъ держать себя съ дѣтьми: Леонида она любитъ болѣе всѣхъ, хотя и спорить съ нимъ постоянно, и надобно сказать, что въ этихъ спорахъ онъ всегда правѣе; съ маленькими дѣвочками она нито ни сѣ, или почти ими не занимается, но съ Лидіей Николаевной обращается въ высшей степени дурно. Бѣдная дѣвушка поставлена въ такое положеніе, что скорѣе ходитъ на приживалку, чѣмъ на дочь. Она занимается вѣсьмъ хозяйствомъ, учитъ и нянчитъ маленькихъ сестеръ и, несмотря на все это, получаетъ отъ матери безпрерывныя замѣчанія за всевозможные пустяки. Ко мнѣ Марья Виссаріоновна привыкла. Иванъ Кузьмичъ отрекомендовался мнѣ, сказавъ, что онъ калужскій помѣщикъ Марасѣевъ, и просилъ обязать его пріятнымъ моимъ знакомствомъ. Онъ очень не далекъ и, кажется, къ Лидіи Николаевнѣ равнодушенъ, Марью Виссаріоновну уважаетъ, а Леонида боится. Что касается до сего послѣдняго, то онъ, попрежнему, ничего не дѣлаетъ, но, сблизившись съ нимъ, я увидѣлъ въ немъ очень умнаго

человѣка, въ высшей степени честнаго по своимъ убѣжденіямъ и далеко не по лѣтамъ развитаго. Я день ото дня все болѣе къ нему привязывался, и онъ, съ своей стороны, высказалъ мнѣ, что полюбилъ меня.

Къ Ваньковскимъ ѣздила еще одна дама, нѣкто Лизавета Николаевна Піонова, и ѣздила почти каждый день, — рыжая, рябая, съ огромнымъ ртомъ, влажными сѣрыми глазами и повидимому очень хитрая: къ Марьѣ Вииссаріоновнѣ она обнаруживала пламенную дружбу, а отъ Ивана Кузьмича приходила въ восторгъ и всегда про него говорила: «чудный человѣкъ! превосходный человѣкъ!» За Леонидомъ она кажется, приволакивалась, а онъ говорилъ ей на каждомъ шагу дерзости и показывалъ явное пренебреженіе. Разъ она, не зная, о чемъ бы съ нимъ заговорить, попросила его дать ей какую-нибудь книгу почитать. Сначала онъ ей отвѣчалъ: «у меня никакихъ нѣтъ книгъ». Она не отставала. «Да какую вамъ надобно книгу?» наконецъ спросилъ онъ ее. — «Какую-нибудь поинтереснѣе». Онъ пошелъ и принесъ ей календарь. Она надулась. Когда она обращалась къ нему съ просьбою сыграть на фортепіано, онъ садился и начиналъ казачка. Досадиѣ всего, что эта госпожа обходилась съ Лидіей Николаевной свысока и едва ее замѣчала.

Однажды я пришелъ на урокъ. Леонида дома не было, — это съ нимъ часто случалось. Я прошелъ въ кабинетъ... Мимо растворенныхъ дверей промелькнула горничная, потомъ другой разъ, третій — и наконецъ вошла въ кабинетъ.

— Что вы изволите сидѣть одни-съ, барышня дома, — сказала она.

— Гдѣ же Лидія Николаевна? — спросилъ я не-совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Въ гостиной, пожалуйста туда-съ; я докладывала объ васъ.

Я прошелъ въ гостиную. Лидія Николаевна сидѣла за пальцами.

— Братъ сейчасъ пріѣдетъ, онъ поѣхалъ съ маменькой, — сказала она.

Я сѣлъ. Говорить съ Лидіей Николаевной было для меня величайшимъ наслажденіемъ, но мнѣ это рѣдко удавалось. Я рѣшился воспользоваться настоящимъ случаемъ.

— Какую вы огромную картину вышиваете, сказалъ я.

Приличіе этого мнѣ ничего не пришло въ голову.

— Эта еще не такъ велика... Посмотрите, какое славное лицо у старика, — отвѣчала Лидія Николаевна, показывая узоръ, на которомъ былъ изображенъ старикъ съ сѣдою бородою, съ арфою въ рукахъ; возлѣ него сидѣлъ курчавый мальчикъ и лежала собака; вдали былъ видѣнъ ландшафтъ съ деревцами, горами и облаками.

— Надобно имѣть истинно-женское терпѣніе, чтобы все это вышить, — продолжалъ я, разсматривая узоръ.

— Нѣтъ, это не терпѣніе, а такъ... отъ нечего дѣлать... — отвѣчала Лидія Николаевна. — Хорошо, если бы женщины должны были имѣть терпѣніе

только вышивать подушки, которыя потомъ запачкуются и бросаются, — прибавила она вздохнувъ.

— А гдѣ же имъ оно еще нужно? — спросилъ я съ удареніемъ.

— Въ жизни.

— Это, я полагаю, нужно мужчинамъ и женщинамъ.

— Мужчинамъ? о нѣтъ! они гораздо свободнѣе; они могутъ быть тѣмъ, чѣмъ хотятъ, а мы бываемъ тѣмъ, чѣмъ намъ велятъ.

«Милая дѣвушка, какъ она умна!» подумалъ я.

— Мнѣ кажется, началъ я вслухъ: — что женщины въ наше время довольно свободны, ..

— Чѣмъ-же свободны? можетъ ли, на примѣръ, женщина выдти или не выдти замужъ?

— Конечно, можетъ.

— Нѣтъ, не можетъ, потому что надъ ней сейчасъ стануть смѣяться, назовутъ старою дѣвушкою, скажутъ, что она зла; родные будутъ сердиться, тяготиться: на это не достанетъ никакого терпѣнія.

— Необходимость выйти замужъ для каждой дѣвушки сдѣлается пріятною: стоитъ только выдти за того, кого полюбишь.

— А если никого не любишь?

— Надобно дожидаться; для всякой женщины придетъ пора, когда она полюбитъ.

— Не думаю, я первая никогда и никого не люблю.

— Это почему вы думаете?

— Такъ. Полюбишь одного, а выдадутъ за другаго: лучше ужъ никого не любить.

Интересный разговоръ нашъ былъ прерванъ на этомъ мѣстѣ прїѣздомъ Леонида съ матерью.

Мы ушли съ нимъ въ кабинетъ.

Въ этотъ разъ я несовсѣмъ добросовѣстно исполнялъ обязанность наставника. Теорію неопредѣленныхъ уравненій растолковалъ такъ неопредѣленно, что это даже замѣтилъ мой воспитанникъ, хотя и слушалъ меня, по обыкновенію, очень невнимательно.

— Вы что-то сегодня совсѣмъ непонятно рассказываете, — сказалъ онъ съ обыкновенною своею откровенностію.

— Мнѣ нездоровится, — отвѣчалъ я.

— Ну такъ оставьте, и мнѣ надоѣло. — Пойдемте въ гостиную.

Я только того и ждалъ и далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, возобновить съ Лидіей Николаевной прежній разговоръ; но на бѣду мою несносный Иванъ Кузьмичъ былъ уже тутъ и сидѣлъ рядомъ съ нею. Марья Виссаріоновна рассказывала какую-то длинную исторію про одну свою родственницу, которой предстояла прекрасная партія и которую она сначала не хотѣла принять, но потомъ, желая исполнить волю родителей, вышла, и теперь счастлива такъ, какъ никто; что, наконецъ, дѣти, которыя слушаются своихъ родителей, бываютъ всегда благополучнѣе тѣхъ, которыя дѣлаютъ по-своему. Говоря это, она переглядывалась съ Иваномъ Кузьмичемъ, который ей поддакивалъ, и взглядывала на дочь; та сидѣла потупившись и ни слова не говорила. Леонидъ слушалъ мать съ насмѣшливою улыбкою. Мнѣ бы, вѣроятно, цѣлый вечеръ не удалось переговорить съ Лидіей Николаевной, но прїѣхала Піонова.

Съ нѣжностію поздоровалась она съ Марьєю Виссаріоновною, издала радостное восклицаніе при видѣ Ивана Кузьмича, который у ней поцѣловалъ руку, и тотчасъ же начала болтать, а потомъ, прищурившись, взглянула въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Леонидъ, и проговорила сладкимъ голосомъ:

— Вы здѣсь, Леонидъ Николаичъ, я васъ и не вижу... Здравствуйте!

Тотъ не пошевелился и ни слова не сказалъ; меня и Лидію Николаевну она, по обыкновенію, не замѣтила. Лида вышла наконецъ въ залу, я тоже послѣдовалъ за нею, благословляя въ душѣ пріѣздъ Піоновой. Когда я вошелъ, Лидія сидѣла на небольшомъ диванѣ, задумавшись. Увидѣвъ меня, она улыбнулась и проговорила:

— Я ушла, тамъ очень жарко, посидимте здѣсь. Я сталъ около нея.

— Вы будете у насъ завтра? — спросила она.

— Буду.

— А послѣ-завтра?

— Послѣ-завтра, воскресенье, урока у меня нѣтъ.

— Ничего, приходите обѣдать и на цѣлый день.

Я обмеръ отъ радости.

— Завтра я не буду цѣлый день дома, — прибавила Лидія.

— Гдѣ жъ вы будете? — спросилъ я.

— Въ пансіонъ у m-me Жарве. Тамъ завтра актъ и вечеромъ балъ.

— Стало быть, вы завтра будете веселиться?

— Какое веселье!.. Я не люблю баловъ, но я тамъ училась; начальница меня очень любила; сама пріѣзжала и просила, чтобъ мамаша меня отпустила; она очень добрая!

— Я зналъ одну изъ воспитанницъ m-me Жарве; та непохожа на васъ и, кажется, очень любить балы.

— Кто такая?

— Вѣра Базаева, которая мнѣ еще какъ-то кузиной приходится.

— Вѣрочка Базаева? Она вамъ кузина! Это наша пансіонская красавица. Скажите, гдѣ она и что дѣлаетъ?

— Я думаю, танцуетъ и кокетничаетъ.

— Право? Она, впрочемъ, всегда была немного кокетка, — а какая хорошенькая! Сначала я была съ ней дружна, а потомъ разстались холодно; она тогда зиму жила здѣсь, очень много выѣзжала, и мы почти не видались.

— У меня съ нею почти были такія же отношенія: на первыхъ порахъ мы съ ней очень скоро подружились, или по крайней мѣрѣ, она увѣряла меня, что ей очень ловко танцовать со мною вальсъ, а я находилъ, что она очень хороша собою.

— Вы не были въ нее влюблены?

— Нѣтъ.

— Не можетъ быть.

— Отчего же не можетъ быть?

— Оттого, что она такъ мпла, что нравится всѣмъ.

— На первый взглядъ, можетъ быть, а потомъ, взглянувъшись, увидишь, что красотѣ ея многого недостаетъ.

— Чего жъ не достаетъ?

— Мысли, чувства, души.

Лида не возражала.

— Вы напрасно думаете, — продолжалъ я: — чтобъ

я могъ быть влюбленъ въ Базаеву; по моимъ понятіямъ, женщина должна имѣть совершенно другаго рода достоинства.

— А именно?

— Вы желаете знать?

— Очень.

— Женщина должна быть не суетна, а семьянинка, вротка, но не слабохарактерна, умна безъ педантства, великодушна безъ рисовки, не сантиментальна, но способна къ привязанности искренней и глубокой, — отвѣчалъ я.

Въ головѣ моей давно уже приготовленъ былъ для Лидіи Николаевны этотъ очеркъ идеала женщины.

— А наружность?—спросила она.

— Наружности я и опредѣлять не хочу. Эти нравственные качества, которыя я перечислилъ, такъ одушевятъ даже неправильныя черты лица, что она лучше покажется первой красавицы въ мірѣ.

— Такихъ женщинъ нѣтъ.

— Нѣтъ, есть.

— Вы, стало быть, встрѣчали?

— Можетъ быть.

— Желала бы я посмотрѣть на такую женщину.

Я ничего не отвѣчалъ. Дѣло въ томъ, что подъ этимъ идеаломъ я разумѣлъ ее самое. Нѣсколько времени мы молчали.

— Вы, Лидія Николаевна, говорили, что никогда и никого не полюбите?—началъ я.

— Да.

— Стало быть, вы никогда и замужъ не пойдете?

— Нѣтъ, пойду.

— По расчету?

— Да, по расчету, — отвѣчала она.

И мнѣ показалось, что, говоря это, она горько улыбнулась.

— Я не ожидалъ отъ васъ этого слышать.

— Отчего жъ не ожидали; это очень покойно; по крайней мѣрѣ, если мужъ разлюбитъ, то не такъ будетъ обидно.

— Перестаньте такъ говорить, я вамъ не вѣрю.

— Нѣтъ, правда.

— Правда?.. — началъ было я.

— Пойдите, — вдругъ перебила меня Лидія Николаевна: — тамъ, кажется, говорятъ про меня.

— Что такое васъ встревожило? — спросилъ я.

— Такъ, ничего, — отвѣчала Лидія Николаевна. Ахъ, какая эта Пюнова несносная! — прибавила она, какъ бы про себя.

— *Lydie, où êtes-vous?* — раздался голосъ Марьи Виссаріоновны изъ гостиной.

— Ici, maman, — отвѣчала Лидія.

— *Venez chez nous.*

— Посидите тутъ, я скоро возвращусь, — это ужасно! — проговорила она и ушла.

По крайней мѣрѣ съ полчаса сидѣлъ я, напрягая слухъ, чтобы услышать, что говорится въ гостиной; но тщетно; подойти къ дверямъ и подслушивать мнѣ было совѣстно. Наконецъ послышались шаги, я думалъ, что это Лидія Николаевна, но вошелъ Леонидъ, нахмуренный и чѣмъ-то сильно разсерженный.

— Что вы тутъ сидите; пойдите въ кабинетъ, — сказалъ онъ.

Я пошелъ за нимъ въ надеждѣ, не узнаю ли чего-нибудь.

— Піонова сегодня что-то много говоритъ, — началъ я.

— Мерзавка!.. Чортъ знаетъ, какъ всѣ эти женщины нелѣпы.

— А что же?

Леонидъ ничего не отвѣчалъ; спрашивать его, я зналъ, было бесполезно.

— А математика идетъ плохо, началъ я съ другаго.

— Скверно. Какъ мнѣ хочется на воздухъ! Поѣдьте прокататься; я васъ доведу до дому; у меня лошадь давно заложена.

— Хорошо. Можно проститься съ вашими?

— Ступайте; а я покуда одѣнусь.

Въ гостиной я засталъ странную сцену: у Марьи Виссаріоновны были на глазахъ слезы; Піонова, только-что переставшая говорить, обмахивала себя платкомъ; Иванъ Кузьмичъ былъ краснѣе, чѣмъ всегда; Лидія Николаевна сидѣла вдали и какъ-будто похудѣла въ нѣсколько минутъ. Я раскланялся.

Леонидъ подвезъ меня къ моей квартирѣ. Во всю дорогу онъ ни слова не проговорилъ и только, когда я вышелъ изъ саней, спросилъ меня:

— Вы будете завтра дома?

— Буду.

— Я завтра приду къ вамъ.

— Приходите.

III.

На другой день, только-что я всталъ, Леонидъ пришелъ ко мнѣ и, по обыкновенію, закурилъ трубку,

разлегся на диванъ и молчалъ; онъ не любилъ скоро начинать говорить.

— Ваши здоровы? — спросилъ я.

Меня заботило, что такое у нихъ вчера было.

— Не знаю хорошенько; матери не впадалъ, а сестра больна.

— Чѣмъ?

— Голова болитъ.

— Вы вчера поздно воротились?

— Нѣтъ, прокатился только.

— А гости еще у васъ долго сидѣли?

— Не знаю; я не входилъ туда. Кажется, что долго, — отвѣчалъ нехотя Леонидъ.

Онъ былъ очень не въ духѣ.

— Скажите, пожалуйста, Леонидъ Николаичъ, — началъ я послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — что это за человѣкъ, Иванъ Кузьмичъ?

— Что за человѣкъ онъ, я не знаю, и даже сомнѣваюсь, человѣкъ ли онъ? а что глупъ, какъ бревно, такъ это вѣрно.

— Однако онъ принять у васъ, какъ свой?

— Не отвяжешься отъ него, хотя и давно объ этомъ стараюсь.

— Почему жь?

— Онъ главный кредиторъ нашъ.

— А развѣ у васъ долги есть?

Леонидъ усмѣхнулся.

— Есть немного.

— Сколько же?

— Тысячъ триста серебромъ.

— Триста тысячъ!... а состояніе велико ли?

— Около тысячи душъ.

— Состояніе прекрасное.

— Хорошо, только въ итогѣ ставь нуль.

— Отчего же это?

— Дѣла разстроены. Отецъ у меня былъ очень умный человѣкъ и, когда женился на матери, у него ничего не было, а у нея промотанныхъ двѣсти душъ, но въ пять лѣтъ онъ составилъ тысячу, а умеръ — и пошло все кривымъ колесомъ: сначала фабрика сгорѣла, потомъ взяты были подряды, не выполнили, залоги лопнули: а потомъ стряпчѣ появились и остальное доконали.

— Какимъ же образомъ Иванъ Кузьмичъ попалъ въ число кредиторовъ?

— Получилъ отъ роднаго брата по наслѣдству, съ которымъ отецъ имѣлъ дѣла.

— А великъ его вексель?

— Тысячъ въ тридцать серебромъ.

— Кто жъ теперь управляетъ всѣмъ этимъ: и дѣлами, и имѣніемъ вашимъ?

— Судьба.

— А матушка ваша предпринимаетъ же что-нибудь?

— Едва ли. Она то плачетъ и говоритъ, что несчастнѣйшая въ мірѣ женщина, а потомъ, побесѣдовавши съ Пѣоновою, увѣряетъ всѣхъ, что ничего, что все прекрасно устроилось. Я ничего не понимаю,

— Во всякомъ случаѣ, она, мнѣ кажется, женщина умная.

— Умна, только прежде была очень избалована жизнію. При дѣдушкѣ жила въ богатомъ домѣ и знала только на балы выѣзжать, при отцѣ тоже:

онъ ей въ глаза глядѣлъ и окружалъ ее всевозможною роскошью. Вы бывали у насъ въ бельэтажѣ?

— Нѣтъ.

— Жаль. Я вамъ покажу когда-нибудь. Тамъ есть кабинетъ, нарочно для нея отдѣланный; онъ одинъ стоитъ десять тысячъ серебромъ; а теперь и нѣтъ ничего, да еще хлопоты по дѣламъ, и растерялась.

— Поэтому теперь лежитъ обязанность на васъ устроить какъ-нибудь дѣла.

— А что я такое? Мальчишка, да и по характеру одинъ изъ тѣхъ пустѣйшихъ людей, которые ни на что негодны. Я отъ дѣни по цѣлымъ днямъ хожу не умывшись и не обѣдавши; у меня во всю мою жизнь не доставало еще терпѣнія дочитать ни одной книги.

— Однако, вы музыкантъ, и музыкантъ замѣчательный.

— Музыка и дѣла — двѣ вещи разныя; музыку я люблю, — отвѣчалъ Леонидъ.

Не смотря на то, что онъ все это говорилъ, по видимому, равнодушно, но видно было, что семейное разстройство его сильно беспокоило. Мнѣ было болѣе всего досадно, что Марасѣевъ былъ въ числѣ кредиторовъ.

— Вѣроятно, Иванъ Кузьмичъ, по хорошему знакомству не беспокоитъ васъ своимъ векселемъ? — сказалъ я.

— Напротивъ, несноснѣе всѣхъ, — отвѣчалъ Леонидъ.

— Неужели же онъ такъ не деликатенъ?

— Не очень. Все сватается къ сестрѣ и гово-

рить, что если она выйдетъ за него, такъ онъ сейчасъ же изорветъ вексель.

Сердце у меня замерло.

— А Лидіи Николаевнѣ онъ нравится?—спросилъ я.

— Еще бы ей нравился! Она не совсѣмъ еще съ ума сошла.

— А Марья Виссаріоновна желаетъ этого брака?

— Очень.

— Неужели же Марья Виссаріоновна не видитъ въ немъ ни разницы лѣтъ, ни разницы воспитанія съ Лидіей Николаевной, неужели наконецъ не понимаетъ личныхъ его недостатковъ? Я увѣренъ, что ей самой будетъ неловко имѣть такого зятя: у него ничего нѣтъ общаго съ вашимъ семействомъ.

Леонидъ молчалъ.

— И какъ вы думаете, бракъ этотъ состоится?—прибавилъ я, желая вызвать его на разговоръ.

— Я думаю. Матушка желаетъ и говоритъ, что отъ этого зависитъ участь всей семьи.

— Какая же участь? Тридцать тысячъ не все ваше состояніе.

— Кажется, а Лида вѣрить.

— Но какъ же это?

— А также — вѣрить. Вы не знаете этой дѣвушки: она олицетворенная доброта. Матушкѣ стоитъ только выразить малѣйшую ласку, и она — не знаю на что не рѣшится. Досаднѣе всего, что я ее ужасно люблю, не оттого, что она мнѣ сестра, это Богъ бы съ ней, а именно потому, что она чудная дѣвушка.

— Мнѣ самому Лидія Николаевна чрезвычайно

нравится, даже въ наружности ихъ есть что-то особенно привлекательное.

— Нѣтъ, наружность что? Она собою нехороша, но у ней чудный характеръ, кроткій, ровный.

Эти слова Леонидъ говорилъ съ бѣльшимъ противъ обыкновеннаго своего тона одушевленіемъ.

— Я безъ ужаса вообразить не могу,—продолжалъ онъ, вставая и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ:— что такая славная женщина достанется въ жены какому-нибудь Марасѣеву.

— Тѣмъ болѣе, Леонидъ Николаевичъ, вы должны этому противодѣйствовать всѣми средствами.

— Ничего не сдѣлаешь. Неужели вы думаете, что я не дѣйствовалъ? Я нѣсколько разъ затѣвалъ съ нимъ исторію и почти въ глаза называлъ дуракомъ, чтобы только разсердить его и заставить перестать ѣздить; говорилъ наконецъ матери и самой Лидѣ,— и все ничего.

— Но онъ возражали же что-нибудь вамъ?

— Ничего не возражали; мать сердится и говорить, что я еще мальчишка и ничего не понимаю, а Лидя плачетъ.

— Во всякомъ случаѣ это слабость характера со стороны Лидіи Николаевны.

— Вовсе не слабость, когда она два года борется и въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ ей говорятъ безпрестанно одно и то же, безпрестанно толкуютъ, что этотъ человѣкъ влюбленъ въ нее, что она лучшаго жениха ей ожидать нельзя, потому что не хороша собою,— что она неблагодарная, капризная и что хочетъ собою только отягощать мать. Я бы на ея мѣстѣ давно убѣжалъ изъ дома и нанялся бы

гдѣ-нибудь въ ключницы, чѣмъ сталъ бы жить въ въ такомъ положеніи.

— А Иванъ Кузьмичъ богатъ?

— Въ томъ все и дѣло, что хочетъ уничтожить нашъ вексель, а кромѣ того Піонова увѣряетъ, что у него триста душъ, и что за невѣстою онъ ничего не проситъ и даже приданое хочетъ сдѣлать на свой счетъ и, наконецъ, по всѣмъ дѣламъ матери берется хлопотать. Я вамъ говорю, что тутъ такія подлые основанія, по которымъ выдаютъ эту несчастную дѣвушку, что вообразить трудно.

— Я, право, все еще не вѣрю, чтобы Марья Виссаріоновна могла имѣть такія побужденія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ бракъ дочери.

— У ней никакихъ нѣтъ побужденій, потому что нѣтъ никакихъ убѣжденій. Въ этомъ случаѣ ее рѣшительно поддуваетъ Піонова; не будь этой совѣтчицы, мать бы задумала... опять передумала... потомъ, можетъ быть, опять бы задумала, и такъ бы время шло, покуда не нашелся бы другой женихъ, за котораго Лида сама бы пожелала выйти.

— Неужели же вліяніе этой пустой женщины такъ сильно, что вы не можете ее отстранить, и наконецъ, на чемъ основано это вліяніе?

— На томъ, что она унижается предъ матерью, восхищается ея умомъ, увѣряетъ ее, что она до сихъ поръ еще красавица, клянется ей въ безпредѣльной дружбѣ,—вотъ и основанія всѣ, а та очень самолюбива. Прежде, когда она была богата и молода, ей льстили многіе, а теперь всѣ оставили; Піонова же держитъ себя попрежнему и, значитъ, неизмѣнный другъ.

— Но та — какую цѣль имѣетъ?

— Можетъ быть деньги взяла за сватанье, и вѣроятно, да и Лиду ей уничтожить хочется: она ее ненавидитъ.

— За что же?

— За то, за что мерзавцы вообще ненавидятъ хорошихъ людей, которые для нихъ живое обличеніе.

— Мнѣ кажется, что Піонова равнодушна къ вамъ?

— Какъ же! влюбена въ меня; сама признавалась мнѣ, что она дорожитъ нашимъ семействомъ только для меня.

— Вотъ бы вы это и сказали матушкѣ.

— Говорилъ.

— Что жъ она?

— Смѣется.

Такимъ образомъ, Леонидъ раскрылъ предо мною всю семейную драму. Мы долго еще съ нимъ толковали, придумывали различные способы, какъ бы поправить дѣло, и ничего не придумали. Онъ ушелъ. Я остался въ грустномъ раздумьѣ. Начинаясь въ сердцѣ моемъ любовь къ Лидіи Николаевнѣ была сильно поражена мыслию, что она должна выйти замужъ и выйти скоро. Мнѣ сдѣлалось грустно и досадно на Лиду.

Въ первыя минуты, я написалъ къ ней письмо, которое вышло у меня такого содержанія:

«Я, можетъ быть, слишкомъ много беру себѣ права, что осмѣливаюсь писать къ вамъ; но разубѣжденіе, которое мнѣ суждено въ васъ испытать, такъ болѣзненно отозвалось въ моемъ сердцѣ, что я не въ состояніи совладѣть съ собою. Я нѣкогда, если

вы только это помните, говорилъ вамъ объ идеалѣ женщины, и нужно ли говорить, что всѣ его прекрасныя качества я видѣлъ въ васъ; но Боже мой! какъ много вы спустились съ высоты того пьедестала, на которомъ я, ослѣпленный безумецъ, до сихъ поръ держалъ васъ въ своемъ воображеніи. Вы выходите замужъ, я знаю, и знаю также, что вашъ умъ и ваше сердце и свободу вы приносите двумъ-тремъстамъ душамъ мужнина состоянія. Не говорите тутъ о необходимости, о самоотверженіи. Подобное пренебреженіе, чтобъ не сказать — неряшество въ собственномъ счастіи, я убѣжденъ, выше силъ женщины, и служить признакомъ, знаете ли чего?—страшно сказать,—бездушія, безстрастности, что́ признать въ васъ мнѣ все-таки не хочется, и я все-таки еще желаю оставить вамъ на столько нравственныхъ качествъ, что напередъ вамъ предсказываю много горя и страданій, если вы только сдѣлаете этотъ неосторожный шагъ.»

Написавъ все это, я предполагалъ въ тотъ же день снести Лидѣ самъ мое письмо; но, вспомнивъ, что говорилъ Леонидъ, мнѣ стало жаль ее.

«Нѣтъ, она не такъ виновна, — подумалъ я: — Богъ съ ней: пускай она выходитъ замужъ, я останусь ей преданъ, и, по возможности, друженъ и близокъ съ нею.»

Рѣшившись такимъ образомъ изъ пламеннаго обожателя преобразовать себя въ смиреннаго и нетребовательнаго друга, я задалъ себѣ вопросъ: что за человекъ Марасѣвъ? Можетъ быть, Леонидъ сильно противъ него предубѣжденъ; можетъ быть, онъ только не очень уменъ, но добрый въ душѣ человекъ; мо-

жетъ быть, онъ точно любитъ Лидію Николаевну, доказательства этому отчасти есть: онъ жертвуетъ для нея тысячами. Изъ него, можетъ быть, выйдетъ хорошій семьянинъ, и онъ въ состояніи будетъ если не сдѣлать Лидію Николаевну вполне счастливою, то по крайней мѣрѣ станетъ покоить ее.

Мое намѣреніе было: на другой же день съѣздить къ Марасѣву и посмотрѣть на него въ домашней жизни; это было мнѣ и встати сдѣлать, потому что онъ былъ у меня недѣли двѣ тому назадъ, а я ему еще не заплатилъ визита.

IV.

Иванъ Кузьмичъ жилъ въ Грузинахъ. Я ѣхалъ къ нему часа два съ половиною, потому что долженъ былъ проѣхать около пяти верстъ большими улицами и изъѣздить, покрайней мѣрѣ, десятокъ маленькихъ переулковъ, прежде чѣмъ нашелъ его квартиру: полуразвалившійся домъ, ходъ съ двора; я завязъ почти въ грязи, куда шелъ по этому двору, на которомъ, впрочемъ, стояли новыя конюшни и сарай. Я сейчасъ догадался, что Иванъ Кузьмичъ выбиралъ квартиру съ бѣльшими удобствами для лошадей, чѣмъ для себя. Въ маленькой, темной передней встрѣтилъ меня лакей и, проворно захлопнувъ дверь въ залу, сталъ передо мною, какъ бы желая загородить мнѣ дорогу.

— Дома Иванъ Кузьмичъ? — спросилъ я.

Лакей замаялся.

— Я не знаю-съ, они дома, да не почиваютъ ли? — позволюте, я доложу-съ, — отвѣчалъ онъ и ушелъ въ

заду, опять притворивъ дверь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, неся въ рукахъ поднось съ пустымъ графиномъ и объѣдками пирога. Поставивъ все это, бѣгомъ побѣжалъ въ сѣни и возвратился оттуда съ умывальникомъ и полотенцемъ и прошелъ въ заду. Положеніе мое становилось несносно; я стоялъ, не снимая ни шинели, ни калошъ, въ полу-темнотѣ и посреди удушливаго запаха, который происходилъ отъ висѣвшихъ тутъ хомутовъ, смазанныхъ недавно ворванью. Лакей еще нѣсколько разъ прибѣгалъ за сапогами, сюртукомъ, головною щеткою, которые хранились тутъ же въ передней, и наконецъ разрѣшилъ мнѣ входъ. Иванъ Кузьмичъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ. Не ожидая такой нѣжности, я попятился и съ удивленіемъ взглянулъ ему въ лицо: оно не только было красно, но пылало, и глаза были уже совсѣмъ безсмысленные. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ толстѣйшій и высочайшій мужчина, какихъ когда-либо я видалъ, съ усищами до ушей, съ хохломъ, съ огромнымъ животомъ, такъ что довольно-толстый Иванъ Кузьмичъ и я не совсѣмъ маленькій — казались противъ него ребятами, однимъ словомъ — на первый взглядъ страшно было смотреть. Онъ мнѣ расшаркался, и при этомъ закачался весь полъ. Иванъ Кузьмичъ поздоровался со мною и облокотился на печку.

— Очень радъ, — началъ онъ, едва переминая языкъ: — прошу познакомиться, — прибавилъ онъ, указывая на огромнаго господина: — мой пріятель, Свѣтлѣйшій Николайчъ, а онъ учитель Марьи Виссаріоновны, очень радъ... извините, пожалуйста, я не ожидалъ

вась: недавно проснулся, будьте великодушны, извините... Сдѣлайте милость, господа, пожалуйста въ гостиную. Сергѣй Николаичъ! что жь ты церемонишься? Мы съ тобою не сегодня знакомы; ты свинтусъ послѣ этого... Сдѣлайте милость, простите великодушно; мы съ нимъ по-пріятельски,— болталъ хозяинъ и наконецъ пошелъ въ гостиную, шатаясь изъ стороны въ сторону. Не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ былъ мертвецки пьянъ. Мы пошли за нимъ; громадный господинъ былъ тоже сильно выпивши, только ему было это ничего: у него все выходило испариною, которая крупными каплями выступила на лбу и которую онъ безпрестанно обтиралъ, но она снова появлялась.

Въ такъ-названной гостиной, въ которой былъ какой-то деревянный диванъ и нѣсколько стульевъ, сидѣлъ молодой офицеръ и курилъ трубку. Онъ мнѣ особенно бросился въ глаза тѣмъ, что имѣлъ чрезвычайно худощавое лицо, покрытое сплошь желчными пятнами.

Иванъ Кузьмичъ опять принялся за рекомендацію.

— Позвольте васъ познакомить: поручикъ Дановичъ — учитель Марьи Виссаріоновны; прошу полюбить другъ друга.

Зачѣмъ онъ насъ просилъ, чтобы мы полюбили другъ друга,— неизвѣстно.

Я потупился, поручикъ усмѣхнулся, однако мы раскланялись.

— Очень, право, радъ, ко мнѣ вотъ сегодня пріѣхалъ Сергѣй Николаичъ, потомуъ господинъ Дановичъ пришелъ... потомуъ вы пожаловали: благодарю... только извините, пожалуйста, и такой человекъ, что

всѣмъ радъ, извините...— проговорилъ Иванъ Кузьмичъ и потупилъ голову. Поручикъ качалъ головою; толстый господинъ не спускалъ съ меня глазъ. Мнѣ сдѣлалось непріятно и неловко.

— Вы кого у Марьи Виссаріоновны учите? Леонида, или маленькихъ дѣвочекъ? — спросилъ онъ меня необыкновенно густымъ басомъ.

— Леонида, — отвѣчалъ я.

Сергѣй Николаичъ откашлялся.

— Славный малый Леонидъ, — продолжалъ онъ: — только ко мнѣ не ѣздитъ, да и самъ я давно не бывалъ у нихъ: съ годъ!.. все нездоровится.

«Ему нездоровится,» подумалъ я и внутренно разсмѣялся; скорѣе въ молодомъ слонѣ можно было предположить какую-нибудь болѣзнь, чѣмъ въ немъ.

— Жена моя часто у нихъ бываетъ; видали тамъ мою жену? — отнесся опять ко мнѣ Сергѣй Николаичъ.

— Вашу супругу? — спросилъ я, не отгадывая еще, кто этотъ господинъ.

— Да, Піонову; я имѣю честь быть господиномъ Піоновымъ, а г-жа Піонова моя нѣжнѣйшая супруга, вѣрная жена и подруга дней моихъ печальныхъ.

— Видалъ-съ, — отвѣчалъ я.

Такъ вотъ кто былъ супругъ Піоновой; не даромъ она не возитъ его къ Ваньковскимъ и говоритъ, что онъ домосѣдъ.

— Хорошо, что я вспомнилъ о женѣ, продолжалъ Піоновъ, обращаясь къ хозяину. — Она меня поѣдомъ ѣсть за твоего бурку; говоритъ: зачѣмъ купилъ, не нравится. Да полию, что ты нахмурился?

— Бурку?.. — отозвался Иванъ Кузьмичъ; — бурка,

братъ, славная лошадь; если бы мнѣ такая попалась, я сейчасъ дамъ тысячу цѣлковыхъ.

— Возьми назадъ, я за полтысячи уступлю.

— Давай: возьму!... что жь, развѣ не возьму?

— Бери, мнѣ самому жаль. Кабы не барыня, я бы съ ней не расстался.

Поручикъ взглянулъ на меня и усмѣхнулся,

— Барыня... барыня,—говорилъ Иванъ Кузьмичъ: —твоя барыня, братъ, милая; я у ней ручку поцѣлую, а ты въ лошадяхъ ничего не смыслишь; ты что говорилъ про бѣлогриваго жеребца?

— Что говорилъ?

— Что говорилъ! не помнишь? ты говорилъ: выкормокъ, вотъ онъ тебѣ и показалъ себя! Зачѣмъ же ты его на заводъ ладилъ? выкормки, братъ, на заводъ не идутъ; что ты мнѣ говоришь!

Пионовъ ничего не возражалъ. Я всталъ съ тѣмъ, чтобы уѣхать.

— Прощайте, Иванъ Кузьмичъ, — сказалъ я раскланиваясь.

— Сдѣлайте милость, прошу васъ покорнѣйше, посидите,—возразилъ онъ, разведя руками: —извините меня великодушно, вамъ, можетъ быть, скучно у меня, а я душевно радъ. Позвольте мнѣ хоть трубку вамъ предложить; будьте такъ добры, выкурите хоть трубку.

— Позвольте, — отвѣчалъ я и сѣлъ.

— Оумка! —крикнулъ Иванъ Кузьмичъ: — трубку подай!

— Очень радъ, что вы пожаловали, только извините меня; я сегодня нездоровъ что-то,— насморкъ, что ли.

Между тѣмъ, Піоновъ всталъ, какъ-то особенно кашлянулъ и вышелъ въ другую комнату; впрочемъ онъ не совсѣмъ ушелъ, какъ видѣлъ я въ зеркалѣ, а остановился въ дверяхъ и началъ дѣлать Ивану Кузьмичу знаки и манить его рукою, но тотъ не замѣчалъ.

— Васъ зовутъ, Иванъ Кузьмичъ, — сказалъ поручикъ.

Иванъ Кузьмичъ поднялъ голову и, замѣтивъ пріятеля, всталъ и едва попалъ въ дверь; тотъ началъ ему шептать что-то на ухо, а онъ только моталъ головою и наконецъ оба ушли.

— Какъ наклюкались, — проговорилъ имъ велѣдъ поручикъ, обращаясь ко мнѣ.

— Что такое у нихъ сегодня? — спросилъ я.

— Не знаю-съ, я пришелъ, они ужъ были готовы; у нихъ, впрочемъ, часто это бываетъ. Вы давно знакомы съ Иваномъ Кузьмичемъ?

— Нѣтъ, я у него сегодня только въ первый разъ; скажите, пожалуйста, хорошій онъ человѣкъ?

— Человѣкъ онъ добрый, только слабъ ужасно. Въ одномъ полку со мной служилъ; полковникъ прямо ему предложилъ, чтобы онъ по своей слабости оставилъ службу. Товарищи стали обижаться, — ремарку дѣлаетъ на весь полкъ.

Холодный потъ выступилъ у меня, слушая поручика; хотя, по желчному лицу его, и можно было подозрѣвать, что онъ о себѣ подобныхъ не любитъ отзываться съ хорошей стороны, но въ этомъ случаѣ говорилъ, видимо, правду.

— Что же онъ здѣсь дѣлаетъ въ Москвѣ? — спросилъ я.

— Да ничего не дѣлаетъ, кутить. Говорять, жениться хочетъ. Не знаю, какая идетъ за него дѣвушка, а большой рискъ съ ея стороны.

— Если онъ добрый человекъ и будетъ любить жену, то, можетъ быть, и перестанетъ кутить, — замѣтилъ я.

— Врядли-съ! привычку сдѣлалъ большую, — возразилъ поручикъ.

— Но еще скажите мнѣ, сдѣлайте милость, богатъ онъ или нѣтъ?

— Состояніе есть; ему послѣ брата много досталось, безалаберно только живетъ очень. Одинъ этотъ толстый Піоновъ его лошадьми да картами въ годъ тысячи на двѣ серебромъ надуетъ.

— А они пріятели?

— Какъ же-съ; друзья по графину.

Вотъ почему Піонова такъ хлопочетъ за Ивана Кузьмича. Боже мой! неужели мы съ Леонидомъ не успѣемъ разбить ихъ козней? Я было хотѣлъ еще разспросить поручика, но Иванъ Кузьмичъ и Піоновъ возвратились. Они, вѣроятно, еще клюкнули. Силъ моихъ не было оставаться долѣе. Я опять началъ прощаться, Иванъ Кузьмичъ не отпускалъ.

— Обяжите меня, сдѣлайте милость, посидите; я васъ, кажется, ничѣмъ не обидѣлъ, а что если... извините меня, выкушайте по крайней мѣрѣ шампанскаго, что же такое; я имѣлъ честь познакомиться съ вами у Марьи Виссаріоновны, которую люблю и уважаю. Вотъ Сергѣй Николаичъ знаетъ, какъ я ее уважаю, а что если... такъ виноватъ. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ.

— Мнѣ надобно, Иванъ Кузьмичъ, ѣхать на лекціи.

— Вы и повѣжайте, Христось съ вами, дай вамъ Богъ добраго здоровья, а шампанскаго выпьемъ: извините, это уже нельзя.

— Благодарю васъ, я не пью. Позвольте мнѣ уѣхать, — сказалъ я рѣшительно.

Иванъ Кузьмичъ обидѣлся.

— Богъ съ вами, повѣжайте, что-жь! вы человекъ ученый, а мы люди простые, что жь? Богъ съ вами, а что если...— Я не дождался конца его рѣчи и пошелъ.

— Позвольте хотя проводить, что же такое?...— говорилъ онъ и пошелъ за мною.

Какъ я ни торопился надѣтъ шинель, онъ однако жь успѣлъ меня на крыльцѣ нагнать и, желая подать мнѣ руку, пошатнулся, и, конечно, хлопнулся бы въ грязь, если бы не подхватилъ его подъ руку лакей.

Я возвратился домой, возмущенный до-нельзя. Леонидъ правъ! Говорятъ, онъ добръ; но что же изъ этого, когда онъ пьяница и пьяница безобразный и глупый. Вечеромъ я поѣхалъ къ Леониду, чтобы передать ему все, что видѣлъ, и засталъ его въ любимомъ положеніи, то есть лежащимъ въ кушеткѣ.

— Я сегодня былъ у Ивана Кузьмича, — началъ я.

— Зачѣмъ?

— Такъ, мнѣ хотѣлось узнать его хорошенько.

— Что же вы узнали?

Я рассказалъ ему, чему былъ свидѣтелемъ и что говорилъ мнѣ поручикъ.

Леонидъ слушалъ молча, и только выступившія на лицѣ его красныя пятна заставляли догадываться,

каково ему было все это слышать. Мнѣ сдѣлалось даже жаль, зачѣмъ я ему рассказалъ.

— Во всякомъ случаѣ, — заключилъ я: — мы все это должны передать вашей матушкѣ и Лидіи Николаевнѣ.

— Теперь ужь поздно, вчера дали слово ему, Лида согласилась.

— Леонидъ Николаевичъ! — воскликну я: — это будетъ съ нашей стороны жестоко и безчестно скрыть подобныя вещи.

— Лидѣ нечего теперь говорить, а матери, пожалуй, скажемъ.

— Когда же?

— Да хоть теперь пойдѣте.

— Мнѣ говорить?

— Нѣтъ, я буду отъ себя.

Въ передней намъ сказали, что пріѣхала Піонова.

— Ловко ли будетъ? — замѣтилъ я.

— Ничего, еще лучше, — рѣшилъ Леонидъ.

Мы вошли. Марья Виссаріоновна, должно быть, о чемъ-нибудь совѣщалась съ своею пріятельницею. При нашемъ входѣ онѣ обѣ замолчали. Піонова, увидѣвъ Леонида, закатила глаза и бросила на него такой взглядъ, что мнѣ сдѣлалось стыдно за нее.

— Вотъ онѣ сейчасъ былъ у Ивана Кузьмича, — началъ тотъ прямо, показывая на меня.

Обѣ дамы переглянулись съ удивленіемъ, не понимая, къ чему онѣ это говорить.

— Вашъ мужъ былъ тоже тамъ, — прибавилъ онѣ Піоновой.

— Вы видѣли мужа? — отнеслась она ко мнѣ.

— Видѣлъ-съ. <http://rcin.org.pl>

— Познакомились съ нимъ?

— Познакомился.

— Очень рада. Онъ чрезвычайно любитъ молодыхъ людей — это его страсть.

— А теперь онъ дома? — спросилъ Леонидъ.

— Дома.

— Я думалъ, что онъ еще у Ивана Кузьмича; они тамъ пьютъ съ утра: Иванъ Кузьмичъ такъ напился, что на ногахъ не стоитъ, — отрѣзалъ онъ.

Марья Виссаріоновна поблѣднѣла. Піонова вспыхнула.

— Перестаньте, Леонидъ, врать, — начала мать строгимъ голосомъ. — Я тебѣ давно приказывала, чтобы ты не смѣлъ такъ говорить о человѣкѣ, котораго я давно знаю и уважаю.

— Напился пьянъ... на ногахъ не стоитъ... я не понимаю даже этого и не знаю, что такое было у Ивана Кузьмича; можетъ быть, какой-нибудь завтракъ, а мужъ пріѣхалъ вовсе не пьяный. Мнѣ слышать подобную клевету даже смѣшно, — проговорила Піонова.

Я хотѣлъ было отвѣчать ей, но Леонидъ перебилъ меня.

— Говорять не о вашемъ мужѣ, а объ Иванѣ Кузьмичѣ, который у насъ рюмки сладкой водки не пьетъ, а дома тянетъ по цѣлому штофу. Что вамъ говорилъ про него прежній его товарищъ? — отнесся онъ ко мнѣ.

— Я вамъ передавалъ, — отвѣчалъ я.

— Изъ прежнихъ его товарищей никто ничего про него не скажетъ дурнаго: его всѣ товарищи обожали въ полку; мой мужъ служилъ съ нимъ съ юнге-

ровъ, такъ намъ лучше знать Ивана Кузьмича, чѣмъ кому-нибудь другому.

— Вы всегда его хвалите, а за что же его изъ службы выгнали?

— Какъ выгнали?

— Такъ выгнали.

Пионова засмѣялась принужденнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! чего не выдумаютъ. Ивана Кузьмича выгнали! Ивана Кузьмича!... — воскликнула она такимъ тономъ, какъ будто бы это было такъ же невозможно, какъ самому себѣ състь на колѣна. — Слышите, Марья Виссаріоновна, что еще сочинили? вы хорошо знаете причину, по которой Иванъ Кузьмичъ оставилъ службу, и его будто бы выгнали! Ха, ха, ха...

— Сочиняете болѣе всѣхъ вы! — возразилъ Леонидъ.

Пионова только пожала плечами.

— Леонидъ Николаичъ какое-то особенное удовольствіе находитъ говорить мнѣ дерзости. Не знаю, чѣмъ подала я поводъ, — сказала она, покачавъ грустно головою.

— Ты выводилъ наконецъ меня изъ терпѣнія, Леонидъ! — проговорила грозно Марья Виссаріоновна. — Царь небесный! что я за несчастная женщина, всю жизнь должна отъ всѣхъ страдать, — прибавила она и начала плакать.

— Успокойтесь, Марья Виссаріоновна, умоляю васъ, пощадите вы себя для маленькихъ вашихъ дѣтей. Леонидъ Николаичъ такъ только сказалъ, онъ не будетъ болѣе васъ разстраивать.

— Разстраиваете вы, а не я, — перебилъ тотъ.

— Перестань, Леонидъ!—воскликнула опять Марья Виссаріоновна. — Душечка, Лизавета Николаевна, скажите ему, чтобъ онъ ушелъ; онъ меня въ гробъ положить.

— Cher Leonide, ayez pitié de votre mère, — произнесла Піонова своимъ отвратительнымъ голосомъ, которому старалась придать умоляющее выраженіе.

Леонидъ всталъ и, хлопнувъ дверьми, ушелъ, оставивъ меня въ самомъ щекотливомъ положеніи. Марья Виссаріоновна продолжала плакать. Піонова ее уѣшала. Я такъ растерялся, что рѣшительно не находился, оставаться ли мнѣ или уйдти. Вдругъ дверь отворилась, явился Иванъ Кузьмичъ и явился, какъ ни въ чемъ не бывало: кромѣ красноты глазъ и небольшой опухлости въ лицѣ, и слѣда не оставалось утренней попойки. Піонова сначала сконфузилась, но увидѣвъ, что Марасѣвъ въ обыкновенномъ состояніи, насмѣшливо взглянула на меня. Марья Виссаріоновна отерла слезы и ласково поклонилась гостю. Иванъ Кузьмичъ, раскланявшись съ дамами, подалъ мнѣ дружески руку. Не помню, какъ я просидѣлъ еще нѣсколько времени, какъ поклонился всѣмъ и пошелъ къ Леониду, котораго засталъ сидящимъ за столомъ. Онъ схватилъ себя за голову и, кажется, плакалъ. Я не хотѣлъ его еще болѣе волновать и потому молча простился съ нимъ и уѣхалъ.

V.

Наступилъ май мѣсяцъ; мнѣ предстоялъ выпускной экзамень; скоро я долженъ былъ проститься и съ университетомъ, и съ Москвою, и съ моими Вань-

ковскими. Судьба Лидіи Николаевны рѣшена окончательно: она помолвлена за Марасѣва, хотя объ этомъ и не объявляютъ. Свадьба, вѣроятно, будетъ скоро, потому что готовятъ уже приданое. Піонова торжествуетъ и пріѣзжаетъ разъ по семи въ день.

Марья Виссаріоновна еще болѣе подчинилась пріятельницѣ; какъ проснется, такъ и посылаетъ за нею. Марасѣвъ, говорятъ, нанялъ щегольскую квартиру; онъ рѣшительно цвѣтетъ и цѣлые дни у Ваньковскихъ. Лицо его сдѣлалось менѣ опухло и красно. Лидія Николаевна не принимаетъ никакого участія въ хлопотахъ о своей свадьбѣ, но съ женихомъ ласкова. Иногда мнѣ досадно на нее, а чаще жаль; мы съ ней почти не видимся, хоть я и бываю у нихъ почти каждый день; она какъ-будто бы избѣгаетъ меня. Леонидъ, по наружности, спокоенъ. Меня очень радуетъ, что онъ началъ заниматься, и тутъ только я увидѣлъ, какими блестящими способностями онъ надѣленъ былъ отъ природы. Въ двѣ недѣли онъ прошелъ съ самыми легкими отъ меня пособіями весь гимназическій курсъ математики и зналъ его весьма удовлетворительно. О свадьбѣ сестры онъ говорилъ мало. Я разъ его спросилъ, передавалъ ли онъ Лидіи Николаевнѣ, что мы узнали о ея женихѣ, онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и просилъ меня не проговориться; а потомъ рассказалъ мнѣ, что Иванъ Кузьмичъ знаетъ отъ Піоновой весь нашъ разговоръ объ немъ и по этому случаю объяснился съ Марьей Виссаріоновной, признался ей, что дѣйствительно былъ тогда навеселѣнъ; но далъ ей клятву во всю жизнь не брать капли вина въ ротъ, и что одинъ изъ

ихъ знакомыхъ, по просьбѣ матери, вѣдиль къ бывшему его полковому командиру и спрашивалъ объ немъ, и тотъ будто бы увѣрялъ, что Иванъ Кузьмичъ добрѣйшій въ мірѣ человекъ. Все бы это было хорошо, только, кажется, Леонидъ мало этому вѣрилъ, да и у меня лежало на сердцѣ тяжелое предчувствіе; внутренній голосъ говорилъ мнѣ: быть худу, быть бѣдамъ!

Марья Виссаріоновна, сердившаяся на сына, сердилась и на меня. Во все это время, она со мною не кланялась и не говорила; но вдругъ, однажды, когда я сидѣлъ у Леонида, она прислала за мною и просила, если я свободенъ, придти къ ней. Леонидъ усмѣхнулся. Я пошелъ. Она приняла меня съ необыкновеннымъ радушіемъ и, чего прежде никогда не бывало, сама предложила мнѣ курить.

— Я васъ давно хотѣла спросить,—начала она:— что Леонидъ видно совсѣмъ отъ меня хочетъ отторгнуться?

— Почему же вы это думаете? — спросилъ я ее наоборотъ.

— Потому что я его совсѣмъ не вижу: что онъ этимъ хочетъ показать?

— Онъ думаетъ, что вы сердитесь на него за послѣднее объясненіе, въ которомъ и я участвовалъ.

— Я не могла тогда не разсердиться: онъ слишкомъ забылся.

— Чѣмъ же онъ забылся? Онъ говорилъ только по искреннему желанію добра Лидіѣ Николаевнѣ.

— По искреннему желанію добра Лидіѣ Николаевнѣ? Да чѣмъ же вы, господа, послѣ этого меня

считаете? Неужели же я меньше Леонида и васъ желаю счастья моей дочери, или я такъ глупа, что ничего не могу обсудить? Никто изъ моихъ дѣтей не можетъ меня обвинить, чтобы я для благополучія ихъ не забывала самой себя, — проговорила Марья Виссаріоновна съ важностію.

Я увѣренъ, что этотъ монологъ сочинила ей Піонова, и всѣ эти мысли подобнаго материнскаго самодовольства она ей внушила.

— Я удивляюсь, — продолжала Марья Виссаріоновна: — я прежде никогда въ поступкахъ Леонида не замѣчала ничего подобнаго, и не знаю, откуда онъ пріобрѣлъ такія правила.

Я понималъ, что это было сказано на мой счетъ.

— Вы съ нимъ дружны, — отнеслась она потомъ ко мнѣ прямо: — растолкуйте ему, что такъ поступать съ матерью грѣшно.

— Леонидъ Николаичъ и безъ моихъ наставленій васъ любить и уважаетъ, — возразилъ я.

— Отчего жъ онъ убѣгаетъ меня? Вы сами имѣете матушку, каково бы ей было, если бы вы не захотѣли видѣть ее? И что это за фарсы? Сидитъ въ своемъ кабинетѣ, какъ запертый, болѣе мѣсяца не выходитъ сюда. Мнѣ совѣстно всѣхъ своихъ знакомыхъ. Всѣ спрашиваютъ: что это значить, что его не видать? и что же я могу на это сказать?

«Не всѣ знакомые, а только Піонова спрашиваетъ тебя объ этомъ, потому что ей скучно безъ Леонида», — подумалъ я.

— Леонидъ Николаичъ придетъ сейчасъ, если вы ему прикажете, — сказалъ я вслухъ.

— А если не придетъ?

— Придетъ-съ.

— Нѣтъ, я вижу, вы его не знаете: онъ очень упрямъ. Поспоримте, что не придетъ.

— Извольте.

— Сходите сами, и увидите.

Я пошелъ, сказалъ Леониду, и онъ, какъ я ожидалъ, тотчасъ же пришелъ со мною. Марья Виссарионовна было это пріятно, отчасти потому, что, любя сына, ей тяжело было съ нимъ ссориться, а болѣе, я думаю, потому, что она исполнила желаніе своего друга Пюновой и помирилась съ Леонидомъ. Однако удовольствіе свое она старалась скрыть и придавала своему лицу насмѣшливое выраженіе.

— Я сейчасъ о тебѣ спорила, — начала она.

Леонидъ молчалъ.

— Я говорила, что ты не придешь.

— Нѣтъ-съ, я пришелъ, — отвѣчалъ Леонидъ.

— Отчего же ты такой нахмуренный? все еще изволишь на меня гнѣваться?

— Я не гнѣваюсь, а вступался только за сестру. За что надобно на меня сердиться — вы ничего, а гдѣ я не виноватъ — сердитесь.

— Я ни за что на тебя не могу сердиться. Тебѣ стыдно быть въ отношеніи меня такимъ неблагодарнымъ.

Леонидъ молчалъ.

— Я не могу понять, — продолжала Марія Виссарионовна: — съ чего ты взялъ такъ о Лидѣ беспокоиться: она сама выбрала эту партію.

— Никогда бы она не выбрала, если бы вы два года не настаивали и не требовали бы отъ нея этой жертвы.

— Оставимъ, Леонидъ, этотъ разговоръ; если ты пришелъ сердить меня, такъ лучше было бы тебѣ не приходиться.

— Я васъ и не думаю сердить, а только говорю, и всегда скажу, что выдать Лиду за этого чловѣка, значить, погубить ее.

Марья Виссаріоновна усмѣхнулась.

— Онъ глупъ... пьянъ,—продолжалъ Леонидъ: — состояніе у него никто не знаетъ какое.... пугаетъ насъ своимъ векселемъ, который при нашихъ дѣлахъ ничего не значить; а если, наконецъ, нужно съ нимъ расплатиться, такъ пусть лучше продадутъ все, только бы съ нимъ развязаться.

Желая поддержать Леонида, я тоже вмѣшался.

— За Ивана Кузьмича выдать не только Лидію Николаевну, но и всякую дѣвушку есть рискъ: это мнѣніе объ немъ общее, — мнѣніе, которое мнѣ высказалъ его товарищъ, въ первый разъ меня увидѣвшій.

Марья Виссаріоновна молчала. Наши представленія начинали ее колебать, инстинктъ матери говорилъ за насъ, и, можетъ быть, мы много бы успѣли предѣлать, но Піонова подоспѣла во-время. Марья Виссаріоновна еще издали услышала ее походку и сразу измѣнилась: ничего намъ не отвѣтила, и, когда та вошла, тотчасъ же увела ее въ спальню, боясь, конечно, чтобы мы не возобновили нашего разговора,

На другой день я спросилъ Леонида, нѣтъ ли какихъ послѣдствій нашего объясненія.

— Никакихъ; со мною мать ласкова, — отвѣчалъ онъ.

— А объ Лидіи Николаевнѣ что говорить?

— Поетъ старыя пѣсни; ничего тутъ не сдѣлаешь.

Я съ своей стороны тоже убѣдился, что дѣйствовать на Марію Виссаріоновну было совершенно бесполезно; но что же наконецъ сама Лидія Николаевна, что она думаетъ и чувствуетъ? Хотя Леонидъ просилъ меня не говорить съ нею о женихѣ, но я рѣшился, при первомъ удобномъ случаѣ, если не разспросить ее, то по крайней мѣрѣ заговорить и подмѣтить, съ какимъ чувствомъ она относится къ предстоящему ей браку; наружному спокойствію ея я не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что она худѣла съ каждымъ днемъ.

Экзамень кончился, оставалась всего недѣля до моего отъѣзда изъ Москвы. Я пришелъ къ Леониду съ ранняго утра и обѣдалъ у него. Часу въ седьмомъ Марья Виссаріоновна съ женихомъ уѣхала на Кузнецкій мостъ. Леонидъ пошелъ въ гостиную, я за нимъ: онъ сѣлъ за рояль и началъ одну изъ сонатъ Бетховена. Я часто слыхалъ его игру и вообще любилъ ее, но никогда еще она не производила на меня такого глубокаго впечатлѣнія; Леонидъ игралъ въ этотъ разъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ будто бы наболѣвшее сердце его хотѣло все излиться въ звукахъ. Вошла Лидія Николаевна.

— Я пришла послушать брата, — сказала она и сѣла около меня.

Леонидъ продолжалъ играть и не обращалъ на насъ вниманія.

— Вы скоро ѣдете?—спросила меня Лидія Николаевна вполголоса.

— Черезъ недѣлю.

— Не забывайте насъ; мнѣ жаль брата, онъ очень васъ любитъ и станетъ скучать безъ васъ.

— Что дѣлать, будемъ хотя изрѣдка переписываться, — сказалъ я.

Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Вы слышали, я замужь выхожу?—начала Лидія Николаевна совсѣмъ тихимъ голосомъ.

— Слышалъ.

— Вамъ нравится мой выборъ?

Я молчалъ.

— Онъ очень хорошій человекъ.

Я молчалъ.

— Я ему давно нравлюсь.

— Еще бы вы ему не нравились, — сказалъ я наконецъ.

Въ голосѣ моемъ противъ воли слышалась досада.

— Скоро свадьба? — прибавилъ я.

— Не знаю.

— Гдѣ вы будете постоянно жить?

— Тоже не знаю, ничего не знаю... За что маменька сердится на брата?

— За васъ.

— Ахъ, Боже мой! я это предчувствовала. Уговорите его, пожалуйста, чтобы онъ ее не сердилъ: у нея горя много и безъ васъ.

— Онъ ни въ чемъ не виноватъ; я на его мѣстѣ сдѣлалъ бы больше, — возразилъ я.

— Что же бы вы сдѣлали?

— Я бы за васъ сталъ дѣйствовать.

— А если бы я васъ не послушалась?

— Не думаю.

— Нѣтъ, не послушалась бы; я бы, можетъ быть,

согласилась съ вами, но не послушалась бы, потому что не могу собой располагать.

Мы опять молчали.

— Сколько я преданъ вашему семейству, — началъ я: — какъ искренно люблю вашего брата и какъ желаю вамъ счастья: это видитъ Богъ!... и увѣренъ, что изъ васъ выйдетъ кроткая, прекрасная семьянинка, но будущаго вашего мужа не знаю.

— Онъ любить меня.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? и наконецъ, любите ли вы сами его?

— Я привыкла къ мысли — быть его женою и уважаю его за постоянную дружбу къ намъ.

— Лидія Николаевна, не обманываете ли вы себя? Иванъ Кузьмичъ вамъ не пара: когда-то вы мнѣ сказали, что выйдете замужъ по расчету, потому что это удобнѣе, тогда я не повѣрилъ вашимъ словамъ.

— Какъ вы все помните.

— Это не трудно, потому что вижу подтвержденіе вашихъ словъ, хотя все-таки не могу допустить той мысли, чтобы вами руководствовало столь ничтожное чувство.

— Отчего же?

— Оттого, что оно прилично только самымъ пустымъ женщинамъ, которыя сами не способны любить, да и ихъ никто не полюбитъ.

— А если я именно такая женщина?

— Если вы такая женщина, то смотрите остерегитесь и не ошибитесь въ расчетъ.

— Нѣтъ, я не такая: не обвиняйте меня, вы многого не знаете.

— Все знаю, — возразилъ я: — и все таки васъ обвиняю... — хотѣлъ было добавить, но, взглянувъ на Лидію Николаевну, остановился: у ней были полныя слезъ глаза. Леонидъ тоже взглянулъ на насъ, пересталъ играть, всталъ и увелъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

— Что вы такое говорили съ Лидой? — спросилъ онъ.

Я рассказалъ ему отъ слова до слова: ему было непріятно.

— Зачѣмъ? Не говорите ей болѣе: будетъ съ нею и безъ нашихъ словъ, — сказалъ онъ и вздохнулъ.

VI.

Я видѣлъ послѣ этого Лидію Николаевну всего одинъ разъ и то на парадномъ вечерѣ, который хотя и косвенно, но идетъ къ главному сюжету моего разсказа. Получивъ приглашеніе, я сначала не хотѣлъ ѣхать, но меня уговорилъ Леонидъ, отъ котораго мать требовала, чтобы онъ непременно былъ тамъ.

Мы пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ и застали довольное число гостей. Квартиру Иванъ Кузьмичъ нанялъ дѣйствительно щегольскую и прекрасно ее меблировалъ. Надобно сказать, что я, человекъ вовсе не щепетильный, бывалъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ провинціи; жывалъ въ столицѣ въ номерахъ, посѣщалъ очень незавидные трактиры, но такихъ странныхъ гостей, какихъ созвалъ Иванъ Кузьмичъ, я рѣдко встрѣчалъ. Дамы были какія-то особеннаго свойства, не говоря уже о предметахъ ихъ разговоровъ, о способѣ выраже-

нiя, самая наружность ихъ и костюмы были удивительные: у одной, на примѣръ, дамы, среднихъ лѣтъ, на лицѣ было до восьми бородавокъ; другая, должно быть, дѣвица, была до того худа, что у ней, между собственною ея спиною и спинкою платья, имѣлся необыкновенной величины промежутокъ, какъ-будто бы спина была выдолблена. Третья, повидимому, ея прiятельница, высокая, набѣленная, нарумяненная, дама или дѣвица, трудно догадаться, сидѣла молча, вытянувшись, какъ-будто бы проглотила аршинъ, и только обводила всѣхъ большими сѣрыми глазами. Мужчины тоже не лучше: особенно обратилъ на себя мое вниманiе одинъ господинъ, гладко причесанный съ закругленными висками и сильно надушенный паучьями. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату и чрезвычайно внимательно разсматривалъ столовые бронзовые часы, карманные часы, стоявшiе въ футлярѣ на столикѣ, горку съ серебромъ, поставленную въ гостиной, даже оглядывалъ бронзовый замокъ у двери и пробовалъ рукою доброту матерiй на драпировкѣ, и кромѣ того безпрестанно пилъ лимонадъ, какъ бы желая успокоить взволнованную созерцанiемъ цѣнныхъ вещей кровь. «Что такое и для чего онъ это дѣлаетъ?» подумалъ я, и мнѣ пришло въ голову смѣшное подозрѣнiе, что онъ разсматривалъ съ цѣлью украсть что-нибудь. Въ числѣ гостей имѣлся и купецъ, какъ можно было это заключить по длиннополому сюртуку, бородѣ и прическѣ въ скобку, но купецъ не русскiй, потому что его черные, курчавые волосы и черное лицо напоминали цыганскiй типъ. Съ нимъ толковалъ вполголоса маленькiй, плѣшивый, въ потертомъ фракѣ, господинъ и толко-

валъ съ большимъ одушевленіемъ; онъ то шепталъ ему на ухо, то высчитывалъ по пальцамъ, взмахивалъ руками и становился фертомъ; но купецъ, видно, мало сдавался на его убѣжденія; фізіономія его какъ будто бы говорила: охота тебѣ, баринъ, надсажаться, меня не своротишь, я свое знаю и безъ тебя.

Большая часть этихъ гостей обращалась съ хозяиномъ безъ всякой церемоніи и даже называли его разными родственными именами: дама съ бородавками именовала его племянникомъ, худощавая дѣвица — кузеномъ, нарумяненная дама или дѣвица — кумомъ, чиновникъ — сватомъ, господинъ, осматривавшій цѣнныя вещи — братомъ.

Я началъ разспрашивать обо всѣхъ этихъ господахъ бывшего тутъ же желтолицаго поручика, который попрежнему курилъ и попрежнему ядовито на всѣхъ посматривалъ. Онъ впрочемъ зналъ только троихъ и объяснилъ мнѣ, что купецъ — лошадиный барышникъ, высокая дама или дѣвица, называющая Ивана Кузьмича кумомъ, будто бы многимъ кума, и удивился, почему я ее не знаю, тогда какъ у ней есть шляпный магазинъ. Посреди этого общества, Піонова была рѣшительно лучше всѣхъ. Разряженная какъ на балъ, она, должно быть, никакъ не ожидала, что Иванъ Кузьмичъ назоветъ такихъ неинтересныхъ гостей; сначала она всѣхъ оглядывала, дѣлала гримасы, и наконецъ, заключила тѣмъ, что не стала обращать ни на кого вниманія и устала, не отводя глазъ, темный взоръ на сидѣвшаго въ углу Леонида. Мужъ ея, какъ колосъ родосскій, вышался надъ всѣми въ сосѣдней комнатѣ; онъ игралъ тамъ въ карты. Ваньковская съ дочерью при-

Въехала довольно поздно. Иванъ Кузьмичъ ввелъ ихъ въ гостиную съ торжествомъ. Марья Виссаріоновна, какъ Піонова, осмотрѣла всѣхъ, переглянулась съ пріятельницею и усѣлась рядомъ съ нею. Затѣмъ послѣдовала смѣшная и досадная сцена: дама съ бо-родавками, худощавая дѣвица и господинъ во фракѣ, вдругъ вздумали рекомендоваться Ваньковскимъ, и не Марья Виссаріоновнѣ, а Лидіѣ Николаевнѣ — съ просьбою, чтобы она ихъ полюбила и не оставила на будущее время своимъ знакомствомъ и расположе-ніемъ. Бѣдная дѣвушка переконфузилась и не знала что отвѣчать и куда глядѣть.

Вскорѣ за Ваньковскими, Иванъ Кузьмичъ привелъ еще новаго гостя, но этотъ былъ совсѣмъ другаго рода: мужчина лѣтъ тридцати, прекрасно сложенный, съ матовымъ цвѣтомъ лица, брюнетъ, но съ голубыми глазами, одѣтый франтомъ, однимъ словомъ совсѣмъ красавецъ.

— Петръ Михайлычъ, — проговорила, при входѣ его, Лидія.

— Ахъ, ш-г Курдюмовъ! давно ли вы здѣсь? — воскликнула Марья Виссаріоновна.

— Не болѣе двухъ часовъ, какъ вѣхалъ въ за-ставу; былъ сейчасъ у васъ, — отвѣчалъ гость, садясь около Лидіи Николаевны.

— И тамъ, вѣроятно, вамъ сказали, что Марья Виссаріоновна у меня, — вмѣшался Иванъ Кузьмичъ.

— Да, отвѣчалъ гость и отнесся къ Леониду: — *Bon soir, cher Léonide!*

Леонидъ кивнулъ ему головой.

— Вы теперь откуда? — спросила его Марья Виссаріоновна.

— Теперь изъ Петербурга.

— Долго тамъ изволили быть? — вмѣшался опять Иванъ Кузьмичъ.

— Нѣтъ, нѣсколько дней.

— Гдѣ жъ вы были этотъ годъ? — сказала Марья Виссаріоновна.

— Въ деревнѣ.

— И не скучали? — спросила Лидія.

— Я скучалъ въ томъ отношеніи, что мои милые сосѣди не жили въ деревнѣ.

— Намъ иныче хотѣлось, очень хотѣлось пожить въ нашихъ мѣстахъ, но никакъ не возможно было по моимъ несноснымъ дѣламъ, — подхватила Марья Виссаріоновна.

— У васъ такъ много занятій, что вамъ, я думаю, и безъ сосѣдей не скучно, — замѣтила Лидія.

— Нѣтъ, я скучалъ, — отвѣчалъ Курдюмовъ.

Такъ это сосѣдъ Ваньковскихъ, подумалъ я, а на первый взглядъ онъ мнѣ показался иностранцемъ. Я ожидалъ, что это какой-нибудь итальянскій пѣвецъ-музыкантъ или французъ путешественникъ, потому что въ произношеніи его и въ самыхъ оборотахъ рѣчи слышалось что-то не-русское, какъ будто бы онъ думалъ на какомъ-то иностранномъ языкѣ, а на русскій только переводилъ.

Затѣмъ все пошло обыкновеннымъ порядкомъ. Піонова, должно быть, видѣла Курдюмова въ первый разъ и, желая его заинтересовать собою, начала къ нему безпрестанно обращаться съ различными фразами и вопросами на французскомъ языкѣ, дѣлая страшныя ошибки и несносно произнося. Курдюмовъ отвѣчалъ ей вѣжливо, но коротко и все заго-

вариваль или съ Лидіей, или съ Марьей Виссаріоновной. Иванъ Кузьмичъ былъ тоже очень смѣшонъ въ обращеніи съ Курдюмовымъ: онъ безпрестанно его угощаль то чаемъ, то конфектами, то сигарами, и тотъ отъ всего отказывался.

Ужинъ былъ накрытъ на маленькихъ столикахъ: я съ Леонидомъ случайно очутился за однимъ столомъ съ Піоновымъ, его партнерами и желтолицымъ поручикомъ. Здѣсь я въ первый разъ въ жизнь мою видѣлъ на Піоновѣ, сколько одинъ человекъ можетъ выпить безъ всякихъ признаковъ опьянѣнія. Въ продолженіе вечера, находясь, по его выраженію, подъ дирекціею супруги, онъ постничаль и выпилъ только рюмокъ пять доппелькюмеля, но за ужиномъ вознаградилъ себя сторицею. Насмѣшливый поручикъ замѣтилъ ему, что на столѣ мало вина, котораго стояло четыре бутылки.

— Мало, самъ вижу, что мало. Благодарю васъ, молодой человекъ, что вы меня понимаете. Въ старые годы не такъ бывало: мы выпивали, что глазомъ окинешь, а нынче подадутъ, что одною рукою поднимешь, да и думаютъ, что угостили хорошо. Это, какъ я вижу, все конфекты; ну, конфектами мы послѣ займемся,—отвѣчалъ Сергѣй Николаичъ.—Эй ты, севильскій цирюльникъ, отнеси онъ къ официанту, подай-ка сюда господина квартирмейстера—ромашки,—и затѣмъ объяснивъ, что ромъ онъ называетъ квартирмейстеромъ, потому что онъ въ желудкѣ приготовляетъ квартиру къ воспріятію дальнѣйшаго, выпилъ залпомъ стаканъ квартирмейстера, крикнулъ и съѣлъ кусокъ хлѣба.

— Теперь хорошо: испаринка началась, теперь

можно и поѣсть, — продолжалъ онъ, и, отваливъ себѣ на тарелку три звена бѣлорыбцы, съѣлъ все это въ минуту, какъ яйцо въ смятку.

Леонидъ началъ угощать Сергѣя Николаича и налилъ ему въ стаканъ хересу; это онъ дѣлалъ, какъ я увѣренъ, въ досаду Пюновой.

— Развѣ ужъ для тебя, душа?... я тебѣ пророчу, что изъ тебя выйдетъ современемъ превосходный пьяница, — отвѣчалъ Пюновъ и выпилъ хересь.

Поручикъ и партнеры Пюнова просили его выпить и для нихъ.

— И для васъ? извольте, я готовъ услужить каждому, а себѣ въ особенности, — порѣшилъ Сергѣй Николаичъ, и еще выпилъ отъ каждаго по стакану и началъ ѣсть.

— Вы, господа, — говорилъ онъ: — сами не пейте, вы люди молодые; это можетъ войти въ привычку: въ обществѣ это не принято; я самъ тоже терпѣть не могу вина и, когда увижу его, тотчасъ стараюсь уничтожить, что я и сдѣлаю съ этимъ шато-марго.

И дѣйствительно сдѣлалъ: бутылки какъ не бывало. Вошелъ Иванъ Кузьмичъ.

— Господа, пожалуйста кушайте. Что ты, Сергѣй Николаичъ, выпилъ бы чего-нибудь, — сказалъ онъ.

— Да что, братъ, пить? пить-то у тебя нечего: вотъ на столѣ поставлены были четыре бутылки; молодые люди все выпили, а мнѣ старику ничего и не досталось.

— Я велю сейчасъ подать.

— Да, да, вели; не щади меня, душа моя, я не стою твоего сожалѣнія. А самъ то что?... Хоть бы

понюхаль, братецъ. На! понюхай, славно вѣдь пахнетъ.

— Не могу, братецъ, нынче, —отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ и ушелъ, чтобы приказать еще подать вина.

Пионовъ продолжалъ пить и ѣсть, толкуя въ то же время, что рюмками не слѣдуетъ пить, такъ какъ это сосудъ для женщинъ, потому что онѣ съ тоненькими таліями и женскаго рода.

Его никто уже не слушалъ. Мы переглянулись съ Леонидомъ и вышли въ залу, гдѣ ужинали дамы. Курдюмовъ сидѣлъ рядомъ съ Лидіей Николаевной и что-то ей рассказывалъ; Иванъ Кузьмичъ стоялъ у нихъ за стульями. Послѣ ужина, Пионова вдругъ сѣла рядомъ съ Леонидомъ.

— Леонидъ Николаичъ, доведите меня домой; Сержъ, вѣроятно, останется въ карты играть, а я ужасно устала.

— Я съ нимъ пріѣхалъ, —отвѣчалъ Леонидъ, указывая на меня.

— Онъ, вѣроятно, будетъ такъ добръ, что доѣдетъ съ кѣмъ-нибудь.

— Нѣтъ, нельзя, я къ нему ѣду.

— Вы все попрежнему нелюбезны, неисправимый человекъ, проговорила она и задумалась.

Леонидъ отошелъ отъ нея.

Ваньковскія вскорѣ уѣхали; ихъ провожали Иванъ Кузьмичъ и Курдюмовъ; послѣдній пожалъ дружески руку Лидіи Николаевны и застегнулъ ея манто.

— Курдюмовъ, видно, хорошо знакомъ съ ва-

шими?—сказалъ я Леониду, когда мы сѣли въ экипажъ.

— Знакомъ: въ деревнѣ часто къ намъ ѣздилъ...
Не люблю я его.

— А что?

— Антипатиченъ, а поеть не дурно.

— Поеть не дурно?

— Да...

Леонидъ у меня ночевалъ. На другой день, я совсѣмъ уѣхалъ изъ Москвы; онъ меня провожалъ до заставы; мы братски съ нимъ обнялись и разстались.

VII.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Я думалъ уѣхать изъ Москвы навсегда, а лѣтъ черезъ пять случилось опять вернуться и вернуться на житье. Въ продолженіе этого времени, я переписывался съ Леонидомъ; онъ меня увѣдомлялъ, что желаніе Піоновой исполнилось: **Лидя** вышла за Мара-сѣва, что дѣла ихъ по долгамъ поправляются плохо, что онъ поступилъ въ университетъ, но ничего не дѣлаетъ; вообще тонъ его писемъ, а особенно послѣднихъ, былъ грустенъ, въ одномъ изъ нихъ была даже слѣдующая фраза: «опасенія наши сбываются, Лидіи нехорошо!»

Пріѣхавъ въ Москву, я не засталъ его: онъ съ Марьей Виссаріоновной и съ маленькими сестрами уѣхалъ въ деревню, а Лидія съ мужемъ жила въ Сокольникахъ; я тогда же къ нимъ отправился.

Они занимали маленькій флигель; въ первой же послѣ передней комнатѣ, я увидѣлъ Лидію Николаевну; она стояла задумавшись у окна и при моемъ приходѣ обернулась и вскрикнула. Я хотѣлъ взять у ней ручку, чтобы поцѣловать; она мнѣ подала объ: ей хотѣлось говорить, но у ней захватывало дыханіе; я тоже былъ спокоенъ.

— Сейчасъ завѣзжалъ къ Леониду, но его нѣтъ въ Москвѣ, — началъ я.

— Да, онъ уѣхалъ съ маменькой въ деревню. Ахъ Боже мой, я все еще не вѣрю глазамъ своимъ!... что же мы стоимъ?... садитесь!... Не хотите ли чего-нибудь: чаю, кофею?

— Ничего покуда, хочу только насмотрѣться на васъ... Иванъ Кузьмичъ?

— Его нѣтъ дома; онъ очень будетъ вамъ радъ, мы почти каждый день вспоминаемъ васъ, а надъ Леонидомъ даже смѣемся, что онъ въ васъ влюбленъ.

— Какъ влюбленъ?

— Рѣшительно влюбленъ; онъ слышать не можетъ, если кто-нибудь скажетъ объ васъ дурно.

— Кто же это говоритъ обо мнѣ дурно?

— Конечно, Піонова.

— Она все еще знакома съ вами?

— Да, у маменьки бываетъ часто, а ко мнѣ не ѣздитъ; Иванъ Кузьмичъ, впрочемъ, бываетъ у нихъ... Она меня, вы знаете, не любитъ, — отвѣчала Лидія. И снова взяла меня за руку и крѣпко пожала. На глазахъ у ней навернулись слезы.

— Скажите же что-нибудь про себя, — продолжала она: — гдѣ вы были, что вы дѣлали? Я нѣ-

сколько разъ спрашивала Леонида, онъ мнѣ ничего подробно не рассказывалъ, такой досадный!

— Я былъ во многихъ мѣстахъ и служилъ.

— Я думала, что вы ужь женились?

— Это почему вы думали?

— Такъ, мнѣ казалось, что вы непременно женитесь на Вѣрочкѣ Базаевой.

— Это съ чего пришло вамъ въ голову?

— Сама не знаю, а часто объ этомъ думала!

— Ошибались, я ни на Вѣрѣ Базаевой и ни на комъ не женился, а вы вотъ вышли замужъ, и потому не вамъ бы меня, а мнѣ васъ слѣдовало спрашивать.

— Развѣ я не при васъ вышла замужъ?

— Кажется.

— Ахъ да, я и забыла, это уже было такъ давно; вы однако знали, что я выхожу за Ивана Кузьмича.

— Догадывался.

— Нѣтъ, вы знали, вы даже говорили объ этомъ, и я никогда не забуду вашихъ словъ.

— Я уѣхалъ до вашей свадьбы.

— Теперь вспомнила: вы уѣхали на другой день послѣ вечера у Ивана Кузьмича. Какъ я была тогда сердита на себя; я никакъ не думала, что вы уѣдете, не простясь съ нами, я хотѣла вамъ сказать многое послѣ этого вечера.

— Скажите теперь.

— Теперь уже нечего говорить.

— Стало быть, теперь для васъ бури промчались, гроза миновалась?

— Не совсѣмъ: бури, кажется, еще только начинаются; вы гдѣ живете?

— На Тверской.

— Нѣтъ, за чѣмъ? переѣзжайте въ Сокольники.

— У меня дѣла есть въ Москвѣ.

— Ну, что дѣла!... Отсюда можно ѣздить, переѣзжайте. Богъ дастъ, пріѣдетъ Леонидъ, намъ будетъ очень весело. Переѣзжайте.

Я согласился.

— А сегодня у насъ отобѣдаете?

— Если вамъ угодно.

— Да, непременно, я васъ познакомлю съ моею belle-soeur, сестрою Ивана Кузьмича.

— Она не въ родѣ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ у него на вечерѣ?

— О, нѣтъ; то родня его съ отцовской стороны, а эта совсѣмъ другая; очень умная дѣвушка, она вамъ понравится.

Такъ говорила Лидія Николаевна, и я не спускалъ съ нея глазъ. Она мнѣ очень обрадовалась, но въ то же время видно было, что къ этой радости примѣшивалось какое-то безпокойство. Въ ея, повидимому, безпечномъ разговорѣ было что-то лихорадочное какъ будто бы она хотѣла заговорить меня и скрыть то, что у ней лежало на сердцѣ. Подозрѣнія мои еще болѣе подтвердились, когда она потомъ вдругъ задумалась и какъ-то мрачно задумалась, такъ что тяжело и грустно было видѣть ее въ этомъ положеніи. Я началъ между тѣмъ осматривать комнату, въ которой сидѣлъ. Квартира была слишкомъ небогатая, не смотря на то, что, повидимому, были употреблены всѣ усилія, чтобъ скрыть ея недостатки

хоть сколько-нибудь принарядить бѣдное помѣщеніе. На грязныхъ и невысокихъ окнахъ стояли прекрасныя цвѣты; мебель, врядъ ли обитую чѣмъ-нибудь, покрывали изъ толстаго коленкора бѣлыя чохлы; не крашеный полъ былъ вымытъ какъ стеклышко.

Вошла бѣлокурая дѣвушка въ локонахъ, собою не хороша и не молода, но въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, въ голубомъ поясѣ и съ книгою въ рукахъ. Я тотчасъ же догадался, что это М-ше Марасѣва, и не ошибся. Лидія Николаевна познакомила насъ и сказала, что я другъ Леонида и былъ съ нею очень друженъ, когда она была еще была въ дѣвушкахъ. М-ше Марасѣва жеманно поклонилась мнѣ, сѣла и развернула книгу.

— У насъ никто не былъ? спросила она.

— Нѣтъ, никто, — отвѣчала Лидія Николаевна.

— Ужасная тоска; я вчера отъ скуки принималась нѣсколько разъ хохотать и плакать.

— Сейчасъ кто-то подѣхалъ, — сказалъ я, увидѣвъ, что на дворъ вѣхалъ красивый фаэтонъ.

М-ше Марасѣва вскочила и взглянула въ окно.

— Петръ Михайлычъ, — проговорила она; голосъ ея дрожалъ.

Я взглянулъ на Лидію Николаевну, она тоже вспыхнула

— Курдюмовъ? — спросилъ я ее.

— Да; ахъ, какая досада! я не одѣта.

— А онъ развѣ здѣсь же живетъ?

— Да, въ Сокольниковѣхъ. Прими его, Надина: я уйду. Какъ рано вѣдуть, — проговорила Лидія Николаевна и ушла

Курдюмовъ вошелъ изъ противоположныхъ две-

рей; онъ былъ въ легонькомъ пальто, галстукъ болотнаго цвѣта, въ пестрыхъ невыразимыхъ и превосходномъ бѣльѣ. Еще болѣе сталъ походить на иностранца.

— Bon jour, mademoiselle Nadine, проговорилъ онъ, подавая ей руку.

— Bon jour, — отвѣчала та, пожимая его руку съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— Madame est à la maison? — спросилъ онъ.

— Elle va venir à l'instant.

Усѣвшись, Курдюмовъ началъ оглядывать свое пальто, сапоги, которые точно удивительно блестяли, потомъ натянулъ еще плотнѣе на правой рукѣ перчатку и наконецъ, прищурившись, началъ внимательно разсматривать висѣвшій на стѣнѣ рисунокъ, изображавшій травлю тигровъ.

— Commeil fait beau aujourd' hui, сказала Надина.

— Oui, — отвѣчалъ Курдюмовъ, не измѣняя своего положенія.

«Зачѣмъ этотъ господинъ живетъ въ Сокольникахъ и ѣздитъ, какъ видно, довольно часто къ Ивану Кузьмичу,» думалъ я: «не можетъ быть, чтобы онъ находилъ удовольствіе въ сообществѣ съ хозяиномъ; но если предположить, что онъ это дѣлаетъ по старому знакомству, или просто отъ некуда дѣваться, то врядли старое знакомство можетъ имѣть цѣну въ глазахъ его, а чтобы ему некуда было дѣваться въ Москвѣ, тоже невозможно. Обѣ дамы ожидали его пріѣзда и обѣ, каждая по своему, встревожились.

— Вы вчера не были на гуляньѣ? — сказала Надина.

— Non, — отвѣчалъ Курдюмовъ.

— А зачѣмъ же третьяго дня вы обѣщали?

— Que faire donc. J'avais des lettres à écrire pour la campagne... Васъ тоже не было, вы ѣздили въ Москву.

— Одна только Лида, а я цѣлый день была дома и ужасно скучала, на гулянье пошла злая, презлая... Къ счастью, попался Занатскій, и мы съ нимъ пересмѣяли всѣхъ. Онъ очень милый молодой человекъ, и я начинаю его съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе любить.

— О!... любить!... Это немножко досадно, — проговорилъ Курдюмовъ, въ голосъ его слышалась скрытная насмѣшка.

— Вамъ досадно? не вѣрю, для васъ не можетъ быть это досадно, — возразила Надина.

— Отчего же не можетъ быть? спросилъ Курдюмовъ съ удареніемъ и протяжно.

— А!... если это такъ, такъ это очень лестно, воскликнула m-lle Марасѣева: — вы знаете, я очень самолюбива и начинаю думать, что вы завидуете Занатскому, который имѣетъ счастье мнѣ нравиться.

— Можетъ быть.

— Ваши *можетъ быть* — несносны; я ненавижу ничего неопредѣленнаго; для меня: *можетъ быть* — хуже, чѣмъ *нѣтъ*.

— Какой вы имѣете рѣшительный характеръ.

— О! да; и не я одна; мы всѣ женщины гораздо рѣшительнѣе васъ, господъ мужчинъ, присвоившихъ себѣ, не знаю къ чему, имя героевъ, характеръ твердый, волю непреклонную; мы лучше васъ, мы

способны глубже чувствовать, постоянно же любить и даже храбрѣе васъ.

Курдюмовъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ разсматривать картину.

— Вопросъ, кто лучше — мужчины или женщины довольно старый, — вмѣшался я.

— Однако онъ еще не рѣшенъ, отозвалась Надина.

— Всякій рѣшаетъ его по-своему, — отвѣчалъ я.

— Вы думаете? Ахъ, позвольте! мнѣ это напомнило очень смѣшной анекдотъ: когда я жила въ Калугѣ, мы съ однимъ молодымъ человѣкомъ цѣлый вечеръ спорили объ этомъ до того, что начали сердиться другъ на друга. Вдругъ прѣзжаетъ докторъ. — чудо, какой умный человѣкъ, и ужасный острякъ. Я обращаюсь къ нему почти со слезами на глазахъ и говорю: «Иванъ Васильичъ! Бога ради скажите намъ скорѣе, кто хуже: мужчины или женщины? Онъ вдругъ не задумавшись и очень серьезно отвѣчаетъ: оба хуже! Я покатила съ смѣху, молодой человѣкъ тоже, а за нами всѣ, и цѣлый вечеръ повторяли: оба хуже!

М-lle Марасѣва изъ этой маленькой сцены сдѣлалась для меня совершенно понятна. Многимъ, конечно, случалось встрѣчать въ нѣкоторыхъ домахъ гувернантокъ, по своему, не глупыхъ, очень бойкихъ и чрезвычайно самолюбивыхъ, которыя любятъ говорить, спорить, острить; ѣздить всегда въ маскарады, ловко интригуютъ и вообще съ мужчинами обращаются чрезвычайно свободно и сверхъ того имѣютъ три рѣзкіе признака: не совсѣмъ пріятную наружность, достаточное число лѣтъ и необыкновенное желаніе составить себѣ партію; та быстрота и та

энергія, съ которою онѣ стремятся завоевать сердце избраннаго героя, напоминаетъ полетъ орла, стремящагося на добычу, но увы! эта энергія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, почти всегда истрачивается бесполезно. Золовка Лидіи Николаевны, на первый взглядъ, показалась мнѣ въ этомъ же родѣ. Я видѣлъ, что она преслѣдуетъ Курдюмова, но неужели и онъ ею интересуется? Странно!

Лидія Николаевна наконецъ вышла; она одѣлась очень къ лицу, такъ-что я никогда не видалъ ее столь интересною. Курдюмовъ поклонился ей съ улыбкою, въ лицѣ его отразилось удовольствіе. Кланяясь съ гостемъ, Лидія опять какъ будто вспыхнула и сѣла около меня.

— Мнѣ все не вѣрится, что вы пріѣхали,—начала она: — Аннушка моя вамъ такъ обрадовалась, точно съумасшедшая, ничего даже мнѣ не приготовила; я вовсе не знала, что она васъ такъ любитъ.

Эта Аннушка была та самая горничная, которая нѣкогда пригласила меня изъ кабинета Леонида въ гостиную къ барышнѣ.

— Мы съ Петромъ Михайлычемъ сейчасъ поспорились,—заговорила Надина: — онъ меня просто выводитъ изъ терпѣнія своими двусмысленными отвѣтами, а ты знаешь, какъ я не люблю таинственности.

— Вы часто споритесь,—отвѣчала Лидія Николаевна.

— M-me Nadine на меня сердится, а я нѣтъ,—сказалъ Курдюмовъ.

— Я сержусь, но я и прощаю, а кто прощаетъ, тотъ искупаетъ все, потому что раскаивается,—возразила Надина. — Въ этой книгѣ я нашла одну пре-

красную мысль, она мнѣ очень понравилась. По-французски теперь не помню, а порусски: легче енести брань и побои грубаго простолюдина, чѣмъ холодный эгоизмъ свѣтскаго человѣка. Это справедливо.

— Et vous, madame, avez vous lu le petit ouvrage, que je vous ai recommandé?— отнесся Курдюмовъ къ Лидіи Николаевнѣ.

— Pas encore, — отвѣчала та.

— C'est dommage, car il est plein d'esprit et de sentiment.

— Не вѣрьте ей — прочла, она взяла его у меня и вчера вечеромъ все читала.

— Гдѣ же читала? Я такъ только развернула, — возразила Лидія.

— Не скрывай, читала; а если ты не читаешь, такъ я у тебя опять возьму. Я видѣла, тутъ есть отмѣтки? Это ваши отмѣтки?

— Мои, — отвѣчалъ Курдюмовъ.

— Очень рада; непремѣнно изучу ихъ. По отмѣткамъ въ книгахъ можно судить о характерѣ человѣка, а мнѣ очень хочется разгадать вашъ характеръ.

Подали завтракъ и завтракъ довольно прихотливый. Курдюмовъ началъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Лидія Николаевна предложила мнѣ, но я отказался: мнѣ кусокъ не шелъ въ горло! вся обстановка, посреди которой я ее встрѣтилъ, мнѣ очень не нравилась: тутъ что-нибудь да скрывается.

Надина вышла въ залу, сѣла за фортепіано и начала брать аккорды.

— Иванъ Кузьмичъ рано уѣхалъ въ городъ? —

спросилъ Курдюмовъ, уставивъ глаза на Лидію Николаевну.

— Да, рано, — отвѣчала она потупившись.

— А пріѣдетъ домой сегодня?

— Я думаю.

— Вы здоровы?

— Нѣтъ, несовсѣмъ; мало спала.

— У васъ прекрасный цвѣтъ лица.

— Не знаю, — отвѣчала Лида: — я поутру чувствовала себя нехорошо, но вотъ онъ, — мой старый другъ, — пріѣхалъ, — прибавила она, беря меня за руку: — и я такъ обрадовалась, что все забыла.

Курдюмовъ покачнулъ головой.

— Петръ Михайлычъ, угодно вамъ пѣть? — проговорила изъ залы Надина.

— Je mange, mademoiselle, — отвѣчалъ Курдюмовъ.

— Спойте, — сказала Лидія Николаевна.

— Я думаю, наскучилъ вамъ своимъ пѣніемъ; я такъ много пою у васъ, что нигдѣ столько не пѣлъ.

— Вы такъ хорошо поете, васъ такъ пріятно слушать, что никогда не наскучить... Спойте!

— A l'instant, — отвѣчалъ Курдюмовъ, и пошелъ въ залу.

Лидія тоже встала и пошла, я послѣдовалъ за нею.

— Вы, попрежнему, Лидія Николаевна, любите музыку?

— Да, очень; мнѣ легче на душѣ, когда я слышу хорошую музыку: Петръ Михайлычъ прекрасно поетъ.

Курдюмовъ подошелъ и сѣлъ за рояль.

Надина кокетливо ему улыбнулась и стала у него за стуломъ. Лидія Николаевна сѣла на дальній стулъ;

я не вышелъ изъ гостиной, а сталъ у косяка, такъ что видѣлъ Лидію Николаевну, а она меня нѣтъ. Курдюмовъ запѣлъ «зачѣмъ сидишь ты до полночи у раствореннаго окна!» Онъ дѣйствительно имѣлъ довольно сильный и пріятный баритонъ, хорошую методу и нѣкоторую страстность, но въ то же время въ его пѣніи недоставало ощутительно того, чего такъ много было въ игрѣ Леонида — задумчивости!

Надина приняла театральную позу, глаза подняла вверхъ и руки вытянула, какъ бы желая представить изъ себя олицетворенный восторгъ; Лидія Николаевна сидѣла, задумавшись, и слушала съ большимъ чувствомъ. Какъ хотите, это не даромъ; пѣніе Курдюмова вовсе не было такъ ужъ увлекательно, откуда же такая симпатія?

— Какъ милъ этотъ романсъ,—заговорила Надина:— это твой любимый, Лидія, и я даже знаю, почему, ты сама такъ любишь сидѣть у окна повечерамъ.

— Съ чего ты взяла? Я никогда не спужу.

— Ахъ, mon Dieu! никогда! каждый вечеръ.

Курдюмовъ запѣлъ какую-то трудную итальянскую арію, но вдругъ остановился.

— Иванъ Кузьмичъ пріѣхалъ,—проговорилъ онъ и всталъ.

Лидія проворно пошла въ лакейскую на встрѣчу мужу, гдѣ и говорила съ нимъ довольно тихо въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Курдюмовъ нахмурился. Надина смотрѣла съ безпокойствомъ на дверь въ прихожую. Наконецъ Лидія Николаевна возвратилась, а за нею и Иванъ Кузьмичъ, одѣтый въ какую-то венгерку, съ взъерошенными волосами

и весь въ пыли. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня.

— Здравствуйте! вотъ ужь, ей-богу, неожиданный гость... совсѣмъ нечаянный... сначала не повѣрилъ, ей-богу, не повѣрилъ, какими, думаю, судьбами? а если... очень радъ, прошу покорнѣйше садиться, — говорилъ Иванъ Кузьмичъ садясь.

— Здравствуйте! — отнесся онъ къ Курдюмову: тотъ молча подалъ ему руку.

— Здоровы ли вы? — спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Благодарю, здоровъ, — отвѣчалъ Курдюмовъ.

— А вы здоровы? — отнесся Иванъ Кузьмичъ съ насмѣшливою улыбкою къ сестрѣ.

— Здорова, отвѣчала Наина, а потомъ съ гримасою прибавила: — посмотрите, какъ вы запылились, хоть бы велѣли себя почистить.

— Запылился! что дѣлать?... извините; пыли много, я не виноватъ; пыль не сало, потеръ, такъ и отстало; а ужь чего оттереть нельзя, скверно. Старого молодымъ нельзя сдѣлать, — отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ и засмѣялся. — Я очень радъ, что вы здоровы; Петръ Михайлычъ тоже здоровъ... очень радъ, продолжалъ онъ и потомъ вдругъ отнесся ко мнѣ:

— Какъ проводили время въ деревнѣ?

Я ему объяснилъ, что въ деревнѣ я не жилъ, потому что служилъ.

— А! вы служили? я и не зналъ: по статской или военной изволили продолжать службу?

— По статской.

— Это, то есть, выходить по гражданской части; я самъ хочу идти по гражданской, въ военной бы слѣдовало, и привыкъ, да устарѣлъ; ноги вотъ пух-

нутъ, не могу. Какъ здоровье вашего батюшки и матушки?

Я снова объявилъ ему, что у меня только мать, а отецъ умеръ, что ему и прежде было извѣстно. Иванъ Кузьмичъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ; онъ былъ если не такъ пьянъ, какъ я видѣлъ его нѣкогда, то по крайней мѣрѣ очень навеселѣ.

— Запоматовалъ, совсѣмъ запоматовалъ; а очень радъ,—говорилъ онъ:—вотъ только у насъ Марья Виссаріоновна уѣхала съ Леонидомъ; они вамъ будутъ очень рады и Лидія Николаевна вамъ рада; она васъ очень любитъ. Лидія Николаевна! вы ихъ любите?

— Я тебѣ это говорила, — отвѣчала она.

— Говорила, и я не ревную; я не ревнивъ,—заключилъ Иванъ Кузьмичъ и взглянулъ на жену изъ подлобья.

Лидія Николаевна распорядилась объ обѣдѣ и безпрестанно торопила слугу, чтобы накрывалъ скорѣе на столъ. Иванъ Кузьмичъ отправился было въ буфетъ; я догадался, что онъ хотѣлъ еще выпить, но Лидія Николаевна пошла за нимъ и помѣшала ему, потому что онъ возвратился оттуда нахмуренный, а она встревоженная. Черезъ четверть часа мы сидѣли за столомъ. Иванъ Кузьмичъ былъ очень непріятенъ. Въ продолженіе всего обѣда, онъ глупо и неблагопрістойно шутилъ съ женою и подтрунивалъ надъ сестрою и Курдюмовымъ. Изъ словъ его можно было понять, что онъ намекаетъ на ихъ взаимную любовь. Послѣ обѣда, онъ извинился передъ мною и отправился спать. Между Курдюмовымъ, Надиною и Лидіей Николаевной завязалось какое-то совѣщаніе.

Надина говорила настойчиво, Курдюмовъ ее под-держивалъ, а Лидія полуотговаривалась. Дѣло объ-яснилось тѣмъ, что они затѣвали кататься, и Лидія просила меня не уходить, говоря, что они очень скоро вернуться; но я отозвался надобностію быть въ Москвѣ; впрочемъ проводилъ ихъ. Мнѣ желалось ви-дѣть: какого рода ихъ катанье. Оказалось, что Лидія Николаевна сѣла съ Курдюмовымъ въ тильбюри, а Надина верхомъ.

VIII.

Я переѣхалъ въ Сокольники и первое время бывалъ у Лидіи Николаевны довольно часто, но потомъ рѣже; мнѣ тяжело было ее видѣть. Иванъ Кузьмичъ дуритъ: дня по два, по три онъ совсѣмъ пропадаетъ изъ дома и, гдѣ бываетъ — неизвѣстно. Лидія Николаевна груститъ и страдаетъ, но со мною неоткровенна, а у меня не достаетъ духу заговорить съ нею объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Надина неутомимо преслѣдуетъ Курдюмова; онъ почти каждый день бываетъ у нихъ. Понять не могу этого господина, точно онъ влюбленъ въ свои длинные ногти и лакированные сапоги; цѣлые дни, кажется, способенъ ими любоваться. Поетъ по просьбѣ дамъ онъ довольно часто и этимъ ихъ очень интересуется, а впрочемъ скучнѣйшій по моему человѣкъ; — говоритъ вообще мало, но за то очень любитъ насвистывать различныя аріи и дѣлаетъ это довольно нецеремонно, когда только ему вздумается.

Однажды утромъ пришелъ ко мнѣ отъ имени

Ивана Кузьмича человекъ и просилъ вечеромъ прѣхать. Я пошелъ и, не входя еще въ домъ, услышалъ изъ открытыхъ оконъ говоръ нѣсколькихъ голосовъ. Вхожу; полна зала гостей и все старые знакомые: лошадиный барышникъ, гладкопричесанный братъ и еще двое какихъ-то господъ, очень дурно одѣтыхъ. Всѣ играли въ карты; сильный запахъ ромомъ давалъ знать, что пили пуншъ; Иванъ Кузьмичъ былъ уже пьянъ и сильно встревоженъ; онъ игралъ съ Пюновымъ, который, увидѣвъ меня, выразилъ большое удовольствіе и тутъ-же остроумно объяснилъ объ вновь изобрѣтенномъ напиткѣ, состоящемъ въ томъ, что онъ сначала выпьетъ рюмку рому, потомъ захлебнетъ чаемъ, встряхнетъ желудокъ, а тамъ и сдѣлается пуншъ.

Лидія Николаевна сидѣла одна въ гостиной. Я прошелъ къ ней. На глазахъ ея видны были замѣтные слѣды недавнихъ слезъ.

— Что вы у насъ давно не были? Богъ съ вами, — сказала она.

— Я былъ не такъ здоровъ, — отвѣчалъ я.
Вошелъ лакей.

— Водку прикажете подавать? — спросилъ онъ Лидію Николаевну.

— Еще девятый часъ, — возразила она.

— Спрашиваютъ-съ.

— Всего девятаго половина.

Лакей ушелъ.

— Я тоже больна, — продолжала Лидія Николаевна, обратившись ко мнѣ: — голова все болитъ, хочу пройтись, да не съ кѣмъ; Надина уѣхала къ знакомымъ. Пойдемте!

— Очень радъ, — отвѣчалъ я.

Лидія Николаевна надѣла шляпку, бурнусъ, и мы, никто изъ незамѣченные, вышли заднимъ крыльцомъ. Она попросила мою руку и оперлась на нее. Дойдя до большой дорожки, Лидія Николаевна остановилась, и мы сѣли на ближайшую скамейку.

— Что это у васъ за вечеръ сегодня? — началъ я.

— Мужъ затѣялъ! Такъ мнѣ это непріятно!.. ничего меня не слушаетъ, — отвѣчала Лидія Николаевна.

— А давно ли у васъ такія вечеринки? — спросилъ я.

— Съ нынѣшняго лѣта. Онъ гораздо хуже сталъ, какъ уѣхалъ братъ и маменька. Если бы вы знали, что я переносу.

— Знаю и даже ожидалъ этого, когда вы еще выходили замужъ.

Лидія Николаевна закрыла лицо руками и нѣсколько времени пробыла въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ взяла мою руку.

— Вамъ жаль меня? — спросила она.

— Неужели же вы сомнѣваетесь?

— Нѣтъ, я вѣрю вамъ. Скажите мнѣ, научите меня, что дѣлать? Я такъ поглупѣла, такъ растерялась, что ничего не могу сообразить.

— Что мнѣ вамъ посовѣтовать? — возразилъ я. — Совѣтовать, — или очень легко, если хочешь отдѣлаться одною фразою, или ужъ очень трудно... Какъ можно было выходить за подобнаго человѣка?

— Нѣтъ, я должна была выйти за него. Послушайте, теперь я съ вами могу говорить откровенно. Знаете ли, что мы ему до свадьбы были должны сто тысячъ и если бы ему отказали, онъ хотѣлъ этотъ

долгъ передать одному своему знакомому, а тотъ обѣщаль посадить мать въ тюрьму. Неужели же я не должна была пожертвовать для этого своею судьбою? Я бы стала послѣ этого презирать себя.

— Но кто же вамъ говорилъ объ этомъ долгѣ и обо всемъ?

— Мнѣ говорила это Пюнова.

— И вамъ не совѣстно было вѣрить этой женщинѣ?

— Этому нельзя было не вѣрить... она ко мнѣ точно нерасположена, но мать она любитъ и говорила мнѣ объ этомъ съ горькими слезами; наконецъ сама мать говорила объ этомъ.

Я только пожалъ плечами.

— Объ этомъ что ужъ говорить, — продолжала Лидія Николаевна: — теперь ужъ этого измѣнить нельзя, все кончено.

— Конечно, ужъ кончено, — согласился я мысленно.

— Добрь ли, по крайней мѣрѣ, Иванъ Кузьмичъ по характеру? и любитъ ли васъ? — спросилъ я помолчавъ.

— Добрь и любитъ, когда этого мерзкаго вина не пьеть, а какъ закутитъ, совсѣмъ другой человекъ. Ко мнѣ теряетъ всякое уваженіе, начинаетъ за все сердиться... особенно послѣднее время, пріѣзжая изъ Москвы... тамъ кто-нибудь его противъ меня вооружаетъ.

— Я думаю, тѣ же Пюновы.

— Да, и Пюновы, но они не столько: тутъ есть, говорятъ, другая дрянная женщина — старинная его привязанность. Я бы и не знала, да мнѣ Аннушка показала ее разъ здѣсь на гуляньѣ.

— Кто же она такая?

— Не знаю, магазинщица какая-то.

— Высокая, прямая?

— Да.

Это была никто иная, какъ названная кума, которая у Ивана Кузьмича была на вечерѣ. Лидія Николаевна это забыла, а напоминать ей я не счелъ за нужное.

— Самое лучшее: не давайте ему пить, — сказалъ я.

— Дома я ему не даю, такъ старается какъ-нибудь потихоньку, — наскучитъ быть вѣчно на стражѣ; а не то уѣдетъ въ Москву.

— Не отпускайте.

— Какъ его не отпустишь, не маленькій ребенокъ. Я и то стараюсь всегда съ нимъ ѣздить, такъ не беретъ. Говоритъ, что ему надобно въ присутственныя мѣста. Какъ же удержать человѣка, когда онъ хочетъ что-нибудь сдѣлать! Сначала я тосковала, плакала, а теперь и слезъ не достаетъ. Я его очень боюсь пьянаго, особенно когда онъ ночью пріѣзжаетъ, начнетъ шумѣть, кричать на людей, на меня: ревнивъ и жаденъ дѣлается до невѣроятности. Теперь все укоряетъ, что потерялъ для меня сто тысячъ.

— Злой и низкій человекъ, больше ничего.

— Нѣтъ, когда не пьянъ, совсѣмъ другой; просить, чтобы все забыла, цѣлуетъ руки, часа по два на колѣняхъ стоитъ, такъ что неприятно видѣть.

— Вы бы его больше бранили, — что дѣлать? Противъ подобныхъ людей надобно употреблять грубыя средства.

— Я не въ состояніи. Сестра Надина въ этомъ случаѣ мнѣ помогаетъ. Она читаетъ ему нотации по

цѣлымъ днямъ. Первое время это была рѣшительно моя спасительница; онъ ее какъ-то побаивался, а теперь и на ту не смотритъ; какъ попадетъ въ голову, сейчасъ начнетъ смѣяться и бранить ее почти въ глаза; она, бѣдная, все терпитъ.

— А вы съ нею дружны.

— Да, я люблю ее. Она меня тоже очень любила. Прежде она никогда не жила съ братомъ вмѣстѣ, а теперь живетъ для меня.

— Полно, такъ ли, Лидія Николаевна? Вы слишкомъ довѣрчивы! Вы готовы вѣрить въ любовь каждаго, кто хоть немного васъ приласкаетъ. Я думаю, Надина имѣетъ другую, болѣе эгоистическую цѣль.

— Можетъ быть, ей хочется и въ Москвѣ пожить!

— Именно въ Москвѣ жить и жить за тѣмъ, чтобы побѣдить сердце Курдюмова.

— А вы развѣ ужъ замѣтили?

— Еще бы! для этого надобно имѣть не большую проницательность.

— Странная: я ее не понимаю; она очень умная дѣвушка, но въ этомъ отношеніи смѣшна: она влюбилась въ него на другой же день, какъ увидѣла его.

— Это не мудрено; онъ такъ хорошъ собою и имѣетъ столько другихъ достоинствъ, что можетъ и не Надину увлечь.

— Но какъ бы ни былъ хорошъ мужчина, все-таки надобно узнать его сколько-нибудь, чтобы полюбить.

— А вы сами лично знаете Курдюмова?

— Да, я его знаю; онъ человѣкъ очень благородный, и у него прекрасное сердце.

— Вотъ какъ! даже и сердце прекрасное! Кто же объ этомъ вамъ сказалъ? не самъ ли онъ?

— Ну, нѣтъ; что вы смѣтаетесь! Онъ, право, хорошій человѣкъ, немного свѣтскій, но не похожъ на другихъ. Посмотрите, сколько у него души въ пѣніи!

— Нисколько; счастливый голосъ и рутина.

— Полноте, вы несправедливы къ нему! За что вы его не любите?

— Я его не люблю за то, что его не любятъ вашъ братъ, и я въ этомъ случаѣ Леониду вѣрю безусловно.

— Нѣтъ, Леониду нельзя вѣрить; онъ чудный человѣкъ, но капризный. Изъ всѣхъ знакомыхъ онъ любитъ только одного васъ, а прочихъ никого.

— Если Леонидъ Николаичъ черезчуръ исключителенъ въ своихъ привязанностяхъ, то вы совершенно противоположны ему въ этомъ отношеніи. Любить и быть дружнымъ надобно осторожно, особенно женщинамъ, чтобы не испытать потомъ поздняго и тяжелаго разочарованія.

— Но зачѣмъ же видѣть людей въ такомъ черномъ свѣтѣ? и безъ того въ жизни много горькаго, а чтожь будетъ если никому не станешь вѣрить и никого не будешь любить? Это ужасно! — отвѣчала Лида, встала и подала мнѣ руку.

Мы пошли; я видѣлъ, что ей не хотѣлось продолжать нашъ разговоръ.

У женщинъ, мыслящихъ и чувствующихъ, есть всего рода ложныя сердечныя убѣжденія, измѣнить которыя такъ же трудно, какъ и измѣнить натуру ихъ сердца, и противорѣчіе которымъ горьки и обидны для нихъ. Такъ было и съ Лидою; но я

не стѣснился этимъ и рѣшился высказать ей самую горькую правду.

— Не знаю, Лидія Николаевна, — началъ я: — съ чего вы предполагаете въ Курдюмовѣ прекрасное сердце! По-моему, онъ человѣкъ свѣтскій, то есть человѣкъ внѣшнихъ достоинствъ. Приѣзжая къ вамъ, онъ насидуетъ себя; ему нуженъ иной кругъ, ему неловко въ вашей маленькой гостиной, и всѣмъ этимъ, вы, конечно, понимаете, онъ жертвуетъ не для Ивана Кузьмича, на котораго не обращаетъ никакого вниманія, и не для Надины, отъ которой отыгрывается словами, — а для васъ.

Когда я говорилъ послѣднія слова, то чувствовалъ, что рука Лидіи дрожала, но я не остановился и продолжалъ:

— Вы въ самомъ удобномъ положеніи, чтобы за вами ухаживать; вы женщина умная, вы несчастливы, быть вашимъ утѣшителемъ пріятно, и незамѣтно можно достигнуть своей цѣли.

— Довольно, будетъ, — перебила Лидія Николаевна: — вы безжалостны и несправедливы. Я къ нему чувствую только дружбу и была бы очень довольна, если бы онъ женился на Надинѣ.

— Вы знаете, что этого никогда не случится. Будьте къ себѣ строже, Лидія Николаевна, повѣрьте свои чувства и остерегитесь, когда еще можно.

— Неужели же вы обвиняете меня и за дружбу? Я и съ вами дружна, но не влюблена же въ васъ, — возразила она съ достоинствомъ.

Мнѣ это сравненіе показалось нѣсколько обидно.

— Дай Богъ, чтобы вы питали къ этому человѣку то же чувство, какъ и ко мнѣ, но что наши

чувствованія въ отношеніи васъ совершенно различны, въ томъ я готовъ дать клятву. Не скрою, что первое время нашего знакомства и я смотрѣлъ на васъ иными глазами, но съ той минуты, когда узналъ, что вы выходите замужъ, я овладѣлъ собою, съ той минуты вы сдѣлались для меня родною сестрою — и только. Курдюмовъ дѣйствовалъ, кажется, совершенно иначе: на васъ — дѣвушку, онъ врядъ ли обращалъ какое-нибудь вниманіе, а заинтересовался вами, когда вы сдѣлались дамою.

— Довольно, кончимте этотъ разговоръ. Вы безжалостны, съ вами иногда страшно говорить; вы способны уопть въ женщинѣ вѣру и въ самое себя, и въ другихъ.

— Я сказалъ только правду, какъ я ее понимаю.

Говоря это, мы подошли къ дому и опять съ задняго крыльца прошли въ гостиную; тамъ нашли Курдюмова. Лидія взглянула на меня и потупилась.

— Vous vous êtes promené?

Лидя кивнула головою и сѣла. Я взглянулъ въ залу; тамъ была возмутительная сцена: игроки перестали играть и закусывали. Всѣ они были навеселѣ и страшно шумѣли и спорили. Иванъ Кузьмичъ и Піоновъ еще играли. У перваго лицо было совершенно искажено, онъ вѣрно проигрался. Піоновъ хохоталъ своимъ громаднымъ голосомъ на цѣлый домъ.

— Ну, дама, такъ дама!... извините, сударыня, и васъ пришибемъ. А валетъ? Эхъ, братъ Иванъ, говорилъ: не надѣйся на валета. Ну, тузь твой, твой!... али нѣтъ! десяточка-косаточка, не выдай — не выдала! баста!—проговорилъ Піоновъ, всталъ и одошелъ къ столу съ закускою.

— Эге, господа, вы тутъ ловко распорядились: все чисто. Эй ты, кравчій! выдай, братъ, за ту же цѣну подливки, а мы покуда мадеркой займемся. Вы, господа, на мадерку-то и вниманія не обратили, да, она и не стóбитъ — дрянъ; я ужь такъ, отъ нечего дѣлать, по смиренству своему, займусь ею. Эй, Иванъ Кузьмичъ! позабавься хоть мадеркою, раскуражь себя. Это, вѣдь, ничего, виногѣдное, оно не дѣйствуетъ.

Иванъ Кузьмичъ всталъ и подошелъ къ столу. Пюновъ налилъ ему полный стаканъ; онъ выпилъ, закурилъ трубку, прошелся по залѣ нетвердыми шагами, вошелъ въ гостиную, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, сѣлъ на стулъ и началъ кусать губы, потомъ взглянулъ сердито на жену.

— Отчего вы не велѣли давать намъ закуски? — спросилъ онъ ее, ероша себѣ волосы.

Лидія Николаевна не отвѣчала.

— Вы не велѣли, а я велѣлъ, — извините! продолжалъ онъ:— гдѣ моя сестрица?

Лидія Нилолаевна молчала.

— Отчего же вы со мною не хотите говорить! Я васъ спрашиваю: гдѣ моя сестрица?

— Она уѣхала, — отвѣчала Лидія.

— А! уѣхала! очень жаль... Петръ Михайловичъ ваша m-lle Надина уѣхала, — сказалъ Иванъ Кузьмичъ и замолчалъ на нѣсколько минутъ.

— Отчего жъ вы не велѣли подавать закуску? — отнесся онъ опять къ женѣ.

— Я ничего не говорила, меня дома не было... я гуляла.

— А! вы гуляли! Вы все гуляете, и я гуляю... что же такое?

Курдюмовъ блѣднѣлъ; я не въ состояніи былъ взглянуть на Лидію, такъ мнѣ было ее жаль.

— Вы проиграли или выиграли? отнесся я къ Ивану Кузьмичу, желая хоть какъ-нибудь переменить разговоръ.

— Проигралъ-съ, — отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: — тысячу цѣлковыхъ проигралъ, ничего-съ; я свое проигрываю... я ни у кого ничего не беру.

Лидія встала и пошла.

— Куда же вы? Посидите съ нами, мы сейчасъ будемъ ужинать, — сказалъ ей Иванъ Кузьмичъ.

— Я не хочу, — отвѣчала Лидія и проворно ушла.

— Это, значитъ, дамы не ужинаютъ. Покойной ночи, а мы будемъ ужинать и пить; а вы тоже не ужинаете? — отнесся онъ насмѣшливо къ Курдюмову.

— Не ужинаю, — отвѣчалъ тотъ, всталъ и, поклонившись, ушелъ.

— Ну, такъ и вамъ покойной ночи, — сказалъ хозяинъ: — вы тоже дама, у васъ бѣленькія ручки. Прощайте; я вѣдь глупъ, я ничего не понимаю, въ васъ m-lle Надина влюблена. Знаю, я хоть и дуракъ, а знаю, кто въ васъ влюбленъ; я только молчу, а у меня все тутъ — на сердцѣ... Мнѣ все наплевать. Я вѣдь дуракъ, у меня жена очень умна.

Я всталъ и тоже хотѣлъ уйти. Иванъ Кузьмичъ тутъ только замѣтилъ мое присутствіе.

— Нѣтъ, вы, пожалуйста, не ходите, я васъ люблю; самъ не знаю, а люблю; а этотъ Курдюмовъ — вотъ онъ у меня гдѣ, — тутъ на сердцѣ, я его когда-нибудь поколочу. Вы останьтесь, поужи-

найте, я васъ люблю; мнѣ и объ васъ тоже говорятъ, я не вѣрю.

— Что ты тутъ спишишь? Пора, братецъ, ужинать, сказалъ Пюоновъ войдя.

— Не смѣю: мнѣ жена не велитъ ужинать... говоритъ: вредно.... Она боится, что я умру. Ха.... ха.... ха....—засмѣялся Иванъ Кузьмичъ.—А я не боюсь... я хоть сейчасъ — умру; не хочу я жить, а хочу умереть. Поцѣлуй меня, толстый.

— Изволь! проревѣлъ Пюоновъ и, прижавъ голову Ивана Кузьмича къ своей груди, произнесъ:— «лобзай меня, твой лобзанья мнѣ слаще мирра и вина».

Я воспользовался этою минутою и ушелъ. Господи, что такое тутъ происходитъ и чѣмъ все это кончится!

IX.

Какъ хотите, Лидія Николаевна болѣе чѣмъ дружна съ Курдюмовымъ. Она непременно передала ему послѣдній мой разговоръ съ нею о немъ, потому что прежде онъ со мною почти не говорилъ ни слова, а тутъ вдругъ началъ во мнѣ заискивать.

— У васъ свободенъ вечеръ?—сказалъ онъ мнѣ однажды, когда мы вмѣстѣ съ нимъ выходили отъ Ивана Кузьмича.

— Свободенъ,—отвѣчалъ я.

— Заѣдемте ко мнѣ.

Я согласился. Мнѣ самому хотѣлось хотя сколько-нибудь съ нимъ сблизиться. Онъ занималъ неболь-

шую, но очень красивую по наружности дачу; внутреннее же убранство превзошло всё мои ожиданія. Пять комнатъ, которыя онъ занималъ, по одной ужъ чистотѣ, походили скорѣй на модный магазинъ изящныхъ вещей, чѣмъ на жилую квартиру: драпировка, мраморныя статуйки, пейзажи масляной работы, портреты, бронзовыя вещи, мебель, ковры, всего этого было пропасть и все это, кажется, было разставлено съ величайшей предусмотрительностію, такъ что, можетъ быть, нѣсколько дней обдумывалось, подъ какимъ угломъ повѣсить такую-то картинку, чтобы сохранить освѣщеніе, какимъ образомъ поставить китайскую вазу, такъ чтобы каждый посѣтитель могъ ее тотчасъ же замѣтить, и гдѣ расположить какой-нибудь угловой диванъ, чтобы онъ представлялъ полный уютъ. Видѣть столько лишнихъ пустяковъ, разставленныхъ съ такимъ глубокимъ вниманіемъ въ квартирѣ мужчины, какъ хотите, признакъ мелочности. Кто не знаетъ, какъ неприятно бывать въ гостяхъ, когда знаешь, что хозяинъ тебя въ душѣ не любитъ и не уважаетъ, но по наружности, для своихъ видовъ, насилуя себя, старается въ тебѣ заискивать. Точно въ такомъ положеніи я очутился у Курдюмова. Болѣе часу сидѣли мы съ нимъ или молча, или переговаривали избитыя фразы о погодѣ, о мѣстоположеніи; наконецъ онъ, какъ бы желая хоть чѣмъ-нибудь занять меня, началъ показывать различныя свои занятія. Прежде я думалъ, что онъ только пѣвецъ, но оказалось, что онъ и рисуетъ, и лѣпитъ, и гальванопластикую занимается, и даже точитъ изъ дерева, кости, серебра; точитъ очень хорошо. Всѣ его работы я, разумѣется, на сколько

доставало во мнѣ притворства, хвалилъ; наконецъ и эти предметы истощились, и мы снова замолчали. Къ концу вечера, впрочемъ, я рѣшился затронуть за его чувствительную, какъ полагалъ, струну и заговорилъ о семействѣ Марьи Виссаріоновны. Курдюмовъ отвѣчалъ слегка, также слегка спросилъ меня: давно ли я знакомъ съ ними? И когда я сказалъ, что еще училъ Леонида и похвалилъ его, онъ проговорилъ покровительственнымъ тономъ:

— Oui, il a beaucoup de talent pour la musique.

Въ отношеніи Лидіи Николаевны больше отмалчивался и только называлъ ее милою дамою, а Надину— умною дѣвушкою; говоря же объ Иванѣ Кузьмичѣ, сдѣлалъ гримасу.

Возратившись домой, я засталъ у себя нечаяннаго гостя. Леонидъ возвратился въ Москву и уже часа два дождался меня на моей квартирѣ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ тотчасъ, какъ вышелъ изъ дорожнаго экипажа, не заходя даже домой; но, здороваясь со мною, не обнаружилъ большой радости, а только проговорилъ:

— Хорошо, что пріѣхали, а то все это время была такая скука.

— Кончили курсъ?—спросилъ я.

— Да.

— Кандидатомъ?

— Да.

— Много занимаетесь?

— Нѣтъ; все было не до того... у сестры бываете?

— Какъ же.

— Что она, здорова?

— Не совсѣмъ, кажется.

— А что благовѣрный ея?

— Тоже прихварываетъ, только своего рода бо-
лѣзнію.

— Опять разрѣшилъ, — проговорилъ Леонидъ и
потомъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Курдюмовъ часто тамъ бываетъ?

— Каждый день, — отвѣчалъ я.

Онъ нахмурился.

— Я познакомился тамъ еще съ новымъ лицомъ,
съ сестрою Ивана Кузьмича, — сказалъ я.

— Она еще все гоститъ? — проговорилъ Леонидъ.

— Гоститъ и не думаетъ уѣзжать.

— Что жъ она тутъ дѣлаетъ?

— Ничего: пламенѣетъ страстію къ Курдюмову.
Леонидъ ничего не отвѣчалъ, но еще болѣе на-
хмурился и нѣсколько времени ходилъ взадъ и впе-
редъ по комнатѣ.

— Вы говорили съ сестрою? — спросилъ онъ вдругъ
меня.

Я догадался, о чемъ онъ спрашиваетъ.

— Говорилъ одинъ разъ.

— А что именно?

Я передалъ ему слово въ слово разговоръ мой
съ Лидіей Николаевной: споръ нашъ о Курдю-
мовѣ и визитъ къ сему послѣднему.

— Курдюмовъ какой-то всеобщій художникъ!
— замѣтилъ я.

Леонидъ вышелъ изъ себя.

— О, чортъ, художникъ, — воскликнулъ онъ: — уче-
ловѣка недостаетъ душонки, чтобы съ толкомъ спѣть
романсъ, а вы называете его художникомъ... То-

варь онъ, можетъ быть, хорошій, но никакъ не художникъ.

Я не возражалъ Леониду, потому что былъ совершенно согласенъ съ нимъ. Онъ у меня ночевалъ, а на другой день мы оба пошли обѣдать къ Лидіи Николаевнѣ. Она только-что пріѣхала отъ матери и очень обрадовалась брату, бросилась къ нему на шею и разрыдалась. Иванъ Кузьмичъ былъ боленъ. Сначала я думалъ, что это послѣдствіе похмѣлья, но оказалось, что онъ боленъ серьезнѣе. Вмѣстѣ почти съ нами пріѣхалъ къ нему докторъ, котораго я зналъ еще по университету,— старикъ добрый и простой. Когда онъ вышелъ отъ больного, я нагналъ его въ передней и спросилъ:

— Какого рода болѣзнь у Ивана Кузьмича?

— А что, батенька,—отвѣчалъ старикъ:— подагрица разыгралась и завалы въ печени нажилъ. Алкоголю много глоталъ.

— И въ сильномъ развитіи?

— Будетъ съ него; если нашего снадобья не покушаетъ да діеты не подержитъ, такъ на осень, пожалуй, и водянка разыграется.

— У меня есть просьба, Семенъ Матвѣичъ,—началъ я:— семейство здѣшнее я очень люблю и хорошо знаю.

— Ну, что же такое?

— И потому я просилъ бы васъ Лидіи Николаевнѣ ничего не говорить о состояніи болѣзни Ивана Кузьмича, а ему скажите и объясните, какія могутъ быть послѣдствія, если онъ не будетъ воздерживаться

— Напугаешь, батенька; ты самъ, можетъ, знаешь.

въ чемъ вся наша медицина состоитъ: ножъ, тепло, голодовъ и душевное спокойствіе.

— Напугать — необходимо; онъ не будетъ ни лечиться, ни воздерживаться.

— Эко какой человекъ-то; спасибо, что сказалъ. Я его мало знаю, вижу, что пьяница. Охъ, ужъ эти мнѣ желудочныя болѣзни, хуже грудныхъ: тѣ хотя отъ Бога, а эти отъ себя, — проговорилъ докторъ и уѣхалъ,

Обѣдъ и время послѣ обѣда прошли у насъ невесело: Леонидъ былъ скученъ, Лидія Николаевна, какъ и при первой встрѣчѣ со мною, старалась притворяться веселою и безпечною, но не выдерживала роли, часто задумывалась и уходила повременамъ къ мужу. Надина переходила отъ окна къ окну; я догадался, кого она ждетъ.

Въ шесть часовъ вечера пріѣхала Марья Виссаріоновна съ двумя младшими дочерьми и съ Пюновой, которая у Лиды не бывала болѣе года, но, поздоровавшись, сейчасъ объяснила:

— Ахъ, сѣге Лидія Николаевна: я давнымъ-давно собиралась быть у васъ, да все это время была нездорова. Нѣсколько разъ просила Сережу взять меня съ собою, не беретъ. Полно, говорить, топъ аге, ты едва ноги таскаешь, гдѣ тебѣ ѣхать въ Сокольники за такую даль. Такъ скучала, такъ скучала все это время. Сегодня говорятъ: Марья Виссаріоновна пріѣхала, а я и не вѣрю; раза три переспрашивала человека, правду ли онъ говоритъ. Сейчасъ собралась и поѣхала; думаю, посмотрюсь на мою милую Марью Виссаріоновну и повидаюсь съ Лидіей Николаевной. <http://rcin.org.pl>

«Что это за безстыдная женщина,» подумалъ я: «какъ не совѣстно говорить, что едва бродить, когда у ней здоровье брызжетъ изъ лица и она вдвое растолстѣла съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ. Видно, ужь у ней общая съ мужемъ привычка,— ссы- латься на болѣзнь.» Страсть ея къ Леониду еще не угасла, потому что, когда тотъ вошелъ въ гостиную изъ другой комнаты, она, поздоровавшись съ нимъ, завернулась въ шаль и придала своему лицу груст- ное и сантиметальное выраженіе.

Ожиданія Надины сбылись: Курдюмовъ, часовъ въ восемь, явился. Войдя въ гостиную, онъ немного оторопѣлъ, увидя гостей, но скоро оправился и на- чалъ говорить съ Марьей Виссаріоновной, отно- сился потомъ нѣсколько разъ къ Піоновой и разго- варивалъ съ Леонидомъ. Лидіи Николаевнѣ онъ едва поклонился, но съ Надиною былъ болѣе обыкновеннаго любезенъ; та въ свою очередь пришла въ какое-то восторженное состояніе. Я не могу слово въ слово передать теперь ихъ разговоръ, потому что занять былъ болѣе Лизою; но сколько припоминаю, то На- дина вдругъ, совсѣмъ не кстати, спросила Курдю- мова: былъ ли онъ влюбленъ? По прежней тактикѣ я думалъ, что онъ не отвѣтитъ ей, но онъ отвѣ- тилъ:

— Былъ.

— А теперь?

— И теперь влюбленъ.

— Вы должны сказать: въ кого?

— Подобныхъ вещей не говорятъ.

— Говорять, особенно друзьямъ; вѣдь мы друзья.

— Если позволите.

— Съ восторгомъ разрѣшаю, и потому говорите.

— Вы сами напередъ посвятите меня въ вашу тайну!

— Охъ, какіе вы требовательные! Вы хотите, чтобы съ вами были откровенны, прежде, чѣмъ вы сами откровенны, и у васъ недостаетъ даже великодушія оставить намъ, женщинамъ, права скромности. Вы сами не рискуете шагу сдѣлать, но ожидаете, сидя спокойно въ креслахъ, чтобы къ вамъ подошла бѣдная женщина и рассказала всѣ свои тайные помыслы, — проговорила Надина и пошла въ томъ же родѣ.

Надобно сказать, что когда разговоръ касался любви и вообще чувствъ, то она заговаривалась. Въ началѣ, въ ея словахъ былъ еще нѣкоторый смыслъ, но потомъ, чѣмъ болѣе хотѣла она высказаться, чѣмъ болѣе желала выразить свои мысли, тѣмъ больше начинала нести вздоръ, такъ что ужъ и сама себя, вѣроятно, переставала понимать.

— Въ этотъ разъ повторилось то же: болѣе получаса она говорила совершенную галиматью и потомъ вдругъ перемѣнила разговоръ и начала Курдюмова просить спѣть что-нибудь; онъ сейчасъ согласился и пошелъ въ залу. Надина послѣдовала за нимъ; она вѣроятно съ тою цѣлію и вызвала его въ залу, чтобы остаться съ нимъ наединѣ. Это очень не понравилось Марьѣ Виссаріоновнѣ.

— Что это за обращеніе! — отнеслась она къ Пюновой.

Та покачала головой.

— И зачѣмъ она живетъ здѣсь? Мнѣ очень не

пріятно, что у тебя подобная компаньонка, — прибавила Марья Виссаріоновна дочери.

Лида потупилась.

Вообще Марья Виссаріоновна въ эти два года постарѣла, похудѣла и сдѣлалась очень раздражительна, такъ что съ нею говорить было невозможно; она все спорить, или принимаетъ на свой счетъ на дѣтей безпрестанно сердится. Въ продолженіе этого вечера, она сказала нѣсколько самыхъ обидныхъ колкостей Лидѣ; на двухъ младшихъ дочерей, которыя вышли погулять и погуляли не болѣе получаса, кривнула, зачѣмъ онѣ смѣли такъ долго гулять, и даже Леониду, которому она всегда болѣе другихъ уступала и который обыкновенно спорилъ съ нею очень смѣло, въ одномъ пустомъ разговорѣ велѣла замолчать.

X.

Я не бывалъ у Лидіи Николаевны нѣсколько дней. Леонида тоже не видалъ, онѣ живетъ по дѣламъ въ Москвѣ. Въ четвергъ или въ пятницу, теперь ужъ не помню, въ Сокольникахъ бываетъ общее гулянье. Я пришелъ на это гулянье съ единственною цѣлью встрѣтить Лидію Николаевну; но ея было. Надина была тутъ. Это нѣсколько меня удивило: онѣ обыкновенно всегда гуляли вмѣстѣ, но еще болѣе показалось мнѣ страннымъ, что Надина, встрѣтившись со мной, отвернулась. Сама она была въ необыкновенно тревожномъ состояніи: соломенная шляпка была у ней совсѣмъ на боку, локоны

распустились и падали въ безпорядкѣ длинными прядями; она брала всѣхъ попадавшихъ ей на встрѣчу знакомыхъ подъ руку, говорила имъ что-то такое съ большимъ жаромъ, потомъ оставляла ихъ, переходила къ другимъ и наконецъ совсѣмъ скрылась.

Кто живалъ въ Сокольникахъ, тотъ знаетъ, что къ концу лѣта они дѣлаются очень похожими на маленькій уѣздный городокъ. Всѣ узнаютъ другъ о другѣ до малѣйшихъ подробностей: узнаютъ, кто какого характера, съ кѣмъ знакомъ и на какомъ основаніи знакомъ, кто что дѣлаетъ и, наконецъ, кто что ѣстъ. Маленькій комеражъ, у кого-нибудь случившійся, дѣлается предметомъ толковъ и вырастаетъ въ одинъ день до огромныхъ размѣровъ. Начавшіяся здѣсь новыя знакомства, особенно между дамами, часто развиваются къ 1 сентября въ тѣсную дружбу, и наоборотъ: хорошо знакомыя семейства, переселившіяся вмѣстѣ на дачу съ единственною цѣлью, чтобы чаще видаться, уѣзжая отсюда, совсѣмъ ужь не видятся.

Пройдя раза два по главной аллеѣ, я сѣлъ рядомъ на скамейку съ однимъ господиномъ изъ Ярославля, тоже дачнымъ жителемъ, который былъ мнѣ нѣсколько знакомъ и котораго прозвали въ Сокольникахъ *воздушнымъ*, не потому, чтобы въ наружности его было что-нибудь воздушное, — нисколько: онъ былъ мужчина плотный и коренастый, — а потому, что онъ, какая бы ни была погода, цѣлые дни былъ на воздухѣ: часовъ въ пять утра онъ пилъ ужь чай въ бесѣдкѣ, до обѣда переходилъ со скамейки на скамейку, развлекая себя или чтеніемъ «Сѣверной Пчелы», къ которой чувствовалъ особенную симпатію,

или просто оставался въ созерцательномъ положеніи; обѣдалъ тоже на воздухѣ, а послѣ обѣда ложился гдѣ-нибудь въ тѣни, на коврѣ, а часовъ въ семь опять усаживался на скамейку и наблюдалъ гуляющихъ. Услышавъ новость, самому рассказать такую же и вообще поговорить былъ большой охотникъ. Всѣмъ почти проходящимъ мимо его знакомымъ онъ говорилъ:

— Что вы ходите? присядьте! Нѣтъ ли чего новенькаго? повѣдайте.

Когда я сѣлъ около него, онъ остался этимъ очень доволенъ и ласково кивнулъ мнѣ головой.

— Что и вы пришли воздухомъ подышать? Здѣсь славно! Чувствуете ли, какъ смолой пахнетъ? Самый здоровый запахъ.

Я хоть ничего не чувствовалъ, но согласился, что пахнетъ смолой.

— А, да, кстати!—продолжалъ воздушный ярославецъ: — вы знакомы съ Ваньковской, или какъ его, забылъ фамилію, съ зятемъ ея?

— Знакомъ, — отвѣчалъ я.

— Скажите на милость, что у нихъ такое на-дѣлалось?

— Я ничего не слыхалъ.

— Будто? А тутъ рассказываютъ цѣлую исторію. У этого зятя живетъ, говорятъ, сестра... живетъ, вѣдь?

— Живетъ, — отвѣчалъ я.

— Сухошавая этакая дѣвица, сейчасъ была здѣсь.

— Что жъ изъ этого?

— А я вотъ давеча, послѣ обѣда —, видите вонъ этотъ бугорокъ подлѣ большой сосны, — я вотъ давеча

лежалъ тутъ и заснулъ почти, а тутъ подходитъ, какъ его, забылъ фамилію, почтамтскій чиновникъ, что ли,—знаете, я думаю?

— Нѣтъ, не знаю.

— Э, какъ не знаете, вѣрно знаете, въ самый жаръ еще гуляетъ; говоритъ, что декохтъ пьетъ, —непремѣнно знаете.

— Увѣряю васъ, что нѣтъ,— отвѣчалъ я, и просилъ рассказать, что такое случилось у Ваньковскихъ.

— Я думалъ, что вы знаете; онъ тутъ мнѣ и рассказалъ, сначала попросилъ у меня огня и рассказалъ... съ нимъ былъ еще какой-то молодой человѣкъ... того ужъ не знаю. Они мнѣ и рассказали.

— Да чтожь такое они вамъ рассказали?— перебилъ я съ досадой.

— Рассказали, что сестра у нихъ живетъ, ну, и къ нимъ часто ѣздилъ Курдюмовъ. Курдюмова, конечно, знаете? Онъ мнѣ старый знакомый, нашъ ярославецъ... богатые люди прежде были, теперь не знаю.

Никакого терпѣнія у меня неоставало; несносный болтунъ, точно съ умысломъ, пыталъ меня.

— Я васъ рѣшительно не понимаю; что же изъ этого слѣдуетъ? — сказалъ я ему.

— Слѣдуетъ, что онъ къ нимъ ѣздилъ, ну, и здѣсь былъ слухъ, что онъ на этой сестрѣ женится, а вышло вздоръ. Она была, знаете, только, какъ я придумалъ, громовой отводъ, а интригу-то онъ велъ съ этой молодой барыней, дочерью Ваньковской: я ее не знаю, должна быть хорошенькая, а съ отцомъ хорошо былъ по клубу знакомъ: человѣкъ умный

оборотливый; мать тоже знаю, видалъ въ одномъ домѣ.

То, что я предполагалъ, была дѣйствительно правда, и молва объ этомъ огласилась уже на всѣ Сокольники: «что бы тамъ ни было,» подумалъ я, «но я долженъ, хоть сколько-нибудь, поколебать правдоподобность этихъ слуховъ. Собесѣдникъ мой показался удобнымъ для этого средствомъ; онъ станетъ встрѣчному и поперечному толковать про и contra, какъ его направишь; я рѣшился его разубѣдить.

— Это нелѣпныя сплетни,—началъ я: — я бываю въ этомъ домѣ каждый день и очень хорошо знаю, что Курдюмовъ бывалъ тутъ безъ всякой цѣли.

— Говорять...

— Мало ли что говорятъ; нельзя всему вѣрить. Эта молодая женщина слишкомъ далека отъ подобныхъ отношеній, и какимъ же образомъ могло это открыться вдругъ, тогда какъ онъ знакомъ съ ними болѣе шести лѣтъ.

— Видно, какъ-то открылось, я не знаю хорошенько. Я васъ хотѣлъ спросить, не знаете ли вы? Вотъ посижу еще здѣсь: можетъ быть, пройдетъ кто-нибудь, кто знаетъ. Любопытно, очень любопытно узнать.

— Все это вздоръ!

— Не спорьте; сестра отъ нихъ переѣхала, не захотѣла съ ними жить, стало — не вздоръ, — возразилъ ярославецъ. — Эй, Николай Лукичъ, а Николай Лукичъ! Куда вы бѣжите? Присядьте, — крикнулъ онъ въ проходящему мимо его господину, въ сѣромъ пальто. — Вотъ мы спросимъ Николая Лукича, онъ все знаетъ. Но Николай Лукичъ только обернулся, сдѣлавъ руч-

кой и проговоривъ: «въ минуточку вернусь,» побѣжалъ далѣе.

— Погодите, онъ придетъ и все расскажетъ, — отнесся ко мнѣ мой собесѣдникъ, но я не хотѣлъ ждать дальнѣйшихъ разъясненій и отошелъ.

Противъ Лидіи Николаевны я почувствовалъ рѣшительную ненависть. «Неужели эта женщина,» думалъ я, «всю жизнь будетъ меня обманывать: въ то время, какъ я считалъ ее чистою и невинною, въ которой видѣлъ несчастную жертву судьбы, она выходитъ самая коварная интригантка; но положимъ, что она могла полюбить Курдюмова, я ей это прощаю, но зачѣмъ скрываетъ отъ меня, своего друга, который, Богъ знаетъ — какъ, ей преданъ и съ которымъ, не могу скрыть этого, какъ замѣчалъ по многимъ даннымъ, она кокетничала; и наконецъ, какъ неблагородно поступила съ бѣдною Надиною. Сама, вѣроятно, завлекла и сдѣлала изъ нея ширмы своей интриги.» Я рѣшился идти къ ней и сорвать съ нея маску. Я засталъ ее въ маленькомъ кабинетѣ; она сидѣла въ креслахъ, опустивши голову на руки. Увидѣвъ меня, она вздрогнула и проговорила:

— Это вы?

— Да, я, — отвѣчалъ я сурово.

Лидя посмотрѣла на меня такимъ грустнымъ и печальнымъ взоромъ, что рѣшимость моя быть строгимъ очень поколебалась.

— Гдѣ Леонидъ? — спросила она.

— Онъ въ Москвѣ, а вы одинъ дома?

— Одна.

— А вашъ больной Иванъ Кузьмичъ?

— Ему лучше: онъ уѣхалъ; у насъ много пере-
мѣнъ надѣлалось.

— Я слышалъ.

— Ужь слышали? что же такое вы слышали?

— Слышалъ, что Надина отъ васъ переѣхала, по-
тому что надежды ея на Курдюмова лопнули; онъ,
говорять, ухаживалъ за вами.

— И это ужъ говорятъ?

— Да, говорятъ и говорятъ на гуляньѣ.

— Чтожь: пускай говорятъ! Это правда.

— Не дай Богъ, чтобъ все было правда; гово-
рятъ не только, что онъ за вами ухаживалъ, но что
у васъ была интрига и Надина была громовымъ от-
водомъ, который обезпечивалъ ваши отношенія. Не-
ужели и это правда?

— Ну да, правда; вы этому вѣрите, чтожь еще
спрашиваете?

— За что же вы сердитесь на меня? если вамъ
не пріятно мое участіе...

— Миѣ ничьего ненужно участія; участь моя рѣ-
шена, — возразила Лида.

— Но чѣмъ же рѣшена? вы напрасно такъ отча-
яваетесь.

— Я не отчаяваюсь, а смѣюсь. Я потерянная
женщина, мужъ меня бросилъ, тутъ отчаяніе не по-
можетъ.

— Конечно, не поможетъ. Лучше хладнокровно
обдумать, и тогда еще можно найти какое-нибудь
средство продолжить обманъ на годъ, на два.

Лида посмотрѣла на меня.

— Какой обманъ?—спросила она.

— Въ родѣ громоваго отвода, которымъ была

сдѣлана Надина. Курдюмовъ, при всемъ своемъ ту-поуміи, на эти вещи изобрѣтателенъ. Она при-ищетъ еще другой какой-нибудь способъ, чтобъ погу-бить васъ окончательно.

— Не онъ меня губить, а другіе. Онъ прекрас-ный человекъ и преданъ мнѣ такъ, какъ можетъ быть никто, — возразила Лидя.

Я пожалъ плечами.

— Вамъ это странно слышать, — продолжала она: — а вы не знаете, что когда меня глупую выдали за-мужъ, такъ всѣ винули, всѣ позабыли: мать и слу-шать не хотѣла, что я страдаю день и ночь, Лео-нидъ только хмурился, вы куда-то уѣхали, никому до меня не стало дѣла; одинъ только онъ, у котораго тысячи развлеченій, пренебрегъ всѣмъ, сидѣлъ со мной цѣлые дни, какъ съ больнымъ ребенкомъ; еще бы мнѣ не вѣрить въ него!

— Къ чему тутъ тратить много словъ, Лидія Ни-колаевна; вы влюблены въ него, и этого довольно, — проговорилъ я съ досадою.

— Я не влюблена въ него, а люблю его, это вы можете сказать моему мужу, матери, брату, цѣлому свѣту: мы невольны въ нашихъ чувствахъ.

— Только этого не доставало, чтобъ вы меня по-нимали такъ, — возразилъ я, берясь за шляпу.

Лидя молчала.

— Не мало, но, можетъ быть, слишкомъ много, и безъ всякихъ правъ претендовалъ я на участіе къ вамъ, — продолжалъ я, почти со слезами на глазахъ: — извиняюсь же вашимъ выраженіемъ: мы невольны въ нашихъ чувствахъ.

Лидя отвернулась отъ меня. Я снова продолжалъ:

— Искренно желаю, чтобы вы не ошиблись въ вашихъ надеждахъ на избраннаго вами челоуѣка и чтобы не страдали впоследствии раскаяніемъ. Измѣнить своему долгу, на какомъ бы то ни было основаніи, проступокъ для женщинъ, за который ихъ осудить и общественное мнѣніе, и собственная совѣсть.

Проговоря эти слова, я вышелъ изъ кабинета, рѣшившись совсѣмъ уйдти, но сдѣлать этого было не въ состояніи, а прошелъ въ гостиную и сѣлъ, ожидая, что Лида меня вернетъ. Прошло нѣсколько минутъ: я превратился весь въ слухъ, — Лида меня не звала, но я слышалъ, что она рыдала. Я не выдержалъ и снова вошелъ въ кабинетъ.

— О чемъ же вы плачете? — спросилъ я, садясь противъ нея.

— Простите меня, — отвѣчала Лида, протягивая мнѣ руку: — я оскорбила васъ, я сама не знаю, что говорю... Еслибы вы знали, какъ я страдаю... Не вѣрьте мнѣ, я многое вамъ говорила неправду.

Я вздохнулъ свободнѣе.

— Дай Богъ, — возразилъ я: — но все-таки вы держали себя неосторожно съ Курдюмовымъ.

— Неосторожно, — повторила Лида грустнымъ голосомъ: — еще надобно быть осторожнѣй, я ужь и не знаю.

— Да, слѣдовало бы, — замѣтилъ я.

— Можетъ быть, но чтожь мнѣ дѣлать, если я такая глупенькая, если я такъ слабохарактерна, вы это и прежде мнѣ говорили, — проговорила Лида и залилась горькими слезами.

Мнѣ стало отъ души ее жаль. Будь она, кажется,

во сто разъ виновнѣе, я не въ состояніи быть строгимъ ея судьей и буду участвовать и помогать ей, на сколько во мнѣ достанетъ силъ и возможности.

— Что же у васъ такое вышло теперь?—спросилъ я.

Лида нѣсколько времени не отвѣчала.

— Третьяго дня,—начала она, съ трудомъ переводя дыханіе:—Курдюмовъ говорилъ мнѣ разныя разности. Надина подслушала, потомъ онъ прислалъ мнѣ письмо, она перехватила его и показала мужу, въ этомъ все и произошло.

— Что жъ Иванъ Кузьмичъ?

Лида глубоко вздохнула.

— Сначала онъ хотѣлъ меня убить, потомъ гналъ, чтобы я шла къ Курдюмову, потомъ плакалъ,—это ужаснѣе всего, а теперь уѣхалъ и не хочетъ со мной жить. Еслибы вы только слышали, что онъ мнѣ говорилъ! Надина тоже такъ разсердилась, что я думала, что она съ ума сойдетъ; вдвоемъ на меня и напали, я даже теперь не могу вспомнить объ этомъ равнодушно. Посмотрите, какъ я дрожу, а первое время у меня даже голова тряслась.

Сердце кровью облилось у меня, слушая рассказъ Лиды.

— Что вы теперь думаете дѣлать? спросилъ я ее.

— Сама не знаю; я очень боюсь Леонида и маменьки,—что, если они услышатъ,—а оправдываться я не могу. Они Богъ знаетъ что подумаютъ.

— За Леонида я вамъ ручаюсь, онъ васъ очень любитъ, я ему расскажу все.

— Пожалуйста; впрочемъ, Господи! я сдѣлала еще одну глупость: послѣ этой сцены, когда Иванъ Кузьмичъ и Надина такъ меня разобидѣли, я съ отчаянія

написала къ Курдюмову письмо, все ему рассказала и написала, что онъ одинъ остался у меня на свѣтѣ и что вся моя надежда на него.

— Что жь онъ вамъ отвѣчалъ на это письмо?

— Умолялъ, чтобъ я съ нимъ бѣжала, хотѣлъ увезти меня за границу. Мнѣ такъ послѣ этого сдѣлалось досадно и стыдно за себя. Неужели я такая потерянная женщина, что въ состоянїи бросить мужа. Иванъ Кузьмичъ ко мнѣ былъ очень нехорошъ, но пусть онъ будетъ въ тысячу разъ хуже, пусть будетъ каждый день меня терзать, я все-таки хочу съ нимъ жить.

— Другаго вамъ нечего и дѣлать! Крестъ вашъ тяжелъ, но вы его взяли, и несите.

— Я знаю... Послушайте: съѣздите, пожалуста, къ мужу, упростите его, чтобы онъ не дѣлалъ этихъ глупостей и прїѣхалъ бы домой, и, Бога ради, успокойте его о Курдюмовѣ.

При послѣднихъ словахъ я нарочно смотрѣлъ Лидѣ въ глаза, но и тѣни притворства не было въ кроткомъ выраженїи ея лица.

— Гдѣ жь я могу найти Ивана Кузьмича?—спросилъ я.

— Онъ или у Пюновыхъ, или у той магазинщицы. Они все и вооружаютъ его; если онъ дольше еще у нихъ останется, то совсѣмъ меня бросить.

Я хотѣлъ было тотчасъ же ѣхать, но Лида меня остановила и просила остатокъ вечера провести у ней. Она боялась, что прїѣдетъ Курдюмовъ, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, прїѣзжалъ, но его, по общему нашему распоряженїю, не приняли.

XI.

На другой день, я чѣмъ-свѣтъ написалъ къ Леониду письмо и отправилъ его по городской почтѣ. Я подробно ему описалъ все, что случилось съ Лидіей Николаевной, мое свиданіе съ ней и порученіе, которое она мнѣ сдѣлала. Ивана Кузьмича я поѣхалъ отыскивать часу въ десятомъ. У Піоновыхъ его не было; я далъ ихъ лакею полтинникъ, чтобы вызвать на откровенность, и сталъ спрашивать; онъ мнѣ сказалъ, что Иванъ Кузьмичъ заѣзжалъ къ нимъ наканунѣ поутру и разговаривалъ очень долго съ господами, запершись въ кабинетъ, а потомъ уѣхалъ вмѣстѣ съ бариномъ, который возвратился домой уже утромъ и очень пьяный, а барыня чѣмъ-свѣтъ сегодня поѣхала къ Марѣ Виссаріоновнѣ.

Отъ Піоновыхъ я отправился въ магазинъ, о которомъ мнѣ нѣкогда говорилъ желтолицый поручикъ, и отыскалъ его очень скоро по вывѣскѣ, на которой было написано: «магазинъ лучихъ французскихъ цвѣтовъ, Анны Ивановой.» Я вошелъ по грязной лѣстницѣ и отворилъ дверь прямо въ большую комнату. Въ ней былъ шкафъ и столъ, за которымъ, впрочемъ, никто не работалъ. Маленъкая, запачканная дѣвочка меда полъ; у открытаго окна сидѣли двѣ, какъ я полагаю, старшія мастерицы, изъ которыхъ одна была худая и бѣлокурая, а другая толстая, маленькая, черноволосая и съ одутловатымъ лицомъ. При входѣ моемъ онѣ переглянулись и засмѣялись.

— Что вамъ надобно?—спросила бѣлокурая.

— Здѣсь мой хорошій знакомый Иванъ Кузьмичъ! Я желалъ бы его видѣть, — отвѣчалъ я.

— А вы чьи такіе? — спросила черноволосая.

— Я знакомый его, — повторялъ я.

— Да кто такіе! мы ихнихъ знакомыхъ очень хорошо знаемъ.

— Тебѣ что за безпокойство? Суешься не въ свое дѣло, — перебила ее бѣлокурая.

— Что мнѣ за безпокойство, такъ спрашиваю.

— Гдѣ я могу видѣть Ивана Кузьмича — отнесся я къ бѣлокурой.

— Онъ тамъ — вонъ въ этой комнатѣ... Матреша! — спросила она дѣвочку: — Иванъ Кузьмичъ всталъ?

— Всталъ-съ.

— Повзвать что-ли вамъ его?

— Нѣтъ, я самъ пойду, — отвѣчалъ я, и, боясь, что Иванъ Кузьмичъ ко мнѣ не выйдетъ, отворилъ дверь, въ которую бѣлокурая мнѣ показывала, и вошелъ.

— Онъ лежалъ на диванѣ, передъ нимъ стоялъ графинъ водки и морсъ. Комната была разгорожена ширмами, съ дверцами, которыя при моемъ появленіи захлопнулись. Увидѣвъ меня, Иванъ Кузьмичъ ужасно смѣшался, привсталъ, говорить ничего не могъ и весь дрожалъ. Онъ былъ очень истощенъ и бо- лѣзнію и, вѣроятно, недавнею попойкою. Я началъ прямо.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, Иванъ Кузьмичъ, отъ Лидіи Николаевны: она проситъ васъ возвратиться домой.

— Нѣтъ-съ, благодарю васъ покорно, не безпо-

койтесь, сдѣлайте одолженіе... я старъ — мной играть... я не игрушка. Домой мнѣ незачѣмъ ѣхать: я здѣсь живу... чтожь такое, я всѣмъ скажу, что здѣсь живу, я квартиру здѣсь нанимаю и кончено...

— Вы этимъ компрометируете Лидію Николаевну, неужели васъ совѣсть не упрекаетъ за нее?

Иванъ Кузьмичъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Вы сердитесь на нее и сами не знаете за что, продолжалъ я. Мнѣ все извѣстно: письмо Курдюмова никакъ не можетъ служить обвиненіемъ для Лидіи Николаевны. Ни одна въ мірѣ женщина не поручится, чтобы какой-нибудь господинъ не рѣшился ей написать подобнаго письма. Между вами или одно недоразумѣніе, или вы хотите только сдѣлать зло вашей женѣ,—и за что же наконецъ? Неужели за то, что она, въ продолженіе пяти лѣтъ, терпѣла всѣ ваши недостатки, скрывала ихъ отъ знакомыхъ, отъ родныхъ, а вы пустую записку обращаете ей въ преступленіе!

— Я не за то-съ, мнѣ это что... я не за это.

— Такъ за что же?

— Такъ, ничего-съ: мимо ѣхали,—отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ, выпилъ стаканъ водки и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Коли такъ больна и не любитъ меня, такъ зачѣмъ же замужъ выходила шла бы въ кого влюблена; а я вѣдь дуракъ... я ничего не понимаю,—говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собой.

— Она сначала васъ уважала, но послѣ вы сами ее вооружили противъ себя!—возразилъ я.

— Я вооружилъ, да-съ, я же виноватъ, коли мужъ къ женѣ, а она въ сторону... можетъ быть,

по вашему, образованному — ничего, очень хорошо, а мы люди простые. Что-жь такое? я прямо скажу, я мужчина, за неволю сдѣлаешь что-нибудь... У нихъ рюмку водки выпьешь, такъ сейчасъ и пьяница; ну пьяница, такъ пьяница, будь по-ихнему. Теперь меня всего обобрали... я нищій сталъ... у меня тутъ тридцать тысячъ серебромъ ухнуло, — ну и виноватъ, значить! Мы вѣдь, дураки, ничего не понимаемъ, учились на мѣдные деньги, въ университетахъ не были.

— Не совѣстно-ли вамъ, Иванъ Кузмичъ, говорить это? Не вы ли сами предложили, какъ доказательство любви вашей, уничтожить этотъ вексель!

— Я не корю. Дай имъ Богъ счастья, а мнѣ проживать на нихъ нечего, я все прожилъ.

Видя, что Иванъ Кузмичъ былъ такъ настроенъ противъ Лидіи Николаевны, что невозможно было ни оправдать ее предъ нимъ, ни возбудить въ немъ чувство состраданія къ ней, я рѣшился, по крайней мѣрѣ, поугатъ его и намекнулъ ему, что у ней есть родные — мать и братъ, которые не допустятъ его безславить несчастную жертву, но и то не подѣйствовало. Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Ничего я не боюсь; плевать я навсѣхъ хочу — что они мнѣ сдѣлаютъ?

Тѣмъ мое свиданіе и кончилось.

Я уѣхалъ.

«Нѣтъ, Лида не должна жить съ этимъ человекомъ. Онъ совсѣмъ потерялся, подумалъ я. Это еще и лучше, что онъ самъ ее оставилъ. Пусть она живетъ съ матерью; расскажу все Леониду и мы вмѣстѣ

какъ-нибудь это устроимъ. Больше всѣхъ я ожидалъ сопротивленія отъ самой Лиды: врядъ ли она на это рѣшится?

Я заѣхалъ къ ней, чтобы передать ей мало-успѣшность своей поѣздки и сообщить новое мое предположеніе на счетъ дальнѣйшей ея участи, но не засталъ ее дома: она была у матери, которая присылала за ней. Что-то тамъ происходитъ! Отъ Леонида не было никакого извѣстія. Возвратившись домой, я цѣлое утро провелъ въ раздумьѣ, ѣздилъ потомъ къ Бурдюмову, чтобы растолковать, какое зло принесъ онъ любимой имъ женщинѣ, и прямо просить его уѣхать изъ Москвы, заѣзжалъ къ Надинѣ растолковать ея ошибку, но обоихъ не засталъ дома, или меня не приняли, а между тѣмъ судьба готовила новый ударъ бѣдной Лидѣ.

Поздно вечеромъ, когда ужъ я улегся въ постель, вдругъ вошелъ ко мнѣ Леонидъ во фракъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Откуда это? спросилъ я его.

— Въ вокзалѣ былъ и пріѣхалъ къ вамъ ночевать.

— Очень радъ.

— Вы меня положите въ кабинетъ.

— Отчего же не въ спальнѣ — со мной?

— Такъ, я завтра рано уѣду.

Я предложилъ было ему ужинать, но онъ отказался и просилъ только дать ему вина.

— Мнѣ хочется сегодня хорошенько выспаться, отъ какого вина лучше спишь?

— Отъ всякаго крѣпкаго: хересу, портвейну.

— Дайте, какое у васъ есть.

Я велѣлъ подать ему хересу, онъ выпилъ цѣлый

стаканъ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало, поцѣловалъ меня, ушелъ въ кабинетъ, заперся тамъ и тотчасъ же погасилъ огонь.

Вообще онъ былъ какъ-то страненъ и чрезвычайно грустенъ. Объ Лидіи Николаевнѣ не сказалъ ни слова, какъ-будто бы не получалъ моего письма, а я не успѣлъ и не рѣшился заговорить объ ней. Мнѣ не спалось; изъ кабинета слышался легкій шумъ, я всталъ потихоньку и заглянулъ въ замочную скважину. Ночь была лунная, Леонидъ сидѣлъ у стола и что-то такое, кажется, писалъ въ потьмахъ карандашомъ.

XII.

Понять не могу, что такое дѣлается: Леонидъ, кажется, всю ночь не спалъ. Я самъ заснулъ почти наутрѣ, но когда проснулся, его ужъ не было у меня: въ шесть часовъ утра, какъ сказалъ мнѣ мой человекъ, за нимъ заѣзжалъ молодой человекъ въ каретѣ, въ которой они вмѣстѣ и уѣхали. Тяжелое предчувствіе сдавило мнѣ сердце. Я рѣшился, не теряя минуты, ѣхать къ Леониду въ Москву, ожидая или найти его дома, или узнать по крайней мѣрѣ тамъ, куда и зачѣмъ онъ могъ уѣхать. Проезжая Мясницкую, я услышалъ, что меня кто-то зоветъ по имени; я обернулся: это былъ человекъ Ваньковскихъ, который кричалъ мнѣ во все горло и махалъ фуражкой. Я остановился. Онъ подбѣжалъ.

— Что такое? — спросилъ я.

— Къ вамъ, сударь, бѣжалъ; у насъ несчастіе привелючилось: Леонидъ Николаичъ очень нездоровы.

— Какъ, чѣмъ нездоровъ?— спросилъ я, сажая его къ себѣ на пролетки и велѣвъ извозчику ѣхать какъ можно скорѣе.

— Сами не можемъ знать хорошенько; ночевать они дома не изволили, а сегодня наутрѣ привезли въ безпамятствѣ, всѣ въ крови; надобно полагать такъ, что изъ пистолета, видно, ранены.

«Только этого не доставало,» подумалъ я, и очень хорошо все понялъ. Вчера онъ получилъ мое письмо о Лидѣ, а сегодня у него была вѣрно дуэль съ Курдюмовымъ. И какъ мнѣ тупоумному было не догадаться еще вчера, что онъ замышляетъ что-то недоброе. Остановить его — я имѣлъ тысячу средствъ: я бы его не пустилъ, уговорилъ, наконецъ помирилъ бы ихъ.

— Куда онъ раненъ и опасно ли? — спросилъ я человѣка.

— Богъ ихъ, батюшка, знаетъ; слышалъ, что кровь-то одолѣваетъ, докторъ при нихъ, не знаемъ, что будетъ. Они, какъ немного поочувствовались, сейчасъ приказали, чтобъ за вами шли, я и побѣжалъ. Этакое на насъ Божеское посѣщеніе, — баринь-то какой! этакого, кажись, и не нажить другаго. Ну, какъ что случится, сохрани Богъ, старая барыня не снесетъ этого: кричитъ теперь какъ полоумная, на весь домъ.

Пріѣхавъ, я встрѣтилъ въ залѣ молодаго человѣка, товарища Леонида — нѣкоего Гарновскаго, котораго видѣлъ у него нѣсколько разъ и котораго, какъ я

замѣтилъ, онъ держалъ въ полномъ у себя подчиненіи. Я догадался, что это былъ секундантъ.

— Живъ ли? — спросилъ я его.

— Живъ еще-съ, — отвѣчалъ онъ.

— Не стыдно ли было вамъ участвовать въ подобномъ дѣлѣ, не предупредивъ ни родныхъ, ни меня, — сказалъ я ему.

— Что жъ мнѣ было дѣлать, онъ взялъ съ меня клятву; въ этаныхъ случаяхъ нельзя отказываться, — отвѣчалъ онъ со слезами на глазахъ.

— Очень можно. Это была не дуэль, а подлое убійство. Леонидъ во всю жизнь пистолета не бралъ въ руки; вы это знали, — такъ друзья не дѣлаютъ. Молодой человекъ заплакалъ.

Я прошелъ въ кабинетъ. Леонидъ лежалъ на своей кушеткѣ вверхъ лицомъ, уже блѣдный какъ мертвецъ, но въ памяти. Увидѣвъ меня, онъ улыбнулся.

— Здравствуйте! я васъ давно жду, — сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Я взялъ и незамѣтно пощупалъ пульсъ, который былъ неровень, но довольно еще силенъ. У изголовья стоялъ растерявшійся полковой медикъ, котораго пригласили изъ ближайшихъ казармъ. Я спросилъ его потихоньку о состояніи больного; онъ отвѣчалъ, что рана въ верхней части груди, пуля вышла, но кровотеченіе необыкновенно сильно, и врядъ ли не повреждена сонная артерія. Я просилъ его съѣздить къ университетскимъ врачамъ, чтобы составить консилиумъ. Изъ дальнихъ комнатъ слышались стоны и рыданія Марьи Виссаріоновны. Ее, по распоряженію врача, не пускали къ сыну.

— Сядьте около меня, — сказалъ Леонидъ, когда мы остались одни. Я сѣлъ.

— Я скрылъ отъ васъ мою продѣлку, — началъ, онъ слабымъ голосомъ: — вы бы мнѣ помѣшали... а мнѣ очень хотѣлось проучить этого негодяя... Не думалъ, что такъ кончится серьезно...

Я просилъ его не говорить и успокоиться.

— Ничего... часомъ раньше... часомъ позже... все равно... не послали ли Лидѣ сказать; я этого не хочу... не сказывайте ей дольше... какъ можно дольше... Вы не оставьте ее... я на васъ больше всѣхъ надѣюсь... мать тоже не оставьте... ой, за чѣмъ это она такъ громко рыдаетъ, мнѣ тошно и безъ того.

Я не состояніи былъ владѣть собой и заплакалъ.

— И вы туда же! стыдно быть такимъ малодушнымъ, — продолжалъ Леонидъ. — Теперь мать будетъ за меня проклинать Лиду; вразумите ее и растолкуйте, что та ни въ чемъ не виновата. Она вчера, говорятъ, такъ ее бранила, что ту полумертвую увезли домой. Тамъ въ моей шкатулкѣ найдете вы записку, въ которой я написалъ, чтобы Лидѣ отдали всю слѣдующую мнѣ часть изъ имѣнія; настойте, чтобы это было сдѣлано, а то она, пожалуй, безъ куска хлѣба останется. Ой! что-то хуже, слабъ очень становлюсь... попросите мать.

Я пошелъ къ Марьѣ Виссаріоновнѣ; она лежала на диванѣ, металась, рвала на себѣ волосы, платье; глаза у ней бѣгали, какъ у съумасшедшей, въ лицѣ были судороги. Около нея сидѣла Піонова, тоже вся въ слезахъ.

— Леонидъ Николаичъ васъ просить къ себѣ, — сказалъ я.

— Что, онъ умеръ?... умеръ?... — спросила Марья Виссаріоновна вскочивъ.

— Напротивъ, имъ лучше, они желаютъ только васъ видѣть

Она быстро пошла, Піонова послѣдовала за ней.

— Позвольте и мнѣ; мнѣ нельзя ее оставить въ такомъ положеніи, — отнеслась она ко мнѣ.

Я ей ничего не отвѣчалъ. Мы всѣ вмѣстѣ вошли въ кабинетъ. Марья Виссаріоновна бросилась было къ сыну на шею, но онъ ее тихо отвелъ.

— Нѣтъ, тутъ кровь, замараются, — сказалъ онъ.

— Кровь!... да, тутъ кровь, — проговорила она безумнымъ голосомъ и, упавъ къ нему на ноги, начала ихъ цѣловать.

На лицѣ Леонида изобразилась тоска.

— Марья Виссаріоновна! вы ихъ беспокоите, — сказалъ я, подходя къ ней.

— *Chère amie!* да вы садьте, — произнесла Піонова.

— Да... да... я ничего... я сяду, — отвѣчала она и сѣла.

Я и Піонова стали около нея; Леонидъ закрылъ глаза. Прошло около четверти часа убійственнаго молчанія, Марья Виссаріоновна рыдала потихоньку.

Вдругъ... во всю жизнь мою не забуду я этой сцены: умирающій открылъ глаза, двинулся всѣмъ корпусомъ, сѣлъ и началъ пристально глядѣть на мать. Выраженіе лица его было какое-то торжественно-спокойное.

— Не плачьте, а простите меня: я много противъ васъ виноватъ, — началъ онъ: — моею смертію васъ

Богъ наказываетъ за Лиду... вы погубили ее замужествомъ... За что?... Это нехорошо. Родители должны быть равны къ дѣтямъ.

Марья Виссаріоновна упала на руки Піоновой; въ лицѣ Леонида промелькнула какъ бы улыбка.

— Вы женщина умная, добрая, благородная; отецъ умирая просилъ васъ объ одномъ: не предаваться дружбѣ и любить всѣхъ дѣтей одинаково. Онъ хорошо зналъ ваши недостатки; вы ни того, ни другаго не исполнили.

Марья Виссаріоновна начала сильноѣ рыдать.

— Загладьте хоть теперь, — началъ опять Леонидъ, голосъ у него прерывался: — устройте Лиду... съ мужемъ ей нельзя жить, онъ ее замучить... отдайте ей все мое состояніе, я этого непременно хочу... А вы тоже оставьте ее въ покоѣ, отнесся онъ къ Піоновой: — будетъ вамъ ее преслѣдовать... Она вамъ ничего не сдѣлала... Матери тоже жениховъ не сватайте; ей поздно ужъ выходить замужъ.

Піонова обратила къ нему умоляющій взоръ; Леонидъ грустно покачалъ головой.

— Я все знаю, — продолжалъ онъ: — какъ вамъ покажется, — обратился онъ ко мнѣ: — Лизавета Николаевна сватала своего роднаго брата, онъ влюбленъ въ нее, въ пятидесяти-лѣтнюю женщину; влюбленъ! Какое дружеское ослѣпленіе!

Съ Марьей Виссаріоновной сдѣлался настоящій обморокъ, Піонова тоже опустила въ кресла. Леонидъ замолчалъ, легъ и обернулся къ стѣнѣ.

— Пора мнѣ и съ собой разсчитаться... 'Священника! — проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

Я позвалъ горничныхъ женщинъ и съ помощію ихъ

вынесъ безчувственную Марью Виссаріоновну; Піонову тоже вывели въ двой руки. Пришелъ священникъ, Леонидъ очень долго исповѣдывался, причастился, и ни слова ужь потомъ не говорилъ. Приѣхали медики, но было бесполезно: онъ умеръ.

Печальныя хлопоты о похоронахъ я принялъ на себя и пригласилъ въ нихъ участвовать Гарновскаго, который все сидѣлъ въ залѣ и обливался горькими слезами. Онъ мнѣ разсказалъ подробности дуэли: наканунѣ приѣхалъ къ нему Леонидъ и повезъ его съ собой въ вокзалъ; когда приѣхали, то Леонидъ все кого-то искалъ. Встрѣтившись съ Курдюмовымъ, онъ остановилъ того, и они вмѣстѣ ушли въ дальнія комнаты. Возвратившись, Леонидъ отвелъ Гарновскаго въ сторону и, предварительно обязавъ его клятвою не говорить того, что онъ ему откроетъ, сказалъ, что у него дуэль, и просилъ его быть секундантомъ; онъ согласился, и на другой день Леонидъ назначилъ ему захватить за нимъ ко мнѣ въ шесть часовъ утра. Когда приѣхали къ назначенному мѣсту, Курдюмовъ уже былъ тамъ. Онъ или боялся, или не желалъ дуэли: съ нимъ даже не было секунданта; онъ нѣсколько разъ просилъ у Леонида прощенія, но тотъ отвѣчалъ, что онъ обижень не лично и потому простить не можетъ. Когда противники были поставлены, то Курдюмовъ хотѣлъ выстрѣлить на воздухъ, но Леонидъ, замѣтивъ это, требовалъ, чтобы онъ стрѣлялъ какъ слѣдуетъ, а въ противномъ случаѣ обѣщалъ продолжать дуэль цѣлый день. Курдюмовъ повиновался, раздался выстрѣлъ, Леонидъ пошатнулся, самъ тоже выстрѣлилъ, но на воздухъ, и упалъ. Увидѣвъ, что онъ раненъ, Курдюмовъ бросился къ нему, высасывалъ у него

пулю, перевязывалъ рану и безпрестанно спрашивалъ, что онъ чувствуетъ? Когда безчувственнаго Леонида повезли домой, онъ просилъ позволенія проводить его и всю дорогу рыдалъ, какъ ребенокъ, и когда того привезли, онъ не вышелъ изъ экипажа и велѣлъ себя прямо везти къ коменданту.

«Да будетъ святая воля Бога,» подумалъ я. Какъ знать, что бы принесла Леониду жизнь, особенно если взять въ расчетъ его прекрасную, но все-таки странную натуру.

Я очень боялся за Лиду; мнѣ казалось, что ниспосланное ей испытаніе выше силъ ея. Приказаніе Леонида — скрыть отъ нея случившееся — не исполнили. Кто-то изъ людей отправился къ ней въ то же утро и все рассказалъ до малѣйшихъ подробностей; она пріѣхала, но Леонидъ лежалъ уже на столѣ. Тутъ только я увидѣлъ, какими огромными нравственными силами обладала эта, повидимому, слабая женщина. Какъ должна была огорчить ее смерть брата, котораго она страстно любила и который умеръ за нее, объ этомъ и говорить нечего; но она не рыдала, не рвалась, какъ Марья Виссаріоновна, а тихо и спокойно подошла и поцѣловала усопшаго; потомъ пошла было къ матери, но скоро возвратилась: та съ ней не хотѣла говорить.

Въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей, она не отходила отъ тѣла, провожала его въ церковь, выстояла всю службу, хотя, конечно, видѣла и понимала, что была предметомъ неприличнаго любопытства. Одни называли ее по имени, другіе указывали на нее, третьи рассказывали исторію дуэли, но никто ее не пожалѣлъ, никто въ ней не поучаствовалъ; за то

Марья Виссаріоновна, какъ говорится, насадила всѣхъ. Ее внесли рыдающую на креслахъ, за ней шла, тоже рыдая, Піонова, а при концѣ службы, съ ними обѣими сдѣлалось дурно. Я и Лида подошли первые и простились съ покойникомъ. Иванъ Кузьмичъ тоже явился на похороны истерзанный и больной; за панихидой онъ разрыдался, подошелъ потомъ къ Марьѣ Виссаріоновнѣ, утѣшалъ ее, а женѣ даже не поклонился и какъ-будто бы не замѣтилъ ее. Онъ, какъ мнѣ сказывали, отобралъ отъ нея всѣ вещи, экипажи, людей, и Лида осталась съ одной своей горничной Аннушкой.

Курдюмовъ содержится на гауптвахтѣ и очень, говорятъ, тоскуетъ. Все это передалъ мнѣ Гарновскій, который неимовѣрно ласкается ко мнѣ и каждый почти день бываетъ у меня. Онъ, кажется, очень боится, чтобы ему не досталось чего-нибудь за дуэль.

XIII.

Иванъ Кузьмичъ доконалъ себя. Вскорѣ послѣ смерти Леонида, онъ тяжело заболѣлъ и сошелся съ женою. Лида все ему простила и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ была его сидѣлкой, въ полномъ значеніи этого слова. Старикъ докторъ не ошибся: водяная дѣйствовала быстро. Грустно и отрадно было его видѣть въ этотъ предсмертный періодъ жизни: разумъ его просвѣтлѣлъ, самосознаніе и чувство совѣсти къ нему, возвратились; онъ оцѣнилъ наконецъ достоинства Лиды и привязался ей, какъ малый ребенокъ, никуда ее не отпускалъ отъ себя, цѣловалъ у нея безпрестанно руки и все просилъ прощенія за прошедшую жизнь. Піоновыхъ

рѣшительно не хотѣлъ видѣть; они прїѣзжали нѣсколько разъ, и какъ Лида ни просила, чтобы принять ихъ, хоть для приличія, онъ не соглашался; родныхъ своихъ также не велѣлъ пускать, да они и сами не прїѣзжали, за исключеніемъ Надины, которая была одинъ разъ и съ которой онъ ни слова не сказалъ; за то Анна Ивановна ѣздила каждый день, но ее, ужь по приказанію Лиды, тоже не пускали. Впрочемъ, она разъ сказала объ ея посѣщеніи Ивану Кузьмичу, онъ вдругъ закричалъ: «вонъ ее, вонъ!» Говорятъ, онъ далъ ей значительный вексель, который она и подала ко взысканію. Умеръ онъ тихо. Лидія Николаевна осталась рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни и даже во время его болѣзни она жила только тѣмъ, что продавала кой-какія свои брилліантовыя вещи. Марья Виссаріоновна не только не обезпечила, по завѣщанію Леонида, дочери, не смотря на всѣ мои настоянія, но даже не принимала ее и называла ее при всѣхъ убійцею сына. Отъ меня Лида тщательно скрывала свою бѣдность, но я зналъ, что она начала жить только своей работой, и потому подсылалъ къ ней различныхъ торговокъ и закупалъ все по возможно дорогой цѣнѣ.

Однажды, это было мѣсяцевъ шесть спустя послѣ смерти Ивана Кузьмича, я познакомился съ однимъ довольно богатымъ домомъ. Меня пригласили между прочимъ бывать по субботамъ вечеромъ; въ одну изъ нихъ я поѣхалъ и когда вошелъ въ гостиную, тамъ сидѣло небольшое общество: старикъ серьезной наружности, мужъ хозяйки — огромнаго роста блондинъ, дама-старуха въ очкахъ, дама очень молоденькая и наконецъ сама хозяйка. Между этими лицами шелъ довольно

оживленный разговоръ. Я сѣлъ и началъ прислушиваться.

— Миѣ очень жаль, очень жаль Курдюмова, — говорилъ старикъ: — человекъ онъ умный, образованный, хорошаго круга, влюбился въ эту интригантку, выдержалъ за нее дуэль и наконецъ погубилъ себя теперь такимъ образомъ.

— Ее мать съ малолѣтства боялась, съ малолѣтства видѣла въ ней дурныя наклонности; эта женщина, какъ я слышу объ ней, совершенная Лафаржъ, — говорила отрывисто старуха въ очкахъ.

— Я безъ грусти не могу вообразить ея брата. Говорятъ, еще очень молоденькій мальчикъ и умереть въ такія лѣта, это ужасно! Какъ должна ее самое мучить совѣсть! Я удивляюсь, какъ она до сихъ поръ еще жива, — вмѣшалась молоденькая дама и покраснѣла отъ неувѣренности, не сказала ли чего-нибудь глупаго.

— О! ей ничего: подобнымъ женщинамъ ничего не бываетъ. Скажите лучше, какъ мать жива! вотъ этой несчастной жертвѣ я удивляюсь, — возразила старуха.

— Очень хорошо тутъ дурачили эту старую дѣву, сестру мужа, — сказалъ хозяинъ: — они ее увѣрили что Курдюмовъ влюбленъ въ нее. Я тогда жилъ въ Сокольникахъ и очень хорошо помню, что о ней кто-то сказалъ: «это громовой отводъ или новое средство скрывать любовь».

Старикъ пожалъ плечами.

— Одно, что можетъ ее извинить, что она вышла за человека, котораго не любила. Будь она къ нему привязана, такъ на многое бы не рѣшилась, — замѣтила хозяйка и взглянула съ нѣжностію на мужа, который отвѣчалъ ей улыбкою.

— Ничто не можетъ служить ей оправданіемъ, — началъ старикъ диктаторскимъ голосомъ. — Она дурная дочь, какъ говорила Алена Александровна. Она вышла замужь точно за дряннаго человѣка, я его знаю, онъ у меня служилъ подъ начальствомъ, но это ее нисколько не оправдываетъ, а напротивъ еще хуже рекомендуетъ ее сердце. Для чего она это дѣлала? Или по расчету, или по нестерпимому желанію выдти за кого-нибудь и наконецъ, ужъ если вышла, такъ должна была исправить недостатки мужа, а не доводить его до того, что онъ съ кругу спился и померъ отъ того; потомъ она завлекла молодаго человѣка, отторгнула его совершенно отъ общества, — послѣднее время его нигдѣ не было видно, — и, чтобы скрыть свою интригу, сдѣлала изъ родной сестры своего мужа, какъ говоритъ Алексѣй Ивановичъ, громовой отводъ, или средство скрывать любовь. Поведеніемъ своимъ была причиной смерти брата и въ заключеніе всего вошла въ связь съ какимъ-то еще господиномъ, который у ней бываетъ каждодневно, чтобъ не сказать больше. Неужели послѣ всего этого можно оправдать ее?

Въ продолженіе этихъ словъ старуха кивала утвердительно головой, да и прочіе, кажется, всѣ, — безусловно соглашались. Я не вытерпѣлъ.

— Исторію объ этой дамѣ рассказываютъ совсѣмъ не такъ, какъ она была, — началъ я въ тонѣ же старика, вставая: — она точно вышла не по любви, но по усиленнымъ настояніямъ матерп. Мужъ ея несчастному пороку пьянства былъ преданъ еще холостой, остановить его не было никакой возможности. Курдюмовъ въ отношеніи ея былъ только навязчивый искатель. Сестру мужа ей и въ голову не приходило дѣлать умыш-

ленно громовымъ отводомъ, но та сама влюбилась въ Курдюмова. Съ господиномъ, который бываетъ у ней ежедневно, существуютъ только самыя святыя, чистыя, дружественныя отношенія: это я могу утвердительно сказать, потому что господинъ этотъ я самъ.

Всѣ сконфузились, старикъ нахмурился, я скоро уѣхалъ.

Надобно сказать, что у меня съ Лидой въ послѣднее время были какія-то неопредѣленные отношенія. Что я любилъ ее, что я желалъ сдѣлаться ея мужемъ, въ этомъ конечно нечего было и сомнѣваться, но не рѣшался еще, будучи съ одной стороны не увѣренъ любить ли она меня, а съ другой — боясь оскорбить въ ней чувство горести о потерѣ брата и мужа. Въздигъ къ ней я дѣйствительно очень часто, она была рада моимъ посѣщеніямъ, и отчасти стѣснялась ими. Послѣдній случай окончательно утвердилъ меня въ моемъ намѣреніи. Лида одна, оставлена всѣми, безъ денегъ, порицаемая общественнымъ мнѣніемъ: медлить нечего, что будетъ — то будетъ, подумалъ я и написалъ ей письмо, въ которомъ признался ей въ любви, откровенно высказалъ ей, какииъ образомъ толкуютъ наши отношенія, и молилъ ее согласиться быть моею женою; въ противномъ случаѣ мы должны разстаться, чего, увѣренъ, и она не желаетъ.

Лида не отвѣчала мнѣ цѣлые два дня; нетерпѣніе меня мучило. Я самъ было хотѣлъ ѣхать къ ней, но мнѣ принесли отъ нея письмо. Передаю его въ подлинникѣ:

«Прости меня, я такъ долго не отвѣчала на твое письмо, мой добрый и единственный другъ, позволь мнѣ назвать тебя этимъ именемъ хоть за дружбу къ тебѣ моего безцѣннаго Леонида. Ты пишешь, что лю-

бишь меня давно. Я давно это знаю, но у меня не достало присутствія духа сказать тебѣ, просить тебя, чтобы ты не любишь меня; видишь, какая я кокетка и какая коварная! Ты возмутился за обвиненія, которыми караютъ меня въ обществѣ, но какъ ты ошибался, писавши эти строки,—это общество гораздо лучше меня знаетъ, чѣмъ ты: развѣ я такъ любила мужа, какъ должно? развѣ я, видѣвши безразсудство Надины, предостерегла ее? а братъ, бѣдный мой братъ! развѣ не за меня онъ померъ и развѣ Курдюмовъ... Я все тебя, мой другъ, обманывала объ немъ... Я любила его... Я принадлежала ему всѣмъ сердцемъ всей душой моей... Я для него забыла Бога, совѣсть, — видишь, какая я падшая женщина,—и только твое строгое присутствіе и тѣнь брата, ставшая между нами, дала мнѣ и теперь силу отторгнуться отъ этого человѣка. Быть женой твоей я не *хочу* и не *могу*: я не достойна того! Мать меня простила и позволила быть при ней. Она больна. Я буду за ней ходить и приведи Богъ, хоть этимъ искупить мои проступки.»

Лида сама произнесла надъ собой приговоръ; но въ самомъ дѣлѣ: *виновата ли она.*

1855 года,
января 3-го

ОГЛАВЛЕНИЕ-ГО III ТОМА.

	стр.
Комикъ. Разсказъ.	
I — IX.	1 — 109
Питерщикъ. Разсказъ.	
I — III.	110 — 155
Батмановъ. (Очерки весьма неприятной для высшего О—го общества зимы.)	
I — IX.	156 — 289
Льшій. Разсказъ исправника.	
I — IV.	290 — 353
Фавфаронъ. Разсказъ исправника.	
I — III.	354 — 439
Виновата ли она? Записки.	
I — XIII.	440 — 558

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.186/3